84(4Рос)
М14

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
::: ::: ::: ::: ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **П. В. БЫКОВА** ::: ::: ::: :::

Находящий №

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПЕРЕВІРЕНО
2005
ПЕРЕВІРЕНО

ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЭМЫ.

I.

ДВА МІРА.

ТРАГЕДІЯ.

По поводу трагедіи „Два міра“ считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Давно, еще въ моей юности, меня поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ расцвѣтѣ началъ, лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее въ поэмѣ *Олинѳъ и Эсвиръ*. Затѣмъ слѣдовала поэма *Три смерти*, вторая часть которой, именно встрѣча съ христіанами, такъ и осталась недописанною. Въ 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ *Смерть Люція*. Далѣе однако, углубляясь въ изученіе того и другого міра, я чувствовалъ всю недостаточность, всю внѣшность чертъ, какими характеризовалъ ту и другую сторону въ моихъ опытахъ, и къ 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. Въ *Смерти Люція* героемъ, представителемъ греко-римскаго міра, у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреецъ остался далеко назади предъ этимъ образомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Децімомъ, чтобъ порвать всякое отношеніе къ эпикурейцу, я сосредоточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества временъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться его фигура. Здѣсь я уже сдѣлалъ все, что могъ, въ изображеніи языческаго міра. Но понять христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ. Какое-то внутреннее неудовлетвореніе чувство не давало мнѣ успокоиться, и я не пропускалъ ничего, что могло познакомить меня ближе съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное, почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоитъ Св. Евангеліе. Такъ мало-по-малу безъ вѣдома для меня самого, съ какою цѣлью я это дѣлаю, у меня накопился матеріалъ, позволившій мнѣ теперь выполнить вполнѣ мою первоначальную идею и даже по тому плану, какой былъ составленъ до 1872 года. Планъ этотъ слѣдующій. Поэма должна состоять изъ трехъ частей (или актовъ). Первая часть—изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить преддверіемъ къ христіанскому міру, а другая—къ языческому. Обѣ сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести насъ

въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ, въ катакомбахъ. Она-то мнѣ и не давалась и является только теперь. Третья часть—пиръ Деція, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ въ трагедіи, какъ она появляется нынѣ, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся передѣлана, а заключительная сцена третьей части значительно измѣнена.

Можетъ-быть, многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но, видно, я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да „по мѣрѣ силъ"...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На одномъ изъ холмовъ Рима входныя ворота въ палаты Деція, знатнаго римскаго патриція временъ Нерона. По обѣимъ сторонамъ вороть на цѣпи по рабу: старецъ Іовъ и молодой человѣкъ Дакъ. Іовъ въ забытьѣ, прислонясь къ стѣнѣ. Къ Даку подходитъ его однолѣтокъ Гетъ. Усѣвшись во всѣ стороны, онъ садится рядомъ съ Дакомъ. Весь разговоръ ихъ полушопотомъ, настроеніе ихъ таинственное.

Гетъ. Что, старецъ дремлетъ?
Дакъ. Тс! Молчи!
Какъ будто задремалъ немного,
А можетъ-быть, и нѣтъ. Въ ночи
Съ нимъ было чудо: видѣлъ Бога.
Гетъ. Какъ видѣлъ Бога?
Дакъ. Говорилъ
Онъ—какъ, да слабъ ужъ очень былъ,
Невнятно. Часъ, пожалуй, цѣлый
Лежалъ онъ словно помертвѣлый.
Такъ страшно было! Я будилъ,
Не слышитъ.
Гетъ. Бога видѣлъ!
А впрочемъ, если ужъ кому
И видѣть Бога, такъ ему!
Ну, есть ли кто, кого бъ обидѣлъ
Хоть словомъ онъ?.. Вотъ за кого
Я бъ душу отдалъ—понимаешь,
Такъ, чтобъ въ мученьяхъ!..
Дакъ. А ты знаешь,
У цѣпи онъ изъ-за чего?

Гетъ. Нѣтъ.

Дакъ. Видишь, прежде онъ въ почетѣ
Былъ въ домѣ. Ни къ какой работѣ
Не понуждали. Господинъ
Съ нимъ разговаривалъ. Одинъ
Вотъ этотъ Давусъ ненавидѣлъ,
И разъ сталъ бить его. У насъ
Былъ мальчикъ; это онъ увидѣлъ,
Да хвать за ножъ, и тутъ какъ разъ
Конецъ бы Давусу, да кто же
Его, какъ думаешь ты, спасъ?
Самъ старецъ Іовъ.

Гетъ. Боже! Боже!

Дакъ. Да, ухватилъ и удержалъ.
А Давусъ: „Это,—закричалъ,—
Твои дѣла! ты ихъ сбираешь,
Ты ихъ мутишь и развращаешь,
Да у меня коротокъ судъ".
Ну, мальчика къ муренамъ въ прудъ,
А старца къ цѣпи!

Гетъ *(подумавъ)*. А кто знаетъ?
Вѣдь мальчикъ-то теперь въ раю!
Все жъ душу положилъ свою
За ближняго!.. Вотъ что бываетъ
Со мною: будто у меня
Есть врагъ; и я иль изъ огня,
Иль изъ воды его спасаю,
И на меня дивится онъ.
И вотъ ему я объясняю,
Что ужъ таковъ Христовъ законъ:
„Люби врага"... И такъ все живо,
И говорю, и самъ горю,
И даже плачу. . . . . .
(Молчаніе).

Дакъ. А ты во снѣ видаешь домъ?

Гетъ. Ужъ рѣдко.

Дакъ. Ну, а я видаю.
У насъ крутой былъ спускъ къ Дунаю,
А противъ поле, и на немъ
Становятъ станы: все кругомъ,
Все вѣжи... шумъ такой и ржанье...
Тутъ какъ-то снилось, что пришли
Съ войны и плѣнныхъ привели,
И ихъ готовятъ на закланье

Богамъ. И началъ я просить,
Чтобъ ихъ не трогали; хулить
Сталъ цдоловъ, и—закричали
И на меня всѣ разомъ—взяли
И тащутъ, и хотятъ убить,
А я-то все за нихъ молюся...
И старецъ Іовъ вдругъ ужъ тутъ
Явился...

(Слышно хлопанье бича. Гетъ вскакиваетъ и смотритъ съ горы; возвратясь впопыхахъ)

Гетъ. Давуса несутъ...
Бѣгомъ да къ гору!

(Толкаетъ Іова).

Старче!
Проснися! Давусъ!..

(Убѣгаетъ).

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ передъ воротами. Какъ остановились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ, остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ вылѣзаетъ толстый дворецкій Децiевъ, Давусъ.

Давусъ *(расправляя руку, держащую плеть)*.
Мерзавцы! Ломитъ вѣдь плечо!
Сегодня умирать изволитъ
Ихъ господинъ, а имъ еще
Прибавить шагу трудно!..

(Смотритъ на упавшихъ).

Пали
Собаки! слабосильны стали!

(Ударяя Дака плетью)

Ты что глазѣешь? Отворяй!

(Къ носильщикамъ, увидавъ, что они хотятъ поднять упавшихъ)

Да бросьте: мало ихъ!.. Ступай
Вы всѣ впередъ бѣгомъ! стучите
Въ большую доску десять разъ;
Потомъ чуть-чуть повремените,
Опять ударить десять разъ!
Пиръ на весь Римъ!.. Ну, что стоите!

(Рабы бѣгутъ; Давусъ имъ вслѣдъ)

Чтобъ вылѣзали всѣ изъ норъ!
Бѣжали бъ къ дѣлу всѣ, весь дворъ,
Чтобъ всѣ одѣты, чисты были!..

Чего не позабылъ ли?.. Ну,
Не въ первый разъ! Римъ покормили
Въ свой вѣкъ, и кесари хвалили!
Хоръ, танцы; этимъ я начну.
Цвѣты ко всякимъ перемѣнамъ,
Бой гладіаторовъ—финалъ! *(Оглядывался на рабовъ)*
Лишъ бы изъ нихъ кто не сплошалъ...
Да у меня тотчасъ къ муренамъ!
Не знаю все, что̀ мой народъ?
Ужъ смирны очень, терпѣливы...
Нѣтъ воровства совсѣмъ!.. Идетъ
Все въ струнку... Только молчаливы
И что-то шепчутся... И къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...
Охъ, на волканѣ мы стоимъ!
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!
(Уходитъ въ ворота).

Дакъ *(затворивъ двери, къ упавшимъ).*
Сс!.. Азіатикъ! Буривой!
Не слышатъ...

Входитъ Лида, молодая женщина, въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо; за нею нѣсколько человѣкъ христіанъ.

Лида *(увидя трупы).* Это кто?.. Кровь льется...
Несите внизъ туда къ больнымъ.
(Нѣсколько человѣкъ уносятъ тѣла).

Дакъ. Надорвались!.. Не жить ужъ имъ!..
Жаль Буривоя... Вмѣстѣ взяли
И привели насъ...

Іовъ *(съ тихою скорбью; вообще рѣчь его кроткая).*
Отстрадали
Свой вѣкъ и къ Господу предстали,
И предъ Его теперь лицомъ...
Святую кротость ихъ помянетъ
Всевышній на судѣ Своемъ!

Дакъ. И вотъ же, въ эту жъ ночь предстанетъ
И господинъ туда, и тамъ
Ихъ встрѣтитъ... Здѣсь собой надменный,
Великій, недоступный намъ,
А тамъ изъ огненной геенны
Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,
Къ своимъ рабамъ!..

Іовъ. Не упреждай
Господень судъ!

Лида. О господинѣ
Ты что̀ сказалъ?
Дакъ. А хочетъ нынѣ
Онъ умирать...
Лида. Онъ боленъ?
Дакъ. Нѣтъ.
Сказалъ тутъ Давусъ—умираетъ
Сегодня...
Лида *(про себя)*. Боже! И его
Я не спасу!..
Дакъ. Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ тревогѣ...
Лида. Децій умираетъ!
Онъ, Децій! Да вѣдь въ немъ весь Римъ,
Въ вѣкахъ держащійся корнями,
И сдвинуть слабыми руками
Мнѣ, женщинѣ?.. О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Безумная! А ты обѣтъ
Себѣ давала... *(Къ Іову)* Отче, можетъ
Повѣрить онъ?
Іовъ. Чего не можетъ
Господь? Велитъ Онъ, и гора
Подвигнется...
Лида. Вѣдь онъ добра,
Онъ истины искалъ...
Іовъ. Помилуй
Всѣхъ, Господи! Всѣмъ даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, гдѣ день, гдѣ ночь!
Лида. Къ тебѣ я, отче; вотъ въ чемъ дѣло:
Поручено мнѣ отъ Марцелла
Сказать, что выйдетъ, можетъ-быть,
Декретъ сегодня жъ, объявить,
Чтобъ завтра утромъ мы явились
Къ властямъ, какъ Богу, поклонились
Статуѣ кесаря, а нѣтъ—
То смерть. Чтобъ обсудить рѣшенье,
Всѣхъ въ катакомбы на совѣтъ
Зоветъ Марцеллъ.
Дакъ *(восторженно къ Іову)*. Твое видѣнье!..
Лида. Предложатъ каждому одинъ
Вопросъ: ты кто? христіанинъ?
Отвѣтишь—да, и отбираютъ,

Къ звѣрямъ ль въ пламя назначаютъ,
И тутъ же всѣхъ пытать тотчасъ,
Чтобъ въ мукахъ вырвать подтвержденье
Всего, что̀ взводится на насъ.

Дакъ. Вотъ ангеловъ зачѣмъ видѣнье!

Лида *(къ Іову)*. О чемъ онъ, отче, говоритъ?

Дакъ *(живо, указывая на Іова)*. Сегодня ночью откровенье
Имѣлъ онъ свыше!..

Іовъ. Смыслъ сокрытъ
Видѣній... Врядъ ли подобаетъ
Объ этихъ тайнахъ говорить...
Хотя и то же можетъ быть:
Господь въ видѣньи возвѣщаетъ
Свою намъ волю...
Да! Со мной
Свершилось нынѣ то, что даже
Я и теперь, какъ самъ не свой...
Сидѣлъ я здѣсь, и надъ собой
(А время шло къ четвертой стражѣ)
Вдругъ слышу голосъ: „встань“; и вдругъ
Какъ будто что̀ меня подняло
На высоту, и только духъ,
А тѣло на землѣ лежало,
Что̀ риза снятая—его
Я видѣлъ: блѣдно и мертво,
И безъ движенья... Подивился
Я самъ въ себѣ и взоръ возвелъ
На небо, и какъ бы раскрылся
Тамъ облакъ... Вижу я: престолъ
И Нѣкто былъ, на немъ Сидящій,
И свѣтъ великій вкругъ Него,
Какъ бы отъ солнца исходящій
Въ пространство отъ лица Его;
И словно въ радужномъ туманѣ,
Съ блистаніемъ мечей и латъ,
Полки несмѣтные ко брани
Готовые кругомъ стоятъ;
И съ распростертыми крылами,
Внизу, на воздухѣ предъ Нимъ
Все были ангелы съ мечами
Въ рукахъ... И говоритъ Онъ имъ:
„Которые не поклонились
Кумирамъ идольскимъ, ни мукъ
Ни смерти злой не устрашились, —

Блюдите души ихъ...“ И вдругъ,
Вспумѣвъ крылами, обернулся
Къ землѣ сонмъ ангельскій, и внизъ
Они въ пространство понеслись...
Я поглядѣть на нихъ нагнулся,
Но облакъ быстро запахнулся,
И скрылось все... Темно кругомъ.
И такъ мнѣ тяжко, страшно стало!
И я глаза открылъ съ трудомъ,
И все, какъ прежде: портикъ, домъ,
И цѣпь, все тутъ... Чуть-чуть свѣтало...

Одинъ старикъ *(благоговѣйно)*.

Господь ужъ это... по дѣламъ
Твоимъ... восхитилъ къ небесамъ
Твой духъ... Быть-можетъ, упреждаетъ
Черезъ тебя, что Самъ идетъ
Судить, и знаменье даетъ...

Іовъ. Когда Господь придетъ, не знаетъ
Никто!.. И міръ его узритъ
Внезапно во мгновенье ока,
Какъ молнія блеснетъ съ Востока
И разомъ небо озаритъ
До края запада...

Лида. ...Теперь, отецъ, прости,
Иду къ другимъ.

Іовъ. Всѣмъ повѣсти!

Дакъ *(ей вслѣдъ)*. Ужъ завтра встрѣтимся, быть-можетъ,
При гласахъ трубныхъ... день суда!

Лида *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается)*.

Сердца ихъ радуются... Да!
Но душу мнѣ еще тревожитъ
Обѣтъ, не совершенный мной...
(Оглядываясь на дворецъ Деція)
О, Деній, Деній... Боже мой!
Ужель и въ мигъ, когда надъ бездной
Теперь стоитъ онъ, Ты ему
Не бросишь лучъ Свой съ тверди звѣздной
Во всю имъ пройденную тьму!..

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. Децій, богатый римскій патрицій, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный клiентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабовъ. Ювеналъ, молодой человѣкъ, заглянувъ въ комнату, поспѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЪ. Ахъ, Децій! на одно мгновенье!

(По знаку Децiя клiенты и рабы удаляются).

Ужели правда?

ДЕЦІЙ. Жаль одно!
Задумалъ я уже давно,
Да отлагалъ все исполненье
И кесарю доставилъ честь
Напомнить! Вотъ что̀ мнѣ обидно!
Я знаю, сто̀итъ произнесть
Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный
И назвался ко мнѣ свинухъ
Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ
И ластится, какъ нѣжный другъ,
На всѣ лады мнѣ намекаетъ:
Скажи, молъ, слово, и тотчасъ
Все позабыто! Но ужъ насъ
Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ. Ужель вся буря оттого,
Что декламацiей его
Ты не былъ тронутъ?

ДЕЦІЙ. Какъ кто взглянетъ!
Ему на чтенья три лица
Своимъ присутствiемъ ужъ въ залѣ—
Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
И крикнулъ онъ: „Три мертвеца!“,
И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
Что̀ жъ? Слово кесаря—законъ!
Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
На пиръ все пригласилъ собранье...
Но тотчасъ спохватился онъ:
Отъ казней, отъ убiйствъ и пытокъ
Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
Вездѣ читаются слова
Предсмертныя Сенеки: шопотъ
Еще идетъ, какъ умиралъ
Пизонъ и Люцiй, даже ропотъ
Въ преторiанцахъ пробѣжалъ,—

И къ намъ клеврета за клевретомъ
Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
Тѣ извинились; *мы* молчимъ...
Весь анекдотъ, пожалуй, въ этомъ.

Ювеналъ. Въ какое время мы живемъ!..
И жизнь и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!

Децій *(равнодушно, полушутливо).*
Что̀ значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
Самъ по себѣ что̀ значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... *(Вдругъ одушевляясь)* Но для насъ,
Для старыхъ римлянъ, для фамилій,
Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ,—ужъ то нейдетъ
Сравненье!.. Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы
И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
Куда хотятъ, вѣсы судьбы...
Отъ этой сволочи презрѣнной
Мы устранились и смиренно
Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
Глядимъ извнѣ, какъ чужестранцы,
Или какъ трезвые спартанцы
На перепившихся рабовъ...
Мы ждемъ, и наша вся забота
Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты кесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,
Грозящимъ призракомъ Катона,—
А этотъ призракъ всякій разъ
Встаетъ, во всѣ дома стучится.

Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!
Ювеналъ. Самоубійство, мечъ, отрава!
И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
Теперь величіе и слава!
Что жъ съ бѣдной музою своей
Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?.. Не знаешь,
На чемъ стоишь! Почти теряешь
Ужъ и понятіе о томъ,
Что называть добромъ и зломъ!
Децій. Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!..
У дикихъ скиѳовъ и тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры:
Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ
И пьютъ меды, а посрединѣ
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ,
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ —
Пѣвецъ, иль слушатели сами?
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ—
Все,—даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся,—тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ. Все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что толпа ему давала...
А вы? Куда васъ повлекутъ,
И что вамъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли вамъ укажутъ
И въ ваши пѣсни что вольютъ?
Ювеналъ. И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жъ пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!..

О, Децій, нѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я почти не вѣрю въ Римъ!

Децій. Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣритъ
Не можетъ въ Римъ!.. Аѳины? Въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ македонцѣ
Протекъ между племенъ земныхъ,
Съ мечомъ неся рѣзецъ и лиру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ: міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
Находятъ временныя тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ—съ трона свѣтъ польется,
И будетъ кесаревъ законъ
Закономъ разума. Вернется
Златой, быть-можетъ, вѣкъ. Твой даръ—
Сатира. Помни жъ, что сатира—
Дочь разума. Ея ударъ
Разитъ передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко!
Стрѣла тогда лишь бьетъ далёко,
Когда здорова тетива!
Вотъ что тебѣ я на прощанье
Сказать могу!..

(По знаку Деція рабы и клієнты къ нему подходятъ и надѣваютъ на него верхнюю тогу).

Ювеналъ *(въ раздумьи).*
...Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

Большая зала въ катакомбахъ. Направо, налѣво внутренніе подземные входы. При нихъ лампады. По стѣнамъ нѣсколько нишъ для гробницъ и надъ ними надписи. Въ глубинѣ сцены вырубленная въ скалѣ лѣстница. На поворотѣ этой лѣстницы, въ половину ея высоты, сидитъ Дидима, дѣвочка слѣпая; тутъ же свѣтильникъ и свѣчки. Въ глубинѣ сцены, около стѣны, гдѣ лѣстница, значительная группа разныхъ лицъ, странниковъ и преимущественно рабовъ, слушающихъ Іова.

Дидима *(заслыша шаги приближающихся двоихъ, нараспѣвъ)*. Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

Одинъ изъ проходящихъ. Мы къ старцу Іову... Господь
Съ тобой, Дидима!

Дидима. Съ вами тоже!

(Они сходятъ съ лѣстницы и присоединяются къ слушателямъ).

Дѣвочка *(сама съ собою, нараспѣвъ)*.
Мнѣ онъ не надобенъ,
Свѣточъ земной!
Все озаряетъ мнѣ
Свѣта небеснаго
Искорка малая
Въ сердцѣ моемъ...

Одинъ изъ группы слушающихъ Іова.
А послѣ женщинъ Онъ потомъ
Ученикамъ явился днемъ?

Іовъ. Да, ввечеру. Какъ прибѣжали
Къ ученикамъ онѣ, сказали,
Что видѣли, тѣ все почли
За ихъ мечтанье. Съ этимъ двое,
Клеопа и Лука, пошли
Въ Эммаусъ. Мѣсто тамъ пустое
Дорогой. Шли они одни—
Вдругъ между нихъ явился Третій
И ихъ спросилъ: о чемъ они
Печалятся и плачутъ? Эти
Дивятся: какъ же это Онъ
Не знаетъ, бывъ въ Іерусалимѣ,
Что тамъ Іисусъ пророкъ казненъ!
Онъ рѣчь повелъ объ этомъ съ ними,
И слушать сладко было имъ,

И на слова Его горѣло
Ихъ сердце. Между тѣмъ стемнѣло.
Подходятъ къ дому. Дольше съ Нимъ
Побыть имъ хочется, и просятъ,
Чтобъ съ ними въ домъ и Онъ вошелъ.
Зажгли свѣтильникъ. Хлѣбъ приносятъ,
Вино. И, взявши хлѣбъ, возвелъ
Горѣ Онъ очи, преломляя
Его съ благословеньемъ: въ мигъ
Какъ бы открылись очи ихъ,
И оба вдругъ они признали,
Что это Самъ Онъ съ ними шелъ
И говорилъ, возлегъ за столъ,
И дѣлалъ такъ все, какъ видали
Онъ дѣлалъ, и взыгралъ ихъ духъ,—
„Равви", хотѣли ужъ воскликнуть
И броситься къ Нему, какъ вдругъ,
Глядятъ, Онъ сталъ невидимъ...

Слѣпая *(у себя наверху)*. Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!
(Двое молодыхъ людей, Главкъ и Эвменъ, подходятъ къ ней, берутъ свѣчи).

Эвменъ *(спускаясь съ лѣстницы)*.
Отсюда безъ огня ужъ намъ
Нельзя итти.

Главкъ *(указывая на дѣвочку)*. Она слѣпая?

Эвменъ. Слѣпая; но по всѣмъ путямъ,
Свои примѣты наблюдая,
И здѣсь и въ городѣ пройдетъ
Вездѣ одна...

Главкъ. И раздастъ
Намъ, зрячимъ, свѣтъ!

Эвменъ *(приближаясь къ авансценѣ)*. Да, но простая
Одна случайность... Видишь, тутъ
У насъ для стариковъ пріютъ
Ихъ первый отдыхъ. Издалёка
Приходятъ: съ запада, съ востока,
Изъ Африки. Отъ всѣхъ церквей
Приносятъ вѣсти, край отъ края,
Со всей земли. Вокругъ гостей
Всегда бесѣда.

Главкъ. Тутъ слѣпая,
Свѣтъ раздающая!.. Въ цѣпяхъ

У входа старецъ—руки, плечи
Изъязвлены, а въ небесахъ
Витаетъ духъ и на устахъ
Любви исполненныя рѣчи.
Все это точно чудный сонъ!

Эвменъ. Тотъ старецъ? Оглянись, вотъ онъ!
Какъ люди кончатъ трудъ, съ тяжелой
Онъ цѣпи смѣнится—всѣ тутъ!
Всѣ, какъ на цвѣтъ медвяный пчелы,
Послушать словъ его бѣгутъ...
Начитанъ древнихъ книгъ еврейскихъ,
Самъ онъ съ Востока, былъ вождемъ
Племенъ какихъ-то арамейскихъ
(Языкъ ихъ сходенъ), жилъ царемъ,
Полнъ гордыхъ замысловъ когда-то, —
И вдругъ разгромъ, всего утрата!
Плѣненъ и проданъ, дни влачитъ
Рабомъ. И что же?.. Говоритъ,
Что бытія позналъ онъ сладость
Лишь тутъ, по благости Творца;
Что тутъ вкусилъ и понялъ радость
Онъ вдругъ прозрѣвшаго слѣпца;
Что лишь въ цѣпяхъ, на жесткомъ ложѣ,
Обрѣлъ онъ то, что намъ дороже
Земного скиптра и вѣнца
И всѣхъ сокровищъ міра—Бога
И путь къ Нему! И съ этихъ поръ,
Какъ путникъ ночью у порога
Предъ освѣщеннымъ домомъ, взоръ
Онъ съ совершенствъ Его не сводитъ
И въ созерцаньи ихъ находитъ
Ту мудрость, силу и покой,
Чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ
И въ высоты, гдѣ пребываетъ,
Всѣхъ увлекаетъ за собой...

Главкъ. Не въ этомъ ли и все ученье
Христа, Эвменъ? Не все ль въ одной
Молитвѣ Отче Нашъ? въ моленьи
О царствѣ Божьемъ на земли?
Когда бъ мы всѣ постичь могли
Отца святое совершенство
И всѣ исполнились бы Имъ,—
Жизнь стала бъ вѣчное блаженство
И міръ сталъ раемъ бы земнымъ!

Его лишь волю бъ мы творили,
И зло исчезло бъ навсегда...
Не только кары, мы бъ суда
Названье даже позабыли!

Эвменъ. Ахъ, Главкъ, умомъ хоть и поймешь
И видишь дивные примѣры,
Да вдругъ ни силы нѣтъ ни вѣры,
И ты колеблешься и ждешь,
Какъ передъ пропастью: спасенье
Иль шагъ измѣнитъ—и паденье!
Примѣръ намъ старецъ Іовъ... Но...
Вотъ видишь, Главкъ, раздвоено
Все существо мое! тревожитъ
Меня сомнѣнье: дай совѣтъ.
На завтра бракъ мой, и, быть-можетъ,
На завтра жъ кесаревъ декретъ!
Быть-можетъ, страхъ мой и не къ мѣсту,
Но противъ воли трепещу,
Что поведу я вдругъ невѣсту
Не къ алтарю, а къ палачу,
И тутъ испугъ или невольный
Прочту укоръ въ ея глазахъ,
Самъ поколеблюсь... Вотъ мой страхъ!
И съ нимъ мнѣ тяжело и больно!
Такъ молода! почти дитя...
Вхожу вчера, въ душѣ такъ мрачно,—
Она, съ подругами шутя,
Спѣшитъ нарядъ окончить брачный,
И споръ у нихъ—изъ-за шитья!
Чтобъ я рѣшилъ—еще хотѣла!..
Потомъ другое: вечерѣло,
Въ саду сидѣла вся семья;
Два бѣлыхъ голубя надъ нами
Взлетали плавными кругами
Все выше въ синеву небесъ;
Она слѣдитъ, дохнуть не смѣя,
Какъ свѣтлой искрой, все слабѣя,
Въ лазури вдругъ ихъ слѣдъ исчезъ...
Она мнѣ крѣпко сжала руку
И шепчетъ: это мы съ тобой!
И улыбается... Какой,
Ну, какъ сказать?—восторгъ и муку
Въ тотъ мигъ я разомъ ощутилъ...
Что отвѣчалъ ужъ—и не знаю...

Прости мнѣ, Главкъ! хоть облегчилъ
Признаньемъ сердце...

Главкъ. Понимаю...
Но врядъ ли правъ ты передъ ней.
Всей новой жизнію моей—
А этой жизнью называю,
Когда Христа лишь началъ знать—
Я женщинѣ обязанъ. Мать
Меня взрастила въ нѣгѣ, въ холѣ.
Изъ этой роскоши потомъ
Вдругъ очутился я рабомъ,
Но роскошь та же и въ неволѣ:
Хозяинъ мой былъ меценатъ;
Поэтъ, пѣвецъ, надъ нимъ скорѣе
Я деспотъ былъ. и онъ былъ радъ
Служить любой моей затѣѣ,
Гордясь лишь правомъ надо мной.
Такъ я страстямъ не зналъ преграды
Отъ дѣтскихъ лѣтъ: всегда съ толпой
Друзей; гдѣ явимся—пощады
Ужъ нѣтъ, и нѣтъ на насъ суда!
Вдругъ воспылалъ я страстью—да!
Къ замужней женщинѣ... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идетъ... ребенокъ иногда
За палецъ держится... Сгораю
Я, вспоминая отъ стыда...
Я тотчасъ планъ изобрѣтаю
Изъ дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумалъ рѣчь —
Уже заранѣ торжествуя—
(Друзья въ засадѣ) въ домъ вхожу я
И вижу: на густыхъ коврахъ
Она, ребенокъ на рукахъ,
Другой цѣлуетъ шею, третій
Изъ-за плеча, съ боковъ, въ ногахъ,
Кругомъ смѣющіяся дѣти.
И улыбается она,
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ; всѣ во мгновенье
Прижались къ ней. Въ самой смущенье —
„Кто ты? зачѣмъ?“—порывъ души
Здѣсь, до меня безъ опасенья
Царившей въ тайнѣ и тиши

Своей святыни... Всѣ расчеты,
Вся ложь, съ какой вошелъ я къ ней,
Разбились въ прахъ. Что изъ дѣтей,
Окромѣ двухъ, тѣ всѣ сироты,
Что это христіанскій домъ,—
Я прежде зналъ. Стою, стыдомъ
Какъ бы прикованный на мѣстѣ...
Эвменъ, я то хочу сказать:
Мнѣ кажется, въ твоей невѣстѣ
Должна ужъ въ дѣвицѣ сіять
Такая жъ будущая мать
И то жъ для близкихъ провидѣнье,
Какъ та мнѣ сдѣлалась потомъ...
Ну, въ свой чередъ мнѣ извиненья
Просить: я задержалъ, идемъ.

(Уходятъ, засвѣтивъ свѣчи).

Съ лѣстницы между тѣмъ спускается слѣпой старикъ, ведомый мальчикомъ.

Слѣпой старикъ *(къ мальчику)*. Здѣсь и сберутся и объявятъ
Декретъ?.. Ну, вотъ! до своего
И дожилъ дня!.. Вѣдь я Его
Самъ близко видѣлъ... Запоздали
Въ пути мы и какъ разъ попали,
Какъ выводилъ Его Пилатъ
Къ народу... Помню этотъ взглядъ,
Слегка опущенныя вѣки,
Весь образъ—я былъ зрячъ тогда—
Ну—точно въ сердцѣ навсегда
Отпечатлѣлся ужъ навѣки...
Два факела по сторонамъ—
И Онъ въ вѣнцѣ изъ терній Самъ...
Ослѣпъ потомъ, и потускнѣло
Все въ памяти... Онъ, какъ живой,
Одинъ остался...

(Останавливается, прислушиваясь къ голосу Іова).

Іовъ. Не льститесь благами земными!
Вотъ ты сокровищъ пріобрѣлъ
И спряталъ; сердцемъ будешь съ ними
Вездѣ, куда бы ни ушелъ!
Сбирай сокровища для вѣчной
Лишь жизни...

Слѣпой старикъ. А! Іовъ тутъ!.. Пойдемъ къ нему!
Охъ, дивный мужъ!

(Присоединяются къ группѣ Іова).

Изъ галлереи справа выходитъ Лида, ведя подъ руку пожилую женщину Менинпу; сажаетъ ее на скамьѣ.

Лида. Пріотдохни, садись сюда,
Ты такъ устала, ослабѣла...
(Съ лѣстницы спускается нѣсколько человѣкъ дѣтей; съ ними женщина. Лида подходитъ къ нимъ, оправляетъ ихъ, ласкаетъ).
Менинпа *(одна)*. Все видѣла, все осмотрѣла,
И въ Римѣ нѣтъ... все нѣтъ!.. Куда
Еще теперь? куда? въ какіе
Еще края?.. И хоть бы слѣдъ!
(Къ Лидѣ, къ ней подходящей)
Какъ хорошо у васъ!.. Такіе
Всѣ добрые... Ко всѣмъ привѣтъ!
Пещеры... своды... лица эти—
Все мирно, тихо... Я бъ у васъ
Осталась...
Лида. Что же? въ добрый часъ...
(Указывая на дѣтей)
А эти дѣти—„Божьи дѣти“
Мы ихъ зовемъ—на площадяхъ
Подобраны, на пустыряхъ...
Кто бросилъ? чьи? Никто не знаетъ.
Вотъ „Божьи“ и зовемъ мы ихъ!
Менинпа *(содрогнувшись, сильно)*.
Злодѣи! Звѣрь дѣтей своихъ,
И дикій звѣрь не покидаетъ!
(Съ лѣстницы несутъ на носилкахъ раненаго).
Лида *(къ несущимъ)*. Ко мнѣ?
Носильщикъ. Ужъ перевязанъ. Раны
Не глубоки. Былъ принесенъ
Безъ чувствъ.
Менинпа *(бросается къ раненому, смотритъ и возвращается грустная. Дѣтей между тѣмъ уводятъ).*
Все нѣтъ! не онъ, не онъ!
(Возвращается на свое мѣсто).
А такъ же, можетъ, бездыханный
Подобранъ былъ... и былъ спасенъ...
(Къ Лидѣ)
Нѣтъ, я не въ силахъ... Нѣтъ, таиться
Я не могу—душа моя
Должна передъ тобой открыться:
Я васъ обманывала!.. Я—

Не христіанка... Изъ Милета
Я родомъ. Вѣкъ жила я тамъ—
И вотъ теперь шестое лѣто
Скитаюсь по чужимъ землямъ...
Я *сына* все ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдругъ война... свои враги...
Мужъ умеръ... Началась расплата—
И сынъ взятъ въ рабство за долги!..
Онъ былъ ученъ, игралъ на лирѣ,
Слагать гекзаметры умѣлъ...
Разъ господинъ ему велѣлъ
Въ честь Аѳродиты пѣть на пирѣ.
Онъ отказался! отчего—
Досель не знаю! Говорили,
Что христіане соблазнили...
Всѣ поднялися на него,
Вмѣшалась чернь—такіе нравы
У насъ ужъ! крики, брань и стонъ!
Бѣгу я, вижу слѣдъ кровавый,
Его разорванный хитонъ,
А онъ исчезъ!.. Одни вопили—
Убитъ и въ море трупъ стащили,
Другіе—кѣмъ-то унесенъ.
Что жъ? живъ иль нѣтъ?... Я больше году
Томлюсь! покоя ни на мигъ...
Иду разъ въ гавани. Народу
Толпа! Грузятъ товары. Крикъ!
Вдругъ предо мной остановился
Матросъ: „Онъ живъ!“—шепнулъ и скрылся.
Живъ!.. Гдѣ жъ искать его? Пошла
Я наудачу, гдѣ землею,
Гдѣ моремъ, къ Риму прибрела,
И тутъ... тутъ встрѣтилась съ тобою.
У васъ смотрѣла... Что жъ теперь?

Лида. Несчастный!.. Но надѣйся, вѣрь:
Есть Богъ!

Менинна *(не слушая, сама съ собою)*.
Шесть лѣтъ передо мною
Въ глазахъ—разорванный хитонъ
И площадь, лужа крови, или
Заливъ и корабли—и онъ,
Въ даль уходящій!.. и манили
Опять надежды, и я шла...

О, да! скажу, что полила
Слезами долгій путь...

Лида. Ты съ нами
Останься: можетъ-быть, найдемъ.
Скажи, какъ звать его. Потомъ
Разскажемъ старшимъ... Ахъ, путями,
Повѣрь, невѣдомыми намъ
Ведетъ насъ Богъ, и встрѣтишь тамъ,
Гдѣ и не чаешь... А слезами
Политый путь Онъ видитъ... Самъ
Христосъ прошелъ его...

Менинна. Ты добрая душа...

(Вдругъ отъ нея отпрянувъ)

А если... умеръ?

Лида. Умеръ... Боже!..
Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!

(Увидавъ вошедшую предъ тѣмъ и остановившуюся предъ одною въ стѣнѣ гробницей Камиллу, молодую женщину съ двумя дѣтьми, мальчикомъ 8—10 лѣтъ и другимъ 4, указываетъ на нее).

Смотри, вотъ мать съ дѣтьми, вдова.
Въ гробницѣ этой прахъ хранится
Отца ихъ... Видишь, подняла
Ребенка къ камню приложиться...
Гляди, какъ смотритъ, какъ свѣтла
Улыбка!.. Къ старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говоритъ...

Камилла *(сыну)*. Такъ помни жъ, въ этой нишѣ прахъ,
Прахъ вашего отца. Онъ львами
Разорванъ былъ, и въ небесахъ
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творимъ
Мы доброе и Бога чтимъ,
А нѣтъ, то плачетъ... Можетъ статься,
У васъ и маму Богъ возьметъ:
Съ нимъ вмѣстѣ съ голубыхъ высотъ
Мы вами будемъ любоваться...
Смотри же, помни, этотъ ходъ,
А подлѣ крестъ и надпись...

(Припадаетъ къ камню головой на руки и шепчетъ)

Милый!

Мальчикъ *(читаетъ надпись)*. Ж, Д, У—жду—васъ.

Камилла *(быстро вставая и отирая слезу и обращаясь къ гробницѣ).* О, прости!
Невольно измѣняютъ силы!..
(Становится съ дѣтьми на колѣни).
Моли, чтобъ намъ къ тебѣ пройти
Чрезъ всѣ земныя испытанья,
И суеты, и тяготы,
Такими жъ чистыми, какъ ты!
Чтобъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни воздыханья,
Ни слезъ, ни скорби, ни стенанья,
Ты насъ бы принялъ, веселясь
И духомъ радуясь о насъ...
Мениппа *(Лидѣ).* Они съ *нимъ* говорятъ?..
Лида. Онъ въ небѣ!
Онъ видитъ ихъ, ихъ слышитъ... Съ ней
Свести тебя?
Мениппа *(радостно, тихо, съ любопытствомъ).*
О, да!
Лида. Камилла!
Вотъ мать несчастная; тебѣ
Довольно, чтобъ принять участье...
Камилла *(подавая руку Мениппѣ).*
Да кто же счастливъ здѣсь?.. Мнѣ счастье
Вотъ—дѣти. Я живу лишь въ нихъ...
А что до счастія другихъ,—
То вотъ намъ Лида провидѣньемъ
Ко всѣмъ несчастнымъ послана,
Какъ добрый ангелъ съ утѣшеніемъ...
Лида *(съ испугомъ и удивленіемъ).*
Камилла, что ты, что!
Камилла. Она,
Гдѣ только слышитъ—есть страданье,
Она ужъ тамъ, чужой ли, свой...
Лида *(быстро, съ упрекомъ).* Камилла!..
Камилла. Все существованье
Ея для ближнихъ!.. Боже мой!
А дѣти, сироты, больныя...
Лида *(Мениппѣ порывисто).* Не вѣрь!
Камилла. Въ заботахъ день-денской
Какъ неусыпная Марія...
(Лида отходитъ въ сторону, въ лицѣ слѣды внутренней тревоги).
Когда бъ ты видѣла ее
Средь заключенныхъ, средь страдальцевъ,

Въ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея
Хотятъ одежды коснуться, пальцевъ,
Услышать слово... *(Лида припадаетъ къ скамьѣ, закрывъ лицо руками).*
Все кругомъ
Благодаритъ, благословляетъ...
(Слышны рыданія Лиды).
Но, Боже мой!.. Она рыдаетъ...
(Къ ней съ тревогой и заботой)
Что, что съ тобой?

Лида. Оставь!

Мениппа *(тихо Камиллѣ).* Уйдемъ!

Камилла. Да что съ тобой?

Лида *(съ большимъ нетерпѣніемъ).* Уйди!

Камилла. Не знаю...
Что жъ я...

Лида *(почти въ отчаяніи).* Уйди же... умоляю...

Мениппа *(Камиллѣ тихо).* Знать, тоже горе...

Камилла. *Своего*
У Лиды горя не бываетъ!

Мениппа. Свое, чужое ли—кто знаетъ!
Одна пусть выплачетъ его! *(Уходятъ).*

Лида *(одна, съвъ на скамью).* Я—какъ вчера еще была—
Той, что теперь—и судъ и кара!
Оставилъ духъ!.. Что я могла
Сказать ей?.. Вдругъ не стало дара
Ни слезъ ни словъ, душа нѣма —
Что въ ней горѣло, погасаетъ...
Вошла и все растетъ въ ней тьма!
Два слова: Децій умираетъ,
Одни звучатъ въ ней...
Децій...
Изъ прошлаго лишь онъ одинъ
Мнѣ виденъ... Онъ лишь не разгаданъ...
Одинъ стоитъ, какъ властелинъ
Надъ этой тьмой...
Но что жъ влечетъ меня къ нему?
Тотъ міръ ужъ обреченъ во тьму!
Тому жъ, кто выше всѣхъ главою,
И первой молніи ударъ
Господня гнѣва...
Что же
Меня влечетъ къ нему?.. Любовь?

Любовь, но та ужъ, для которой
Въ мученьяхъ источить всю кровь,
Пройти моря, подвинуть горы,
Возможно—все, чтобы *спасти!*
Богъ указуетъ ей пути
И, можетъ-быть, чтобъ сдѣлать чудо,
Меня избралъ—и мнѣ велитъ—
И духъ пошлетъ—и совершитъ—
И дѣло здѣсь не до сосуда,
Куда Онъ влилъ воды живой
Для путника въ палящій зной... *(Падаетъ въ отчаяніи).*
Ты, Сердцевѣдецъ, прозираешь
Съ Твоихъ высотъ и въ глубь морей
И въ глубь сердецъ! Въ моемъ, Ты знаешь,
Нѣтъ мѣста для земныхъ страстей!
Даруй мнѣ, Сильный, да разрушу
Его гордыню! да спасу
И въ даръ Тебѣ да принесу
Его смирившуюся душу...
(Встаетъ спокойнѣе, но судорожно-отрывочно продолжаетъ)
Но время нечего терять:
Сегодня жъ этотъ пиръ безбожный!..
Тамъ быть и ждать. И написать
Марцеллу, „старый другъ, надежный“ —
Всегда звалъ Децій... А пойдетъ
Марцеллъ? Спасти—пойдетъ, пойдетъ!..

(Вынимаетъ таблетку и пишетъ. Въ это время слышны слова Іова).

Іовъ. Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано въ Писаніи: „не искушай Господа Бога Твоего“.

Молодой человѣкъ *(поспѣшно сошедшій съ лѣстницы, подаетъ Лидѣ таблетку).*

Вотъ отъ Марцелла.

Лида *(беретъ ее и вручаетъ свою).* А въ обмѣнъ
Отдай Марцеллу.

(Между тѣмъ зала все наполнялась христіанами. Одни присоединяются къ слушателямъ Іова, другіе группируются въ разныхъ мѣстахъ залы, между ними и Главкъ. Другіе садятся на скамьи у стѣнъ. Между прочими Павзаній).

Лида *(прочтя письмо, обращается къ присутствующимъ).*
Марцеллъ намъ пишетъ, проситъ васъ:
„Въ вину мнѣ братья да не ставятъ,
Что медлю; жду и тотъ же часъ

Прибуду, только лишь объявятъ
Декретъ, касающійся насъ"...
(Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ).

Одинъ *(въ группѣ молодыхъ людей).*
И все еще не рѣшено...

Другой. И вдругъ отмѣнится рѣшенье...

Главкъ *(спокойно).* На все Господня воля!
(Вдругъ одушевляясь)
Но
За что насъ гонять? Озлобленье
На что—постичь я не могу!
И чѣмъ Христосъ, Онъ, отдающій
Динарій кесарю, врагу
Прощающій, Свой крестъ несущій
Покорно, учащій любить,
Любить безстрашно и безлестно,
И мірѣ совершенну быть,
Какъ совершенъ Отецъ Небесный,—
Чѣмъ ненавистенъ имъ? *(Помолчавъ)*
И все жъ
Къ Нему прійдутъ! И зло и ложь
Падутъ. Богатый и убогій,
Простой и мудрый—всѣ прійдутъ!
Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги
Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ...
Людское горе и страданья,
Всѣ духа жажды и терзанья,
Источники горючихъ слезъ,—
Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христосъ,
Всѣ канутъ въ это море!..

(Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ, Павзаній. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ).

Павзаній *(мрачно и съ возрастающимъ отчаяніемъ).*
Братья!
Блаженъ, кто самъ пришелъ къ Христу,
Соблювъ красу и чистоту,
Какъ дѣва къ жениху въ объятья;
Къ кому же низошелъ Онъ Самъ
Его извлечь среди крушенья
Изъ волнъ кипящихъ,—о! спасенье
Тебѣ, быть-можетъ, тяжелѣй,
Чѣмъ смерть въ волнахъ... Въ душѣ твоей
Всѣ язвы прежнія огнями

Горятъ... и слышишь надъ собой:
„Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой“,
Но помнишь: чистыми руками
Онъ несъ Свой крестъ... а у тебя
Онѣ въ крови, и надъ тобою
Гремитъ проклятье...

(Опускаетъ голову на грудь. Молодые люди хранятъ благоговѣйное молчаніе, смотря на Павзанія съ участіемъ и недоумѣніемъ. Среди минутнаго молчанія слышенъ голосъ Іова).

Іовъ. Поистинѣ скажу вамъ: плачь,
Кому Онъ скажетъ въ осужденье,
Что ни студёнъ ты ни горячъ...
Любовь—огонь, а сердце—злато;
Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
Свѣтло и чисто...

(Тѣмъ временемъ входятъ Эвменъ и Аркадій и останавливаются близъ Павзанія, мрачно сидящаго, склонивъ голову).

Эвменъ (*продолжая разговоръ*). Я часто думалъ о тебѣ.
Зналъ, ты несчастливъ—мать крестила
Меня, когда еще мнѣ было
Двѣнадцать лѣтъ—въ твоей судьбѣ,
Я думалъ—миръ и утѣшенье
У насъ, въ Христовомъ лишь ученьи,—
И вижу, ты идешь сюда!..
Аркадій! разскажи жъ, когда,
Какъ было это обращенье?

Аркадій. Какъ на вопросъ твой дать отвѣтъ?
Вѣдь человѣкъ, родясь на свѣтъ,
Не знаетъ, что былъ до рожденья!
Былъ слѣпъ я и сталъ видѣть; глухъ—
И слышать. Зналъ одно лишь тѣло —
И ощутилъ безсмертный духъ,
Живую душу. Просвѣтлѣло
Все предо мной, и я въ другихъ
Прозрѣлъ такую жъ душу. Всѣ же,
Хоть разны жребіи у нихъ,
Передъ Отцомъ Небеснымъ тѣ же
Возлюбленныя дѣти... *(Помолчавъ)*
Тьма
Та назади. И что въ ней?—скроетъ
Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!.. *(Вздохнувъ)*

Да! Сердце иногда заноетъ,
Но вспомнишь...

(Обрываетъ рѣчь, вдругъ увидавъ Павзанія, отступаетъ назадъ и смотритъ съ ужасомъ).

Боже мой!.. Онъ! Онъ!
(Хватаясь за грудь)
Какъ бьется сердце... Онъ!.. И тоже
Къ Христу пришелъ... Чего жъ, чего же
Стою и медлю?.. Чѣмъ смущенъ?
(Пересиливъ себя, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Павзанію).
Павзаній! ты?

Павзаній *(содрогнувшись)*. Аркадій! Боже!

(Смотритъ на Аркадія и, не смѣя взять протянутую къ нему руку, медленно опускается передъ нимъ на колѣни. Молодые люди отъ нихъ незамѣтно отступаютъ).

Твой погубитель... Твой злодѣй...

Аркадій *(стараясь его поднять)*.
Забудемъ все, что совершилось
Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

Павзаній *(обнимая его колѣни)*. Охъ, истомилась
Душа моя...

Аркадій. Да будетъ въ ней
Покой и миръ!

Павзаній *(страстно)*. Шли вереницей
Года, а я живу все въ *томъ*,
Когда, какъ другъ, вошелъ въ твой домъ
И выбѣжалъ потомъ убійцей!

Аркадій. Оставь!

Павзаній. Дай говорить мнѣ, дай! *(Шопотомъ)*
Евфимія...

Аркадій *(съ болью)*. Не вспоминай!

Павзаній *(судорожнымъ шопотомъ)*.
Святая тѣнь!.. Она молила!..

Аркадій. Молчи!

Павзаній *(съ силой)*. Послѣднимъ словомъ было:
Будь проклятъ!

Аркадій *(живо)*. Нѣтъ! Какъ я, простила.

Павзаній. Какъ ты?.. И ты... простилъ?.. Простилъ...
И смотришь на меня, и плачешь...

Аркадій. Отъ радости: я побѣдилъ
Себя, себя, Павзаній!
(Обнимаетъ его и уводитъ въ глубину сцены).

Сцена между тѣмъ все наполняется. Приходятъ Мениппа и Камилла. Послѣднія къ авансценѣ.

Камилла. Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:
Не мы дѣтей, насъ дѣти учатъ
И довоспитываютъ насъ!
При нихъ не сдѣлаетъ, не скажетъ
Отецъ, не поглядѣвъ впередъ.
Вѣдь сѣешь сѣмя! то взойдетъ,
Что въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ!
Ахъ, милая! съ дѣтьми воочью
Увидишь Бога!.. Разболится,—
Ты что тогда?.. Горитъ, томится,
Всю душу надорветъ твою,
И нѣтъ тебѣ ни дня ни ночи!
Ты чувства всѣ окаменишь,
Дохнетъ ли, двинется ль—слѣдишь,
Вся въ немъ! и наконецъ нѣтъ мочи!
Силъ, что осталось, соберешь
И выльешь всѣ въ одно ихъ слово:
„Спаси, спаси!“—и упадешь
Предъ Тѣмъ, Кто можетъ все...

Мениппа. Ужасно!
Охъ, знаю, знаю! поняла!
И все теперь мнѣ стало ясно!..
Ужъ ты-то очень мнѣ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчь-то тихая твоя...
Ахъ, ты мой ландышъ ароматный,
Фіалка нѣжная моя! *(Обнимаетъ ее).*
Вѣдь я давно о вашемъ Богѣ
Ужъ помышляю! Всѣмъ богамъ,
Гдѣ только вижу по дорогѣ,
Всегда снесу къ ихъ алтарямъ
Я хоть цвѣтокъ. Да разъ попала
Вотъ такъ и въ христіанскій храмъ,
Въ горѣ, въ Ѳессаліи. Сначала
Мнѣ стало страшно: свѣчи, мракъ;
Жрецъ говоритъ въ толпѣ молящихъ,
Вдругъ онъ сказалъ, да ясно такъ,
Слова: „Нашъ Богъ—Богъ всѣхъ скорбящихъ!
И точно въ сердцѣ у меня
Что дрогнуло. Упала я
И стала этого я Бога
Молить, да плакать лишь могла.

Вдругъ слышу: „въ Римъ твоя дорога,
Тамъ все найдешь“. Я подняла
Глаза; какъ разъ передо мною
Какой-то старецъ былъ, но тутъ
Исчезъ. Всѣ, вижу, вонъ идутъ.
Я къ выходу; передъ собою
Всѣхъ пропустила,—старца нѣтъ!
Я въ путь, чуть занялся лишь свѣтъ,
И на корабль, и въ Римъ, и всюду
Какъ будто надо мной звучитъ:
„Богъ всѣхъ скорбящихъ возвратитъ
Его...“ И жду... и точно къ чуду
Готовлюсь... а ужъ какъ теперь—
Не знаю...

Лида *(поспѣшно сойдя съ лѣстницы).*
Марцеллъ идетъ... декретъ объявленъ!
(Общее движеніе).
Іовъ *(сойдя со своего мѣста и выступая нѣсколько впередъ, какъ бы въ центръ полукруга всѣхъ присутствующихъ).*
Се день блаженнѣйшій изъ дней!
Мы, церковь видимая, вступимъ
Ужъ въ сонмъ невидимой и съ ней
Сольемся въ общемъ восклицаньи:
„Господь нашъ Богъ благословенъ!“
Слѣпой старикъ. Господь нашъ Богъ благословенъ,
Да всякое гласитъ дыханье!
Всѣ *(наклонясь головами къ Іову).*
Господь нашъ Богъ благословенъ!
(Послѣ минутнаго благоговѣйнаго молчанія, во время котораго около Іова смыкается кружокъ, между прочими начинаются полушопотомъ частные разговоры).
Дидима *(раздаетъ свѣчи, нараспѣвъ повторяя).*
Готовьте свѣтильники,
Близокъ женихъ!
(Мениппа въ волненіи разсматриваетъ приходящихъ и присутствующихъ; Камилла близъ нея, около гробницы мужа, прижавъ къ себѣ дѣтей, взоръ на небо).
Эвменъ *(увидавъ между женщинъ Агнессу, свою невѣсту).*
Агнесса!.. въ брачномъ одѣяньи!..
Агнесса. Да, нынче бракъ вѣдь нашъ, Эвменъ,
На небесахъ... и я невѣста...
Эвменъ *(восторженно).* Агнесса! ты меня спасла!..

Павзаній *(схвативъ за руку Аркадія, съ порывомъ).*
Теперь душа ужъ не страшится
Стать передъ Нимъ лицомъ къ лицу!
Главкъ *(къ молодымъ людямъ, восторженно).*
Знать, что чрезъ мигъ душа помчится
Чрезъ океанъ лучей къ Отцу!..
И что же смерть христіанину?
Въ глазахъ у всѣхъ стоитъ Христосъ!
Скорбѣть о томъ ли, что покину
Обитель горечи и слезъ?
Что преступлю черезъ мгновенье,
Здѣсь кесарю отдавши дань,
Къ Отцу всего, въ Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа, Имъ полная, вѣдь знаетъ,
Что оболочка сихъ тѣлесъ
Ее едва лишь отдѣляетъ,
Какъ легкій завѣсъ, отъ небесъ!
Вдругъ этотъ завѣсъ упадаетъ...
Мениппа *(всматривается въ него, бросается къ нему съ крикомъ).* Главкъ, сынъ мой! Главкъ!..
Главкъ. Мать! Ты жива!..
(Кидаются другъ другу въ объятья).
Мениппа *(не выпуская его изъ объятій).*
Вотъ онъ, мой вдохновенный...
Мой *выстраданный*, вотъ онъ!..
(Ища взорами Камиллу)
Камилла!.. вотъ онъ... *(Беретъ ее за руку и вдругъ остановясь)*
Но какъ ты здѣсь?.. христіанинъ?..
Главкъ. А ты?..
Мениппа *(вдругъ вспомнивъ).* Богъ всѣхъ скорбящихъ...
(Опускается на колѣни).

(Нѣсколько человѣкъ поспѣшно сходятъ съ лѣстницы, тихо сообщая направо и налѣво: «Марцеллъ, Марцеллъ», всѣ передаютъ другъ другу это имя. Всѣ становятся полукругомъ, оставляя мѣсто Марцеллу. Онъ показывается на лѣстницѣ, наверху).
Марцеллъ *(спускается съ лѣстницы и со второй или третьей ступени).* Господне будь благословенье
И миръ вамъ, братія!..
(Всѣ тихо: «аминь!»).
Зоветъ
Насъ нынѣ Богъ на прославленье

Его любви, его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ,
Что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь Ему, а не кумирамъ,
Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.
Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога онъ царемъ племенъ.
Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ,
Хотя бъ меча и мзды кровавой,
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства.
Все, что у насъ земное есть,
Вся наша кровь, все достоянье
И все умѣнье и знанье
Готовы каждый мигъ принесть
Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
Его престола. Но чтобъ быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Былъ нашъ обѣтъ, должны хранить
Мы душу чисту, только къ Божью
Суду внимательну во всемъ,
Что Божье, что стоитъ вовѣки
И въ чемъ должны всѣ человѣки
И кесарь самъ предъ тѣмъ судомъ
Отдать отчетъ.

Повелѣваетъ
Намъ кесарь Бога въ немъ признать,
Его жъ кумиру честь воздать,
Какъ божеству лишь подобаетъ;
Ослушнымъ смерть. Пусть вашъ совѣтъ
Рѣшитъ, что дѣлать. Наше тѣло
Есть кесаря. Нашъ духъ—всецѣло
Господень.

Одинъ изъ старцевъ. Двухъ рѣшеній нѣтъ—
Итти! Но какъ не налагаетъ
Христосъ ярма на душу,—ей

Данъ разумъ, воля,—то рѣшастъ
По правдѣ внутренней своей *(обращаясь къ собранію)*
Пусть каждый самъ.

(Общее благоговѣйное движеніе).

Голоса *(тихіе, какъ бы каждый самъ съ собой; взоръ на небо).*

Итти, итти
Къ Отцу Небесному!.. Въ селенья
Его святыхъ!.. Изъ заточенья,
Изъ тьмы на свѣтъ!.. Итти, итти!

Слѣпой старикъ. Его узрѣть во славѣ!..

Навзаній. Сложить въ душѣ всѣ тяготы
У ногъ Его!..

Главкъ. ...Исчезнуть въ созерцаньи
Неизрекомой красоты...

(Пауза. Взоры обращены на Марцелла).

Марцеллъ. Итакъ, грядущая заря
Для насъ послѣдней будетъ въ мірѣ—
И первой тамъ!..

Іовъ *(отъ глубины сердца).* О, Ты, сѣдяй въ эоирѣ,
Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
Прославленный и вознесенный
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятымъ крестомъ!
Ты пастырь, насъ въ едину паству
Овцу сбиравшій за овцой!
Ты ихъ вспоилъ живой водой
И тучную имъ подалъ яству!
Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный, гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который ихъ бы удержалъ
На зовъ Твой ринуться мгновенно!
Свѣтъ бо свѣтяй намъ съ небеси,
Свѣтъ истинный, свѣтъ неистлѣнный,
Жизнь и спасенье Ты еси!

Слѣпой старикъ. Слава Тебѣ, побѣдившему міръ!

(Всѣ съ зажженными свѣчами становятся на колѣни. При спускающемся занавѣсѣ слышно пѣніе заутрени).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на террасѣ Деціева дворца, выходящей въ садъ аркой. — Ночь. — Зала освѣщена канделябрами и висячими свѣтильниками. — Три длинные стола съ ложами. — Гости одни возлежатъ, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты. — За однимъ столомъ Децій. — Рабы приносятъ и уносятъ кушанья. — Хоръ пѣвицъ, флейты и лиры. — Танцовщицы.

Хоръ. Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эѳирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ,—
Ловите, ловите,
Не то улетимъ.

(Танцовщицы удаляются).

Клавдій *(молодой патрицій, вслѣдъ танцовщицамъ, мимо него проскользнувшимъ).*
Еще поймаемъ!.. Но пока
„Тѣмъ насладись, что подъ руками“—
Насъ учитъ мудрость. А предъ нами
(указывая на яства)
Рогъ изобилья и рѣка
Забвенья — все естествознанье!
Я шелъ сюда на обонянье.
Одни ужъ запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „здѣсь, прохожій!“.

Лелій *(другой молодой патрицій).*
Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи—
Все съѣшь за одного!

Клавдій. Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!
А вотъ что будетъ, какъ ворвется
Сюда весь женскій Римъ! Начнется
Вотъ тутъ-то оргія!..

(Декламируетъ)

„Опротивѣютъ ужъ яства...
Не измѣнитъ лишь вино!
Хлоя подъ руку иль Дафна—
Все равно!

Флейты! трубы! шумъ и грохотъ,
Пѣсни, пляски! Все вверхъ дномъ!
Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
И хаосъ—кругомъ!“

Лелій. Да, Децій молодецъ! и жаль,
Что только разъ онъ умираетъ!

Клавдій. А мой старикъ, моя печаль
И сокрушенье, процвѣтаетъ!
Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
И съ астрологомъ до зари
Все гороскопы составляетъ!..
Боится смерти! Я жъ ему
Твержу, что смерть его боится...
У варваровъ не засидится,
Небось, старикъ! они отцовъ
Торжественно, въ виду боговъ,
При всемъ народѣ убиваютъ!
И это старики считаютъ
Себѣ за честь!

Лелій. Здѣсь старики
Законы пишутъ, тамъ же, видно,
Не старики!..

(Хохочутъ).

Галлусъ *(адвокатъ, прохаживавшійся съ другимъ адвокатомъ, Гиппархомъ, становясь близъ великаго жреца и указывая рукою на все собраніе, заключаетъ частный свой разговоръ самодовольною рѣчью).*

Вы посмотрите, сколько насъ:
Я галлъ, вонъ свевъ, ты оссаліецъ,
Онъ изъ Египта, тотъ сиріецъ, —
А что же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и взросли бъ мы дикарями,
Когда бъ не Римъ!.. Въ одно насъ слилъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода.
На общій мы сошлися пиръ,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ, какъ граждане вселенной,
Чтимъ за отечество весь міръ!

Гиппархъ *(эффектно-адвокатскимъ тономъ).*

Единство въ мірѣ водворилось
Центръ—кесарь. Отъ него прошли

Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги!

Великій жрецъ Эннiй *(старикъ, оборачиваясь къ нимъ, внушительно, громко, чтобы всѣ слышали. Молодые патриціи, Клавдій, Лелій и другіе мало-по-малу подходятъ къ кружку).*

Все хорошо на первый взглядъ,
Да вотъ бѣда: уходятъ боги!
Вездѣ оракулы молчатъ!
Вотъ въ Дельфахъ: пиѳію насильно
Ввели въ святилище: молчитъ,
Блѣднѣетъ, льется потъ обильно.
Всѣ ждутъ, и вдругъ она бѣжитъ
Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры,
И какъ упала, умерла!
Въ боговъ умалилося вѣры,
И боги покидаютъ насъ
На произволъ судьбы!..

(Адвокаты улыбаются).

Галлусъ *(насмѣшливо)*. Иные
Ужъ умерли!..

Великій жрецъ. И день и часъ
Въ анналы вписанъ городскіе:
При Августѣ, передъ концомъ,
Корабль шелъ. Заштилѣло море
Передъ какимъ-то островкомъ.
Всѣ вѣтра ждали. Вдругъ въ просторѣ
Небесъ и моря, съ островка
Раздался голосъ, при которомъ
Все потряслось—и облака
И водъ поверхность; точно хоромъ
Сто тысячъ мѣдныхъ трубъ заразъ
Провозгласили въ міръ: „скончался
Великій Панъ“... И повторялся
Три раза голосъ... Весь разсказъ
Я слышалъ самъ отъ морехода!
Его Тиверій призывалъ,
И я жъ дословно записалъ
Въ анналы римскаго народа!

Галлусъ. Не боги покидаютъ міръ,
А суевѣрья...

Клавдій *(своимъ товарищамъ).*
Люблю, чуть разгорѣлся пиръ—
И спорятъ!.. *(Увидавъ рабовъ, приносящихъ жареныхъ фазановъ)*
Впрочемъ, прилетаютъ
Фазаны, и молчатъ враги!..
(Возвращаются на свои мѣста).
Лелій. А факты иногда бываютъ,
Что съ толку васъ совсѣмъ сбиваютъ.
Клавдій *(не давая ему досказать).*
Еще бы! напримѣръ, долги!
Лелій *(продолжая).*
У насъ на прошлой же недѣлѣ
Былъ случай...
Клавдій *(вскакивая и со смѣхомъ указывая на Лелія).*
Жертвы приносилъ
На той недѣлѣ ты, и скрылъ!
Скрылъ, признавайся?
Молодые патриціи *(смѣясь).* Въ самомъ дѣлѣ?
Клавдій. Козленка, говоритъ.
Лелій *(сконфуженный, перебивая его).*
Да мать
Послала!.. Вотъ что разсказать
Я вамъ хотѣлъ. Какъ вамъ извѣстно,
У насъ въ саду есть гротъ. Чудесный
Тамъ для пировъ устроенъ залъ,
И я намедни угощалъ
Тамъ кой-кого...
Клавдій. А! Діонею!
А завтра я пирую съ нею!..
(Декламируетъ)
„Мирты Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя!..“
Лелій *(не обращая вниманія на Клавдія).*
Вдругъ мы сидимъ и слышимъ стонъ...
Откуда жъ?.. и все ближе, ближе—
Изъ-подъ земли!..
Клавдій *(декламируетъ):*
„Прозерпину бьетъ Плутонъ,
Стонетъ Прозерпина!..“
Молодые патриціи. Ахъ, этотъ Клавдій! Нынче онъ
Невыносимъ!—Да замолчи же!
Теперь вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
Всѣ говорятъ: то стонъ, то пѣнье

Послышится, то привидѣнье
Появится...

Лелій *(серьезно)*. Вѣдь въ старину,
Извѣстно, мертвыхъ хоронили
Въ подземныхъ склепахъ, и прорыли
Отъ склепа къ склепу ходы...

Клавдій *(таинственно)*. Ну,
Такъ это значитъ...

Всѣ. Что̀ такое?

Клавдій *(помолчавъ, съ притворно-серьезнымъ видомъ)*.
Гм!.. Предки наши...

Лелій. Ты въ смѣшное
Все обратишь.

Клавдій. Я не смѣюсь!
И не люблю, чтобы шутили
Надъ предками—самъ ихъ боюсь:
Такіе жъ аспиды всѣ были,
Какъ этотъ Фабій,—вонъ скелетъ!
Вонъ черепъ голый! вонъ таращитъ
Глаза на канделябры!.. Стащитъ
Онъ что-нибудь здѣсь, людоѣдъ!
Вздыхаетъ все по древнемъ правѣ,
По силѣ коего меня
Онъ могъ бы въ рабство взять...

За другимъ столомъ Фабій, изъ древнѣйшей римской фамиліи, своему сосѣду, квестору Теренцію:

Пойми, я Фабій—и въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!.. Кто жъ тамъ сидитъ?
Иберецъ, грекъ, сиріецъ, бриттъ!
И что̀ же сталъ сенатъ? въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены:
Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ,
Что̀ значатъ кесаревы сны!
Ну что̀ въ нихъ слово „Римъ“ пробудитъ?
Имъ лишь погрѣться бъ отъ казны!
Ты посмотри-ка, въ легіонахъ
Кто полководцы? Все изъ насъ.
А при дворѣ?.. Они! Въ поклонахъ
И лести мастера ужъ! Да-съ!
За то и откупъ и претура —
Все ихъ!.. Потомъ адвокатура:
За деньги за твои тебя жъ
Такъ оберутъ, что ты отдашь
Послѣднее, лишь бы отстали...

За главнымъ столомъ: Децій, по сторонамъ его философъ Харидемъ и старый проконсулъ Публій, беззубый, лысый и шепелявитъ. Далѣе среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, сенаторъ Аспицій и завитой, пышно одѣтый молодой патрицій Корнелій.

Публій. Ахъ, Лезбія!.. насъ принимала
За туалетомъ!.. Что за грудь!
Ну если бъ даже и скрывала,
То видно—дочь царей!.. Дохнуть
Не смѣли... трое насъ... сидѣли...
Все старички... потѣха... да!
Сидимъ.
Децій. Картина въ самомъ дѣлѣ
Преинтересная!
Публій. Бѣда!
Она, конечно, насъ дурачитъ:
То ножку вдругъ поцѣловать
Протянетъ и тотчасъ опять,
Какъ только бросимся мы, спрячетъ...
(Всѣ съ улыбающимися лицами).
Сенаторъ Аспицій *(довольно ѣдко)*.
А дорого за посмотрѣнье?
Публій *(такъ же простодушно)*.
Да что! Ужъ думаю просить
Провинцію на поправленье!
Она жъ поможетъ!..
Децій *(Харидему)*.
Была иная между насъ...
Ты помнишь оду Сафо:
„Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелкомъ кось и блескомъ ризъ.
Ты умрешь, и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умретъ!
На землѣ твой слѣдъ забвенье,
Словно вихорь, замететъ!
Въ адскихъ пропастяхъ бездонныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ, непросвѣтленныхъ
Вдохновеньемъ, какъ и ты!“
Вотъ это бъ Лезбіи сказать
Могла—ты угадалъ, кто?—Лида!
Харидемъ. О, Лида, то другая стать!

Но гдѣ она? Совсѣмъ изъ вида
Пропала!

Децій. Да!.. Она всегда,
Какъ безпріютная звѣзда,
Весь вѣкъ металась средь хаоса!
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься; потомъ,
Глядишь, съ Изидинымъ жрецомъ
Умершихъ тѣни вызываетъ;
Потомъ опять, глядишь, блистаетъ
Въ Аѳинахъ, въ Римѣ...

Харидемъ. Знаешь ты
Экспромтъ, ей сказанный въ Аѳинахъ
Однажды на пиру?

„Съ зеленѣющихъ полей
Въ область блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ повѣя
Жизнью, счастьемъ и теплом.
Тѣни вкругъ нея толпятся,
Одного онѣ боятся,
Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
Въ вѣчный сумракъ не запало,
Чтобъ она не увидала,
И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
Въ свѣтлый лучъ не унеслась".

Децій. Психея!.. Это къ ней идетъ...

Входитъ циникъ съ дубиной въ рукахъ, на плечахъ, сверхъ лохмотій, мѣхъ, какъ у Геркулеса; останавливается впереди залы и, указывая на Деція пальцемъ, говоритъ:

Циникъ. Э, да ты вотъ какъ!

Разные голоса. Ну, пропалъ
Веселый пиръ! Вѣдь затесался!

Циникъ. Пріятель! Умирать собрался
И не подумалъ, не позвалъ
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вкругъ тебя какой букетъ!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вамъ мой привѣтъ!
(Насмѣшливо кланяется на обѣ стороны).
Все жъ безъ меня букетъ не полонъ:
Въ срединѣ главной розы нѣтъ!
Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ
Во мнѣ!.. Зато я вамъ и солонъ!

Ужъ дальше моего нейдетъ.
Умъ человѣческій! Помалу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу,
И больше некуда впередъ!

Децій. Прошу, садися!

Циникъ *(присаживаясь на ложе зазнатого, пышно одѣтаго щеголя Корнелія)*. Другъ любезный,
Откинь-ка ноги! Мнѣ присѣсть
Вѣдь какъ-нибудь, лишь бы поѣсть.

Корнелій. Садись, не спорю!

Циникъ. Безполезно!
Такъ сяду!

Децій *(къ рабамъ)*. Ложе, эй!

Фавій. Свинья!

Циникъ *(помѣстившись на ложѣ Корнелія, беретъ цѣльнаго фазана и ѣстъ, разрывая руками)*.
Нерону я сказалъ, что двое
Людей на свѣтѣ: онъ да я.
Все прочее—такъ, тля, пустое!
Мы, что хотимъ, то и беремъ
И ничего не признаёмъ!
Онъ тотчасъ понялъ, что свобода
Вся въ этомъ! Прочее все ложь!
(Къ Харидему)
Ну, что ты морщишься? Все—ложь!
Будь счастливъ тѣмъ, что дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жъ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
Бери, что хочешь, все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ!.. Вотъ вамъ и все!..
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! уныли
И ходятъ, высунувъ языкъ!
Неронъ поправитъ васъ: устроитъ
По Діогену! самъ возьметъ
Дубину, города сожжетъ
И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!

Децій *(смѣясь)*. Что жъ послѣ будетъ?

Циникъ. Ничего

Не будетъ!.. Главное, не будетъ
Философовъ!

Клавдій *(посреди общаго смѣха)*. Долговъ не будетъ—
Еще главнѣе!..

Провинціальный преторъ *(сидящій за столомъ съ Фабіемъ, къ своему сосѣду, квестору Теренцію)*.
Скажи, дружокъ, я здѣсь чужой,
Живу въ провинціи глухой,—
Кто этотъ господинъ съ дубиной?
И съ кесаремъ онъ говорилъ?

Квесторъ Теренцій. Съ дубиной? Этою скотиной
Не знаю, кто насъ подарилъ!
Рабъ, что ль, онъ бѣглый?.. Нѣтъ вѣдь знака
На рожѣ! Лаетъ, какъ собака,
На всѣхъ! И какъ сюда попалъ,
Такъ влѣзъ и къ кесарю: плѣнился
Имъ кесарь! Только онъ сказалъ,
Что ты, да я, и восхитился!
Дубину принести велѣлъ,
Всѣхъ напугалъ и озадачилъ!

Фабій. И насъ устраивать ужъ началъ
По Діогену: Римъ горѣлъ
Не спроста!

Квесторъ Теренцій. Только онъ, по счастью,
Охотникъ строить: этой страстью
И отвлекли. А этотъ скотъ
Съ тѣхъ поръ и тѣшится, и кстати,
Некстати насъ ругаетъ, пьетъ
И жретъ...

Фабій. Ужъ будетъ онъ въ сенатѣ,
Какъ эта бестья, напримѣръ,
Миртиллъ...

(Вдругъ умолкаетъ при видѣ входящаго евнуха Миртилла, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Публій и Харидемъ предлагаютъ ему свои мѣста. Онъ принимаетъ мѣсто Публія, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но онъ то приляжетъ, то начнетъ обходить столы и чрезъ головы гостей беретъ кушанья).

Харидемъ *(Миртиллу)*. Здоровье кесаря?

Миртиллъ. Богамъ
Благодаренье, солнце свѣтитъ!

Провинціальный преторъ *(квестору Теренцію)*.
. . . А это кто же?

Квесторъ Теренцій. Тс! тише! если только кожей

Ты дорожишь!.. Евнухъ Миртиллъ,
Пѣвецъ и мимъ. Да вотъ въ чемъ сила:
Въ погахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла!

Провинціальный преторъ. Такъ вотъ оно!..

Квесторъ. Да, да, оно!
Такъ, genus neutrum...

Миртиллъ. Сегодня кесарю представленъ
Проектъ дворца. Позолочёнъ
Весь корпусъ, на горѣ поставленъ,
И цѣлый лѣсъ кругомъ колоннъ,
Все бѣлый мраморъ, заглаженье!
Внутри жъ, что шагъ, то изумленье!
Хотя бы пиршественный залъ:
Онъ сверху будетъ окропляться
Духами. Стѣны изъ зеркалъ;
Плафонъ же будетъ раздвигаться,
И вдругъ средь пира съ высоты
На васъ посыплются цвѣты.

Разные голоса. Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

Циникъ. А если бъ вдругъ весь залъ съ гостями
Насыпать до верху цвѣтами?
Ароматическій конецъ!
Шепни-ка кесарю, пѣвецъ!

Фабій *(тихо квестору)*. А надоумитъ вѣдь, подлецъ!

Миртиллъ *(смѣясь)*. Забавное соображенье!..
Ахъ, этотъ милый кесарь! онъ
Три дня въ великомъ восхищеньи:
Изъ Дельфъ намедни привезенъ
Былъ этотъ дивный Аполлонъ,
И кесарь передъ нимъ проводитъ
Все время!.. Даже ночью всталъ
И факелами освѣщалъ!..

Великій жрецъ Эпицій *(тихо адвокатамъ)*.
Какъ я сказалъ, такъ и выходитъ:
Вонъ пиѳія-то умерла!
Изъ храма взять, да въ залу оргій
Поставить бога!..

Сенаторъ Аспиній *(идетъ со своего мѣста и, подсаживаясь къ Децію, говоритъ ему тихо)*.
Я точно какъ въ глубокой тьмѣ!
Пойми ты кесаря Нерона:

Какъ совмѣщаетъ онъ въ умѣ
И цинника и Аполлона?

Децій *(съ улыбкой смотря на него и не отвѣчая на вопросъ, декламируетъ два стиха).*

„Дельфійскій богъ! и онъ позналъ
Длань сокрушительную Рима!..“
Когда впервые увидалъ
Его я въ Дельфахъ, волны дыма
Отъ дорогихъ куреній храмъ,
Какъ легкій облакъ, наполняли.
На чудный образъ упадали
Лучи, и онъ по облакамъ
Какъ будто несся, быстробѣжный,
И передъ нимъ въ дали безбрежной
Отъ свѣтлыхъ стрѣлъ его толпой
Титаны тьмы бѣжали!..

Завитой патрицій Корнелій. Это
Эллады геній: по землямъ
Свершилъ онъ странствіе и къ намъ
Въ суровый Римъ лучъ бросилъ свѣта,
И сдѣлалъ насъ людьми!

Фабій *(со своего мѣста громко).* Людьми
Иль нѣтъ, а только перестали
Мы римлянами быть!

Корнелій. Узнали,
По крайней мѣрѣ, что звѣрьми
Дотолѣ были!

Фабій. Побѣждали
Зато враговъ! Развратъ, пойми,
У насъ отъ грековъ!..

Корнелій. Въ старину-то
Лишь полбу ѣли, да ячмень,
Да сыръ!

Фабій. Зато имѣли Брута,
Коріолана! Ночи въ день
Не обращали... Даже гадко
Ихъ слушать!.. Охъ, ужасный вѣкъ!

(Къ Децію)

Скажи ты, умный человѣкъ,
Кто лучше: римлянинъ, иль грекъ?

Цинникъ *(который во время предыдущаго разговора лежалъ, разостлавъ свой мѣхъ на полу).*

Стой! разрѣшу одной загадкой:
Дуракъ болтунъ у дурака

Изъ простяковъ сидитъ на шеѣ
И погоняетъ простяка,
И ѣдутъ въ ровъ!.. Ну... кто умнѣе?..

(Всѣ принужденно смѣются. Между великимъ жрецомъ и адвокатомъ громкій споръ).

Великій жрецъ Эпиій *(кричитъ)*.
Отъ философіи!

Галлусъ. Тревоги
Напрасныя!

Великій жрецъ. Отъ новыхъ вѣръ!

Галлусъ. Отцеубійства и подлоги
Отъ новыхъ вѣръ! да, напримѣръ,
Какихъ же?

Великій жрецъ. Мало ль? Изъ Халдеи,
Изъ Персіи, изъ Іудеи!
Адонисъ! Митра!.. У рабовъ
Свой даже богъ-освободитель
Отъ всякой власти и оковъ—
Христосъ, всемірный, вишь, спаситель!

Публій *(со своего мѣста)*.
Тамъ тоже споръ у нихъ: о чемъ?..
Ученыхъ споровъ я любитель!

Галлусъ. Все о безбожьѣ и о томъ,
Что бога новаго открыли
Себѣ рабы, зовутъ Христомъ.

Публій. А, христіане! да, знакомъ,
Знакомъ я съ ними!.. Говорили,
Что Римъ они сожгли?

Великій жрецъ. Схватили
Тогда же многихъ ихъ съ огнемъ!

Сенаторъ Аспицій. Живутъ всегда особнякомъ,
Ужъ тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:
Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,
Ни кесаря не признаютъ,
Ни государства Рима!..

Великій жрецъ *(внѣ себя)*. Пьютъ,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человѣческую!

Сенаторъ Аспицій. Ихъ
Нельзя терпѣть!.. весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

Децій *(смѣясь)*. Вотъ ужъ страхъ напрасный!
Вѣдь это жители небесъ!

Галлусъ *(Гиппарху)*.
Отъ нихъ всю жизнь хоть бы процессъ,
Представь!
Гиппархъ. Да, да! Но... почему же?
Фабій. Ну-съ, эти ужъ и грековъ хуже!
Они работаютъ во мглѣ
Повсюду, что̀ ключи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ...
Миртиллъ *(вставая съ мѣста и жестомъ успокаивая общее движеніе)*.
Позвольте!.. Приняты ужъ мѣры!
Предписано по городамъ
И здѣсь, чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ же божество,
Какъ признаётся всей вселенной.
А воспротивятся, пойдутъ
Одни для травли въ циркъ, другіе
Рубашки вздѣнутъ смоляныя,
Имъ въ глотки факелы воткнутъ,
Къ столбамъ привяжутъ ихъ, зажгутъ,
И кесарь въ пышной колесницѣ
Между пылающихъ ихъ тѣлъ
Проѣдетъ ночью по столицѣ!
Великій жрецъ. И боги воздадутъ сторицей
Ему за это...
Фабій. ...Прекрасно! я бъ узнать
Желалъ, чья мысль?
Квесторъ. Да, безъ сомнѣнья,
Его, Миртилла! потѣшать
Умѣетъ Римъ!
Миртиллъ. А всѣхъ ихъ будетъ
Здѣсь въ Римѣ тысячъ сто!.. въ другихъ
Провинціяхъ мильоны...
Разные голоса. ...Боги! Пусть же ихъ
Огуломъ всѣхъ на смерть осудятъ!
Всѣхъ съ корнемъ вонъ!
Харидемъ *(встаетъ и поднимаетъ чашу)*. Благодаренье
Тому, кто бодрствуетъ за насъ!
Во здравье кесаря!
(Рабы наливаютъ вина въ чаши).
Общій кликъ *(всѣ встаютъ)*. Во здравье кесаря!..

Цинникъ *(вскочивъ съ полу)*. Онъ да я!
Всѣхъ прочихъ съ корнемъ вонъ!..
(Вырываетъ изъ рукъ Фабія чашу и пьетъ; Фабій за его спиной показываетъ ему кулаки).
Фабій *(обращаясь къ молодымъ патриціямъ)*.
Вы напоили бы его,
Чтобъ ужъ совсѣмъ онъ съ ногъ свалился!
(Молодые патриціи привлекаютъ къ себѣ циника и поятъ его).
Миртиллъ *(ласково Децію)*. А ты смѣешься и не пьешь,
И нашихъ мѣръ не признаёшь
Во благо Риму?
Децій. Мѣръ напрасныхъ!
Жечь неопасныхъ никому
Мечтателей!
Миртиллъ. Какъ, неопасныхъ? *(Указывая на всѣхъ)*
А гласъ народа?

Входитъ Лезбія въ одеждѣ восточныхъ царицъ; съ нею нѣсколько женщинъ и толпа рабовъ эѳіоповъ.

Клавдій. Метелла, Туллія! вы къ намъ!
Цинникъ. Эванъ! эвое!
Мясцо живое!
Къ намъ! къ намъ!

Женщины присоединяются къ молодежи. Лезбія идетъ прямо къ Децію. Въ то же время съ другой стороны Лида и Марцеллъ являются и помѣщаются въ глубинѣ сцены за Децiемъ, маскируемые рабами.

Лезбія. Герой мой, здравствуй! Очень рада,
Что ты еще не умеръ. Да!
Стремглавъ летѣла я сюда,
И главное затѣмъ, что надо
Тебя мнѣ очень побранить!
Децій *(къ рабамъ)*. Эй, ложе!
Лезбія. Можемъ раздѣлить,
Когда позволите, и ваше!
Лежи!
Децій. Рабъ вѣчной красоты,
Жду приказаній.
Лезбія *(садясь на его ложе, въ ногахъ его)*. Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?
Децій. А вотъ—отъ дѣда.
Лезбія. Много лѣтъ
Живетъ на свѣтѣ! Золотая...
Съ волчицей крышка... небольшая...
А ядъ—стряпня Локусты?

Децій. Нѣтъ,
Съ Востока тоже вывезъ дѣдъ:
Одна парѳянка подарила.
Лезбія. Ну, имъ не соблазнишь меня!
Я жить хочу!.. *(Громко, чтобъ всѣ слышали)* Къ вамъ прямо я
Отъ кесаря!
(Общее движеніе. Публій, вставшій и поднявшій чашу, чтобы привѣтствовать Лезбію, постепенно садится на свое мѣсто).
Фавій *(тихо квесторy Теренцію)*. Смотри, Миртилла
Какъ будто жаба укусила...
Она же смотритъ на него,
Какъ на Пиѳона Фебъ...
Лезбія. Имѣла
Я счастье въ первый разъ его
Услышать пѣнье... ничего
Подобнаго не знаю! Млѣла
И плакала я даже!.. Да!
А говорятъ, я никогда
Не плачу!.. Какъ онъ держитъ лиру!
Какъ смотритъ въ небо Аполлонъ!..
Да, римляне! вы храбры! Міру
Вы предписали свой законъ,
Но я скажу, что предъ искусствомъ
Вы—варвары! Не стоитъ Римъ
Такихъ художниковъ! Съ твоимъ,
Ужъ извини, изящнымъ чувствомъ
Ты бъ могъ одинъ его цѣнить!
Онъ это знаетъ...
Децій. Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?
Лезбія. Отчасти...
Квесторъ Теренцій *(провинціальному претору)*.
...Ты совсѣмъ растаялъ?
Провинціальный-преторъ. Вотъ красота-то!.. И не чаялъ
Подобной встрѣтить отродясь!
Патриціанка?
Квесторъ Теренцій. Нѣтъ, иная
Генеалогія у насъ
Происхожденьемъ массильянка,
Отецъ былъ галлъ, а мать—гречанка.
Онъ былъ плисунъ. По городамъ
Таскалъ повсюду дочь съ собою.

Потомъ Изидинымъ жрецамъ
Ее онъ продалъ. Съ ихъ толпою
Чуть не во всѣхъ странахъ земныхъ
Перебывавъ, пришла къ Аѳинамъ,
Вездѣ попрыгавъ съ тамбуриномъ
И въ банделеткахъ золотыхъ.
Тутъ распрощалася съ жрецами
И появилась между нами
Прелестной внучкою царей
Понтійскихъ, и всѣ вѣрятъ ей:
Осанка, гордый видъ царицы,
Передъ крыльцомъ живыхъ два льва.
Гляди, какъ смотритъ: голова
Назадъ закинута, рѣсницы
Что стрѣлы, молньеносный взглядъ,
А профиль?

Провинціальный преторъ. Голова Медеи!
И косы вкругъ чела лежатъ,
Что перевившіяся змѣи!

Квесторъ Теренцій. Да, змѣи!.. Какъ сказала тутъ,
Что къ намъ отъ кесаря, такъ сжалось,
Другъ, сердце! Такъ и показалось,
Что змѣи всюду ужъ ползутъ
По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
И подъ ея упорнымъ взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

Провинціальный преторъ. Такая красота...
(Раздаются звуки трубъ. Общее движеніе).

Разные голоса. Э! гладіаторовъ трубятъ!
Бой будетъ, бой!..

Циникъ *(стоя среди залы и передразнивая всѣхъ)*.
А! крови, крови!
Сказался звѣрь! а не хотятъ
По Діогену жить!..

Всѣ. Мѣста! мѣста!

Входятъ гладіаторы. Попарно проходятъ мимо Деція, кланяются ему и потомъ строятся въ рядъ въ глубинѣ сцены. Рабы сдвигаютъ ложа, очищая мѣсто для боя. Децій и Лезбія остаются на своихъ мѣстахъ.

Лезбія. Вотъ это въ римскомъ вкусѣ! браво!
И ужъ за это честь и слава
Вамъ, римляпамъ!.. да, да... люблю!
Ты много держишь ихъ?.. Я знаю
Въ нихъ толкъ, сама ихъ покупаю,

Кормлю, учу и продаю
Превыгодно!

Децій. Ста два.

Лезбія. Такъ мало?

(Два гладіатора выходятъ на середину залы).

Лезбія. Недурны люди. Это—галлъ,
А этотъ... свевъ. Держу за галла,
А ты—за свева.

Гладіаторы наступаютъ другъ на друга. Галлъ съ мечомъ. Свевъ съ палицей. Сыплются удары на щиты.

Лезбія *(слѣдя за боемъ)*. Ну, пропалъ!
А! извернулся!.. Этотъ свевъ
Раскормленъ очень... впрочемъ, годенъ
Для палицы. Вотъ галлъ свободенъ,
Увертливъ, худъ и быстръ, какъ левъ
Ливійскій...

Свевъ наноситъ страшный ударъ. Галлъ роняетъ щитъ.

Децій. Ну, ты проиграла!

Свевъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложѣ. Децій смотритъ, приподнявшись на локтѣ.

Лида *(глухо)*. И Децій смотритъ!..

Но галлъ увертывается; тяжелый ударъ свева падаетъ на полъ. Галлъ быстро вонзаетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Свевъ падаетъ.

Лезбія. Угадала!
Ура! побѣда!.. *(Рукоплещетъ, и всѣ съ нею).*

Галлъ вопросительно смотритъ на Лезбію, наступивъ ногой на свева.

Лезбія. Ну, кончай!
Vae victis!

Общіе крики. Кончай, кончай!

(Галлъ закалываетъ свева подъ горло).

Лезбія *(спрыгиваетъ съ ложа, подбѣгаетъ къ свеву и смотритъ на рану. Около нея сбираются и другія женщины и молодые люди).* Ударъ на славу!
(Къ Децію, указывая на галла)
Ты, Децій, мнѣ его отдай!

Децій. Да всѣхъ бери!.. Хоть бы въ забаву,
Что удалось!

Циникъ *(шатаясь, подходитъ и толкаетъ ногой убитаго).* Матерый звѣрь!

Туллія. Ужъ близокъ къ Стиксу, чай, теперь,
Такъ вотъ ему на переправу.

Кладетъ убитому въ ротъ монету. Всѣ смѣются. Туллія Децію:

Теперь что жъ? Общій бой?..

Лезбія *(возвращаясь на свое мѣсто).*

Нѣтъ, полно! некогда! Вина
Налей мнѣ! Жажда мучитъ. Рада
Всю ночь смотрѣть! до бѣла дня!..
Теперь къ дѣламъ. Вотъ что мнѣ надо.
Во-первыхъ, ты поздравь меня
Съ другой побѣдою!.. Большого
Она мнѣ стоила труда,
Но безъ труда и нѣтъ плода!
Теперь сказать мнѣ только слово:
„Ты Децій мнѣ подаръ!“—
И ты живешь...

Децій *(прерывая съ закипающимъ негодованіемъ).*

Не говори,
Не думай... это невозможно.

Лезбія. Не горячись. Мнѣ все возможно.
Ты выслушай. Дня черезъ три —
Я все обдумала — устрою
Я небывалый пиръ съ борьбою,
Родъ олимпійскихъ игръ—пѣвцы
И бѣгъ... Конечно, всѣ вѣнцы
Получитъ кесарь... И, мой милый,
Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его понявши, человѣкъ
Всего добьется, только бъ силы
Достало и ума. А ты
Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я вѣдь знаю
Людей и въ будущемъ читаю,
Какъ пиѳія. Ты долженъ жить.

Децій. И въ жизни лишь тебя любить!

Лезбія. Да, да, союзъ. А цѣль тебѣ я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цѣль: „*Кесарь Децій*“, и вичуть
Не трудно. Надо лишь умѣя
За дѣло взяться. Ты богатъ
И дашь мнѣ средства...

Децій *(полунасмѣшливо).* О, Цирцея!
Все, все за царственный твой взглядъ!

Лезбія *(обидясь).* Упрямство, Децій, даже въ дѣтяхъ

Нехорошо! Съ такимъ умомъ,
Какъ ты...
(Увидѣвъ Публія, который приближается къ ней съ чашей въ рукахъ)
Да выгони мнѣ этихъ
Вралей! Останемся вдвоемъ,
Я убѣдить тебя сумѣю...

Децій. Довольно!.. Все, что я имѣю,
Твое, но съ тѣмъ, чтобъ не мѣшать
Мнѣ умереть...

Лезвія *(смутясь)*. Какъ понимать?

Децій *(въ полномъ разгарѣ гнѣва)*.
Да! не мѣшать!.. И передать
Нерону, что, собравши силы,
Я, издыхая, изъ могилы,
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ,
Что съ легіонами рабовъ
Не сломитъ въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь — самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество,
И кесарь онъ, пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!..
(Общее оцѣпенѣніе. Всѣ притаились на своихъ мѣстахъ).

Лезвія *(соскочившая съ своего мѣста во время рѣчи Деція, смотритъ на него съ испугомъ, потомъ съ озлобленіемъ; наконецъ, принимая повелительный видъ).*
Да заколите же его
Во имя кесаря!..
(Всѣ нерѣшительно поднимаются съ мѣста).

Децій *(указывая на чашу съ ядомъ)*.
Напрасно, не трудитесь!..
(Вполнѣ овладѣвъ собой, къ Давусу)
Эй! Давъ! открыть имъ галлереи,
Всѣ кладовыя, всѣ музеи,
Имъ всѣ сокровища открыть,
Подвалы съ золотомъ!.. берите
И виллу всю хоть разнесите
По камню!..
(Общее молчаніе; глухой радостный гулъ проносится въ толпѣ).

Квесторъ Теренцій *(про себя)*. Ухъ! Отлегло!..

Фабій *(тихо сосѣду)*. Все памъ даетъ?

Галлусъ *(хватаетъ чернильницу за поясомъ, тихо Гиппарху)*. Актъ не составить ли? donantis
Mens ne mutata sit?
Гиппархъ. Ну, вотъ!
Ужъ тутъ jus primi occupantis!
Давусъ *(поднимая связку ключей, ко всѣмъ)*.
Прикажете?.. *(Всѣ бросаются со своихъ мѣстъ)*.
Сенаторъ Аспицій *(мрачно про себя)*.
Чѣмъ кончится все это!..
(Уходитъ, опустивъ голову).
Фабій *(оглядывая столы)*.
А это все — сосуды, кубки...
Харидемъ *(подлѣ него, беретъ одинъ кубокъ)*.
Вотъ вещь изящная!.. голубки
Цѣлуются...
Фабій *(вырывая у него этотъ кубокъ)*. Давай сюда!
Рабы растащутъ же!..
Публій *(беретъ разную утварь)*. Да, да!
Въ гостинецъ внучкамъ!..
Великій жрецъ *(тихо)*. Я богамъ!
(За ними всѣ, кромѣ Лезбіи и циника, который, совсѣмъ опьянѣвъ, развалился на ложѣ, хватаютъ сосуды, чаши и пр. Опрокидываютъ многіе канделябры).
Лезбія *(неподвижно смотрѣвшая на Деція, съ досадой)*.
...Эхъ, Децій!..
(Къ эвіопамъ, указывая на толпу)
Дорогу мнѣ! *(Къ Давусу, пропуская его впередъ)* Иди!
(Эвіопы расталкиваютъ толпу).
Клавдій *(пропустивъ Лезбію, бѣгомъ возвращается съ молодежью и женщинами на середину сцены и, потрясая огромнымъ золотымъ сосудомъ)*. Ты, Децій, богъ!
Вся толпа. Богъ! богъ!
(Убѣгаютъ, опрокидывая послѣдніе канделябры).
Децій. Стократъ проклятье вамъ!.. И могъ
Съ ватагой этой непасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!
Циникъ *(безсознательно увлекаемый общимъ движеніемъ, пробуетъ встать, но падаетъ опять на ложе и кричитъ)*.
Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди! прелюбопытно!..
Все хорошо!.. Эй, вы!.. вы къ намъ,
Вы, самки!.. Туллія...
(Засыпаетъ).

Децій. Еще разъ всѣмъ проклятье вамъ!
(Зала остается съ опрокинутыми сѣдалищами и канделябрами, освѣщенная только висящими сверху свѣтильниками. Децій опускается на свое ложе, облокотясь на столъ предъ золотою чашей и глядя на нее).
Ну, что же?.. кончимъ „представленье“,
Какъ тотъ сказалъ!..
(Беретъ чашу; Лида и Марцеллъ къ нему приближаются).
Децій. Нужна не сила воли намъ,
Чтобъ жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!..
(Сильнымъ движеніемъ поднимаетъ чашу, чтобы выпить ее).
Лида *(бросаясь къ нему и удерживая).* Стой!
Стой, Децій!..
Децій *(быстро поставивъ чашу на столъ).*
Лида... ты!.. Марцеллъ!..
Лида *(едва удерживая рыданіе).*
Несчастный! видишь... видишь вотъ,
Что создала вамъ мудрость ваша!
Ты лучше всѣхъ, такъ яду чаша!..
Децій. Печально! да!.. *(Протягивая руку къ Лидѣ)*
Но гдѣ жъ исходъ,
Философъ милый, гдѣ жъ исходъ?
И если бъ былъ—то утѣшенья
Не много: поздно!..
Лида. Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидѣть разомъ свѣтъ, понять,—
Мгновенья одного довольно!
А тамъ, что дѣлать, что начать,
Само ужъ скажется невольно.
Увидя свѣтъ, ужъ никому
Назадъ не хочется во тьму!
Децій *(смотря пристально на Лиду).*
Но что, скажи, съ тобою, Лида?
Ты какъ въ огнѣ! Какой нарядъ!
Простая, темная хламида,
Покровъ широкій... какъ горятъ
Глаза... Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня...

Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уронія!..
Линда. Я выплыла изъ этой бездны:
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя... Душа твоя,
Я знала, бьется безполезно,
Ища въ ней берега... и шла
Я указать тебѣ спасенье...
И сколько разъ!..
Децій *(въ недоумѣньи)*. Ты мнѣ несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?
Линда. Ты знаешь христіанъ?
Децій *(озадаченный)*. Спасенье
Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
Я знаю и не разъ слыхалъ
Ихъ проповѣдниковъ: худые
И загорѣлые, босые...
Ихъ въ Римѣ много... Одного
Я живо помню. Былъ забавенъ
Восточный выговоръ его,
И жестъ порывистъ и неплавенъ,
Но дикимъ паѳосомъ своимъ
Онъ поражалъ... Я помню, было
Внѣ Рима. Солнце заходило,
И онъ указывалъ на Римъ...
Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
И мы подъѣхали верхомъ
Съ прогулки... „Змѣй многоочитый,-
Онъ восклицалъ,—ты міръ земной.
Обвивъ, сдавилъ его собой,
И здѣсь, на семихолмьѣ, въ Римѣ,
Въ златомъ вѣнцѣ и діадимѣ
Главой покоишься своей..."
Я оглянулся: блескъ заката,
Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змѣй—
Великолѣпное сравненье!
Онъ разумѣлъ развратъ, паденье
И порчу нравовъ: говорилъ
Все въ апологахъ, но оставилъ
Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ, былъ
Изъ римскихъ гражданъ...

Линда *(быстро)*. То былъ Павелъ!
Децій. Ты знаешь ихъ по именамъ?
Линда. Я христіанка.
Децій. Какъ? давно ли?
Линда. Все дѣло въ истинѣ, а тамъ,
Какъ къ ней пришелъ, не все равно ли?..
Вотъ слушай...
Въ циркѣ разъ среди
Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
Одна стояла—на груди
Сложивши руки, безъ боязни
Смотря на звѣря и кругомъ
На насъ, на кесаря—безъ гнѣва,
И чудо—красотою дѣва...
Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
Глаза и точно повстрѣчавъ
Кого-то тамъ, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста... Шумъ и клики
Тутъ поднялись... но мнѣ ужъ дики
Казались люди... я ушла...
И съ той поры, три ночи рядомъ,
Та дѣва, съ тѣмъ же кроткимъ взглядомъ,
Ко мнѣ являлася и тѣ жъ
Слова мнѣ тихо повторяла:
„Иди и мать мою утѣшь"...
И я пошла... и все узнала...
И тамъ, средь тихихъ, свѣтлыхъ слезъ,
Я все нашла, чего искала,—
Я поняла, кто былъ Христосъ...
Децій *(уклоняясь отъ впечатлѣнія)*.
Видѣнье... А, Марцеллъ, ты вѣришь,
Что Бруту Цезарева тѣнь
Являлась на разсвѣтѣ, въ день
Фарсальской битвы?...
Марцеллъ. Къ убійцѣ? Можетъ-быть. Не знаю...
Но я видѣнье понимаю,
Что было Павлу... Онъ скакалъ
Въ Дамаскъ, пустыней, въ злобѣ дикой
На христіанъ—онъ замышлялъ
Ихъ истребить—и вдругъ великій
Увидѣлъ свѣтъ и изъ него
Услышалъ голосъ: „Для чего

Меня ты гонишь, Павелъ, Павелъ!"
Предъ нимъ стоялъ Христосъ... И Павелъ,
Прійдя въ Дамаскъ, ужъ не къ врагамъ
Пошелъ Христовымъ, а къ друзьямъ.
Такая жъ, какъ о Павлѣ, повѣсть
И обо мнѣ. Мы всѣ пройти
Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совѣсть
Перепытать—какъ онъ въ тотъ путь;
Такъ глубоко въ себя взглянуть,
Чтобъ въявь Христа увидѣть...

Децій *(въ изумленіи, почти въ испугѣ).*
Боги! *(Вскакиваетъ).*
И ты! ты, римлянинъ, ты, строгій
Патрицій, воинъ, жизнь свою
Проведшій въ лагерѣ, въ бою...
Да ты... Вѣдь этотъ Римъ Нерона,
Припомни, говорилъ ты самъ,
Что два иль три бы легіона,
И разнесли вы по клочкамъ...

Марцеллъ *(попрежнему спокойно и твердо).*
Да, думалъ я, вѣрна побѣда.
Но вдругъ былъ въ лагерь приведенъ
Ко мнѣ подъ стражей Павелъ. Онъ
Судьбу мою рѣшилъ!.. Бесѣда
Единой ночи!.. Весь раскрытъ
Я передъ нимъ стоялъ, разбитъ,
Какъ червь раздавленъ...

Децій *(съ возрастающимъ ужасомъ перебивая его).*
Озлобленье
Въ тебѣ, отчаянье...

Марцеллъ. Да! Да!
Все было: даже ядъ всегда
Съ собой носилъ...

Лида. Прозрѣнье,
Прозрѣнье внутрь себя!

Марцеллъ *(тономъ глубокаго убѣжденія).*
...Я понялъ, намъ
Не Богъ предметомъ поклоненья
Во храмѣ былъ, а самый храмъ!
Порядокъ въ людяхъ водворя,
Цѣль жизни—мы открыли имъ?..
Одна случайность роковая
Являлась въ ней и намъ самимъ!..

Таковъ нашъ Римъ: что онъ ни строитъ,
Онъ строитъ на пескѣ морскомъ;
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
И всѣхъ, кто жизни частъ въ немъ...

Децій *(перебивая съ величайшею живостью)*.

О, Римъ гетеръ, шута и мима—
Онъ мерзокъ, онъ падетъ!.. Но нѣтъ,
Вѣдь въ томъ, что носитъ имя Рима,
Есть нѣчто высшее!.. Завѣтъ
Всего, что прожито вѣками!
Въ немъ мысль, вознесшая меня
И надъ людьми и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее племя!
Въ символѣ побѣды это мной
Въ предѣлахъ вѣчности самой
Навѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которымъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожитъ
Никто! Никто меня не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты...

Марцеллъ *(горько, потомъ строго)*.

И хотъ одинъ передъ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты
Лишь самъ любуешься собою
И съ чашей яду лишь глядишь,
Въ красивой позѣ ль ты стоишь!..
Онъ, разумъ, значитъ, злая сила,
Когда, чтобъ въ высотѣ стоять,
Мильоны ближнихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять...

Децій *(въ высочайшемъ разгарѣ страсти)*.

Мильоны ближнихъ!.. Что такое
Мнѣ эти ближніе?.. Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
Какъ? Изъ того, что той порой,
Когда стихіи межъ собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,

Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,—
Мнѣ ихъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
Да первый тотъ, кто возложитъ
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто жъ суевѣрья ихъ презрѣлъ
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ
И въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть, какъ въ безотчетномъ страхѣ
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ!
И если, чтобъ ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ
Существъ, несмыслящихъ, слѣпыхъ,—
Пусть гибнутъ!.. такова ихъ доля!
Имъ даже счастіе неволя!
Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ,
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ!

(Продолжаетъ ходить).

Марцеллъ *(строго и горько)*. Все знаю! Такъ насъ поучалъ
Нашъ славный разумъ! Онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
„Я истина“, и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ, онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
И циникъ также... Отчего же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

Лида *(смотритъ на Деція съ ужасомъ)*.
Какъ ночь, душа его мрачна!
Онъ, Боже, никого не любитъ...

(Плачетъ истерически).

Ихъ гордость римская... Она
Ихъ умъ мрачитъ... Она ихъ губитъ...

Децій *(останавливаясь передъ нею)*.
Къ чему же слезы?.. Перестань...

(Смотритъ на нее внимательнѣе).

Но какъ ты, Лида, измѣнилась...
О, какъ ты стала хороша...

Лида *(послѣ сильнаго напряженія, голосомъ искренняго чувства и все болѣе одушевляясь).*

Я, Децій!.. Я давно простилась
Со всѣмъ земнымъ!.. Твоя душа —
Ты міръ обнять не можешь взоромъ
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, предъ которымъ
Ничто твой жалкій, бѣдный міръ,
Гдѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!
Да, гордость, Децій!.. Ослѣпила
Она тебя!.. Въ земныхъ цѣпяхъ
Душа источникъ свой забыла,
А онъ, о, Децій, въ небесахъ!
Слова Христовы западаютъ
Мгновенно въ душу оттого,
Что намъ Его напоминаютъ
И возвращаютъ намъ Его...
И тутъ ужъ смерть, конецъ разлуки!
Побѣдный выходъ изъ тюрьмы,
И примешь все ты: смерть и муки,
Чтобъ къ свѣту вырваться изъ тьмы...
Ахъ, Децій! Міръ—одно терзанье!
И, къ свѣту разъ открывъ пути,
Ты будешь знать одно желанье—
Всѣмъ указать и всѣхъ спасти!..

Децій. Ты точно внѣ ужъ міра, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю... Точно отъ земли
Оторвалась, межъ звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли...
(Смѣясь)
Вотъ видишь, ты не ожидала—
Передъ тобой и я поэтъ!..

Лида. Опъ шутитъ!..

Децій. Бросимъ этотъ бредъ.
Прости, Марцеллъ, но только дѣтямъ
И можно увлекаться имъ...

Лида *(съ новымъ одушевленіемъ).*

Бредъ, говоришь ты? Но ужъ Римъ,
Ужъ міръ исполненъ бредомъ этимъ!
Ужъ мы на рубежѣ стоимъ,
И въ Римѣ ужъ теперь два Рима!

Здѣсь—этотъ Римъ; ужъ онъ—какъ тѣнь
Теперь, какъ призракъ... Близокъ день,
И онъ разсѣется... и новый
Откроетъ Римъ...

(Слышно издали пѣніе, и въ глубинѣ сада показываются медленно проходящіе въ сіяніи свѣточей христіане).

Пѣніе христіанъ. Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній!
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному!

Децій. Кто это?

Линда *(торжественно)*. Новый Римъ!
Да! Здѣсь
У васъ пиры, а тамъ, подъ вами,
Въ землѣ, тамъ въ катакомбахъ весь
Всечасно молитъ со слезами
О васъ же христіанскій Римъ,
Чтобъ Вседержитель Богъ далъ силы
Ему спасти васъ...

Децій. Новый Римъ?!
Такъ христіане Новый Римъ?!
Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
Великихъ предковъ?!

(Съ судорожнымъ хохотомъ)
Новый Римъ!
Да развѣ можетъ быть два Рима?
Два разума! Двѣ правды! Два
Могущества, два божества!..

Марцеллъ. И тотъ, гдѣ ложь,—неотвратима
Его погибель!.. Пусть насъ жгутъ...

Децій *(порывисто)*. Ужель мильоны васъ?

Марцеллъ *(нерѣшительно)*. ...Не знаемъ...

Децій. Декретъ ты знаешь?

Марцеллъ *(указывая на идущихъ христіанъ)*. Исполнимъ,
Какъ видишь...

Децій. Какъ? Они идутъ
На смерть?

Линда. Что смерть!

Децій *(мрачно, смотря на христіанъ)*. Глазамъ не вѣрю!
На казнь итти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть...

И кто жъ? Рабы!..
(Почти въ изступленьи)
Да кто жъ вы? Кто вы?
Марцеллъ! Вѣдь, строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!
Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!..
Римъ, словно небо, крѣпкимъ сводомъ
Облегшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ
Или отжившимъ, иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ въ цѣпяхъ, лишь къ поскѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что̀ мнѣ̀ бъ и мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцеллъ, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что̀ намъ позоръ, имъ не позоръ!
Они *(указывая на статуи)* предъ этими мужами
Не заливался слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей, которымъ пропитанье—
Всей жизни цѣль, придутъ сюда!
И гдѣ жъ узда для дикой воли?
Что̀ ихъ удержитъ? Все падетъ!
И Пантеонъ и Капитолій
Травою сорной зарастетъ!..
Лида. Проходитъ зримый образъ міра,
Но, Децій, міръ не погубить
Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить...
Марцеллъ. И жизнь вдохнуть въ него!
Децій *(къ Марцеллу, съ презрѣньемъ)*. Несчастный!
(Взглянувъ на чашу съ ядомъ)
О, умирать теперь ужасно!
Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? Съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы

Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, неколебимъ...

Цинникъ *(проснувшись)*. Хозяинъ умеръ?

Марцеллъ. Вотъ твой Римъ
Тебя зоветъ: къ его объятьямъ
Стремись скорѣе. Что̀ нужды,
Что этотъ мужъ въ своемъ пареньи
Не видитъ далѣе ѣды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло. Христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдали, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ Децiя, которые останавливаются предъ входомъ въ залу и потомъ, впереди Іовъ, входятъ въ залу, по окончаніи слѣдующей рѣчи Марцелла. Марцеллъ и Лиза дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Децій отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется цинникъ, со словами: „это что̀?" указываетъ на христіанъ и прислушивается.

Гимнъ христіанъ. Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній,
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному...

Марцеллъ. Ну, Децій! Время... Со своими
Я ухожу... Прощай...
(Хочетъ итти, но возвращается опять и говоритъ Децію, указывая на христіанъ)
...Ты видишь, вотъ живыя
Все души,—въ каждомъ разумъ свой,
Но всѣ любовію одной,
Какъ солнцемъ глубины морскія,
Озарены!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми жъ, что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ, какъ нѣкій ураганъ...
Что̀ было свѣтомъ, въ мракъ отходитъ!

Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ, какъ тѣнь.
Что жъ, гордый человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тьмѣ могильной,
Въ безумной гордости своей!
Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужъ не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда?..

Децій *(къ Марцеллу твердо и выразительно).*

Мой судъ—я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ;
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
И съ ними всѣ народы,—имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ...

(Беретъ чашу; Лида бросается къ нему, онъ ее останавливаетъ).

Прочь! *(Къ циннику)* А ты бѣги
И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
Въ его стѣнахъ! что умираю
Я на посту своемъ за Римъ!
За вѣчный Римъ!.. *(Выпиваетъ чашу).*

Лида *(закрывая лицо руками и падая на колѣни).*

Боже! Я
Имѣла вѣры не довольно!

Децій *(увидавъ вошедшихъ христіанъ).* Прочь!

Іовъ. Боже сильный! Отпусти
Ему грѣхъ вольный и невольный!

(Приближаясь къ Децію)

Ты жъ, господинъ, ты насъ прости,
Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

Децій *(сурово).* Что надо вамъ?

Лида. Твои рабы
Идутъ на смерть и молятъ, Децій,
Чтобъ Богъ простилъ тебя и ты
Простилъ бы ихъ!..

(Децій быстро отъ нихъ отворачивается).

Циникъ. О чемъ хлопочутъ?
И вѣдь не плуты, не морочатъ!
Поди жъ, вѣдь создаютъ себѣ
Мученья!.. Мудрецы все!.. *(Уходитъ).*

Децій *(склоняясь на ложе, Марцеллу).*
А если всѣ насъ такъ разсудятъ,
Марцеллъ?

Лида *(искренно, страстно).* Судъ только Божій будетъ!
Ты, Децій, ты любилъ, что̀ зналъ;
Зналъ Римъ! Его любилъ ты много,
Собой пожертвовалъ, страдалъ...
О! Жертва всякая у Бога
Сочтется...

Децій *(съ ненавистью, грозно).* Лида! Я бъ васъ гналъ,
Когда бы жилъ еще! Терзалъ
Звѣрьми бъ, живого бъ не оставилъ!..

Лида *(слезы въ голосѣ).* Ты бъ гналъ, покуда бъ не узналъ,
Покуда бъ не прозрѣлъ, какъ Павелъ,
И больше насъ тогда бъ Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь правота!
Прозрѣвъ, отдался бъ въ искупленье
Всѣхъ золъ, что̀ сотворилъ!.. Прощать
Ты бъ научился... Да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье, жизнь—прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!..

Децій *(приподнимаясь и пристально смотря на Лиду).*
Не та!..
Не та!.. Такъ кто же ты?.. Видѣнье?
Дай руку... *(Съ ужасомъ)* Свѣтъ вокругъ тебя!
Что̀ жъ это? Что̀? *(Падаетъ и умираетъ).*

Лида *(опускаясь передъ нимъ на колѣни).* Онъ былъ одинъ,
Кто былъ еще мнѣ дорогъ въ мірѣ...

Марцеллъ *(смотря на Деція).*
Сынъ вѣка! Свѣтъ былъ предъ тобой...
Не видѣлъ ты!
(Солнце полнымъ блескомъ озаритъ сцену).

Марцеллъ. Ужъ солнце! Вотъ онъ,
Нашъ день!

Лида *(подымаясь).* Твоя теперь, Господь,
Вся, вся Твоя!

Іовъ. Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!
(Присоединяются къ христіанамъ и уходятъ съ ними съ пѣніемъ гимна: „Ясный, немеркнущій“ и пр. Занавѣсъ падаетъ).

1872, 1881.

II.

БРИНГИЛЬДА.

ПРИ ПОСЫЛКѢ „БРИНГИЛЬДЫ“ ВЪ МАЛУЮ АЗІЮ.

Моя валкирія—дитя
Снѣговъ и сѣверныхъ сіяній,
Теперь внезапно залетя
Въ пору весеннихъ ликованій
Земли, и моря, и небесъ,
На свѣтлый берегъ Пропонтиды,
Нашла ль въ странѣ иныхъ чудесъ,
У сродной съ нею Артемиды
Привѣтъ и ласковый пріемъ?
Или воительница юга
Съ ней обошлась, какъ со врагомъ,
И стали другъ противу друга,
Движеньемъ безотчетнымъ рукъ
Схватясь за мечъ, а та—за лукъ,
И съ вызывающей осанкой
И, по обычаю, на бой
Духъ разжигая похвальбой
И благородной перебранкой?

1886.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

А. И. М—й.

Пусть—вся въ крови моя поэма;
Пускай Брингильды грозенъ видъ,—
Но изъ-подъ панциря и шлема
Въ ней сердце нѣжное сквозитъ,
И душу ей святымъ крещеньемъ
Лишь озари, и освѣти
Ея высокимъ дерзновеньемъ
Христомъ открытые пути,—
Она бы образъ тотъ явила
Душевныхъ силъ и красоты,
Который намъ осуществила
Въ любви и жертвѣ вѣчной—ты...

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гудруна — жена убитаго Сигурда.
Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны.
Медди. }
Гермунда. }
Герварда. } пять королевъ.
Урлунда-Красавица. }
Древняя Гильда. }

Время—миѳическихъ преданій Скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурдъ на высокомъ помостѣ лежитъ.
Весь съ головы золотою покрытъ онъ фатой;
Факелъ горитъ въ головахъ, а въ ногахъ у него
Блѣдная, взглядъ неподвижный, Гудруна сидитъ.
Пять королевъ на ступеняхъ помоста вокругъ—
Древняя Гильда на креслахъ высокихъ одна:
Съѣхались съ разныхъ концовъ на ужасную вѣсть.
Воины въ шлемахъ стальныхъ оцѣпляютъ ихъ кругъ.
Сзади толпятся старѣйшины, дворъ и рабы.
Ропотъ въ чертогѣ и гулъ отъ толпы на дворѣ.
Утромъ съ шурьями на ловы поѣхалъ Сигурдъ.
Тотчасъ почти принесенъ былъ домой, весь въ крови.
Кровь изъ большихъ десяти изливалася ранъ.
Входитъ Брингильда въ чертогъ, дверь наотмашь раскрывъ.
Шуба соболья и волосы въ снѣжной пыли.
Холодъ за нею въ широкія двери пахнулъ.
Въ стороны съ факела пламя метнулось, вздымясь.
Дрогнулъ, заискрясь, Сигурдовъ покровъ золотой.
Глянувши быстро на всѣхъ, молча въ уголъ прошла.
Слушаетъ, пристально глядя, что вокругъ говорятъ.
Подлѣ Гудруны, у ногъ ея, Медди была.
Горе чужое—да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колѣни ея положивъ
Молвила: „Милая! Жалко смотрѣть на тебя!

Прим. для чтенія вслухъ... „Бога ради, читая вслухъ, не скандуйте стиховъ, какъ, къ сожалѣнію, у насъ принято при чтеніи греческихъ и латинскихъ поэтовъ и переносится также и на русскіе трехсложные размѣры; не надобно думать совсѣмъ о размѣрѣ: читайте какъ прозу, но выразительно, гдѣ требуется, и съ удареніемъ на тѣ слова въ стихахъ, на которыя слѣдуетъ по смыслу. Скандованіе убиваетъ всякое одушевленіе, всякій лиризмъ, всѣ переливы чувства, словомъ, пропадаетъ вся сила діалога. Въ рѣчахъ Гудруны и еще болѣе—Брингильды—скорѣе—декламація, а не скандованіе..." *(Изъ письма автора).*

Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышишь, и то вѣдь вздрогнешь всякій разъ!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Свѣтлый былъ свѣтъ на душѣ—темна ночь налегла!
Цвѣтикъ въ прогàлинкѣ—всякій затопчетъ тебя!
Елочка крàй-лѣску—всякій обидитъ тебя!
Лань ты моя круглоокая! серна моя!
Чуется, тяжко тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы ль, бывало, олень твой бѣжитъ,—ты за нимъ!
Пьетъ ли въ ручьѣ,—ты ужъ скачешь и плещешься вкругъ!
Будь моя волюшка—охъ!—унесла бы тебя!
Холила бъ въ зàмкѣ своемъ... Здѣсь вѣдь ужасъ и мракъ!“

Молча Гудруна, въ отвѣтъ, лишь тихонько съ колѣнъ
Руку подруги сложила холодной рукой.

Молвитъ Гермунда: „И вправду ужъ лучше ты плачь!
Легче, какъ выплачешь горькое горе заразъ!
Слезъ еще много на первое горе найдешь.
Вотъ, какъ другія пойдутъ—такъ и рада бъ—да нѣтъ!
Высушатъ въ сердцѣ вконецъ всѣ живые ключи!
Я схоронила двоихъ—да какихъ вѣдь мужей!
Пять сыновей у меня въ одномъ пало бою!..
Съ факеломъ, въ бурную ночь я бродила межъ тѣлъ,
Всѣхъ собрала. Нагрузила тѣлами ладью.
Ѣду. Надъ ними стою—и ни словъ нѣтъ, ни слезъ.
Думаю: что же? зачѣмъ же осталась я жить?..
Только—живу. Двое внуковъ остались: рощу.
Домъ свой, народъ, все какъ было, во страхѣ веду.
Въ фòльстингъ старшинъ собираю. Суды имъ сужу.
Съ моря ли, съ суши ли врагъ—я встрѣчаю сама:
Всѣхъ впереди колесница моя иль корабль...
Внукамъ отцовскій вѣнецъ поклялась передать.
Въ женскихъ рукахъ не сломавъ ни единаго зубца.
Такъ вотъ и ты поступай. У тебя вѣдь есть дочь“.

Молвитъ Герварда: „А я-то? Что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у насъ!
Въ домѣ—большая семья, вѣчно гости, пиры!
На̀ берегъ выйдешь—и нѣту конца кораблямъ!
Словно безсчетно чудовищъ морскихъ на песокъ
Всплыли съ глубинъ и на солнцѣ рядкомъ улеглись,
Головы съ пастью драконовъ поднявъ высокò!
Нынче—волчецъ тамъ да верескъ: аланы прошли!
Все—сожжено!.. что побито, что угнано въ плѣнъ!
Я—королева—въ толпѣ очутилась рабынь!
Гнали насъ съ мѣста на мѣсто, голодныхъ, босыхъ...

Взялъ меня въ жены каганъ. У него на пирахъ—
Мужниныхъ, отца, троихъ братьевъ,—всѣхъ пять череповъ—
Въ кубки обдѣлали ихъ—наливала виномъ.
Ихъ разносила съ поклономъ пирующимъ я!
Что же? привыкла! сжилась! и съ каганомъ сжилась!
Въ почестяхъ тоже, какъ слѣдъ... принимали царей...
Только его отравили... какой-то тамъ грекъ...
Вслѣдъ пришло войско... самъ кесарь... все бросилось врозь.
Я по болотамъ скрывалась, по дебрямъ—совсѣмъ
Думала—смерть!—да попала сюда, и еще
Мужа нашла,—королева опять, въ третій разъ!
Ты молода еще: что же крушиться тебѣ?
Мужа—постой—не такого найдешь! Ужъ повѣрь,
Знаю я—всѣ они каждый по-своему милъ!
Дикій аланъ—и по немъ даже плакала я!"
Словно не видитъ, не слышитъ, Гудруна сидитъ.
Взглядъ устремила впередъ. Ни кровинки въ лицѣ.
Молвитъ Урлунда-Красавица: „Годъ вожила
Съ первымъ я мужемъ, Гудруна. Какъ умеръ онъ,—я
Думала: кончено! больше ужъ нечего жить!
Бросилась даже за нимъ на костеръ: удержать
Люди насилу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: плачу, не ѣмъ и не пью.
Встрѣтился Оттенъ—и стыдно въ признаться мнѣ въ томъ—
Стыдно—но я, государыни, вамъ признаюсь:
Встрѣтился Оттенъ—и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди—я не знаю, но, слава богамъ,
Благами ихъ какъ цвѣтами осыпана я!
Дѣти—красавцы! а старшій ужъ править рулемъ,
Знаетъ всѣ снасти, какъ парусъ поставить, когда.
Такъ ужъ его и прозвали Волчонкомъ Морскимъ!..
Развѣ мы знаемъ удѣлъ свой!.. Какъ ты родилась,
Норны связали ужъ въ узелъ твой жребій навѣкъ,
Намъ—ни распутать, ни вновь своего не скрутить!"
Древняя Гильда за всѣ пожелала сказать:
Жадно всѣхъ очи къ ея устремились устамъ.
Всюду какъ жемчугъ слова подбирались ея.
„Въ старые годы намъ слезы вмѣнялись въ позоръ.
Замужъ шла—знала, что мужнинъ конецъ—твой конецъ,
Шла съ нимъ на одръ—знала: такъ же пойдешь на костеръ.
Чуть не сто лѣтъ я живу. Что жъ? въ радость мнѣ жизнь?
Сорокъ годовъ ужъ какъ въ море ушелъ мой король.
Я разсылала гонцовъ: возвращались ни съ чѣмъ.
Башню на крайнемъ утесѣ поставила я,

Стража на вышкѣ, а я на бойницѣ весь день.
Парусъ его покажись: я узнаю изъ ста!...
Вѣщій есть старецъ, вѣдунья-жена у меня.
Валка—вѣдунья: въ пещерѣ надъ Геллой *) живетъ.
Ходъ тамъ въ пещерѣ есть узкій и въ Геллу окно:
Всѣхъ истязуемыхъ тѣни тамъ видитъ она:
Нѣтъ до сихъ поръ между нихъ моего, говоритъ.
Вѣщій же—Спорро: являлся къ нему самъ Одинъ.
Травы онъ знаетъ. Нажжетъ ихъ—что сонъ упадетъ,
Духомъ же къ самой Валгаллѣ восходитъ тогда.
Тамъ, притаясь, онъ въ толпѣ челядинцевъ глядитъ:
Видѣлъ и свѣтлаго Бальдура, Брагги-пѣвца,
Фригту, Одина—сидятъ за высокимъ столомъ.
Тѣни жъ сражаются, мчатся на бѣлыхъ коняхъ,
Жены, любуясь, стоятъ по сторонкамъ вокругъ—
Нѣтъ короля моего, нѣтъ Олафа и тамъ!
Такъ я его по тремъ царствамъ, по всѣмъ, сторожу,
Какъ гдѣ явился—узнаю—и тотчасъ къ нему!
Лодка съ горючей смолой наготовѣ всегда,
Царское платье, вѣнецъ. Въ тотъ же мигъ уберусь,
Сяду, спущуся въ открытое море сама,
Брачную пѣснь запою и смолу запалю,—
И—полечу голубицей вдогонку къ нему!“

Смолкнула Дивная: вспыхнувшій пламень погасъ.
Молча склонили главы королевы предъ ней.
Съ низкимъ поклономъ лишь Медди дерзнула сказать:

„Нынче, какъ ты, государыня, мало такихъ!
Гдѣ же намъ съ этимъ терпѣньемъ и вѣрой прожить!
Мужъ уѣзжаетъ... на годы пропалъ о немъ слухъ:
Ждешь ты, живешь—сирота—ни жена ни вдова:
Ждешь, узорочья ему вышиваешь, сидишь;
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крѣпишься-крѣпишься, стелешь стежокъ за стежкомъ,—
Нѣтъ—да и капнетъ тебѣ на работу слеза...
Ты вѣдь весь вѣкъ на гнѣздѣ, а вѣдь онъ-то—кружитъ,
Такъ залетитъ, что, гляди, и забылъ обо всемъ!..“

Молча сидѣла Брингильда въ тѣни, на скамьѣ.
Умныхъ рѣчей королевъ ужъ не слышитъ давно.
Вдругъ она встала, на помостъ къ Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью съ крутого плеча,
На руку бѣлый спустила покровъ съ головы,
Черныя косы откинула быстро назадъ.

---

*) Гелла—адъ.

Ферязь на ней золотая: за поясомъ—ножъ;
Гладкое, низко на лбу, золотое жъ кольцо.
Сдернувъ съ Сигурда покровъ съ головы и груди—
Десять зіяющихъ ранъ обнажила на ней.
Вмигъ отскочила Гудруна и вскрикнула такъ,
Воплемъ такимъ, что гудѣньемъ тотъ крикъ отдался
Въ кованыхъ чашахъ на полкахъ кругомъ по стѣнамъ.
Точно мечомъ поразилъ ея сердце въ упоръ
Грозныхъ Брингильды очей торжествующій взглядъ.
Тутъ полились, что потокъ, у Гудруны слова:
„Прочь, ненавистная! скройся, уйди ты отъ насъ!
Только ты горе и слезы приносишь съ собой!
Дѣло твое—эта кровь! неповинная кровь—
Къ крови ты съ дѣтства привыкла, что къ сладкимъ медамъ!
Дикимъ аланомъ, не дѣвкой родиться бъ тебѣ!
Чѣмъ виноватъ онъ—Сигурдъ—предъ тобою, скажи?
Тѣмъ ли, что между мужей онъ что солнце сіялъ?
Тѣмъ ли, что слава его облетѣла весь свѣтъ?
Видѣла ты, что, когда выходилъ онъ со мной,
Всѣ разступались, съ радостью глядя на насъ:
Ты только черною тучей смотрѣла, одна!
Лѣтомъ, когда уѣзжали они на войну,
Я не хотѣла, чтобъ съ братьями ѣхалъ Сигурдъ,
Я, какъ надъ малымъ ребенкомъ, дрожала надъ нимъ,
Три дня, три ночи молила—и сдался бы онъ,
Если бъ не взглядъ твой, не сжатыя губы твои,
Это презрѣнье и вмѣстѣ насмѣшка въ лицѣ!
Сѣлъ ужъ когда на коня—я упала безъ чувствъ—
Помнишь—какимъ залилася ты смѣхомъ тогда!
Смерти его ты ужъ хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся жъ—вотъ онъ!.. Твое это дѣло, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои ужъ глаза—
Взглядомъ убьешь, обернешься медвѣдемъ, орломъ,—
Прежде была—говорятъ же—Валкиріей ты!
Братья пріѣдутъ—постой!—старшину соберутъ,
Любъ ли Сигурдъ былъ народу—узнаешь тогда!“
Рѣчь перебить ей хотѣла Брингильда: „Молчи!—
Вскрикнула снова Гудруна.—Оставь хоть на мигъ!
Дай хоть въ послѣдній-то разъ поглядѣть на него!
Ахъ, государыни! горькая доля моя!
Только какъ вспомню... вотъ нынче—поднялся чѣмъ свѣтъ,
Ходитъ на цыпочкахъ, самъ снарядился, одинъ,
Бережно крался къ дверямъ, чтобъ меня не будить—
Я притаилась—лежу—и все вижу—молчу—

Только онъ къ двери,—вскочила, его обняла,—
Поднялъ меня какъ ребенка,—опять уложилъ—
И—уходилъ и смѣялся, кивнулъ головой,—
Только и видѣла!.. Встала, во дворъ выхожу—
Вижу—бѣжитъ его конь, его Грани одинъ
Гдѣ жъ твой хозяинъ?—я въ шутку спросила его:
Конь палъ на землю—и слезы изъ глазъ полились—
Плакалъ слезами,—а мнѣ еще все невдомекъ!
Только вдругъ вижу—несутъ!.. Что тутъ сталось со мной!
Я и теперь даже въ разумъ прійти не могу!
Гдѣ я? съ какой я упала теперь высоты?
Вотъ ты хотѣла, ехидна, чего—моихъ слезъ.
Радуйся жъ! хватитъ тебѣ ихъ на всю твою жизнь!
Пей ихъ, соси ихъ, суши мое сердце, змѣя!
Ишь, нарядилась какъ! золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у насъ въ домѣ, а свадебный пиръ!
Бѣдный мой, бѣдный!..“ И, сильно руками всплеснувъ,
Голосомъ стала рыдать и упала на одръ,
Жаркой къ колѣнямъ Сигурда прижавшись щекой.
Сжалося сердце у всѣхъ у пяти королевъ
Искоса взглядъ на Брингильду бросаютъ порой.
Стража сурово глядитъ, на щиты опершись.
Тихія женщинъ рыданья въ толпѣ раздались.
Тихо Брингильда Гудрунѣ въ отвѣтъ начала:
„Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, кляни,
Все, что есть злобы въ душѣ, изливай на меня!
Прежде... вчера еще... голосъ твой—имя твое—
Кровь подымали во мнѣ и мутили глаза,
Кажется—такъ бы тебя растерзала сейчасъ!
Только въ желѣзной уздѣ я держала свой духъ.
Руки сжимая,—ногтями ихъ рѣзала я!
Нынче жъ спокойно, безъ злобы, отвѣчу тебѣ!..
„Нынче, когда принесенъ былъ убитый Сигурдъ,—
Въ полную грудь мнѣ хотѣлось вздохнуть въ первый разъ!..
Въ горы ушла я, блуждала по бѣлымъ снѣгамъ,
Пѣла во всю свою волю побѣдную пѣснь—
Пѣла, какъ въ дѣтствѣ пѣвала по раннимъ зарямъ,
Розовымъ блескомъ ихъ тѣшась на горныхъ высяхъ!..
„Крошкой-Валкиріей“ звали тогда ужъ меня—
Послѣ ужъ „Грозной Валкиріей“ прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одѣла и шлемъ,
Грозной Валкиріей—вправду являлась въ бояхъ:
Мечъ мой, къ кому я хотѣла, побѣду склоняла!

„Ахъ, эти годы мои—золотые года!
Я, что орлица, жила въ недоступной выси!
Мелкую тварь, что ютится въ порахъ, по землѣ,
Въ жалкой враждѣ—и не знала, не видѣла я!..
Ахъ! для чего имъ хотѣлось, чтобъ замужъ я шла!..
„Былъ у насъ замокъ—спасенье, я думала, тамъ!
Замокъ—и въ лѣто на снѣгомъ покрытой горѣ.
Только подъемный надъ пропастью подняли мостъ—
Въ замокъ и доступу нѣтъ... Царство вѣчной зимы!
Только одинъ и цвѣтетъ тамъ минутный цвѣтокъ—
Подлѣ оттаявшей глыбы—фіалокъ семья.
Вкругъ—клокотанье ручьевъ—водопадовъ грома,
Радуги всюду надъ ними въ алмазной пыли,
Синее небо и—міръ безпредѣльный кругомъ!
„Я и сказала своимъ, что туда удалюсь.
Только тотъ смѣлый, кто въ замкѣ добудетъ меня,—
Только одинъ онъ и будетъ мнѣ мужъ. И ушла.
„Сколько тамъ дней—и не помню, не знаю—прошло.
Разъ—открываю глаза—свѣтозарный ли богъ,
Горній ли духъ-повелитель льдяныхъ этихъ странъ,
Въ чистомъ эоирѣ рожденный, въ нетлѣнной зарѣ,
Смертный ли чудной, невѣдомой мнѣ красоты,—
Шлемъ золотой—изумленный и радостный самъ—
Мечъ обнаженный опущенъ—стоитъ предо мной...
Онъ—этотъ витязь—онъ здѣсь!.. Вотъ онъ—мертвый—
Сигурдъ—
Встъ,—продолжала, касаясь Сигурда рукой:—
Вотъ эти волосы—въ кудряхъ вились по плечамъ...
Блѣдныя щеки—румянцемъ пылали тогда...
Сжаты уста—но съ приподнятой верхней губой,
Какъ отвѣчали они изумленью въ очахъ,
Ясному взору, что вмѣстѣ и грѣлъ и ласкалъ!
Мигъ—и зажглися сердца наши тѣмъ же огнемъ:
Вотъ на рукахъ его обручи—видите—вотъ
Эти три—бѣлаго золота—это мои!
Краснаго—вотъ на рукахъ моихъ—это его!
Тутъ же, предъ ликомъ небесъ, обручилися мы,
Въ вѣчной любви поклялись и на жизнь и на смерть!“
Слушали всѣ, удивленно къ ней очи поднявъ:
Только Гудруна смущенный потупила взглядъ.
Сердце смиряя съ трудомъ, та опять начала:
„Знали, Гудруна, вы съ матерью—чей былъ Сигурдъ!
Знали, что ѣдетъ онъ сватовъ за мной посылать!
Зельемъ ли вы опоили его на пиру,

Чарами ль память отшибли,—но въ этотъ же день
Дочь обручила, Гудруну, съ нимъ нѣжная мать!
„Что? Вы подумали, что же со мной будетъ, что?
Жизнь мою, сердце мое—пожалѣли тогда?
Смѣрили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, гдѣ въ вѣчной ночи нѣтъ ни солнца ни звѣздъ,
Развѣ изъ ада лишь жгучее пламя пахнетъ,
Слышны лишь стоны, проклятья, да скрежетъ зубовъ—
Муки осмѣянной—чистой какъ небо—любви!
Съ нимъ—когда ластилась съ подлой ты страстью къ нему,
Въ нѣгѣ постыдной гася въ немъ божественный духъ,
Лаской кошачьей геройство въ немъ тщась усыпить,—
Думала ль ты, что тутъ подлѣ же, о-бокъ съ тобой—
Та, чьи обманомъ украли вы честь и права,
Та—для которой любовь—это подвигъ и долгъ?!
Думала, да!.. но судила о ней по себѣ:
„О, покорится!.. Не тотъ, такъ другого нашла!
Родомъ не ниже, красавецъ, Морской же Король“—
Душу, несчастная, въ разумъ-то взять ли тебѣ,
Душу—небесный тотъ свѣтъ, что намъ свѣтитъ въ богахъ,
То, что въ Валгаллѣ насъ вводитъ въ ихъ радостный кругъ!
„Слушайте жъ всѣ теперь. Да! это дѣло—мое!
Все, какъ задумала, все довела до конца.
Сватовъ Гуннара заставила выслать ко мнѣ.
Въ домъ ихъ, въ семью ихъ—невѣсткою ей—я вошла.
Въ мужѣ—и въ братьяхъ ея—стала зависть будить.
Стала имъ зло на Сигурда нашептывать я.
Стала пророчить имъ тяжкую долю и стыдъ.
Будетъ, твердила, Сигурдъ здѣсь одинъ королемъ.
Мужу Гудруна покоя не дастъ ни на мигъ—
Со свѣту всѣхъ насъ сживетъ или пуститъ съ сумой.
„Въ рунахъ стоитъ: „На Сигурда—Сигурдовъ лишь
меч“.
Мечъ его надобно было тихонько достать.
Ночью—вы спали—въ свѣтлицу прокралась я къ вамъ...
Мѣсяцъ тебя освѣщалъ у него на груди,
Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
Черезъ тебя я ступила, чтобъ снять его тамъ...
Мысль: „не тебя ль заколоть?“ промелькнула—но вмигъ,
Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулася я!..
Въ ночь это было вчера—а съ зарей этотъ мечъ
Сдѣлалъ ужъ дѣло свое—у Гуннара въ рукахъ!
Да,—у Гуннара—и всѣ твои братья съ нимъ—всѣхъ
Я натравила и въ волю свою привела...

Болчью срубила имъ печень съ кусками змѣи.
Въ крѣпкую брагу—изъ жабы имъ желчь подлила—
Ѣли и пили всю ночь—и озлились въ конецъ!"
Въ ужасѣ Медди къ Урлундѣ прижалась плечомъ.
Ждутъ съ любопытствомъ Герварда съ Гермундой конца;
Съ дрожью всѣмъ тѣломъ провидица-Гильда сидитъ,
Пристальный взоръ свой соколій въ Брингильду вперивъ.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
Къ ней обратила Брингильда послѣднюю рѣчь:
„Слушай. Теперь въ моемъ сердцѣ нѣтъ зла на тебя.
Все, что давило—какъ снѣгъ растопилось съ души—
Ей и легко и свѣтло—какъ тогда—на горѣ.
Въ замкѣ въ тотъ мигъ, какъ Сигурда увидѣла я.
Даже... тебѣ утѣшенье могу я сказать...
Взоръ мой въ грядущее видитъ теперь далеко...
Крови тамъ... крови... Въ крови вашъ погибнетъ весь
родъ...
Этли отмститъ за Сигурда... но ты... ты найдешь
Въ мстителѣ счастье свое... и забудешь о насъ...
Развѣ какъ сонъ какой вспомнишь, какъ будто твой духъ
Въ чудное царство взлеталъ—гдѣ все чуждо ему,
Гдѣ все давило, какъ вѣчныя горы, его—
Люди, ихъ облики, души и замыслы ихъ—
Вспомнишь—душа содрогнется, какъ робкій пловецъ,
Вдругъ очутясь въ океанѣ на утлой ладьѣ—
И пожелаешь домой, поскорѣе домой,
Къ дѣтямъ и мужу, къ рабынямъ и прялкѣ своей.
„Будетъ ужасенъ на первое время мой образъ тебѣ!
Злой и холодной Валкиріей буду казаться я вамъ—
Новое жъ счастье тебя и со мной примиритъ.
Этого счастья—ты скажешь—она бъ не могла
Здѣсь ни себѣ ни другому кому-либо дать,
И—скажешь правду!.. Не здѣшнее—счастье мое!
Счастье мое—и не здѣшняя мѣра ему—
Счастье мое—безъ конца, безъ предѣла и—съ нимъ!"
Властно перстомъ на Сигурда при семъ указавъ,
Радостнымъ вся торжествомъ просіяла она,
И—какъ бы взоромъ во глубь проницая небесъ,
Медленно голосомъ твердымъ сказала еще:
„Боги съ престоловъ своихъ ужъ взираютъ на насъ.
Мчатся навстрѣчу Валкиріи къ новой сестрѣ,
Въ славу героя герои мечами стучатъ о щиты—
Брачный въ Валгаллѣ готовятъ намъ пиръ".
И, обратившись къ рабынямъ: „подайте вѣнецъ"—

Словно на пиръ, неторопѣшно, надѣла его.
Встала колѣномъ къ Сигурду на одръ, и—еще
Слово сказала: „Послѣдняя воля моя—
Вы на одномъ насъ съ Сигурдомъ сожгите костръ“.
Тутъ же, на ферязи съ петель застежки разнявъ,
Грудь обнажила и, сердце ощупавъ рукой,
Къ мѣсту межъ реберъ приставила ножъ остреемъ,
Сильно ударила правой рукой рукоять
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди съ Урлундой. Гудруна гладитъ,
Въ страхѣ широко прекрасныя очи раскрывъ,
Словно не въ силахъ все бывшее мыслью обнять.
Древняя жъ Гильда, порывисто съ кресель вскочивъ,
Прядями бѣлыхъ волосъ потрясая, одна,
Руки воздѣвъ, восклицала въ напѣвѣ святомъ:
„Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей навѣкъ въ безразлучную жизнь!“

1888.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ).

„Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ „Слово о полку Игоревѣ",—говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, услыхавъ, что я занимаюсь этимъ памятникомъ.—Что бы тамъ ни толковали филологи о его подлинности, все-таки противъ нихъ есть аргументъ посильнѣе всѣхъ ихъ доказательствъ: это—то уединенное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней литературѣ Кіевской Руси. Ну, судите сами: съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, вдругъ выросъ бы розанъ?"

Вотъ одно изъ очень старыхъ возраженій, на которое до сихъ поръ не отвѣтила критика, отстаивая и побѣдоносно доказывая принадлежность „Слова о полку Игоревѣ" къ двѣнадцатому столѣтію. Дѣйствительно, „Слово" не имѣетъ ничего общаго ни съ лѣтописями ни съ другими памятниками письменности того времени; оно какъ будто вышло изъ совершенно другой среды жизни, съ другими воззрѣніями и преданіями, нежели та сфера, гдѣ велись лѣтописи, писались поученія и житія. Какая же это среда? Вотъ это-то я и постараюсь замѣтить въ этомъ очеркѣ.

Кромѣ письменной литературы, лѣтописей, житій и поученій, мы имѣемъ еще устные памятники творчества нашей старины — народныя былины. И въ нихъ, повидимому, мало общаго со „Словомъ о полку Игоревѣ", по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, принимая былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, записанныя съ голоса народныхъ пѣвцовъ, и притомъ весьма недавно: старѣйшій списокъ Кирши Данилова сдѣланъ былъ въ началѣ XVIII столѣтія. Передъ нами былины явились уже чисто, такъ сказать, въ московской редакціи и въ этомъ видѣ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ „Слову"... Но если бы можно было снять съ нихъ московскій слой, то, я увѣренъ, онѣ оказались бы гораздо ближе къ „Слову о полку Игоревѣ", чѣмъ къ намъ, и еще болѣе уяснили бы намъ среду, изъ которой оно вышло. Поэтому, хотя въ общихъ чертахъ, надобно напомнить читателямъ, до чего дошла новѣйшая филологія, изучая древнѣйшіе памятники поэзіи народовъ, происшедшихъ изъ одного съ нами корня, а между ними и наши былины.

Строгіе историки прежнихъ временъ отвергали эти памятники, называя ихъ баснословными. Но, изучая и сравнивая ихъ, изучая и сравнивая языки, на которыхъ они записаны, филологія проникла въ такую глубину временъ, о какой и мечтать не смѣли историки. Она не только возстановила родословное древо народовъ, но крайней мѣрѣ пока тѣхъ, къ семейству которыхъ принадлежитъ большая часть европей-

цевъ, — огромная вѣтвь, простирающаяся отъ Индіи, черезъ Персію и Россію, до Атлантическаго океана, — но и поставила себѣ задачей возстановить первобытную жизнь, вѣрованія, степень образованности того народа, изъ котораго, какъ изъ древнѣйшаго улья, строились всѣ эти племена. Сравнивая языки этихъ племенъ, санскритъ, зендъ и нынѣшній персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, древне-германскій, литовскій и древне-славянскій, филологія памѣтила тотъ языкъ, которымъ говорили предки этихъ народовъ до выхода ихъ, одинъ за другимъ, изъ общаго ихъ первоначальнаго отечества—съ Иранской возвышенности. Всѣ эти языки, очевидно, имѣютъ одинъ общій корень, весьма ощутительный изъ сходства въ этихъ языкахъ мѣстоименій, именъ числительныхъ, многихъ глаголовъ и существительныхъ, означающихъ явленія природы или касающихся родства, одежды, земледѣльческаго быта. Засимъ, сравнивая древнѣйшія преданія и пѣсни этихъ народовъ, отъ ведъ индійскихъ до исландскихъ сагъ, мы узнаёмъ, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ одинъ и тѣ же теогоническія пѣсни, сложившіяся еще тамъ, на Иранской возвышенности, и отразившія въ себѣ всѣ представленія о мірѣ и жизни, какія составилъ себѣ этотъ народъ-праотецъ, эти наши далекіе предки, называвшіе себя аріями, т.-е. лучшими, благородными. У всѣхъ ихъ потомковъ, у новѣйшихъ народовъ, сохранилась память о далекой родинѣ, какъ преданіе о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, о свѣтломъ Иріи (названіе, сохранившееся у насъ въ пѣсняхъ и въ завѣщаніи Мономаха): чудная страна, куда имъ возвратиться нельзя, но куда на зиму улетаютъ птицы. Вынесенныя уходившими оттуда, одна за другой, толпами, эти пѣсни, на мѣстахъ новой осѣдлости, видоизмѣнились сообразно съ судьбами этихъ выходцевъ, съ ихъ бытомъ, нравами, языкомъ, подъ вліяніемъ мѣстности, новаго образа жизни и разныхъ особенностей, вслѣдствіе которыхъ въ этихъ толпахъ выработались ихъ племенныя и національныя черты. Всѣ эти пѣсни вытекали изъ вѣры арійцевъ, что они — дѣти Солнца и великой Матери Земли, что находятся подъ его покровительствомъ, что судьба ихъ тѣсно связана съ судьбою свѣтоноснаго бога, дающаго имъ жизнь. Происхожденіе ихъ отъ Солнца и дало, вѣроятно, право этимъ земледѣльцамъ назвать себя аріями, т.-е. благородными, сравнительно съ кочевниками, ихъ врагами, по ихъ представленію, сынами Тьмы. Считая источникомъ жизни Солнце, они постоянно къ нему устремляли свою мысль и всѣ явленія на небѣ истолковывали, по отношенію къ нему, своимъ земнымъ бытомъ: день и ночь, времена года объясняли сномъ, смертью, пробужденіемъ, воскресеніемъ или рожденіемъ Солнца, или плѣномъ его у его враговъ. Весеннее его появленіе, сопровождаемое благотворными грозами и пробужденіемъ могучей растительности, праздновалось какъ брачное торжество бога, дорвавшагося до обладанія своею любою — Землею. По этимъ представленіямъ и люди, какъ дѣти Солнца, устроили свою жизнь, установили обряды чествованія своего великаго Прародителя — хороводы, пляски, жертвы, игрища, сопровождаемыя музыкою и разными пѣснями; въ эпическихъ гимнахъ воспѣвали о славѣ Солнца, о борьбѣ его съ недругами, гигантами мрака, холода. Тучи и облака, безпрестанно измѣняющія свой видъ—отъ крылатыхъ змѣевъ и драконовъ, грозящихъ поглотить свѣтоноснаго бога, до среброрунныхъ овецъ, пасущихся на лазурныхъ небесныхъ пажитяхъ; вѣтры и вихри всезнающіе, скитающіеся по всему свѣту; громъ, съ своими огненными стрѣлами или палящимъ мечомъ-кладенцомъ, являющійся, какъ вѣрный слуга, освобождать бога отъ демоновъ и чудовищъ; заря, царица огненная, отворяющая Солнцу врата міра, Земля-красавица, Солнцева лада, поро-

ждающая отъ его огненныхъ объятій все живущее,—все это олицетворялось въ видѣ духовъ или боговъ, гигантовъ, великановъ, чудовищъ, миѳическихъ существъ добрыхъ или злыхъ, смотря по тому, въ дружбѣ или во враждѣ были они съ Солнцемъ.

Ближе всѣхъ къ этой первобытной эпопеѣ считаются ведическіе гимны Индіи, изъ которыхъ потомъ развивается цѣлая литература съ колоссальными, то страшными, то роскошными образами; во всѣхъ этихъ созданіяхъ отражается могучая природа Индіи, ея цвѣтущихъ долинъ и грозно-величественнаго, таинственнаго царства ея горъ, гдѣ рождаются ея священныя рѣки, то пѣнными водопадами бѣющія изъ нѣдръ ихъ, то скрывающіяся подъ сводами скалъ... У племенъ иранскихъ тотъ же первобытный миѳъ лежитъ въ основѣ ученія Зендъ-Авесты, въ которой тьма и свѣтъ получили нравственное значеніе добра и зла, и пѣсенъ, собранныхъ и устроенныхъ поэтомъ XII вѣка Фирдуси въ поэму, извѣстную подъ названіемъ „Шахъ-Наме“, гдѣ солнце является въ образѣ шаха, а вѣрный слуга солнцевъ, громъ,—въ образѣ народнаго героя персовъ, въ Рустемѣ. Изъ того же миѳа развилась миѳологія грековъ и римлянъ, видоизмѣнявшаяся въ разныя эпохи ихъ развитія: боги Гомера еще живутъ патріархально-героическою жизнью грековъ, боги Лукіана ясно отражаютъ на себѣ цинизмъ современнаго ему общества. У германцевъ и особенно у скандинавцевъ, въ пѣсняхъ Эдды, древне-арійскіе боги являются суровыми и воинственными; они какъ будто окрѣпли и возмужали, одѣлись въ желѣзо, въ суровомъ климатѣ, въ воображеніи людей, обреченныхъ на борьбу со стихіями, на необходимость оружіемъ добывать себѣ пропитаніе *). У славянъ тотъ же миѳъ лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ древнихъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и доселѣ еще живыхъ; но въ болѣе богатой, эпической своей формѣ онъ сохранился у сербовъ, у которыхъ онъ слился съ пѣснями о Маркѣ Кралевичѣ, и у насъ—въ нашихъ былинахъ. Черты, которыя онъ принялъ у насъ, особенно замѣчательны и оригинальны. Это — черты быта народа-земледѣльца. Въ глубинѣ всѣхъ былинныхъ сказаній стоитъ величавый въ своей простотѣ, спокойно-могучій, домовитый хозяинъ земли—ратай. За этимъ ратаемъ три дня гонится Святогоръ-богатырь и не можетъ его настигнуть; попросилъ наконецъ остановиться; тотъ остановился и положилъ сумочку свою на землю. „Что у тебя въ сумочкѣ?“—спросилъ Святогоръ.—„Подыми и увидишь“. Ухватилъ Святогоръ, не могъ поднять, самъ по колѣно въ землю ушелъ. „Что жъ у тебя въ сумочкѣ?“ Оказывается, что это тяга земная (кольцо или столбъ **). ухватясь за которую только этотъ ратай можетъ поднять всю землю... Встрѣчается этому ратаю князь Вольга съ дружиною:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ,
Съ края въ край онъ бороздки пометываетъ,
Коренья, каменья вывертываетъ...

Зоветъ Вольга ратая съ собою; тотъ говоритъ: „Надо сошку прибрать“. Кидается вся дружина сошку приподнять и не можетъ:

Подъѣхалъ оратай орατаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой,

*) Попытку возстановить древнѣйшій скандинавскій миѳъ о солнцѣ читатели могутъ видѣть въ моемъ „Бальдурѣ“.

**) Аѳанасьева, „Поэтическія воззрѣнія славянъ“, т. II, 680.

Бралъ онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земли повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

И Святогоръ и Вольга спрашиваютъ ратаюшку, какъ же звать его по имени, какъ величать по изъ-отчеству; онъ отвѣчаетъ:

А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, мужиковъ напою;
Станутъ мужички меня покрикивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ.

Вотъ въ какомъ образѣ явился у насъ этотъ богъ, въ рукахъ котораго вся тяга земная; и хитрый Вольга, который волкомъ обертывался, да всѣхъ звѣрей изъ лѣсу выганивалъ, рыбой прикидывался, да всю рыбу изъ рѣкъ выливалъ, ясномъ соколомъ вылетывалъ и всю птицу выбивалъ, не могъ его перехитрить и богатыри входятъ въ семью его, женятся на его дочеряхъ и даютъ зарокъ не воевать съ его родомъ, а защищать его отъ всякаго недруга, собираясь въ дружину вокругъ свѣтлаго князя, Красна-Солнышка, ласкова Владимира. И силы имъ дается въ мѣру, столько, чтобы ихъ могла „земля держать“. Старый вѣрный слуга Солнцевъ, Громъ, или Громовникъ, или Перунъ, обращается въ земскаго героя Илью Муромца; другіе миѳическіе герои принимаютъ черты сословій, сложившихся на Руси: Добрыня Никитичъ боярскій сынъ, Алексѣй Поповичъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ первобытнаго мѳа, у всѣхъ народовъ, враги Солнца получаютъ черты народныхъ враговъ племени; такъ и у насъ мало-по-малу Змѣи Горынычи, Идолища поганыя, чуда-чудища, т.-е. всѣ олицетворенія зимы, мрака и смерти, принимаютъ виды разныхъ поганыхъ толковинъ (кочевниковъ), печенѣговъ, половцевъ, татаръ. Когда совершилось у насъ это перерожденіе пѣсенъ о богахъ въ былины о народныхъ богатыряхъ — опредѣлить трудно; но ясно, что это могло случиться только тогда, когда въ народѣ міросозерцаніе языческое, основанное на обожествленіи силъ природы, было вытѣснено міросозерцаніемъ библейскимъ. По многимъ отзывамъ святыхъ мужей мы въ правѣ заключить, что христіанство въ Кіевской Руси въ XI и XII столѣтіяхъ еще почти совсѣмъ не коснулось массъ народныхъ; если духовенство и имѣло вліяніе въ городахъ, зато въ селахъ оно было почти безсильно. Преподобный Несторъ (въ XI—XII вѣкѣ) жалуется, что и нарицающіеся христіанами живутъ по-поганьски, справляютъ всѣ языческія требы, а церкви стоятъ пусты. Долгое время еще царство бѣсовъ (т.-е. старыхъ боговъ) обширно и сильно было на Руси, и съ нимъ приходилось бороться проповѣдникамъ христіанства, и къ чести послѣднихъ надо сказать, — бороться мѣрами кроткими, безъ пытокъ и костровъ, безъ вмѣшательства свѣтскаго меча! Исподволь увеличивалось стадо Христово, но, разъ вкусивъ сладости новаго свѣта, новопросвященные уже порывали все со стариной. И что они тогда видѣли вокругъ себя? Языческіе обряды, чествованіе старыхъ боговъ — въ полной силѣ! Сердце переполнялось скорбью... „О, во тьмѣ блуждающіе! — восклицалъ инокъ, смотря изъ нагорной обители своей на видѣнющійся ему городъ, на разбросанныя тамъ и сямъ села.— Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами

нарицаете стихіи, и солнце, и огнь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай, и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ далъ вамъ вся блага: вы же Его не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ и растореніе воздуховъ! Вмѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣриныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганаго Ярилу (Ярило—яръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, брянча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогонять, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли насъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвигались къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребываете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовьете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая водою, а сами, переряженные въ звѣриныя шкуры, бѣгаете кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите; зачинаетесь въ скверне и грѣхѣ: бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища и, дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщеваете: христіанскій-де обрядъ вѣнчанія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ, какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О, горе горькое! о, прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ вы пастыря духъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтясь со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй встрѣчи назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, и пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганыя требы и волхованія творятъ и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гудѣніемъ,—ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбищахъ съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто „Господи помилуй" со страхомъ скажетъ, заклятій знаете множество—и къ вѣтрамъ, нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ нѣкоей женѣ, сидящей на морѣ на Окіянѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-Сварожичу, и къ печкѣ, и къ инымъ, иже стихіи суть, или руками дѣланая!

„Когда же, о, Господи, смилуешься надъ народомъ симъ и отверзешь очи его—да познаетъ Тя?.. На кого возложу упованіе мое? на князя ли и бояре? Но и въ ихъ дворахъ не многимъ лучше: видали святые мужи, какъ изъ палатъ княжескихъ ангелъ Господень, плачучи, удаляется, а бѣсы поганые съ шумомъ и веселіемъ въ оныя врываются... На пастыри ли духовные? Но и тѣ на сихъ дѣйствіяхъ, въ объяденіи и опьяненіи присутствуютъ, не внявъ прещенію владычнему, отъ отца нашего митрополита Іоанна. Гдѣ и во владыкахъ ревность Ѳеодосіева! Пришедъ къ великому князю Святославу Ярославичу, узрѣлъ святой мужъ у него въ гридницѣ и поющихъ и на гусляхъ играющихъ, яко обычай есть предъ княземъ. И сѣлъ блаженный и долу очами поникъ. И вопросилъ потомъ князя: „Сіе ли будетъ на томъ свѣтѣ?"... **)

---

*) Г. Аѳанасьевъ думаетъ, что переряженіе въ звѣриныя шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—алчущую землю.

**) Эта рѣчь составлена мною изъ сводки разныхъ отрывковъ духовныхъ писателей, приводимыхъ г. Аѳанасьевымъ, и изъ нѣкоторыхъ его объясненій. Вотъ еще любопытный отзывъ изъ позднѣйшей эпохи: Посланіе Елеазарова монастыря игумена

Такова общая картина, которая рисуется намъ изъ отзывовъ духовенства вплоть до времени татарскаго ига. Нашествіе татаръ разбило весь старый строй жизни на Руси. Народъ увидѣлъ кару Господню, поучію надъ нимъ разразившуюся; увидѣлъ посреди себя исшедшихъ изъ обители своей погребти мертвыхъ и утѣшить живыхъ святыхъ мужей—и сердца открылись словесамъ ихъ: въ долгіе годы бѣдствій и рабства, въ тяготахъ своихъ, онъ обрѣлъ у духовныхъ пастырей и утѣшеніе, и защиту, и даже пропитаніе на обширныхъ земляхъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ: тогда только христіанство пустило болѣе глубокіе корни въ массы. Не упразднились, впрочемъ, окончательно и въ тѣ времена и позже, во дни Стоглаваго собора, обычаи и торжества стараго язычества, но ужъ цѣлость его воззрѣній была утрачена. И подобно тому, какъ разные языческіе обряды стали окрашиваться мало-по-малу въ христіанскій цвѣтъ, и на извѣстныхъ святыхъ стали незамѣтно переноситься атрибуты старыхъ языческихъ боговъ, по совпаденію дней чествованія этихъ святыхъ съ днями торжествъ языческимъ богамъ, или по сходству ихъ легендъ,—такъ и языческо-религіозныя пѣсни стали сливаться съ пѣснями объ этихъ святыхъ или о дѣйствительно жившихъ князьяхъ и богатыряхъ. Подобно тому, какъ, напримѣръ, источники и колодцы, о которыхъ думали, что они пробиты громомъ и потому назывались Перуновыми, стали посвящаться Ильѣ пророку или Ильинской Пятницѣ (а въ Муромѣ о такомъ колодцѣ говорятъ, что кочь Ильи Муромца вышибъ его копытомъ), — такъ и въ пѣсняхъ на витязей солнечной эпопеи перенеслись личныя имена святыхъ или богатырей; явились духовные стихи и историческія былины, въ которыхъ новые герои наслѣдуютъ всѣ дѣла и подвиги миѳическихъ героевъ и всю ихъ фантастическую обстановку. Имя князя Владимира, прославленное двумя князьями, жило въ памяти народной, какъ символъ лучшихъ, когда-то бывшихъ временъ, и заступило мѣсто Солнца или Дажьбога въ этихъ былинахъ: миѳическія сказанія получили колоритъ историческій. Въ дальнѣйшемъ развитіи эпическихъ характеровъ богатыри явились представителями разныхъ классовъ общества — земства, боярскаго и духовнаго чина: этому способствовало болѣе усложнившееся общественное развитіе Руси въ Московскій періодъ.

Справедливость этого мнѣнія о времени перерожденія былинъ изъ миѳическихъ въ историческія (высказаннаго, впрочемъ, гораздо прежде меня) подтверждается и тѣмъ, что большая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владимира: напримѣръ, объ Ильѣ Муромцѣ есть положительное свѣдѣніе, что онъ жилъ въ XII столѣтіи (около 1188 года), и что именно XII вѣкъ и начало XIII представляютъ у насъ и по лѣтописямъ сильное развитіе богатырства...

Такимъ образомъ все заставляетъ насъ думать, что цѣлость языческаго, основаннаго на арійскихъ преданіяхъ, міросозерцанія въ народѣ на Руси, въ XII вѣкѣ, еще не была разбита. Таинственные странники, люди вѣщіе, являющіеся намъ въ былинахъ каликами перехожими, люди съ поэтическимъ и мистическимъ настроеніемъ, уходившіе изъ

Памфила псковскому намѣстнику 1505 г. говоритъ: „Здѣ не престала здѣсь еще десть идольская, кумирное празднованіе, радость и веселіе сатанинское.. Тому (сатанѣ, т.-е. языческимъ богамъ) яко же жертва приносится всякая скверна и беззаконное богомерзкое празднованіе. Егда бо приходятъ великій праздникъ день Рождества Предтечи, тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взмятется и взбѣсится бубнами и сопѣлями, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими непотребными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... Бостучитъ градъ сей, и возгремятъ въ немъ люди сіи безаконіемъ и погибелью лютою; женамъ же и дѣвамъ плескание (ударение въ ладоши), и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ непрязненъ кличъ и вопль, всесквернымъ пѣсни, бѣсовскія угодья совершаются, и хребтомъ ихъ подклоніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе" (Акад. т. I, стр. 341).

семьи и избравшіе, подобно самому Дажьбогу, обтекающему землю, или вѣчному скитальцу Стрибогу (вѣтру), странническій посохъ, да суму переметную, да гусли звонкія, ходили по всей Руси, по селамъ и городамъ, по стогнамъ и торжищамъ, входили въ терема и хаты и пѣли старыя, безначальныя пѣсни о страшныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ, о жизни и смерти... И въ этихъ городахъ, несмотря на то, что надъ ними, на горѣ, возвышался уже монастырь, откуда исходилъ уже иной свѣтъ, гдѣ жили люди, совсѣмъ отрѣшившіеся отъ языческаго воззрѣнія, гдѣ велось книжное ученіе, писались лѣтописи, переглагались на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви, — въ этихъ селахъ, въ которыхъ еще рѣдко гдѣ видѣлись церкви, да и тѣ, по свидѣтельству Нестора, стояли пусты,—этимъ странникамъ былъ радушный пріемъ, и ихъ слушали съ благоговѣніемъ, страхомъ и полною вѣрою. Изъ этихъ перехожихъ странниковъ были, вѣроятно, и тѣ трое пѣвцовъ, которыхъ въ VI вѣкѣ захватили войска греческаго императора, воевавшаго съ аварами, и которые на вопросъ его: кто они?—отвѣчали: „Мы славяне, къ аварамъ попали въ плѣнъ, обходиться съ оружіемъ не умѣемъ, а пѣсни да гусли—все наше занятіе". Этихъ же пѣвцовъ рисуетъ народная пѣсня во всемъ ихъ таинственномъ значеніи, какъ людей вѣщихъ... Въ этой пѣснѣ такъ и видишь ихъ, расположившихся ночлегомъ въ полѣ, около деревни, славящихъ возвращеніе солнца и заклинающихъ смерть или зиму; такъ и слышишь, про какія страшныя тайны они поютъ:

На крутой горѣ высокоей
Кипятъ котлы кипучіе...
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые;
Поютъ тѣ старцы старые
Про живо-ть, про смерть,
Про весь родъ человѣчь...
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе.
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое (Сахарова „Сказанія" II, 13).

Изъ этихъ же странниковъ образовались впослѣдствіи толпы скомороховъ, которые ходили по Руси, по ярмаркамъ и по празднествамъ въ селахъ и богатыхъ домахъ, и противъ которыхъ издавались строгіе законы даже при Алексѣѣ Михайловичѣ; изъ нихъ же вышли и тѣ пѣвцы, которыхъ мы видимъ и теперь около монастыря, пѣвцы, которые скитаются по Руси и распѣваютъ духовные стихи; и между этими стихами многіе, напримѣръ, стихъ о Егоріи Храбромъ, суть тѣ же пѣсни о богахъ, что̀ пѣли далекіе предшественники этихъ пѣвцовъ, только пѣсни эти, въ теченіе вѣковъ, получили духовный характеръ. И не только въ народѣ, въ XII вѣкѣ, да и у тѣхъ мірянъ, которые назывались христіанами, міровоззрѣніе христіанское не обнимало всего міра человѣческихъ понятій; между тѣмъ какъ лѣтописецъ-христіанинъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, выводитъ изъ потомства Ноева, изъ колѣна Яфетова, Словеньскій родъ,—изъ словъ пѣвца Игорева мы видимъ, что храбрые русичи, его современники, смотрятъ на себя еще какъ на сыновъ Солнца и князей своихъ называютъ Дажьбожьими внуками; русичи подъ предводительствомъ ихъ продолжаютъ свою борьбу съ исконнымъ врагомъ Свѣта, съ Тьмою, или съ ея чадами, Дивовыми сы-

нами, всею Русскою землею ходятъ на землю Троянову *); Велесъ, пасущій среброрунныхъ небесныхъ овновъ Солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлью, считается праотцемъ русскихъ пѣвцовъ XII вѣка; Стрибожьи внуки, бездомные скитальцы, рѣютъ по полю половецкому; герои историческіе принимаютъ черты облачныхъ героевъ (Всеславъ-кудесникъ). Въ томъ же смыслѣ и земля, занимаемая храбрыми русичами, есть свѣтлая земля русская, земля сыновъ свѣта (впослѣдствіи, въ Москвѣ, свято-русская); земля враговъ ихъ — земля темная, незнаемая, Дивья земля, земля Троянова. Дажьбогъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ упреждаетъ внука объ опасности затменіемъ, „заступаетъ тьмою путь Игорю“; но Черный Дивъ ополчается на него всѣми силами, созывая дѣтей своихъ и съ Сулы, и съ Волги, и съ Сурожа, и съ Поморья. Очевидно, міросозерцаніе былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ — вотъ тотъ поэтическій міръ, вотъ воззрѣнія на природу и на свой народъ, въ которыхъ вращалась фантазія пѣвцовъ Кіевской Руси и оттуда почерпала свои краски. Вся эта поэзія вытекала изъ основного арійскаго мѳа о Солнцѣ, раздробляясь и продолжаясь въ устахъ этихъ пѣвцовъ, въ ихъ пѣсняхъ объ отдѣльныхъ князьяхъ, потомкахъ того же Дажьбога.

Одна изъ такихъ пѣсенъ о Дажьбожьихъ внукахъ есть „Слово о полку Игоревѣ“. Но и отъ современныхъ ей былинъ, при всемъ своемъ духовномъ родствѣ съ ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви. Пѣвецъ, ее сложившій, былъ не изъ тѣхъ пѣвцовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Завязавшаяся на Руси государственная жизнь тоже требовала пѣвцовъ, но дала другой предметъ для ихъ пѣсенъ.

Около княжескаго двора сосредоточивались люди, которые и въ языческій еще періодъ были, вѣроятно, развитѣе остальной массы народа, пахарей и звѣролововъ, уже вслѣдствіе своего политическаго положенія, приводившаго ихъ въ столкновеніе съ народами Азіи и Европы. Эта была — дружина, дворъ князя, и почетные гости — купцы. Купцы издревле ходили большими караванами, вооруженные, по всѣмъ внутреннимъ рѣкамъ Россіи и въ Біармію для торговли съ далекимъ чудскимъ сѣверомъ, и на Волгу для торговли съ болгарами и арабами, и за моря Балтійское и Черное. Въ дружину и дворъ князя новыя понятія, новыя удобства жизни входили черезъ походы, браки, посольства, пріемъ разнородныхъ гостей. Съ принятіемъ христіанской вѣры, которое было слѣдствіемъ этихъ столкновеній, эта среда, вѣроятно, одна и воспользовалась ея благами и, главное, школами. Кіевъ становится центральнымъ политическимъ пунктомъ Руси и перепутьемъ торговли сѣвера и юга, запада и востока. Латинская пропаганда въ немъ долго не уступаетъ господства грекамъ, судя по посланіямъ первыхъ нашихъ митрополитовъ и святыхъ мужей, старавшихся оградить свою паству отъ козней латинства: „Исполнися и наша земля тыя злыя вѣры людій“,—писалъ св. Ѳеодосій великому князю Изяславу. Германскій императоръ не спускаетъ глазъ съ Руси, чтобъ обратить ее въ вассальное свое владѣніе. Болеславъ польскій подучаетъ отъ папы королевскую корону съ тѣмъ, чтобъ устремить свои силы на подчиненіе папскому престолу „русскихъ язычниковъ“. Королевскую же корону предлагаютъ и нашимъ князьямъ—за отступничество. Князья Ярославова дома женятся на иностранныхъ принцессахъ, съ которыми разный заморскій людъ входитъ въ русскія семьи. Княжны выходятъ замужъ за иностранныхъ

*) См. ниже прим. 5.

владѣтелей; назовемъ хотя трехъ дочерей Ярослава, вышедшихъ за королей французскаго, венгерскаго, норвежскаго; сестру Мономаха (неизвѣстно—родную или двоюродную), бывшую за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, бѣжавшую къ графинѣ Матильдѣ въ Каноссу, судившуюся съ мужемъ передъ папою и соборомъ и умершую монахинней въ Россіи... Въ Кіевѣ видимъ пеструю толпу иностранцевъ, греческихъ художниковъ, сирійскихъ и армянскихъ врачей, хозаръ, евреевъ изъ Тавриды, нѣмцевъ и всякаго рода наемныхъ дружинниковъ датскихъ и свейскихъ. Всѣхъ привлекала въ Кіевъ—кого работа, ибо изъ Кіева требовались мастера всякаго рода и въ другіе города, кого торговля, кого щедрость и радушіе князей, кого веселая, вольная жизнь: чаровницы-жены кіевскія славились повсюду: Капуей для двухъ армій двоихъ польскихъ королей былъ этотъ свѣтлый Кіевъ... И слава о немъ разнеслась между народами: о немъ пишутъ арабы и нѣмцы; Адамъ Бременскій, знавшій его по наслышкѣ, называетъ его столицей, соперницей Константинопольскаго престола, красой и славой Греціи. О русскихъ мѣхахъ, которыми щеголяла современная знать въ Европѣ, онъ говоритъ, что ихъ жаждали всѣ такъ же пламенно, какъ и царствія небеснаго. Въ „Нибелунгахъ", въ ихъ обработкѣ XII вѣка, между народами Атиллы упоминаются кіевляне. Какъ бы въ отвѣтъ имъ, нѣмецъ Игоря говоритъ: „нѣмци и венедици (вѣроятно, венеціане), греки и морава поютъ славу Святославу" (Всеволодовичу Кіевскому). При тѣсныхъ сношеніяхъ всякаго рода съ Венгріей, Польшей и другими славянскими землями, Русь—т.-е. ея высшее общество—какъ бы входитъ въ общую семью европейскихъ народовъ: Галичъ скоро потомъ въ ней запутывается... Поставленное въ такое положеніе, это общество должно было выдвинуться своимъ образованіемъ и развитіемъ изъ народа; потребности, вкусъ, понятія его развивались; мы видимъ въ немъ моды, заимствуемыя не только изъ Греціи, но и съ Запада, напримѣръ, латинскіе шлемы въ „Словѣ о полку Игоревѣ", какихъ-то шпилеровъ *) посреди гудцовъ и сопѣльниковъ. Но образованіе это, приливаясь изъ другихъ источниковъ, должно было отличаться отъ того, какое было въ монастыряхъ. Хотя въ XII вѣкѣ на Руси уже давно зажглись и сіяли эти свѣтильники вѣры и науки, но на свѣтскомъ обществѣ лучи ихъ еще скользили, такъ сказать, по поверхности. При появленіи духовнаго лица въ княжескую гридницу, князь убиралъ поспѣшно и плясуновъ, и „шпилеровъ", и всѣхъ своихъ потѣшниковъ, „иже въ басни баютъ и въ гусли дудутъ" и пѣсни поютъ. Съ точки зрѣнія святыхъ мужей, дворъ княжескій былъ полонъ соблазна не только въ томъ смыслѣ, что тамъ царствуетъ прелесть міра и обуреваютъ душу погибельныя страсти, но и потому, что онъ исполненъ былъ всякаго „поганьства", т.-е. язычества и иноземщины, и въ писаніяхъ своихъ они горько сѣтуютъ на то, что внѣ монастырскихъ стѣнъ господствуетъ еще полное двоевѣріе, т.-е. что рядомъ съ христіанскими вѣрованіями уживаются вѣрованія и обычаи языческіе. На разныхъ княжескихъ семействахъ XI и XII вѣковъ можно прослѣдить степени этого двоевѣрія, сравнивъ характеръ и судьбы князей, напримѣръ, дома Мономаха, сына греческой царевны, Святополка, женатаго на половецкой княжнѣ, Всеслава-кудесника, правнука гордой язычницы Рогнѣды, выросшаго въ Кривской землѣ, сосѣдней съ таинственнымъ литовскимъ язычествомъ. Къ сожалѣнію, по лѣтописямъ намъ трудно уловить истинную картину и колоритъ этого высшаго свѣтскаго общества, ибо лѣтописи

*) См. И. И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка, въ „Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ", т. X, стр. 548.

ведены людьми, вполнѣ отрѣшившимися отъ языческаго преданія, смотрѣвшими на событія своей земли съ точки зрѣнія христіанской догмы и византійской учености и притомъ писавшими лѣтописи не безъ назидательной цѣли. Но одна уже двойственность именъ князей (исчезающая только въ татарскій періодъ) указываетъ наглядньимъ образомъ на это двоевѣріе: церковь знаетъ Георгія, Михаила, Гавріила, Василія, а въ дружинѣ и въ народѣ это—Ярославы, Святополки, Всеволоды, Владимиры. О самихъ князьяхъ въ дружинѣ и въ монастырѣ судятъ различно. Житія упоминаютъ укорительно, напримѣръ, о князѣ Ростиславѣ (братѣ Мономаха), который застрѣлилъ инока, за что послѣдній и предрекъ ему лютую смерть: князь утонулъ; пѣвецъ же Игоря посвящаетъ этому князю нѣсколько весьма сочувственныхъ словъ... Наконецъ самъ Игорь въ „Словѣ“ и тотъ же Игорь въ лѣтописи—это два совершенно разныхъ лица.

Въ этомъ-то обществѣ, выдѣлившемся изъ почти совсѣмъ языческаго народа, но съ нимъ тѣсно связанномъ преданіями и обычаями, развитомъ вслѣдствіе своего политическаго положенія, озаренномъ сверху христіанствомъ; въ обществѣ, вѣроятно, большею частью грамотномъ (князья пишутъ другъ другу письма, собираютъ книги, многіе, по извѣстіямъ, собранныхъ у Татищева, знаютъ по-гречески и по-латыни)—пѣвцы съ незапамятныхъ временъ были необходимыми членами. Еще М. П. Погодинъ выразился, что съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ нашихъ князей, окруженныхъ баянами-пѣвцами, какъ сѣверныхъ конунговъ, окруженныхъ скальдами. Какъ и калики перехожіе, эти пѣвцы тоже проводили жизнь свою въ странствованіяхъ, но или въ свитѣ князей, или переѣзжая отъ двора къ двору, отъ князя къ князю, знали такъ же русскую землю, какъ и калики, но съ другой стороны: они знали Русь политическую, всѣхъ князей современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и ихъ исторію, но опять не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ баяновъ стараго времени, по разсказамъ дружинниковъ — по памяти народной.

Отъ этого взглядъ ихъ и лѣтописцевъ на этихъ князей часто расходился, и едва ли же не на ихъ сторонѣ было вѣрное пониманіе дѣлъ на Руси—судя по тому, какъ этотъ взглядъ выражается у пѣвца Игорева. „Славить, пѣть славу“ хозяину и гостямъ — старинный обычай славянскихъ народовъ; хвалиться славой отца и дѣда, т.-е. подвигами ихъ, воспѣтыми пѣвцами (побѣждаютъ, „звонячи въ прадѣднюю славу“), вотъ на что нужны были князьямъ пѣвцы, они переманиваютъ ихъ въ свой дворъ, честятъ ихъ, ссорятся съ ними. Пѣвцы эти, разумѣется, находятся въ тѣснѣйшей зависимости съ опускающимся или подымающимся уровнемъ образованія среды, въ которой живутъ,—и вотъ въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Мы видимъ въ немъ, что пѣвецъ выражается о соловьѣ стараго времени, о Баянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, и относится къ знаменитости прежняго времени съ уваженіемъ, но уже какъ къ знаменитости устарѣвшей, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка—къ Державину. По описанію пѣвца Игорева видно, что пѣснь Баяна была въ родѣ пѣсни скальда или сербскаго гусляра, импровизовавшаго ее тотчасъ по совершеніи подвига, который предстояло воспѣть: возлагалъ Баянъ персты на вѣщія струны, и струны сами рокотали славу князьямъ; мыслью своею онъ, какъ орелъ, ширялъ по поднебесью и сѣрымъ волкомъ рыскалъ по чистому полу. Баянову творчеству пѣвецъ противополагаетъ свой литературный періодъ, „былины сего времени“, и изъ его „Слова“ мы можемъ видѣть, каковы

эти былины. Пѣвецъ, очевидно, уже силенъ въ книжномъ ученіи: не чуждъ, можетъ-быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями,—если не изъ первыхъ рукъ, то, можетъ-быть, чрезъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Это явствуетъ изъ его введенія—обращенія къ Баяну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ; изъ отступленій, не мѣшающихъ однако стройному расположенію частей; можетъ-быть, изъ болѣе осмысленнаго олицетворенія миѳическихъ существъ (въ дѣвѣ Обидѣ); изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго имъ всею прелестью образа Гектора, Святослава Кіевскаго—этого Пріама его пѣсни; изъ грамматическаго строя рѣчи, и наконецъ изъ самой внѣшней формы поэмы, которая, очевидно, *писана*, и писана мѣрною прозой, приспособлявшеюся, вѣроятно, къ пѣнью, по образцу, можетъ-быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы *).

Эта пѣснь — есть одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему она занимаетъ такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, большею частью исходившихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія хранилища, былъ главною причиною ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія **), сквозящія сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ инокъ въ своемъ пересказѣ. Лѣтопись о древнѣйшихъ временахъ—о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ и пр., очевидно, написана по пѣснямъ, которыя сложены были въ свое время пѣвцами дружины ***). Вѣкъ Ярослава и дѣтей его—вѣкъ знаменитаго Баяна... Гг. Буслаевъ и Шевыревъ воспользовались всѣми данными, чтобы возстановить образъ этого Державина древней Руси: нельзя ли въ лѣтописи найти еще нѣсколькихъ чертъ? Всматриваясь въ лѣтопись объ его временахъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней тамъ и сямъ мелькаютъ чудныя поэтическія черты и цѣлыя картины. Вспомнимъ хоть бой Мстислава съ Редедей, или бой того же Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ,—ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ красавецъ Якунъ, потерявшій въ битвѣ свою луду златую (золотой плащъ)—все это, можетъ-быть, сквозь мракъ вѣковъ, сквозь монашескую призму лѣтописца, сгладившаго въ этой пѣснѣ все языческое, замѣнившаго въ ней воззванія къ Перуну, къ Дажьбогу и пр. воззваніями къ Пресвятой Богородицѣ, все это, можетъ-быть, дошедшіе до насъ отблески Баянова пѣснотворства... Чѣмъ дальше идетъ лѣтопись, тѣмъ, очевидно, все полнѣе и шире матеріалъ подъ рукой лѣтописца. Попадаются цѣлыя мѣста, просто переписанныя имъ съ свѣтскаго пѣвца, напримѣръ, прелестный разсказъ о гудцѣ, загнанномъ за Кавказскія горы съ толпой половцевъ Владимиромъ Мономахомъ; многія мѣста въ разсказѣ войнъ посѣдняго; въ разсказѣ о Липецкой битвѣ; объ Изяславѣ Мстиславичѣ, и пр.

Но, кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы княжескихъ пѣвцовъ

*) Высказываю здѣсь мое предположеніе о внѣшней формѣ „Слова", потому что вопросъ, какъ оно писано, прозой или стихами, долго занималъ нашихъ критиковъ, и всѣ строили множество догадокъ: собственно тутъ ни проза ни стихи. Мнѣ кажется, что если читать „Слово" нараспѣвъ, то мы болѣе всего подошли бы къ настоящему дѣлу.

**) См. Бестужева-Рюмина „О составѣ русскихъ лѣтописей".

***) Не странно ли видѣть восхваленіе Ольгиной мести въ христіанскомъ лѣтописцѣ, вѣликомъ переносимое и въ учебники, какъ доказательство ея мудрости.

ощутимы еще въ пѣсняхъ народныхъ. Въ Сборникѣ Рыбникова есть цѣлый отдѣлъ пѣсенъ удѣльнаго періода или княжескихъ. Это, безъ сомнѣнія, творенія княжихъ пѣвцовъ, перешедшія позже въ уста пѣвцовъ народныхъ, въ которыхъ они потеряли свой литературный типъ, приблизясь къ общебылинному складу, перепутались въ собственныхъ именахъ и вообще въ теченіе вѣковъ сгладились въ своихъ особенностяхъ, какъ круглятся и сглаживаются камни, катимые водою. По одному отрывку Волынской лѣтописи мы можемъ, напримѣръ, заключить, что Романъ Галицкій, современникъ Сѣверскихъ князей, воспѣтыхъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, былъ воспѣтъ въ такой же поэмѣ, къ которой принадлежитъ, вѣроятно, и отрывокъ о гудцѣ половецкомъ, и что многое изъ этой поэмы вошло въ лѣтопись. Въ Сборникѣ Рыбникова есть былина „о двухъ Ливинкахъ“, въ которой сквозь общія былинныя краски ясно проглядываетъ ея основа—эта пѣсень, и очень еще живо сохранился грозный образъ Романа, хотя онъ вмѣсто Мстиславича и названъ Дмитріевичемъ, и вмѣсто волынскаго или галицкаго, названъ княземъ московскимъ. Наказавъ литовскихъ князей, онъ отпускаетъ ихъ и говоритъ:

„Скажите Цимбалу, королю литовскому,
Что московскій князь Романъ Дмитріевичъ
Старостью не старѣетъ,
Голова его не лысѣетъ,
Сердце его не ржавѣетъ,
Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ!“

Таково же, вѣроятно, происхожденіе и пѣсни „о Настасьѣ, королевишнѣ Политовской“ и тоже „о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой“, подновленныхъ потомъ въ пѣсни „о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ“; пѣсенъ: „о князѣ Михаилѣ“ (которую г. Часовъ воспроизвелъ въ своей драмѣ „Свекровь“), „о смерти княгини Михайловны“, и пр.

Нельзя довольно нарадоваться, что хоть одна пѣсень изъ этой литературы—„Слово о полку Игоревѣ“—дошла до насъ! Въ ней одной, можетъ-быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ея бурнымъ кипѣніемъ! Одинъ языкъ „Слова о полку Игоревѣ“, кованый, сжатый, сильный, живописный, рисуетъ намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежитъ пѣвецъ. И какое это было поколѣніе! Правда, государственная связь областей въ то время рушилась, но не оттого ли и рушилась она, что то былъ вѣкъ могучихъ личностей? Болѣе могучіе между ними не поддались однако, не дали погибнуть государственной идеѣ: одни, какъ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое-Гнѣздо, о которомъ пѣвецъ говоритъ: „ты можешь Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами выльяти“, уходятъ на лѣсной сѣверъ и, укрѣпляясь тамъ, борются за государственное начало, пытаясь подобрать подъ свою руку князей удѣльныхъ. Другіе, какъ, напримѣръ, Романъ галицкій, „высоко возлетающій въ замыслахъ своихъ, что соколъ, ширяяся на вѣтрехъ, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“, по выраженію пѣвца,—то же замышляетъ на югѣ. Зоркій папа Иннокентій III, ревностнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ стремившійся къ покоренію подъ десницу свою всего христіанскаго міра, разглядѣлъ издали этого Романа и, льстя его честолюбію, обѣщалъ, лишь бы онъ призналъ главенство папы, вѣнчать его королевскою короною и вознести надо всею Русскою землею посредствомъ меча св. Петра: „А такой ли мечъ у папы?—отвѣчалъ Романъ, обнажая свой мечъ и указывая

на него:—доколѣ ношу его при бедрѣ, не нуждаюсь въ иномъ". Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Остромыслъ галицкій, что „горы Угорскія подперъ своими желѣзными палками", и отъ златого престола котораго „по землямъ текутъ грозы"... За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), который навыкъ „отъ юности своея не бояться никого, кромѣ Бога единаго"... За этими князьями стоятъ, пожалуй, менѣе талантливые, но не менѣе крѣпкіе мужи—какъ Святославъ Кіевскій, который возобновилъ времена и славу Мономаха, явясь грозою половцевъ: налетѣвъ словно вихрь, онъ исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ ихъ хана, поганаго Кобяка, и упалъ Кобякъ въ золотую гридню его въ Кіевѣ плѣнникомъ; или какъ Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, со злата стола его былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и добылъ-таки опять Кіевъ... Далѣе подрастаетъ Даніилъ галицкій, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Этотъ Мстиславъ, между всѣми князьями XII и начала XIII вѣка, какъ-то выходитъ изъ общаго княжескаго склада, является всегда какимъ-то странствующимъ витаземъ земли Русской туда, гдѣ надобно кого-нибудь защитить. „Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего (Мстислава Храбраго) и всѣмъ новгородцамъ: я пришелъ къ вамъ, слыша, что вы терпите насиліе отъ князей: жаль мнѣ стало своей отчины",—говоритъ онъ, являясь въ Новгородѣ. Устроивъ побѣдами дѣла новгородцевъ, онъ уходитъ отъ нихъ, говоря, что „у него есть дѣла на Руси". То идетъ ратью возстановлять попранное право старѣйшинства въ Суздальской землѣ, то ѣдетъ на югъ вырывать Галичъ изъ рукъ венгровъ... Званія великокняжескаго не ищетъ, побѣждаетъ, но волостей не беретъ; воюетъ наконецъ въ Польшѣ и погибаетъ отъ ранъ Богъ знаетъ за какое дѣло!.. Имя этого князя въ лѣтописяхъ часто попадается рядомъ съ именами богатырей. „Вы знаете, каковъ есть Мстиславъ Мстиславичъ, —говорилъ старый боярин Андрей Станиславичъ молодымъ князьямъ Юрію и Ярославу Всеволодовичамъ:—вы знаете, что ему отъ Бога храбрость дана паче всѣхъ, и есть у него мужи храбрые зѣло, и великіе богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слышатъ на себѣ ранъ". Между этими богатырями находятся и Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, и Добрыня Рязаничъ Златой Поясъ (которые позже и появились въ былинахъ подъ именами Алеши Поповича со слугою же Екимомъ Ивановичемъ, и Добрыня Никитичъ [*]). Богатырей особенно много встрѣчается въ лѣтописяхъ этой эпохи; кромѣ двухъ названныхъ, ихъ семьдесятъ человѣкъ убито на Калкѣ. Не по образу ли ихъ сложился этотъ князь? Не связанъ ли былъ съ ними побратимствомъ? И жизнь его не подаетъ ли намъ повода къ разъясненію и того, что такое были эти богатыри, люди Божіи, какъ ихъ называли, богатыри, воспѣтые въ свое время пѣвцами и передавшіе потомъ свои имена миѳическимъ героямъ Солнечной эпопеи?

Вотъ современники „Слова о полку Игоревѣ" и его пѣвца, въ кругу которыхъ приходилось ему пѣть... Я говорилъ только о князьяхъ; но духъ князей жилъ и въ ихъ дружинѣ. Понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ, чтобы заставить ихъ себя слушать, надобно было имѣть и сродную имъ душу, самому быть этого закала, а закалъ этотъ такъ и звенитъ въ кованомъ языкѣ „Слова"... Но сколько еще чертъ въ этомъ

---

[*]) Никита—родовое имя любимыхъ народомъ свойственниковъ Іоанновыхъ, бояръ Романовыхъ: не съ этихъ ли временъ оно и привязалось къ Добрынѣ и породнило его съ Владимиромъ? Не Романовы ли вообще послужили къ созданію типа былиннаго боярина, сподвижника Ильи Муромца, такъ какъ вообще та редакція былинъ, въ какой онѣ дошли до насъ, болѣе всего отражаетъ на себѣ время Іоанновъ.

„Словѣ“, которыя возвышали умъ и сердце пѣвца, можетъ-быть, надо всѣмъ его поколѣніемъ.

Кто же такой былъ этотъ пѣвецъ? Увы—извѣстій о немъ нѣтъ... Но вся біографія его — въ его пѣсни... Нерѣдко у нашихъ критиковъ, рядомъ съ этимъ вопросомъ: кто былъ пѣвецъ?—встрѣчается такое размышленіе: „Странно, что пѣвецъ для своей пѣсни избралъ незначительный и несчастный походъ Сѣверскихъ князей, когда, желая воспѣть бои русскихъ съ половцами, онъ могъ бы взять предметомъ своего пѣснопѣнія войны Владимира Мономаха, болѣе громкія и болѣе дающія разгула фантазіи“. Но, во-первыхъ, пѣвецъ, можетъ-быть, и сдѣлалъ очеркъ или поэтическую характеристику войнъ Мономаха въ той же пѣсни объ Игорѣ, судя по его словамъ: „почнемъ же, братіе, пѣснь сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря“, но эта часть его поэмы для насъ потеряна *). Во-вторыхъ, эти войны были, безъ сомнѣнія, въ свое время воспѣты: въ разсказѣ о нихъ лѣтописца сквозятъ и свѣтскія сказанія **). Но главное вопросъ, почему пѣвецъ выбралъ для пѣснопѣнія своего походъ Игоревъ, разрѣшается самою поэмой. Вѣрность, реальность красокъ—эти стаи птицъ, провожающихъ войско; эти клекчущіе орлы, лисицы, брешущія на червленые щиты; эта чудная идиллія бѣгства Игоря, его рѣчь къ Донцу; эти дятлы, ползающіе по вѣтвямъ и тектомъ путь ему указующіе; этотъ вѣтеръ, шатающій вежи половецкія; этотъ скрипъ телѣгъ кочевниковъ, ночью, подобный крику всполошенныхъ лебедей; битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалкѣ посвѣчивающій своимъ золотымъ шеломомъ, — вся эта живая обстановка, взятая прямо съ натуры — ясно говоритъ, что пѣснь объ Игорѣ не есть риторическое упражненіе на заданную тему. Вы чувствуете, пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода, да и плѣна, и тамъ, въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма. Только тамъ, вдали отъ родины, и долженъ былъ выработаться въ душѣ пѣвца, просвѣтленной несчастіемъ, тотъ объективный, высокій взглядъ на дѣла Руси, страдающей, при единствѣ народа, отъ розни князей; тамъ должно было такъ живо заговорить его чувство любви къ родинѣ и сообщить душу его пѣснѣ. И въ какой же моментъ вдругъ въ его поэмѣ прорывается эта мысль и это чувство? Полки разбиты, Игоря ведутъ въ плѣнъ, и вотъ надъ полемъ битвы появляется миѳическая дѣва-Обида, какъ вопль павшихъ, преслѣдующій князя, увлекаемаго въ плѣнъ. Ясно, что въ этомъ образѣ олицетворены терзанія и укоры Игоря самому себѣ, все, что сказалось въ долгихъ бесѣдахъ у пѣвца съ княземъ въ ставкѣ половецкой, чѣмъ князь такъ полюбился пѣвцу и чѣмъ такъ привлекателенъ въ его пѣсни. Той же мыслью и тѣмъ же чувствомъ освѣщенъ у пѣвца и образъ представителя Руси, великаго князя старца Святослава, на котораго издали устремлены очи плѣнниковъ и отъ котораго они ждутъ себѣ спасенія. „Старику бъ помолодѣть не диво,—говоритъ Святославъ:—да бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ по-

---

*) См. прим. 3.

**) Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ разсказѣ встрѣчаются выраженія, обороты и образы, напоминающіе нашего пѣвца, т.-е. манеру свѣтскихъ пѣвцовъ, напр.: „Половце выступиша яко борове велиціи и тьмами темъ обступали полки русскіе... Полки сразившимися челома тресну аки громъ (*тресну* — вспомнимъ: „кликну, стукну земля“ въ „Сл. о П. Иг.“), и бывшу соступу брани крѣпце, *Богъ вышній воззрѣ* на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ“... Такъ и видишь, что въ мірской пѣснѣ это былъ тотъ же свѣтъ въ борьбѣ со тьмой, его окружившей, и явившійся Богъ вышній былъ Дажьбогъ, помогающій своему внуку... Картина русскихъ плѣнниковъ, влекомыхъ въ степь половцами, изнуренныхъ и уязвляемыхъ на пути терніемъ, спрашивающихъ другъ друга: „ты изъ какого града, ты изъ какого села?“... и множество другихъ мелкихъ чертъ заставляютъ подозрѣвать твореніе княжаго пѣвца предъ глазами лѣтописца, который переводилъ его на свой монастырскій языкъ.

моги". Онъ заклинаетъ ихъ всѣхъ подняться за русскую землю, за Игоревы раны, напоминаетъ имъ идеалъ временъ Мономаха, умѣвшаго направлять всѣхъ князей, всѣ силы Руси, на варваровъ. Во имя этого идеала онъ произноситъ судъ надъ тѣми князьями, которые, какъ полоцкіе, какъ бы выдѣлились изъ единой Руси. Эпизодъ о Ярославнѣ, какъ видѣлъ ее Игорь въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ,—даетъ поводъ пѣвцу очертить ея образъ въ трогательныхъ жалобахъ, въ обращеніяхъ къ вѣтру, къ водѣ и солнцу (замѣтимъ мимоходомъ, что лѣтописецъ заставилъ бы ее обращаться съ молитвой къ Пречистой Дѣвѣ и Божьему заступничеству). Словомъ, все заставляетъ насъ думать, что вся эта пѣснь возникла изъ міра мыслей и чувствъ, тамъ, въ степи, въ плѣну достигшихъ своей высшей напряженности и тѣмъ сдѣлавшихъ для пѣвца этотъ походъ важнѣе всѣхъ прежнихъ, болѣе счастливыхъ войнъ русскихъ князей съ половцами...

Намъ „Слово о полку Игоревѣ" стало извѣстно съ 1795 года, когда отыскалъ его въ одномъ сборникѣ почтенный любитель старины графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ 1800 году графъ издалъ текстъ и свой переводъ. Недавно академикомъ Пекарскимъ найденъ въ бумагахъ Екатерины II другой списокъ, сдѣланный графомъ же для императрицы. Къ несчастію, самый сборникъ сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ 1812 года, и мы должны довольствоваться только этимъ спискомъ и изданіемъ Мусина-Пушкина; оригинальный списокъ принадлежалъ XIV столѣтію. Появленіе „Слова" въ печати сдѣлало эпоху въ нашемъ литературномъ мірѣ, особенно когда подлинность этой пѣсни скрѣпилъ своею подписью тогдашній нашъ историческій оракулъ въ Геттингенѣ — Шлецеръ. „У насъ свой Оссіанъ, у насъ были свои барды",—повторялось на тысячи ладовъ. Писались статьи и трактаты, и доказывалось, что „Слово о полку Игоревѣ" удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ героической поэмы; отдѣльно толковали „о чудесномъ", необходимомъ элементѣ героическихъ поэмъ, объ умѣньи пѣвца пользоваться имъ. Но посреди хвалителей явились и скептики, отрицавшіе и Оссіана, и бардовъ, и всякую возможность такого литературнаго произведенія въ древней Руси, и видѣвшіе въ „Словѣ" позднѣйшую поддѣлку; полякъ Годебскій, не обинуясь, объявилъ, что Мусинъ-Пушкинъ самъ сочинилъ эту пѣснь. Находили въ ней анахронизмы. Позже, Сенковскій видѣлъ въ ней даже галлицизмы. Война изъ-за „Слова" особенно разгорѣлась, когда во главѣ скептиковъ сталъ человѣкъ, богатый знаніями—Каченовскій—и перенесъ споръ изъ области эстетики въ область исторіи. Долго споръ былъ неравенъ. Неравенъ онъ былъ, когда Каченовскій царилъ на каѳедрѣ московскаго университета, а графъ Уваровъ привезъ на лекцію его Пушкина. „Вотъ, господа,—сказалъ онъ студентамъ, указывая на Каченовскаго:—вотъ передъ вами наука, а вотъ, — указывая на Пушкина, — само искусство!" Каченовскій сталъ читать лекцію о „Словѣ о полку Игоревѣ" и уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержалъ и пустился защищать. „Помню,— сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ *), тотъ мой пріятель, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого очерка:—помню, какъ сквозь сѣдины Каченовскаго проступалъ яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина"... Бой былъ неравенъ, судя по впечатлѣнію пріятеля: онъ и теперь еще, кажется, на сторонѣ профессора,—и немудрено! Пушкинъ угадывалъ только чутьемъ то, что уже послѣ него подтвердила новая

*) Ив. Ал. Гончаровъ.

школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины „злого паука".

Не безъ робости рѣшаюсь напечатать свой трудъ, не смѣя самъ себѣ сказать, что я его кончилъ. Взглядъ, который я рѣшился выразить въ этомъ очеркѣ, взглядъ, ставящій „Слово" въ гармонію съ его временемъ, мнѣ кажется—единственный, устраняющій возраженія противъ случайности его появленія въ XII вѣкѣ: не знаю, довольно ли ясно и убѣдительно сумѣлъ я его высказать. Рѣшаюсь печатать въ надеждѣ: не удостоятся ли мои четырехлѣтнія занятія „Словомъ" вниманія и замѣчаній отъ людей болѣе меня знающихъ. Мною принятъ былъ за основаніе сводный текстъ обоихъ списковъ, сдѣланный г. Пекарскимъ. Онъ писанъ въ строку, безъ красныхъ строкъ, безъ дѣленій на главы, введенныхъ прежними издателями. Я старался по возможности сохранить слова и выраженія подлинника; если допускалъ прибавку лишнихъ словъ, то имѣя въ виду одно: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который имѣлъ въ виду пѣвецъ и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка; пѣвцу для того довольно было двухъ-трехъ чертъ, ибо онъ говорилъ ихъ языкомъ, ихъ метафорами, ихъ понятіями и преданіями. Впрочемъ, эти прибавки касаются почти только однихъ „темныхъ" мѣстъ „Слова", которыя каждый толкуетъ по-своему.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Не начать ли нашу пѣснь, о, братья,
Со сказаній о старинныхъ брaняхъ,— (1)
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о немъ, о сынѣ Святославѣ!
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гонялась мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился, (2)
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ, ширялъ подъ облаками!
Какъ воспомнитъ брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пуститъ
Десять быстрыхъ соколовъ вдогонку:
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь,—
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, Касожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ...
Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ, подъ вѣщими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владимировыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
И за землю русскую дружину
Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ. (3)
* У Донца былъ Игорь, только видитъ—
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ Солнце—
* Видитъ: Солнце—что двурогій мѣсяцъ,
* А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
* Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
* У людей въ глазахъ позеленѣло.
* „Не добра ждать,—говорятъ въ дружинѣ.
* Старики поникли головами:
* „Быть убитымъ намъ или плѣненнымъ!“

Князь же Игорь: „Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
* Но кому пророчится погибель—
* Кто узнаетъ, намъ или поганымъ?
А посядемъ на копей на борзыхъ,
Да посмотримъ синяго-то Дону!“
Не послушалъ знаменья онъ Солнца,
Распалясь взглянуть на Донъ великій! (4)
„Преломить копье свое,—онъ кликнулъ,—
Вмѣстѣ съ вами, русичи, хочу я,
На концѣ невѣдомаго поля!
Или съ вами голову сложити,
Иль испить златымъ шеломомъ Дону!“

О, Боянъ, о, вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орломъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы, (5)
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
То не стаи галчьи побѣжали
Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о, внукъ Велесовъ!..

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги *) красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
„Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты сѣдлай копей своихъ ретивыхъ,
А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты подъ бранною трубою,
Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены! (6)
Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,

Остры сабли крѣпко отточёны,
Сами скачутъ словно волки въ полѣ,
Алчутъ чести, а для князя славы!.."

И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.
Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла—та взвыла, застонала,
И грозою птицъ поразбудила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по степи:
Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая (7)
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрипъ пошелъ,—ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, своимъ зловѣщимъ клектомъ,
По степямъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила! (8)

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

И въ пятокъ то было; спозараны
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,

Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.
Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло!
„Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кречетъ,
Ни тебѣ, золъ воронъ половчанинъ...“
А ужъ Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ навстрѣчу...
И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... (9)
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю каленымъ стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ!
А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!..
Чу! Ст ибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужъ наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыль уже знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ...
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду! (10)
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ
Молча Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны. (11)
Ярый туръ ты, Всеволодъ! Стоишь ты
Впереди съ курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьихъ воевъ,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчиваешь шлемомъ,—
Тамъ валятся головы поганыхъ,

Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай! (12)
Были вѣки темнаго Трояна, (13)
Ярослава годы миновали;
Были брани храбраго Олега...
Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ крамолу,
Сѣялъ стрѣлы по землѣ по Русской...
Затрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани:
Слышалъ трубы Всеволодъ Великій, (14)
И съ утра въ Черниговѣ Владимиръ
Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одръ его сложила
На зеленомъ полѣ у Канина... (15)
Палъ младъ князь, палъ храбрый Вячеславичъ,
За его жъ, за Ольгову обиду!
И съ того зеленаго же поля,
На своихъ угорскихъ иноходцахъ,
Ярополкъ увезъ и отче тѣло (16)
Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ
И тогда жъ, въ тѣ злые дни Олега,
Сѣялось крамолой и ростилось
На Руси отъ внуковъ Горнславы: (17)
Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки человѣкамъ...
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.
Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не слыхано отъ вѣка!
Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,

Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой стели!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси—горемъ!..
Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужъ бьются:
Третій день къ полудню ужъ подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...
Ужъ у храбрыхъ русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ да и сами
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...
Невеселый часъ насталъ, о, братья!
Ужъ пустыня скрыла поле боя,
Гдѣ легла Дажьбожья внука сила—
Но надъ ней стоитъ ея Обида...
Обернулась дѣвою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещущи у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала: (18)
„Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!
„Залетѣлъ далече ясный соколъ,
Загоняя птицъ ко синю морю,—
А полка ужъ Игорева нѣту!
На всю Русь поднялся вой поминокъ, (19)
Поскочила Скорбь отъ веси къ веси
И, мужей зовя на тризну, мечетъ
Имъ смолой пылающіе роги...
Жены плачутъ, словно причитаютъ:
Ужъ ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!

Ужъ ни думой ладъ своихъ не сдумать,
Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
Златомъ, серебромъ намъ уже не звякнуть!
„Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ, (20)
Широко печаль течетъ по Руси:
А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму...
А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпилъ-было его могучій
Святославъ, князь кіевскій великій...
Былъ грозой для хановъ половецкихъ!
Наступилъ на землю ихъ полками,
Притопталъ ихъ холмы и овраги,
Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота!
А того поганаго Кобяка,
Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья —
И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
Въ золотую гридню къ Святославу...
Нѣмцы, греки и венеціяне,
И морава хвалятъ Святослава,
И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
Что на днѣ Каялы половецкой
Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ,
Да на ней же самъ съ сѣдла златого
На сѣдло кощея *) пересаженъ“.

Въ городахъ затворены ворота. (21)
Пріумолкло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.
„Снилось мнѣ,—онъ сказывалъ боярамъ,—
Что меня, на кипарисномъ ложѣ, (22)
На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, охъ, чернымъ
Одѣвали съ вечера покровомъ;
Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
Изъ поганыхъ половецкихъ туловъ
Крупный жемчугъ сыпали на лоно;

---

*) Кощей—рабъ, плѣнникъ.

На меня, на мертвеца, не смотрятъ,—
Въ терему жъ золотоверхомъ словно
Изъ конька повыскочили доски,—
И всю ночь прокаркали у Плѣснска.
Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня, (23)
Проносясь несмѣтной тучей къ морю"...
Отвѣчали княжіи бояре:
„Умъ твой, княже, полонило горе!
Съ златъ-стола два сокола слетѣли,
Захотѣвъ испить шеломомъ Дону,
Поискать себѣ Тмуторокани.
И подсѣкли половцы имъ крылья,
А самихъ опутали въ желѣза!
Въ третій день внезапу тьма настала!
Оба солнца красныя померкли,
Два столба багряные погасли,
Съ ними оба тьмой поволоклися
И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
На веселье ханамъ половецкимъ,
Молодые мѣсяцы, два свѣта—
Володимиръ съ храбрымъ Святославомъ! (24)
На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнѣзда!
Ужъ хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Дивъ повергнулся на землю,
Радъ, что дѣвы готскія запѣли
По всему побрежью сиця моря!
Золотомъ позваниваютъ русскимъ,
Прославляютъ Бусовы побѣды (25)
И лелѣютъ месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тутъ дружинѣ!"
Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:
„Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогіе! (26)
Не въ пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни побѣдой ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалыя
На огнѣ искованы на лютомъ,

Во отвагѣ буйной закалёны!
Что теперь вы, дѣти, сотворили
Съ сѣдиной серебряной моею?
Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава! (27)
Онъ ли сильный, онъ ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!—
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,
Тѣ съ ножами, безъ щитовъ, лишь кликомъ,
Бранной славой прадѣдамъ ревнуя,
Побѣждаютъ полчища и рати...
Вы жъ возмнили: сами одолѣемъ!
Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
Да и ту, что добыли ужъ дѣды!..
„Старику бъ помолодѣть не диво!
Вьетъ гнѣздо соколъ и птицъ взбиваетъ,
Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
Да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги!
Времена тяжелыя настали: (28)
Крикъ въ Ромнахъ подъ саблей половецкой!
Володимиръ ранами изъязвленъ,
Стонетъ, тужитъ Глѣбовичъ удалый...
Что жъ ты, княже, Всеволодъ великій! (29)
И не въ мысль тебѣ перелетѣти,
Издалека поблюсти столъ отчій?
Могъ бы Волгу веслами разбрызгать,
Могъ бы Донъ шеломами расчерпать,
Будь ты здѣсь, да половцевъ толпою
Продавали бъ—дѣвка по ногатѣ,
Смердъ-кощей по рѣзани пошелъ бы!
Вѣдь стрѣлять и по суху ты можешь—
У тебя живые самострѣлы—
Двое братьевъ, Глѣбовичей храбрыхъ! (30)
„Ты, буй Рюрикъ, ты, Давидъ удалый! (31)
Вы ль съ дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычатъ по степи,
Словно туры, раненые саблей!
Ой, вступите въ золотое стремя,
Распалитесь гнѣвомъ за обиду
Вы за землю Русскую родную,
За живыя Игоревы раны!
„Остромыслъ ты вѣщій, Ярославе... (32)
Высоко на золотомъ престолѣ

Возсѣдаешь въ Галичѣ ты крѣпкомъ!
Подперъ ты своей желѣзной ратью,
Что стѣной, Карпатскія угорья,
Заградивъ для короля дорогу,
Затворивъ ворота на Дунаѣ,
Черезъ тучи сыпля горы камней
И судя до самаго Дуная!
И текутъ отъ твоего престола
По землямъ на супротивныхъ грозы...
Отворяешь въ Кіевѣ ворота,
Мечешь стрѣлы за земли въ салтановъ!..
Ахъ, стрѣлий въ поганаго кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живыя Игоревы раны!..
„Ты, Романъ, съ своимъ Мстиславомъ вѣрнымъ!(33)
Смѣло мысль стремитъ вашъ умъ на подвигъ!
Ты, могучій, въ замыслахъ высоко
Возлетаешь, что соколъ ширяя
На вѣтрахъ, надъ вѣрною добычей...
Грудь у васъ изъ-подъ латинскихъ шлемовъ
Вся покрыта кольчатою сѣткой!
Передъ вами трепетали земли,
Потрясались Хиновскія страны,
Дремела жъ, половцы съ литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прахъ кидались передъ вами!
Свѣтъ, о, князь, отъ Игоря уходитъ! (34)
Не на благо листъ спадаетъ съ древа!
По Роси, Сулѣ врагъ грады дѣлитъ,
А полку ужъ Игорева нѣту!
Донъ зоветъ, Романъ, тебя на подвигъ,
Всѣхъ князей сзываетъ на побѣду,
А одни лишь Ольговичи вяли
И на брань, на зовъ его, доспѣли...
„Ингварь, Всеволодъ, и вы, три брата,
Вы, три сына храбраго Мстислава, (35)
Не худа гнѣзда птенцы крылаты!
Отчинъ вы мечомъ не добывали—
Гдѣ же ваши шлемы золотые?
Аль ужъ нѣтъ щитовъ и ляшскихъ палицъ?
Заградите острыми стрѣлами
Ворота на Русь съ широкой степи!
Потрудитесь, князи, въ полѣ ратномъ,

Всѣ за землю Русскую родную,
За живыя Игоревы раны!..
„Ужъ не той серебряной струею
Потекла Сула къ Переяславлю,
И Двина уже пошла болотомъ.
Взмущена врагомъ, подъ грозный Полоцкъ!
Услыхалъ и Полоцкъ крикъ поганыхъ!
Изяславъ булатными мечами
Позвонилъ одинъ о вражьи шлемы,
Да разбилъ лишь дѣдовскую славу,
Самъ сраженъ литовскими мечами
И изрубленъ на травѣ кровавой
Подъ щитами красными своими!
И на томъ одрѣ на смертномъ лежа, (36)
Самъ сказалъ: „Воронными крылами
Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину,
Полизать звѣрямъ ея далъ крови!“
И одинъ, безъ брата Брячислава,
Безъ другого Всеволода-брата,
Изронилъ жемчужную онъ душу:
Изронилъ, одинъ, изъ храбра тѣла,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло въ отчинѣ веселье,
Въ Городнѣ трубятъ печально трубы...
„Всѣ вы, внуки грознаго Всеслава,
Опустите ваши красны стаги
И въ ножны мечи свои вложите:
Вы изъ дѣдней выскочили славы!
Въ вашихъ сварахъ первые вы стали
Наводить на отчій край поганыхъ!
И отъ васъ не лучше половецкихъ.
Таковы жъ насилья были Руси! (37)
Загадалъ о дѣдинѣ любезной
Тотъ Всеславъ, на Кіевъ жребій бросилъ,
На коня вскочилъ онъ и помчался,
Да лишь древкомъ копія добился
До его престола золотого! (38)
Въ ночь бѣжалъ оттуда лютымъ звѣремъ,
Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
Утромъ билъ ужъ стѣны въ Новѣградѣ,
Ярослава славу порушая...
Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ.
Отъ Дудутокъ на рѣку Нѣмигу... (39)
Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,

Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ, мечами!
И изнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями!..
Днемъ Всеславъ суды судилъ народу
И ряды рядилъ между князьями,
Въ ночь же волкомъ побѣжитъ, бывало,
Къ пѣтухамъ въ Тмуторокань поспѣетъ,
Хорсу путь его перебѣгая! (40)
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонятъ у полоцкой Софіи,
Онъ же звонъ у кіевской ужъ слушалъ.
А хотя и съ вѣщею душою
Былъ, великій, въ богатырскомъ тѣлѣ, (41)
Все жъ бѣды терпѣлъ-таки не мало!
Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
Будь хитеръ-гораздъ, летай хоть птицей,
Все суда ты Божьяго не минешь!
„Охъ, стопать землѣ великой Русской,
Про князей воспоминая давнихъ,
Вспоминая прежнее ихъ время!
Да нельзя жъ нѣдь было пригвоздити
Ко горамъ ко Кіевскимъ высокимъ
Старика Владимира навѣки!
По рукамъ пошли его знамена (42)
И ужъ розно машутъ бунчуками,
Розно копья пѣть пошли по рѣкамъ!“ (43)

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, поутру
Ранымъ-рано ласточкой щебечетъ: (44)
„По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,
Оботру кровавы раны князю
На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ!..“
Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
На стѣнѣ стонтъ и причитаетъ:
„Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!

Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
На ковылъ-траву мое веселье...“
Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Ты ли, Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Славутичъ!
По землѣ прошелъ ты Половецкой,
Пробивалъ ты каменныя горы!
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ...
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ словъ не слать къ нему съ тобою
По сырымъ зорямъ на синє море!..“
Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Свѣтлое, тресвѣтлое ты Солнце, (45)
Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Что жъ ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...“

Синє море прыснуло къ полночи.
Мглой встаютъ, идутъ смерчи морскіе:
Кажетъ богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.
Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спитъ, не спитъ, крылатой мыслью
Мѣритъ поле ко Донцу отъ Дона.
За рѣкой Овлуръ къ полночи свищетъ,
По коня онъ свищетъ, повѣщаетъ:
Выходи, князь Игорь, изъ полона.
Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи, (46)
И шатаетъ вежи половецки:
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земли сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра добра коня садится;
По лугамъ Донца что волкъ несется;

Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.
Что соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужъ лихихъ коней давно загнали.
Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ. (47)
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ.
Соловьинъ свистъ зори повѣщаетъ...
Говоритъ Донецъ: „Охъ, князь ты Игорь!
Величанья жъ ты себѣ да добылъ,
А Кончаку всякаго проклятья,
Русской всей землѣ свѣтла веселья!“
Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
„Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебѣ да будетъ величанье,
Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю
На своемъ серебряномъ побережьѣ,
Теплой мглою на меня ты вѣялъ
Подъ темной зеленою ракитой;
Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
На струяхъ—чиркомъ, на вѣтрахъ—чайкой...
Вотъ Стугна, о, Донче, не такая! (48)
Какъ пожретъ-попьетъ ручьи чужіе,
По кустамъ, по доламъ разольется...
Ростислава-юношу пожрала,
На Днѣпрѣ жъ, на темномъ побережьѣ,
Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ;
Пріуныли съ жалости цвѣточки,
Дерева съ печали приклонились...“

Не сороки—чу!—застрекотали:
Ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.
Молвитъ Гзакъ Кончаку на погонѣ:
„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Ужъ млада соколика не пустимъ,
А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
Разстрѣляемъ стрѣлами златыми“.
И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:

„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Сокольца опутаемъ потуже
Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей". (49)
Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвитъ:
„Коль опутать красною дѣвицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной намъ дѣвицы:
А ихъ дѣтки бить почнутъ насъ въ полѣ,
Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ".

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ, (50)
Ярослава пѣвшій и Олега,
Такъ-то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
„Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
Горе тѣлу безъ главы разумной".
И землѣ такъ горько было Русской
Безъ удала Игоря, безъ князя...
Анъ на небѣ солнце засвѣтило:
Игорь-князь въ землѣ ужъ скачетъ Русской.
На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ,
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ;
Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!
Буй-туръ-свѣту-Всеволоду—слава!
Володимиръ Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!
Слава князьямъ и дружинѣ!

Аминь.

Объяснительныя примѣчанія къ тексту „Слова о полку Игоревѣ".

(1) См. прим. 3.

(2) *Растекается мыслію по древу.* Я принялъ толкованіе тѣхъ, которые читаютъ здѣсь *мысью*, а не *мыслью*, и по *древу* перевелъ: по лѣсу. Но это, кажется, не такъ. *Во-первыхъ:* что̀ касается до *древа*, я думаю, что здѣсь должно разумѣть не лѣсъ, не дерево, а совсѣмъ другой образъ. По всей вѣроятности, пѣвецъ тутъ имѣлъ въ виду то миѳическое дерево, которое, по преданіямъ всѣхъ арійскихъ народовъ, росло въ царствѣ боговъ, наверху небеснаго свода, вѣтвями внизъ. По скандинавскимъ сагамъ, по этому дереву бѣгала съ земли на небо бѣлка (молнія), принося Одину вѣсти изъ сего міра. На вѣтвяхъ этого дерева растутъ золотыя яблоки (звѣзды), съ листьевъ капаетъ благотворная влага (роса), изъ-подъ корней бьютъ источники мѣдный, золотой и серебряный. Это преданіе лежитъ въ основѣ всѣхъ сказокъ о золотыхъ яблокахъ (см. Аѳанасьева „Поэтич. воззр. славянъ на природу", т. II, гл. XVII). Въ одномъ изъ великорусскихъ заклинаній встрѣчается тотъ же образъ: „На морѣ на Окіанѣ (на небѣ), на островѣ на Буянѣ, стоитъ бѣлая береза, внизъ вѣтвями, вверхъ корешьми"... („Зап. Геогр. Общ." по отдѣленію этнографіи, т. II, 1869, стр. 479).

То же миѳическое древо слѣдуетъ понимать и тамъ, гдѣ говорится о Дивѣ: *„Дивъ кличетъ връху древа"* и *„уже вражеся Дивъ на землю"*. Взлетѣвъ на это древо, ночью, Дивъ кличетъ на всю неизмѣримую землю (степь), на Сулу и Волгу, на весь Новороссійскій, Донской и Прикаспійскій край, на все свое царство. Чтобы передать то, что̀ воображалъ пѣвецъ въ этомъ кликѣ Дива, я передалъ это мѣсто такъ:

Высоко поднявшися по древу.

Точно также и въ характеристикѣ пѣсни Бояна было бы согласнѣе съ представленіемъ пѣвца перевести такъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
Бѣгалъ векшей, на небо, по древу.
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что̀ орелъ ширалъ подъ облаками.

Во-вторыхъ: едва ли слѣдуетъ считать за описку въ фразѣ: *растекается мыслію по древу* слово: *мыслію* и поп звать: *мысью*, т.-е. *бѣлкой*, векшей. Если понимать, что древо есть то миѳическое древо, о которомъ я говорилъ, то не мудрено, что пѣвецъ сказалъ: Боянъ мыслію возносился въ царство боговъ по этому небесному древу; это тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ прямо называетъ это древо *мысленымъ*, *„скача славію по мыслену древу"*.

При такомъ толкованіи было бы еще вѣрнѣе выразить мысль пѣвца стихомъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
Мыслью въ небо возлеталъ по древу, и пр.

(3) Что въ дошедшемъ до насъ спискѣ XIV вѣка въ этомъ мѣстѣ есть пропускъ, и весьма значительный—замѣчено уже г. Соловьевымъ (Ист. Россіи, т. III, стр. 110 и прим. 226, 3-го изд.). Пѣвецъ хочетъ начать *повѣсть сію* отъ стараго *Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ* и пр., а о Владимирѣ далѣе ни слова, и тотчасъ послѣ общаго риторическаго приступа *(иже истягну умъ)* начинается: *Тогда Игорь взрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече...* Когда же это *тогда?* послѣ чего? Ясно, что здѣсь не только недостаетъ разсказа о Владимирѣ, но и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не съ начала: его слова, непосредственно за симъ слѣдующія, *„и рече: лучежъ бы потягну быти, нежеле полонену быти“*, очевидно, тоже отвѣтъ на что-то. Въ лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ—безпокойство; говорятъ Игорю, что затменіе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ. Поэтому въ переводѣ своемъ я это мѣсто дополнилъ изъ лѣтописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе. Не былъ ли весь этотъ эпизодъ изложенъ сначала по-язычески (не являлся ли тутъ самъ Дажьбогъ)?—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XIV вѣка.

Фразу: *начати же ся тьй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*, г. Соловьевъ объясняетъ такъ: сочинитель не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода Сѣверскихъ князей, но хочетъ предпослать ему старыя слова; эти же слова хочетъ изложить такъ, какъ пишутъ повѣсти теперь, т.-е. въ его время (по былинамъ сего времени), а не „по замышленію Боянову“, т.-е. не такъ, какъ замышлялъ, задумывалъ, сочинялъ Боянъ.

(4) *Спала умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго.* Спала—т.-е. охватила, древне-чешское spadnosti; похоть—страсть, жалость—рвеніе.

(5) *Рища въ трону Трояню.*

Что такое Троянъ, упоминаемый четыре раза въ „Сл. о п. И.“,—вопросъ, еще не разрѣшенный нашими учеными. Изъ множества толкованій я остановился на тѣхъ данныхъ, которыя приводятъ г. Буслаевъ и г. Аѳанасьевъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе:

Разсматривая „Слово“ и піца въ немъ самомъ какихъ-нибудь оттѣнковъ или намековъ, которые пояснили бы сколько-нибудь это выраженіе, я остановился на одномъ признакѣ, который можно принять уже за нѣчто положительное. Это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, говоря, что дѣва Обида вступила *на землю Трояню*, пѣвецъ продолжаетъ: она восплескала лебедиными крыльями *у Дону* плещучи...—Изъ этихъ словъ ясно географическое указаніе, что земля Трояня находится у Дона; вся эта мѣстность въ другихъ мѣстахъ „слова“ называется *поле незнаемое, земля незнаемая;* она же есть и поле Половецкое, по-нынѣшнему, степь. Посмотримъ далѣе, какими красками она описывается. При выступленіи въ походъ тамъ *„Дивъ* кличетъ верху древа, *велитъ послушати земли незнаемѣ*—Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый болванъ“... что дополняетъ объемъ земли Троянової. Далѣе: идутъ *черныя тучи*, хотятъ *прикрыть четыре солнца* (князей); вѣтры, *Стрибожьи внуци*, вѣютъ съ моря; дѣти *бѣсовы* кликомъ поля прегородиша... Бояре Святославовы говорятъ, что тамъ два солнца *померкли* и съ ними молодые мѣсяцы; на рѣкѣ Каялѣ *тьма* свѣтъ покрыла; повергнулся *Дивъ* на землю... Изъ

всѣхъ этихъ признаковъ видно, что въ „незнаемой" (она же Трояня) землѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыщутъ бѣсовы дѣти — половцы, вѣютъ Стрибожьи внуки, словомъ, что тамъ все враждебно руси, тамъ все злое, темное: по нынѣшнему народному выраженію, тамъ живетъ нечистая сила, всяческіе страхи, это дивья земля. Въ противоположность ей, этой землѣ, эпическіе эпитеты Русской земли рисуютъ послѣднюю *свѣтлою* Русской землей, гдѣ царствуетъ свѣтлый князь Красное-Солнышко, впослѣдствіи — бѣлый царь. Таковою, т.-е. свѣтлою, представлялась въ языческій періодъ земля Дажьбожьихъ внуковъ, но принятіи христіанской вѣры сдѣлавшаяся крещеною, православною землею. Точно такой взглядъ на всѣ чуждыя, языческія, „дивія" земли сохранился у русскаго народа и гораздо позже, и очень опредѣленно высказался онъ въ житіяхъ святыхъ, удалявшихся въ мѣста дикія, гдѣ они вели борьбу съ царствовавшею тамъ нечистою, темною силою.

Итакъ, Трояня земля будетъ незнаемая, обитаемая погаными дѣтьми бѣсовыми, исполненная враждебныхъ Руси темныхъ силъ. Это разъясненіе поможетъ намъ понять и вѣка Трояновы. Тутъ можетъ быть два толкованія. Во-первыхъ: до поселенія своего на Руси славяне могли считать занятую ими землю тоже дикою, тѣмъ же царствомъ Дажьбожьяго врага Троянка, и *вѣки Трояни* будутъ означать темныя времена, предшествовавшія ихъ пришествію въ эту землю. Вспомнимъ въ стихѣ о Егоріи храбромъ его пришествіе на Русь, представляющуюся ему дикою и не устроенною: онъ раздвигаетъ лѣса дремучіе, горы толкучія, велитъ рѣкамъ течь, вмѣсто людей встрѣчаетъ чудовищъ, волковъ съ человѣческими лицами, дѣвъ, обросшихъ древесною корою... Это темное царство, куда входитъ свѣтъ-Егорій. Въ этой картинѣ должно, я думаю, видѣть, какъ представлялась Русь славянамъ до ихъ пришествія, въ видѣ темнаго царства, гдѣ царилъ Троянъ. Другое толкованіе можетъ быть такое: если въ эпоху пѣвца Игорева начали переплетываться языческія понятія съ христіанскими, то царство темныхъ силъ на Руси онъ могъ считать продолжавшимся до крещенія земли и, говоря: „были вѣки Трояни, минули лѣта Ярославли", различаетъ такимъ образомъ языческую эпоху съ христіанскою. Въ сущности оба толкованія разнятся только опредѣленіемъ пункта, съ котораго считать свѣтлыя времена, съ пришествія ли славянъ или съ Ярослава, но, вѣроятно, и пѣвецъ не имѣлъ тутъ яснаго представленія.—Все доселѣ сказанное, безъ всякой, кажется, натяжки, вытекаетъ изъ воззрѣній пѣвца; но, не имѣя какихъ-нибудь еще положительныхъ указаній о томъ, какое было у славянъ лѣтосчисленіе до христіанства, по одному наведенію невозможно опредѣлить, что значитъ выраженіе „на седьмомъ вѣцѣ Трояни", тѣмъ болѣе, что и самое мѣсто, гдѣ оно приводится, очевидно, весьма плохо разобрано и самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ: въ Екатерининскомъ спискѣ, въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто *Трояни* стоитъ *Зоини*. Зато: „рыща въ *тропу Трояню* чрезъ поля на горы" объясняется ужъ очень легко; пѣвецъ обращается къ Бояну и говоритъ: „тебѣ бы воспѣть эти полки, свивая славы обаполы сего времени, т.-е. тебѣ бы, Боянъ, пѣть эти полки, съ древнею славою свивая новую, и рыща по дорогамъ незнаемымъ, рыща по степи, изъ края въ край, обозрѣвая всю степь, все, что тамъ происходило, и что дѣлалъ Игорь, и какъ ополчалась на него темная сила".

Кто же такой этотъ Троянъ, именемъ котораго называется незнаемая, дикая земля? Въ отвѣтъ на это есть два толкованія, наиболѣе серьезныя. Во-первыхъ, въ сербскихъ легендахъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ и поясненныхъ г. Аѳанасьевымъ, Троянъ представляется духомъ тьмы, а именно владыкой подземнаго царства, убѣгающимъ отъ Солнца; разъ онъ не успѣлъ укрыться и растаялъ... Сближая эти сказанія со сходными съ ними греческими и скандинавскими, г. Аѳанасьевъ выводитъ, что у славянъ имя

Троина обозначаетъ великана—мракъ. „Какъ воплощеніе ночного мрака и тумановъ, Троянъ является съ захожденіемъ солнца и обнимаетъ землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба (или Солнца), но при разсвѣтѣ дня... онъ исчезаетъ" („Поэт. воззр. сл.", ч. II, стр. 644). Кромѣ нашего „Слова" и сербскихъ и болгарскихъ преданій, Троянъ упомянутъ у насъ въ двухъ другихъ памятникахъ—въ „Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ" (по рукописи XVI вѣка) и въ „Хожденіи по мукамъ Пресв. Богородицы" (по рукописи XVII вѣка); тамъ между нашими языческими божествами исчислены: Перунъ, *Троянъ*, Хорсъ, Велесъ. Вообще такое пониманіе Трояна, какое изложено выше, какъ нельзя болѣе подтверждается смысломъ всего „Слова о п. Иг.". Это борьба свѣта, Дажьбожьихъ или Солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ русичей, съ тьмою, съ погаными, съ Чернымъ Дивомъ, съ бѣсовскими сынами.

Другое мнѣніе: полагаютъ, что этотъ Троянъ есть не кто иной, какъ римскій императоръ Траянъ. Но историческимъ Траяномъ объясняются ли всѣ четыре мѣста „Слова", гдѣ упомянутъ Троянъ, и соотвѣтствуетъ ли онъ тому представленію земли Трояней, вѣковъ Троянихъ, которое и старался возстановить изъ словъ самого пѣвца? Во-первыхъ, земля Трояни у Дону и вѣка Трояни на Руси до Ярослава—заставляютъ допустить фактъ, никогда не бывалый, именно—вѣру въ пѣвцѣ и его современникахъ, русскихъ, въ то, что римскій Траянъ господствовалъ въ южной Россіи вплоть до рѣки Дона и дальше, до Каспія, надъ всею незнаемою землею и по Сулѣ, и по Волгѣ, и пр.; что это владычество тянулось очень долгое время, которое пѣвецъ обозначаетъ вѣками Трояновыми, продолжая это господство и до Всеслава или, по крайней мѣрѣ, до Брячислава Полоцкаго, ибо къ которому-нибудь изъ нихъ относится выраженіе: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни". По этому толкованію тропа Трояни будетъ via Trojana или валъ Трояновъ въ Бессарабіи и въ Кіевской губерніи: зачѣмъ рыскать по этому валу, чтобы воспѣть Игоря, ходившаго въ другую сторону, не понимаю.

Впрочемъ, можно согласить оба толкованія: отъ историческаго Траяна, пожалуй, могло перейти въ славянскій эпосъ только его имя (какъ позже у насъ имя Вольги (Олега), Ильи Муромца, Егорія Храбраго); какъ имя враждебнаго лица, оно попало не на божество свѣтлое, а на темное. На имя это можно, пожалуй, смотрѣть, какъ на слѣдъ столкновенія славянъ въ землѣ даковъ и гетовъ съ Римомъ или съ Траяномъ; но въ воображеніи современниковъ „Слова", безъ сомнѣнія, съ его именемъ не соединялось ничего римскаго, оно представлялось просто названіемъ темнаго бога, враждебнаго Дажьбогу, какъ противоположность Чернобога Бѣлбогу.

(6) Въ Старшей Эддѣ, во второй пѣснѣ о Гельгѣ, этотъ герой, говоря о своихъ подвигахъ, между прочимъ, выражается такъ: „я сдѣлалъ это, когда въ Брагалундрѣ недавно травилъ медвѣдей и орловъ кормилъ съ копья", т.-е., по изъясненію Гримма, „билъ враговъ и тѣлами ихъ насыщалъ орловъ". Гриммъ, изъясняя это мѣсто, вспоминалъ выраженіе о курянахъ „Слова о п. И.":—„Конецъ копья въскоръмлени", и прибавляетъ: „такъ какъ въ походѣ копья употреблялись вмѣсто вилокъ".

(7) *Дивъ кличетъ върху древа:*—см. пр. 2. Все это мѣсто представляетъ великолѣпную картину Тьмы (или Трояна), ополчающейся на сыновъ Солнца, на Дажьбожьихъ внуковъ. *Болванъ Тмутороканскій:* изъ словъ бояръ Святославовыхъ (см. ниже) можно заключить, что цѣлью похода Игорева было завоеваніе Тмуторокани, города на Таманскомъ полуостровѣ: подъ именемъ же Болвана Тмутороканскаго не разумѣется ли какая-нибудь статуя въ этомъ городѣ, остатокъ временъ, когда по всему Черноморію процвѣтали греческія поселенія?

(8) *О Русская земле! Уже за Шеломянемъ еси долго: ночь мрькнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ*

шлемъ убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, и проч.

Слово *шеломя*—въ Архангельской губерніи и теперь означаетъ холмъ. Г. Бельтманъ полагаетъ, что здѣсь разумѣются Гребенныя горы, по правую сторону Донца, противъ рѣки Калитвы. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опредѣленъ путь Игоря. Ни рѣки Сальницы, ни Каялы, ни Сюурлія на картахъ не находится. Полъ общимъ именемъ Шеломя здѣсь не слѣдуетъ ли разумѣть водораздѣлъ между рѣками, текущими на востокъ въ Донъ и на западъ въ Донецъ, до сліянія послѣднихъ?

Ночь мрькнетъ и пр. Обыкновенно эту картину принимаютъ за изображеніе ночи; мнѣ кажется, напротивъ, здѣсь собраны признаки ранняго утра. Померкнуть—говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значитъ угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ и потерять свой цвѣтъ, поблѣднѣть, побѣлѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. „ночь меркнетъ" значитъ, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т.-е. стало свѣтать. *Зарѣ-свѣтъ запала*—переводятъ: заря медлитъ: скорѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ. *Мъгла поля покрыла*—поднялся утренній туманъ (ниже: обѣсенся синѣ мглѣ). *Щекотъ славій усне:* соловьи поютъ ночью,—тутъ же май мѣсяцъ, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки ранняго утра.

Поля прегородиша. Что хотѣлъ нарисовать пѣвецъ словами: „прегородиша поля" здѣсь и ниже: „дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрые русичи чрълеными щиты",—лучше всѣхъ объяснено Шишковымъ. Перегородили поля, т.-е. раздѣлили, разрѣзали поле на двѣ части, направо и налѣво, растянувшись по полю красною полосой—красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно, смотрящему издали, съ высоты, на тогдашнее русское войско болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же въ походѣ везли на возахъ и, только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа русичи поганыхъ.*

(9) *Четыре солнца*, т.-е. четыре Дажьбожьи внука, четверо князей, участвовавшихъ въ походѣ: Игорь и Всеволодъ Святославичи, Владиміръ, сынъ этого Игоря, и Святославъ Ольговичъ, сто племянникъ.

(10) *Отступиша.* См. отступиша должно быть обступиша (Снегиревъ, Бельтманъ).

(11) Ср. прим. 7. Шишковъ такъ изъясняетъ это мѣсто: „Половцы, преградя поле, т.-е. растянувшись по всему оному, съ кликомъ бросились на русскихъ, которые въ молчаніи противопоставили имъ щиты свои".

(12) Изображая подвиги Всеволода, пѣвецъ вездѣ говоритъ: рыщешь *стрѣлами*, гремишь *мечами*; поскребены шеломы аварскіе *саблями отъ тебя*... Съ перваго разу странно, отчего сабли, мечи стоятъ во множественномъ числѣ? Но тутъ слѣдуетъ понимать такъ, что Всеволодъ рыщетъ посреди сражающихся, окруженный храброю дружиной. *Кая раны дорога, братіе* и пр. Выраженіе не легко объяснимое. Эрбенъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать здѣсь не *раны*, а *рать*, и передаетъ такъ все мѣсто: какой же былъ то дорогой бой, что про него забылъ онъ (Всеволодъ) и „чти и живота и града Чернигова", и пр. Но это едва ли можно принять.

(13) Все это отступленіе есть одно изъ темныхъ и наиболѣе запутанныхъ толкованіями мѣстъ „Слова". Чтобы его понять, я старался прежде всего опредѣлить отношеніе пѣвца къ княжескимъ родамъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ въ своемъ воззрѣніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ составитель лѣтописи, который, сводя разныя сказанія сторонниковъ Мономаховичей и Ольговичей, выписываетъ изъ тѣхъ и другихъ какъ бы механически—отчего у него и выходитъ, что Богъ и Пресвятая Богородица помогаютъ то Ольговичу, то Мономаховичу. Пѣвецъ же безъ особеннаго

пристрастія смотритъ на всѣ поколѣнія князей: онъ не сторонникъ Мономаховичей, да и не сторонникъ Ольговичей. Онъ упоминаетъ о старомъ Владимирѣ (изъ которомъ, по всѣмъ наиболѣе достойнымъ уваженія изслѣдователямъ, какъ, напр., г. Соловьевъ, разумѣетъ Мономаха), говоритъ о немъ, какъ объ идеалѣ князя: „того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ: сего бо нынѣ стяга стяги Рюриковы, а друзіи Давидовы" (его внуковъ). Во-вторыхъ, въ характеристикѣ князей (см. ниже) пѣвецъ восхваляетъ его потомковъ: Всеволода Суздальскаго, Рюрика и Давида, троихъ сыновей Мстислава храбраго, Романа Волынскаго. Точно также прославляетъ и Ольговичей за храбрость: Святослава Кіевскаго, его брата Ярослава, наконецъ Игоря и Всеволода, героевъ поэмы, Олега же положительно винитъ въ бѣдствіяхъ Русской земли: онъ мечомъ ковалъ крамолу, сѣялъ стрѣлы по землѣ. Такимъ образомъ мы видимъ у пѣвца взглядъ на дѣла Руси широкій и осмысленный: точка его опоры, съ которой онъ произноситъ судъ свой—есть благо земли, единство народа, страдающаго отъ княжескихъ усобицъ (см. прим. 16).

Что касается собственно до эпизодовъ изъ жизни Олега, пѣвецъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее событіе: по смерти братьевъ Всеволодъ и Изяславъ Ярославовичи подѣлили, какъ старшіе, ихъ удѣлы и посадили тамъ своихъ сыновей, устранивъ племянниковъ. Изъ послѣднихъ двое, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, пошли изъ Тмуторокани добывать себѣ своихъ отчинъ у дядей. Въ происшедшемъ сраженіи при Нежатиной нивѣ, по разысканію гг. Снегирева и Максимовича, близъ села Канина, были убиты Борисъ и великій князь Изяславъ (см. ниже 13, 14, 15 и 16).

Были вѣци Трояни: т.-е. были вѣки, когда Троянъ, мракъ, царствовалъ до прихода сыновъ солнца-Дажьбога по всей землѣ, которая уже по занятіи ими и сдѣлалась свѣтлою. До тѣхъ поръ и она была темная, незнаемая, Троянова (см. подробнѣе прим. 5).

(14) *Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволодъ: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ...* Для большей ясности я, вмѣсто общаго выраженія: *ступаетъ въ златъ стременъ* (Олегъ), сказалъ: „протрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани". Всеволодъ, сидѣвшій въ Переяславѣ, ближе къ Тмуторокани, слышалъ *звонъ*, т.-е. вѣсть о походѣ Олега, а Владимиръ, занимавшій Черниговъ, на который претендовалъ Олегъ, съ утра *уши закладаше*. Обыкновенно толкуютъ, что онъ затыкалъ свои уши; выходила безсмыслица. Здѣсь *уши* не означаютъ органъ слуха, а малыя калитки, какія дѣлывались въ стѣнахъ, по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: „скорѣй верблюдъ пройдетъ въ иглиныя уши, чѣмъ богатый внидетъ въ царствіе небесное", т.-е. скорѣй пройдетъ верблюдъ въ малыя калитки, которыя у входовъ и назывались „иглиныя уши", а эти ворота закладывались закладками, что дѣлалъ и Владимиръ, ежеминутно ожидая нападенія Олега.

(15) *И на канину зелену паполому постла.* Г. Снегиревъ въ объясненіе приводитъ изъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1152 г.: „поидоша къ Чернигову, и перешедше Снонь, и сташа у Гурничева, близъ города, перешедше Канинь".

(16) Еще спорное мѣсто, которое объясняется открытіемъ значенія слова Канина. Въ текстѣ ошибочно поставлено вм. Канины или Канини—Калы, и, кромѣ того, вм. *Ярополка* поставленъ Святополкъ: подобное смѣшеніе именъ весьма часто встрѣчается въ текстѣ, на что я укажу въ своемъ мѣстѣ (см. прим. 24). Эти очевидныя теперь ошибки переписчиковъ подали поводъ къ толкованію, которое нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, а именно думали, что здѣсь говорится будто бы о Святополкѣ Изяславичѣ, который увезъ тѣло тестя своего Тугоркана съ битвы на Калѣ; но эта битва была гораздо позже. Здѣсь идетъ рѣчь все

о той же битвѣ при Канинѣ; Изяславъ былъ убитъ, и сынъ его Ярополкъ былъ при немъ въ сраженіи; другой же сынъ Святополкъ въ это время находился въ Новгородѣ.

(17) *Тогда при Олегѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами.* Я принялъ толкованіе г. Вельтмана, что здѣсь слово Гориславличи означаетъ потомковъ Рогнѣды отъ ея сына Изяслава, полоцкихъ князей Брячислава, Всеслава и его потомковъ. Гориславою, по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя *приняла сама*; Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской (см. прим. 13). Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Невозможно сказать, напр., многострадальный и о томъ, кто много страдалъ, и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволитъ сказать: Іовъ многострадальный и многострадальный Неронъ?.. Поэтому мѣсто это правильнѣе передать: „при томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т.-е. и отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ, сокращались вѣки человѣковъ“ и пр. Но, возразятъ мнѣ тѣ, которые задались мыслью, что пѣвецъ нашъ—черниговскій пѣвецъ, и Олега онъ назвалъ Гориславичемъ, сочувствуя его бѣдамъ. Но тогда зачѣмъ же пѣвецъ винитъ его въ бѣдствіяхъ земли (см. прим. 13)? Да и почему онъ черниговскій сторонникъ? Если онъ и былъ изъ княжьихъ пѣвцовъ, то у сѣверскихъ князей, а это ужъ другая, младшая линія Ольговичей, не очень дорожившая черниговскими интересами и вообще державшаяся какъ-то въ сторонѣ. Черниговскимъ же сторонникомъ и сочли пѣвца, главное, на основаніи этого худо понятого слова „Гориславичи“, отнеся его къ Олегу.

(18) Этотъ эпизодъ явленія Дѣвы-Обиды до сна Святославова есть, на мой взглядъ, одно изъ самыхъ капитальныхъ мѣстъ поэмы; но сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія его я до сихъ поръ не видалъ. Предлагаю свою догадку, основанную на психологическомъ значеніи этого прекраснаго поэтическаго образа. Текстъ гласитъ такъ: „Уже пустыня силу прикрыла, встала Обида въ силахъ Дажьбожья внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону плещущи, убуди жирня времена; усобица княземъ на поганыя погыбе“ и пр. Что̀ такое это за великолѣпный образъ Дѣвы-Обиды? Что̀ она выражаетъ и для чего выведена?—Во-первыхъ, ясно, что она принадлежитъ не къ темному міру Трояна, не къ враждебному Диву, не къ половецкой сторонѣ, а является на сторонѣ русичей, ибо встала „въ силахъ Дажьбожья внука“. Далѣе сказано, что она вступила въ землю Трояню *у Дону*, т.-е. на половецкую землю у Дона, а у Дона (или близъ Дона) послѣ сраженія была только одна сила-рать Игорева, и то побитая. Слѣдовательно дѣва является надъ полемъ битвы, гдѣ лежало побитое войско Игоря. Какое же значеніе имѣетъ образъ лебединой дѣвы? Обращаясь къ источнику нашей древней миѳологіи, къ арійскимъ преданіямъ, мы находимъ въ нихъ вѣрованіе, что души умершихъ возносятъ въ царство свѣта, въ звѣздные предѣлы, дѣвы съ лебедиными крылами. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ тоже лебединыхъ дѣвъ, но значеніе ихъ опредѣлить трудно; можно догадываться только, что древнее значеніе ихъ, какъ крылатыхъ духовъ, народъ перенесъ потомъ на ангеловъ, приносящихъ и уносящихъ на небо души людей. Въ памятникахъ скандинавскихъ образъ этихъ дѣвъ является гораздо опредѣленнѣе и имѣлъ свое развитіе: небесныя дѣвы, прилетавшія принимать души павшихъ героевъ, являются тамъ въ образѣ дѣвъ-воительницъ, валкирій, олицетворявшихъ самую битву и разные ея моменты, отъ которыхъ и получили разныя названія, напр., Гильдра-Битва, Рандгрита и пр. Кажется, объясненіе Дѣвы-Обиды слѣдуетъ искать въ рядѣ представленій этого рода, т.-е. какъ дѣвы, явившейся надъ

павшею ратью и олицетворявшей чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укоры виновнику пораженія. Но кто же могъ болѣе чувствовать этотъ позоръ? Конечно, пережившій виновникъ онаго — Игорь. Такимъ образомъ эта дѣва получаетъ уже характеръ личный; психологическая сторона этого образа будетъ дума Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума, преслѣдующая его, дума о томъ, что тамъ, за нимъ, лежитъ эта погубленная имъ сила-рать, которую уже не для него *пустыня прикрыла*, т.-е. она скрылась уже изъ глазъ его. И въ самомъ дѣлѣ, все послѣдующее мѣсто до сна Святослава звучитъ укоромъ Игорю, слѣдовательно все тѣсно связано съ образомъ Дѣвы-Обиды и тѣмъ даетъ ему смыслъ и объясняетъ ее. Да и въ текстѣ нисколько не отдѣляется явленіе дѣвы отъ этой тирады. Никто не оспариваетъ, что фраза: „убуди жирня времена" относится къ ней; слѣдующая за ней: „усобица княземъ на поганыя погыбе" и пр. непосредственно съ нею вяжется, какъ дальнѣйшее ея развитіе. Вложена ли пѣвцомъ въ уста этой дѣвы вся эта укорительная тирада, или перефразируетъ ее пѣвецъ своими словами, — угадать трудно, но смыслъ ясенъ, что она, т.-е. эта тирада, относится къ Игорю; иными словами, что это его дума, его укоры себѣ: „далече зайде соколъ, птицъ бія, къ морю!.. Тіи бо два храбрая Святославича Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди... Нѣмцы и Венедицы... хвалятъ Святослава... каютъ игоря, иже погрузи жиръ въ Каялѣ"... да тутъ же „и высѣде изъ злата сѣдла въ сѣдло Кощіево"... Это все звучитъ горькою ироніей, все это долженъ былъ думать Игорь, влекомый въ плѣнъ.

Сравненіе этого мѣста съ соотвѣтствующимъ ему въ лѣтописи еще болѣе убѣждаетъ меня въ лирическомъ значеніи этой тирады; тотчасъ за разсказомъ о плѣненіи князей лѣтописецъ помѣстилъ у себя длинную рѣчь Игоря, укоры, которые онъ себѣ дѣлаетъ, только лѣтописецъ излагаетъ ихъ, конечно, въ религіозномъ духѣ: „помянухъ азъ грѣхи своя передъ Господомъ... не мало зло подѣяша безвинніи христіане отлучаеми отъ отецъ роженій своихъ, братъ отъ брата" и пр.

Обращаю еще вниманіе на художественное значеніе этой тирады, придающей драматическій интересъ Игорю: не разъ замѣчали, что пѣвецъ больше хвалитъ Всеволода, чѣмъ Игоря, и Всеволодъ потому скорѣе могъ бы быть названъ главнымъ героемъ поэмы, ибо игорь какъ бы совсѣмъ въ ней пропадаетъ. Пѣвецъ однако назвалъ свою поэму пѣснью объ Игорѣ, значитъ, считалъ его главнымъ лицомъ; это такъ и выйдетъ, если мы возвратимъ его герою все, чѣмъ возвысилъ его поэтъ, вложивъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Такимъ образомъ возстановляется плѣнительный, осмысленный образъ Игоря, передъ которымъ блѣднѣетъ храбрый Всеволодъ... Въ томъ мѣстѣ, которое называютъ плачемъ Ярославны, окажется еще другая, нѣжная, сердечная сторона этого князя, сообщающая ему особенную привлекательность, и, прочтя поэму, мы поймемъ, почему она названа пѣснью объ Игорѣ.

(19) Это мѣсто такъ стоитъ въ текстѣ: „*за нимъ* (за падшимъ полкомъ Игоревымъ) *кликну Карнаижля* (въ Екат. спискѣ: Карна и Жля) *поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ*" (въ Екат. сп.: *смагу людямъ мычючи*). Обыкновенно понимаютъ, что за ними (т.-е. за побитыми полками?) половецкіе ханы карна и Жля кликнули и поскочили по Русской землѣ, стрѣляя греческимъ огнемъ... Уже г. Вельтманъ разбилъ этихъ хановъ, показавъ, что лѣтописи почти слово въ слово повторяютъ выраженіе пѣвца; а тамъ сказано: „и тако въ день Воскресенія (Господь) наведе на ны *плачь* и *жаль* на рѣцѣ Каялѣ". Въ Ипатьевской лѣтописи: „въ радости мѣсто наведе на ны плачь, а веселье мѣсто *желю*". Итакъ, одинъ изъ хановъ пропадаетъ съ объясненіемъ словомъ *жля*, которое есть то же, что лѣтописное *желя*, *жаль*, жалость, скорбь. Но, если Жля — не ханъ, то очевидно и товарищъ его Карна тоже не изъ половец-

кихъ кагановъ. И въ самомъ дѣлѣ, им. *Карна* должно читать: карья или карьба, отъ глагола *карити*, плакаться, причитать по умершимъ (см. Востокова „Ц.-Слав. словарь"). Слѣдовательно и выйдетъ: клакнули поминанія и жалость, плачъ, печаль, скорбь поскочила по Русской землѣ. Остается теперь покончить съ греческимъ огнемъ. Сдѣлавъ предположеніе, не разумѣется ли здѣсь какой-нибудь обычай при поминкахъ или тризнахъ языческихъ, оставшійся еще въ XII вѣкѣ отъ временъ сожиганія тѣлъ, я въ эту сторону направилъ свои поиски и нашелъ у Терещенка слѣдующее: „Въ Силезіи, въ Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ народъ ходилъ марта 1-го съ зажженными факелами на кладбища и приносилъ жертвы усопшимъ". У г. Аѳанасьева этотъ обычай лужичанъ поясненъ: „Весною въ воскресенье четвертой недѣли поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ, съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: „смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!" Славонцы ходятъ 1-го марта. Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія, запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и употребленіе свѣчъ при поминкахъ извѣстны съ глубочайшей древности" (Аѳан. Воззр., т. III, стр. 205, 206). Прибавлю къ этому еще, что въ Бѣлоруссіи, какъ мнѣ сказывали, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ, 1-го ноября (по католическому обряду), совершались процессіи на кладбища послѣ службы, причемъ каждый изъ прихожанъ несъ зажженную свѣчу. Извѣстно, что въ древности тѣла мертвыхъ у насъ сожигали: вывелось сожженіе тѣлъ, но присутствіе съ огнемъ на похоронахъ и поминкахъ осталось. Поэтому разсматриваемое мѣсто въ „Словѣ" надо понимать такъ: „По падшимъ кликнули поминки, причитанія, и скорбь поскочила по Русской землѣ, меча людямъ (т.-е. мужамъ) зажженные факелы". Въ текстѣ стоитъ: *смагу* мычучи; не описка ли это вмѣсто *смолу?* Впрочемъ, и *смага* означаетъ жаръ. Такимъ образомъ Карья и Желя олицетворены здѣсь въ образахъ, родственныхъ Дѣвѣ-Обидѣ, и изображаютъ разные виды бѣдствія, какъ у скандинавовъ валкиріи изображаютъ разные моменты боя.

Принявъ это, найдемъ строгую послѣдовательность рѣчи и красокъ въ этомъ мѣстѣ у пѣвца, ибо, вслѣдъ за картиной мужей съ факелами, о женщинахъ говорится: „жоны въсплакашась, аркучи"... Остановлю вниманіе читателя на красотѣ всей этой языческой картины скорбныхъ поминокъ по падшимъ воинамъ храбраго полка Игорева и на томъ, что вся эта картина рисуется въ воображеніи Игоря...

(20) Въ текстѣ: „*а въстона бо, братіе, Кіевъ*"... Я выше сказалъ (въ прим. 17), что вся эта тирада объясняетъ смыслъ или характеръ Дѣвы-Обиды, влагаетъ ли пѣвецъ ее въ уста самой дѣвы, или разъясняетъ ее своими словами. Если бы здѣсь не было слово *братіе*, я, не усомнясь, утверждалъ бы первое, т.-е., что тирада говорится отъ лица ея.

(21) Забрало, кромѣ извѣстной части шлема, значитъ еще: *стѣна, башня*.

(22) *На кроватѣ тисовѣ*. Это не тесовая кровать, а изъ тиса (taxus if). Въ подлинникѣ: *нѣгуютъ мя;* по толкованію г. Прахова, здѣсь должно быть: негодовахуть ми. Въ извѣстномъ евангельскомъ выраженіи: *камень, его же небрегоша зиждущіи, той бысть во главу угла*, вмѣсто словъ: *его же небрегоша*, стоятъ въ древнихъ спискахъ: *его же негодоваша*—на который не обращали вниманія, котораго не считали достойнымъ вниманія, на который и не смотрѣли; въ лѣтописяхъ нашихъ также попадается выраженіе: негодовать кого-либо—пренебрегать кѣмъ, не обращать на него вниманія; предложеніе это стояло, очевидно, подъ титломъ и притомъ, вѣроятно, невѣрно было написано (ѣ): него(х)уть мя или нѣго(х)уть мя; смыслъ, слѣдовательно, былъ: не обращали на меня никакого вниманія,

какъ будто бъ меня и нѣтъ совсѣмъ въ тридницѣ. Князь разсказываетъ сонъ дурного знаменованья: одѣвали меня (одѣвахуть мя),—говоритъ онъ,—погребальнымъ покровомъ, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ (сыпахуть мя жемчугъ—слезы) и распоряжались (т.-е. всѣ эти зловѣщія тѣни сна) въ моемъ покоѣ, какъ будто бъ меня тутъ и не было, какъ это бываетъ съ находящимся при послѣднемъ издыханіи, если не совсѣмъ мертвыми (и негодовахуть мя). *(Объясненіе М. В. Прахова).*

Сыпахуть ми тьщими тулы поганыхъ тлъковинъ женчюгъ на лоно. Толковины—кочевники: здѣсь разумѣть должно половцевъ, ибо отъ нихъ пришли Святославу слезы, прообразуемыя жемчугомъ.

(23) Многочисленныя толкованія этого выраженія: *дебрь Кисаня*, по-моему, всѣ неудовлетворительны: я оставилъ его, какъ оно стоитъ въ подлинникѣ. *Босуви врани* сближаю съ босымъ или бусымъ волкомъ (см. ниже)—темные, черные. *И не сошлю къ синему морю*—по зам. А. Ѳ. Гильфердинга, *и несошася.*

Болѣе всѣхъ остроумно чтеніе М. А. Максимовича: „Всю ночь съ вечера на Бусовицѣ (Бусова гора) враны каркали; у Плѣньска на болони (т.-е. на заливномъ лугу) сдѣлалась дебрь (провалы, овраги), а Кіяне (вм. Кисаня) сошли къ синему морю", т.-е. ушли, бросили городъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе четыре стиха Святославова сна можно бы измѣнить такъ:

„Во всю ночь на Бусовицѣ враны
До утра прокаркали; у Плѣньска
Вмѣсто луга стала дебрь, провалы,
Кіевляне жъ внизъ ушли всѣ, къ морю".

(24) Въ текстѣ стоитъ: *Олегъ* и *Святославъ*, и названы они молодыми мѣсяцами, въ означеніе младшихъ князей: это ошибка. Два солнца—Игорь и Всеволодъ; два мѣсяца — Владимиръ (а не Олегъ) Игоревичъ и Святославъ Ольговичъ. Фразу: „и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови", стоящую въ подлинникѣ непосредственно за предложеніемъ: „По Русской земли прострошася половци, акы пардруже гнѣздо",—я перенесъ выше, къ словамъ о Владимирѣ и Олегѣ, по соотвѣтствію времени глаголовъ: *поволокоста, погрузиста* (указаніе г. Прахова). *Море* же понимать здѣсь надобно, думаю, въ смыслѣ *неба*, т.-е. въ небесныхъ безднахъ (Аѳан., т. II, гл. XVI).

(25) *Бусовы* побѣды: Бусъ или Боусъ—предводитель половцевъ въ первое ихъ нашествіе въ 1054 г.; *Шаруканъ* былъ разбитъ русскими князьями въ 1111 году. Выраженіе—*Готскія дѣвы* напоминаетъ о томъ, что внутренняя часть Крыма называлась Готіей, такъ какъ тамъ жили еще остатки готовъ, зашедшихъ сюда около VI-го вѣка.

(26) Сыновцы: Всеволодъ и Игорь были двоюродные братья Святославу Всеволодовичу Кіевскому, но онъ, какъ старѣйшій, былъ имъ „во отца мѣсто".

(27) „Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава" и пр. Такъ я передалъ слова текста: „А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовой брата моего Ярослава". *Власть* здѣсь не значитъ *область;* его Черниговская область не пропадала, онъ не терялъ ея; кажется, здѣсь разумѣется могущество, сила, войско. По заключенію г. Максимовича, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава итти вмѣстѣ съ братомъ (Святославомъ) на половцевъ въ 1184 и въ 1185 годахъ. Смыслъ тотъ, что „Ярославъ мнѣ не помощникъ, что очень жаль великому князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ черниговскихъ былей и другихъ удальцовъ, беретъ въ храбрости примѣръ съ дѣдовъ, а вы, Игорь и Всеволодъ, возмнили: сдѣлаемъ все сами". Слово *были* производитъ отъ бояринъ и полагаютъ,

что имъ означалась знатная молодежь, отправлявшаяся служить какому-нибудь князю, туда, гдѣ война. Вѣроятно, такого рода удальцы стекались подъ знамена князей изъ разныхъ мѣстностей: таковы, вѣроятно, и названные въ текстѣ вслѣдъ за черниговскими былями Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги, Ольбѣры. Названія эти не объяснены.

(28) См. прим. 43.

(29) Владимиръ Глѣбовичъ Переяславскій—сынъ Глѣба Юрьевича, слѣдовательно племянникъ Всеволода Юрьевича Суздальскаго; вотъ почему Святославъ и обращается прямо къ послѣднему, какъ къ родному дядѣ Владимира. *Аще бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, и кощей по резанѣ. Чага*—плѣнница; *кощей*—плѣнникъ, рабъ, но, кажется, преимущественно изъ половцевъ. *Ногата* и *рѣзана*—монеты. (Прим. г. Тихонравова).

(30) „Ты бо можеши по суху живыми *шереширы* стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы". Это дѣти Глѣба, рязанскіе князья, бывшіе уже въ зависимости отъ Всеволода Суздальскаго; сказавъ уже о его походахъ по рѣкамъ, пѣвецъ говоритъ: „ты можешь и по суху стрѣлять". Живыми *шереширы:* шереширъ—слово не объясненное. По персидски шере-ширъ значитъ *левъ свирѣпый*. Я принялъ толкованіе, помѣщенное въ „Изв. Моск. Унив." 1866—67 года, № 2, стр. 168, что „Не есть ли это греческое σαρίσσα, что̀ значитъ *стрѣла*, съ византійскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ αρι, αρίον. Въ средневѣковой латыни есть слово saresa, saresonium—копье".

(31) *Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша. Ваю:* это родит. пад. двойств. числа, личнаго мѣстоимѣнія второго лица. *Плаваша*—третье лицо множ. числа. Не должно ли подразумѣвать подлежащее „дружины"?

Оба эти Рюрикъ (ум. 1195 г.) и Давидъ (ум. 1197 г.)—сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владимира Мономаха.

(32) Ярославъ (ум. 1188 г.) Галицкій, сынъ Владимира Володаревича; Володарь—братъ ослѣпленнаго Василька, внука Владимира, старшаго сына Ярослава Великаго. Онъ названъ въ „Словѣ" Осмомысломъ: г. Вельтманъ полагаетъ, что это худо прочтенное слово Остромыслъ, что̀ гораздо правдоподобнѣе. Въ обращеніи къ Ярославу есть одно непонятное выраженіе: меча *времени* черезъ облакы. Г. Вельтманъ читаетъ „бремены", такъ принято и г. Тихонравовымъ; чешскій ученый г. Яромиръ Эрбенъ въ своемъ чешскомъ переводѣ понимаетъ здѣсь метаніе камней пращами; мною принято его толкованіе. *Стрѣляеши солтани за землями;* г. Дубенскій замѣчаетъ, что галичане могли участвовать въ крестовыхъ походахъ вмѣстѣ съ уграми.

(33) „А ты, буй Романе и Мстиславе!" Все обращеніе къ Роману есть мѣсто, наиболѣе затруднявшее переводчиковъ; поэтому считаю нужнымъ подробнѣе высказать, какъ я его понялъ. Первое, что̀ сбивало съ толку, это то, что пѣвецъ говоритъ здѣсь то въ двойственномъ, то въ единственномъ числѣ, отчего нѣкоторые полагаютъ, что стоящее въ единственномъ числѣ должно быть переставлено выше, въ воззваніе къ Ярославу, а именно, фраза: *высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.* Но образъ, рисующійся здѣсь, никакъ нельзя отнести къ Ярославу, довершившему уже свое дѣло, а напротивъ, онъ скорѣе всего подходитъ къ мужу въ разгарѣ силъ; и именно скорѣе виденъ здѣсь намекъ на планы Романа, который хотѣлъ въ южной Руси сдѣлать то же, что̀ Всеволодъ на сѣверѣ, т.-е. собрать ее подъ одну свою руку („см. Исторію" Соловьева и еще письмо Романово у Татищева). Но, кромѣ этого внутренняго несоотвѣтствія, мнѣ кажется, и надобности нѣтъ въ этой перестановкѣ; сто̀итъ только опредѣлить, кто этотъ Мстиславъ, поставленный рядомъ съ Романомъ. Это не Мстиславъ Храбрый, умершій

до похода Игорева, въ 1173 году; не сынъ его Мстиславъ Удалой, вышедшій на арену позже похода; первое о немъ извѣстіе относится къ 1193 году. Г. Максимовичъ весьма основательно указываетъ на Мстислава Пересопницкаго; первое о немъ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1183 году по поводу участія его въ половецкомъ походѣ; умеръ же онъ въ 1226 г., двумя годами раньше Мстислава Удалого и двадцатью однимъ годомъ позже Романа. О немъ Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что на Калкѣ онъ устремился спасать Даніила Романовича: „бѣ бо мужъ крѣпокъ...“ и „велику любовь имѣя къ отцю его“, т.-е. къ Роману. Изъ этихъ данныхъ видимъ, что онъ былъ моложе Романа. Въ „Словѣ“ онъ является его товарищемъ въ войнахъ съ Деремелой, ятвягами, Литвою и половцами; очевидно, это былъ храбрый князь, но великихъ замысловъ въ немъ не замѣтно, и скорѣе онъ похожъ на подручника Романова. Вотъ почему, когда говорится о храбрости, о военныхъ дѣлахъ, пѣвецъ обращается къ обоимъ; когда же говоритъ о замыслахъ, о починѣ—къ одному, и именно Роману. Такъ, похваливъ храбрость обоихъ, пѣвецъ обращается уже къ одному Роману, призывая его искать славы на Дону: „Донъ ти, княже, кличетъ“.

„*Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многы страны хинова*“. Папорзи—г. Тихонравовъ объясняетъ: верхняя часть брони, которую надѣвали на перси, на грудь. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ слова: папоротокъ). Но въ томъ и другомъ случаѣ предлогъ *подъ* возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать подъ шеломомъ нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры подъ шеломомъ; крылья тоже — какъ могутъ быть подъ шеломомъ? Очевидно, что папорзи—это какая-нибудь принадлежность шелома: мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь, ближе всего удовлетворяетъ смыслу. Латинское вооруженіе у Романа не объясняется ли тѣмъ, что онъ воспитывался при дворѣ Казимира Справедливаго, польскаго короля, жена котораго Елена была дочь Всеволода Бельзскаго? Съ помощью же поляковъ онъ овладѣлъ Галичемъ. Но является еще сомнѣніе. Папорзи—точно ли это часть вооруженія? Сообразимъ первое предложеніе: „суть бо у ваю желѣзныя папорзи...“ со слѣдующимъ за нимъ: „Тѣми тресну земля... Литва, Деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ *тыи* мечи харалужныи“. *Тѣми тресну земля:* подъ папорзами? Подъ частью брони? Не особые ли латники въ желѣзной бронѣ здѣсь разумѣются? Да и мечи харалужные какъ будто бы ихніе, т.-е. что подъ ихъ мечами главы свои преклонили Литва, Деремела и пр.

(34) „Нъ уже, княже, Игорю утрънѣ солнцу свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони“. См. прим. 43.

(35) Ингварь (ум. 1202 г.) и Всеволодъ—сыновья Ярослава Изяславича Луцкаго, внука Мстислава I. У Ярослава Луцкаго было четверо сыновей, но въ то время (въ 1185 г.) двое были, вѣроятно, еще малолѣтніе, судя по годамъ, когда всѣ они женились: Всеволодъ—въ 1167 г., Ингварь—въ годъ смерти отца—въ 1180, Изяславъ—только въ 1195, а Мстиславъ—въ 1224 г. Вотъ почему пѣвецъ призываетъ только двоихъ старшихъ. „Три Мстиславичи“ составляли искомое, которое различно опредѣлялось изслѣвателями. По-моему, здѣсь разумѣются три сына Мстислава Храбраго: Мстиславъ, впослѣдствіи названный Удалымъ (ум. 1224 г.), Владимиръ и Давидъ (ум. 1214 г.), князья еще молодые. „*Не худа гнѣзда шестокрильцы*“: кажется, пѣвецъ употребилъ это слово шестокрыльцы вмѣсто *птенцы*.

(36) „И схотию на кровать, и рекъ: Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ“. Мѣсто очень темное. Трудно опредѣлить: сочувственно относится пѣвецъ къ Изяславу Васильковичу, или не исключаетъ и его изъ общаго нерасположенія своего къ полоцкимъ князьямъ? Этотъ вопросъ рѣшится

только въ томъ случаѣ, когда будетъ опредѣлено, самъ ли Изяславъ говорилъ о своей дружинѣ, въ видѣ укора себѣ, или посторонній то приговоръ надъ нимъ. Въ первомъ случаѣ — пѣвецъ за него, во второмъ—противъ. Я принялъ въ первомъ смыслѣ, основываясь на словѣ *рекъ*—3-е лицо ед. ч., и на трогательномъ изображеніи его смерти. *И схоти ю:* и принялъ по толкованію г. Вельтмана: *схоти и*, взяли его, положили на кровать.

(37) Мѣсто, очевидно, плохо разобранное: *Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Трояни* (въ другомъ спискѣ Зояни). *На седьмомъ вѣцѣ Трояни:* въ прим. 5 я сказалъ, что безъ особенныхъ данныхъ о лѣтосчисленіи на Руси языческой этого мѣста объяснить нельзя. Г. Дубенскій такъ переводитъ текстъ: „ибо вы своими крамолами накликали поганыхъ на землю Русскую на время Всеславово: и отъ нихъ то же насиліе, которое терпитъ на Руси отъ земли половецкой", объясняя его такъ: „отъ восточныхъ границъ заднѣпровскихъ княженій поэтъ обращается къ сѣвернымъ и тамъ указываетъ на другихъ враговъ—литовцевъ".

(38) „*Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кіеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго*". Г. Вельтманъ полагаетъ, что въ рукописи было *клъками*, и читаетъ подколѣнками. Г. Соловьевъ и Шевыревъ принимаютъ „клюками", говоря, что это деревянныя стремена, хотя у князей всегда видимъ въ Словѣ златъ-стремень. Что̀ бы ни значило это слово, картина не выясняется. Точно также и „*стружіемъ дотчеся*". *О дѣвицю любу* г. Вельтманъ читаетъ: *о дѣдину любу*, разумѣя дѣдовское наслѣдство, что̀ мнѣ кажется весьма правдоподобно.

(39) *Нѣмига* принимается за Нѣманъ; но г. Вельтманъ полагаетъ, что это рѣчка Нѣмига, впадающая въ Свислочь въ Минскѣ. Дубенскій думаетъ, что здѣсь разумѣется не битва Ярославичей со Всеславомъ, а вообще битвы русскихъ съ Литвой и западомъ.

(40) Въ текстѣ „Великому Хрсъви", Хорсу.

(41) „Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ" я принялъ чтеніе *въ дрзѣ тѣлѣ*.

(42) „Сего бо (Владимира) нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовя". Я выпустилъ собственныя имена, оставивъ только общій смыслъ. Въ слѣдующей фразѣ: „нъ рози нося имъ хоботы пашутъ" я послѣдовалъ чтенію Л. А. Мея: розно у нихъ хвостами машутся. *Копіа поютъ на Дунаи:* Дунай я принялъ въ общемъ значеніи рѣки, какъ у насъ поется въ пѣсняхъ.

(43) Здѣсь оканчивается „злато слово слезами смѣшено" старца Святослава. Такъ его понимали всѣ первые издатели, переводчики и толкователи. Но впослѣдствіи времени вздумали его укорачивать и ограничили однимъ приступомъ. Л. А. Мей оканчиваетъ ее тамъ, гдѣ у меня стихъ:

Стонетъ-тужитъ Глѣбовичъ удалый.

Г. Гербель—тоже. Г. Вельтманъ, Максимовичъ (въ малороссійскомъ переводѣ) и Деларю еще ранѣе, по моему тексту, стихомъ:

Времена тяжелыя настали!

Князь П. П. Вяземскій прерываетъ на стихѣ:

А полка ужъ Игорева нѣту!

За симъ все послѣдующее воззваніе къ князьямъ неизвѣстно кѣмъ говорится и является какъ лирическое мѣсто, которое объясняютъ тѣмъ, что тутъ пѣвецъ „въ порывѣ лирическаго одушевленія" забываетъ и оставляетъ уже своихъ героевъ, и самъ отъ своего лица начинаетъ взывать къ

князьямъ. При этомъ гг. Гербель и Вельтманъ прерываютъ и этотъ лирическій, чтобъ объявить въ двухъ строчкахъ, что наступила осень, и что уже „Игорю утрѣнѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листіе сронѝ“ (причемъ г. Вельтманъ въ текстѣ поправляетъ, вм. *не бологомъ*, читая *по болотамъ*). Послѣ краткаго объявленія о наступленіи осени опять продолжается воззваніе. Такой перерывъ органически невозможенъ. Эта осень—не болѣе, какъ фигуральный языкъ пѣвца, именно, чтобы побудить Романа, онъ говоритъ устами Святослава: Игорь погибаетъ, не на благо отпадетъ листъ отъ древа, т.-е. однимъ такимъ княземъ меньше, и всѣмъ будетъ хуже. Такъ это было понято и Шишковымъ и Дубенскимъ.

Такое урѣзаніе рѣчи Святослава есть существенная порча памятника. Началось оно, какъ кажется, вслѣдствіе сомнѣнія Карамзина, который находилъ неприличнымъ достоинству великаго князя обращеніе къ другимъ княземъ словомъ: господинъ („Ты, буй Рюриче и Давиде!.. вступиста, господина, въ злата стремень“, и къ Ярославу Галицкому: „Стрѣляй, господине, Кончака“). Но сомнѣніе это нельзя было принять серьезно: во-первыхъ: такое ли значеніе въ XII вѣкѣ имѣло слово „господинъ“, какъ, напримѣръ, при Іоаннѣ III, въ его пренiяхъ съ новгородцами? Можетъ-быть, это была обыкновенная форма учтивости между князьями. Во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе слова самого пѣвца: онъ торжественно открываетъ рѣчь Святослава, плавая ее златымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ. Гдѣ жъ эти золотыя слова? Въ томъ, что оставляютъ за Святославомъ, не болѣе, какъ жалоба на Всеволода и Игоря, да сѣтованіе на свою старость. Воззваніе же проникнуто тѣмъ духомъ любви къ Русской землѣ, чувствомъ народнаго единства, въ чемъ и есть задушевная мысль пѣвца, его идеалъ того, что бы должно дѣлать князьямъ и чего они не дѣлаютъ. Это-то воззваніе и можно назвать золотымъ словомъ, слезами окропленнымъ, и все оно логически вытекаетъ изъ капитальной мысли: князья мнѣ не помога!—Непонятно, какъ С. П. Шевыревъ, обладавшій такимъ поэтическимъ тактомъ, настаиваетъ, что все равно, отъ лица ли Святослава это воззваніе, или отъ лица пѣвца. Совершенно не все равно! Если мы возвратимъ эти слова Святославу, то посмотрите, что за величественный, Пріамовскій образъ выходитъ изъ этого старца! Подобное-то раздробленіе слова на множество отдѣльныхъ мѣстъ и особенныхъ главъ, сдѣланное въ первый разъ, кажется, Сахаровымъ, и обратило этотъ цѣльный поэтическій памятникъ въ простой сборъ красивыхъ выраженій, повтореній, безъ всякой органической связи! Это были жемчугъ и камни, вырванные изъ драгоцѣннаго оклада: картина пропала; поставьте ихъ на мѣсто, и все получитъ смыслъ.

Прим. 1888 г. Съ гордостью могу указать, что въ открытыхъ недавно опытахъ перевода „Сл. о П. И.“ Жуковскаго и Пушкина все это мѣсто, т.-е. рѣчь Святослава, понято ими совершенно такъ же, какъ мною.

(44) Знаменитый плачъ Ярославны я старался передать, по возможности, сохраняя всѣ выраженія подлинника и избѣгая всякихъ ненужныхъ прибавленій словъ, развѣ только необходимыхъ для уясненія нынѣшнему читателю образа, который долженъ былъ рисоваться въ воображеніи читателя XII вѣка. Вникая въ текстъ, я понялъ такъ, что все дѣло происходитъ въ воображеніи Игоря, находящагося въ плѣну. Въ текстѣ открывается эта сцена предложеніемъ безъ подлежащаго: *Ярославнынъ гласъ слышитъ*. Кто слышитъ? Да кому же и слышать, кромѣ Игоря? *Зегзицею нелюбезнѣ*: должно-быть, „нелюбезнѣ“ мѣстный падежъ, то-есть: зегзицею въ нелюбезной (такъ называлась степь) землѣ „рано кычетъ“. Игорь вспоминаетъ жену на степи въ Путивлѣ, какъ видѣлъ ее, вѣроятно, въ послѣдній разъ, уходя въ походъ: тоже черта глубоко психологическая! Разставаясь съ близкими сердцу, вы въ разлукѣ всегда вообра-

жаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанія:

Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать...

Слово „зегзица“ обыкновенно у насъ принято переводить „кукушкой“. Но въ живомъ народномъ языкѣ слово „зегзица“ и теперь еще употребляется, г. Погосскій переводитъ его „ласточкой“ и ссылается на то, что слышалъ въ Новгородской губерніи это названіе за ласточкой. Многіе изъ Вологодской губерніи удостовѣряли меня, что зегзицею тамъ называютъ черныхъ ласточекъ, стрижей. Наконецъ въ „Причитаньяхъ Сѣвернаго края“, собранныхъ г. Барсовымъ, ч. I, стр. 73, есть мѣсто:

И настанетъ весна красная,
Разольются быстры рѣченьки.
Налетятъ да птички *ластушки*,
Сѣры-малыя *загозочки*.

(45) *Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи, тугою съпраже имъ тули затче.* Палицынъ въ своемъ переводѣ шестистопнымъ ямбомъ такъ развиваетъ эту мысль:

О, солнце красное! . . . . . .
Почто ты знойный лучъ, почто простерло свой
Супруга моего на рать въ безводномъ полѣ,
Томиму жаждою и не могущу болѣ
Ни луковъ напрягать, ни стрѣлъ пускать отъ мукъ?
Съ гортанью пламенной, изъ ослабѣвшихъ рукъ?

Какой же образъ представляла себѣ Ярославна (или пѣвецъ) въ этомъ обращеніи къ Солнцу или Дажьбогу, лучше всего можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ одного изъ великорусскихъ заклинаній (которыя, замѣтимъ кстати, нагляднѣе всего рисуютъ намъ, какъ наши языческіе предки воображали себѣ боговъ своихъ):

„Пойду я къ Окіянъ-морю: на томъ Окіянъ-морѣ стоитъ столъ-престолъ, на престолѣ стоитъ золотое блюдечко, и на томъ золотомъ блюдечкѣ стоитъ самъ... матерь человѣкъ, тугимъ лукомъ подперся, калеными стрѣлами подтыкался... Помолюсь ему о любимой скотинкѣ: И стрѣли ты, батюшко... въ мою любимую скотинку своимъ тугимъ лукомъ и калеными стрѣлами въ ясныя очи, въ сырую кость“ и пр. (Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр. 1869, т. II, 494). Сообразно этому представленію, вѣрнѣе было бы это обращеніе Ярославны къ Солнцу передать такъ:

„Солнце ты, Треевѣтлое ты, Солнце!
Ахъ, для всѣхъ тепло, красно ты, Солнце!
Что̀ жъ разишь палящими стрѣлами
Лады воевъ на безводномъ полѣ,
Сушишь, гнешь“ и пр.

(46) *Кликну, стукну земля; въшумѣ трава; вежи половецкія подвизашася.* Кажется, Шишковъ правильнѣе всѣхъ видитъ здѣсь не всполохъ половцевъ по поводу бѣгства Игоря (которое еще и не свершилось), а бурю, которою открывается эта картина: „прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами“. „Богъ кажетъ Игорю дорогу, именно воздвигши бурю, подъ шумъ которой ему легче уйти“, говоритъ Шишковъ. Прибавлю къ этому изъясненію одно: здѣсь, кажется, должно разумѣть Дажьбога, указующаго дорогу. *Сморци:* нѣкоторые полагаютъ, что это не смерчи, какъ

стоитъ у Востокова въ словарѣ, а сумерки. Но сейчасъ же будетъ: „погасоша вечеру зари“—зачѣмъ два раза одно и то же?

(47) Картина, выраженная мною въ этихъ пяти стихахъ, въ текстѣ стоитъ ниже, при погонѣ Гзака и Кончака: но туда, очевидно, она приставлена переписчикомъ: настоящее ея мѣсто здѣсь, по мнѣнію многихъ.

(48) Стугна впадаетъ въ Днѣпръ повыше Триполя. Въ 1095 г. половцы разбили тутъ русскихъ князей. При переправѣ черезъ разливную тогда рѣку утонулъ Ростиславъ, братъ Мономаха, который чуть не погибъ тутъ самъ, спасая его. „Тѣка Стугна, худу струю имѣя, пожрѣвши чужи ручьи, и струги простре по кусту“—г. Максимовичъ замѣчаетъ, что здѣсь разумѣются не *струи*, водопланныя суда, а „струга“ (женск. р.), уменьшительное *стружка:* такъ и теперь въ поддѣпровской Украйнѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями, или островами, заросшими кустами, деревьями или камышомъ... Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрыя струги (протоки) по кустамъ и потопившей юнаго князя“ (Укр. 112).

Въ словахъ Игоря къ Донцу говорится о *сребреныхъ* брегахъ этой рѣки. Этотъ эпитетъ взятъ отъ ковыля, которымъ покрытая степь кажется серебряною, или отъ мѣловыхъ горъ берега.

(49) Намекъ на дочь Кончака, на которой, дѣйствительно, будучи въ плѣну, Владиміръ Игоревичъ женился.

(50) „Рекъ Боянъ, и ходы на Святославля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти“... Мѣсто не объяснено: я прямо отнесъ слова Бояна къ частымъ отлучкамъ стараго Святослава Игоревича (отца Владиміра Святого) изъ своей земли.

ПРОЗА.

I.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСНА.

(Разсказъ. Посвящается гг. ученымъ).

ЭПИГРАФЪ:

Одинъ ученый: А что, мм. гг., вы скажете о тиверцахъ?

Другой: По Нестору, они жили...

Третій: Да что по Нестору, мы знаемъ, гдѣ они жили. Но откуда же они вышли? Не скрывается ли въ ихъ названіи какого-нибудь указанія?

Первый: Не указываетъ ли оно на Тавръ: народы около Тавра—таверцы; а таверцы и тиверцы—одно и то же.

Четвертый: Не владѣли ли тиверцы нынѣшнимъ Крымомъ, который греки и наименовали Тавридой, по имени владѣтелей, т.-е. Тиридой.

Пятый: Позвольте: по-итальянски Тибръ—Tevere, слѣдовательно народы, живущіе по Тибру, будутъ теверцы; ergo: тиверцы въ Россіи — выходцы съ береговъ Тибра, римляне. Если принять въ соображеніе аналогію громадности древнеримской имперіи и нынѣшней россійской, то эта догадка болѣе, чѣмъ несомнѣнна.

(Засѣданіе одного ученаго общества).

I.

Однажды весною... но позвольте, петербургскій читатель, вы знаете, что такое петербургская весна; но это надобно объяснить для иногородныхъ читателей. Иногородный читатель, можетъ-быть, воображаетъ у насъ весну иначе, и ему покажется дико, если скажутъ, что у насъ весна—это рож-

вое время для трудныхъ-больныхъ и зародышъ болѣзней для здоровыхъ... онъ этому не повѣритъ... При словѣ „весна“ ему представляется чистое, голубое небо: журчащіе ручьи, холмы, покрывающіеся зеленью: избы, которыя какимъ-то темнымъ, но теплымъ колоритомъ рисуются на живой дали: заборъ и плетни, около которыхъ уже подымается темною зеленью молодая крапива, а изъ-подъ крапивы выглядываетъ уже золотая головка цикорія: ему представляется и стадо, выгоняемое вѣмъ селомъ въ поле, и по вечерамъ хороводы дѣвокъ подъ звуки волынки, и удалая пѣсня фабричнаго, и старуха, сидящая, поджавъ руки на колѣняхъ, на завалинкѣ передъ избою: и кучки рѣзвыхъ ребятъ, играющихъ въ свайку и въ бабки, и лихая тройка дружекъ и сватовъ, которая вдругъ съ гиканьемъ и съ свистомъ, съ пѣснями, бубенчиками и колокольчиками промчится чрезъ село и исчезнетъ за горой, или пріостановится дать вздохнуть конямъ передъ кабакомъ, и какой-нибудь дядя Авдей угощаетъ честную компанію за здоровье молодыхъ... Какой тутъ зародышъ болѣзней! Какое тутъ трудное время для больныхъ! Если иногородный читатель вмѣстѣ съ тѣмъ втихомолку и писатель, то онъ весну олицетворитъ въ граціозныхъ стишкахъ, въ видѣ кроткой богини, подъ стопами которой родятся розы и подснѣжники, и явятся у него амуры, разсыпающіе букеты передъ колесницей, влекомой длиннорогими волами съ толстой шеей, волочащейся почти по землѣ, колесницей, набитой народомъ, во главѣ котораго возсѣдаетъ первая красавица деревни въ вѣнкѣ изъ первыхъ травъ и цвѣтовъ, а кругомъ прыгаютъ и бьютъ въ бубны молодые парни... А вы, петербургскій читатель, вы изобразите весну иначе... у васъ будетъ, пожалуй, и колесница, но покрытая чернымъ балдахиномъ, въ которой будетъ тоже, можетъ-быть, первая красавица, увѣнчанная искусственными цвѣтами, но закрытая вѣчною крышкою гроба... Въ кортежѣ весны войдутъ у васъ страшныя, закоптѣлыя лица старыхъ инвалидовъ, одѣтыхъ въ черныя мантіи со старинными широкополыми шляпами, съ которыхъ развѣваются разноцвѣтныя ленты: и суетливые лакеи въ треугольныхъ шляпахъ, во фракахъ, обшитыхъ плерезами: и толпа плачущихъ родственниковъ, и мать, которую ведутъ подъ руки, и длинная цѣпь каретъ черныхъ, бутылочныхъ, двумѣстныхъ и четырехмѣстныхъ, съ бойкими конями или съ двумя тощими клячами, отслужившими честно свои годы отечеству подъ какимъ-нибудь широкораменнымъ кирасиромъ... Народъ радуется солнцу и, скрѣпивъ сердце, кланяется покойнику, привѣтствуя въ то же время и новую гостью весну.

Вопросы о здоровьѣ теряютъ свой обыкновенный недѣльный характеръ, а становятся кстати и вызываются необходимостью, чувствомъ самосохраненія, участіемъ въ судьбѣ другихъ, ближнихъ или дальнихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Да, въ Петербургѣ весна—плохая шутка...

Однажды, когда свирѣпствовала здѣсь эта эпидемія—весна, не знаю, въ какомъ видѣ,—въ видѣ кашля или гриппа, или еще хуже, она между прочими своими жертвами насчитывала и двухъ молодыхъ чиновниковъ, Кровлина и Самарова. Эти господа и составляютъ именно предметъ моего разсказа.

Кровлинъ и Самаровъ были университетскіе товарищи. Несмотря на чрезвычайное несходство характеровъ, они очень сблизились и сдѣлались необходимы одинъ другому еще во время курса. Служеніе въ одномъ департаментѣ не разстроило ихъ связи и по выходѣ изъ университета. Кровлинъ былъ рожденъ артистомъ и звалъ своего пріятеля Самаровымъ; Самаровъ былъ болѣе практикъ и звалъ товарища своего Иваномъ Николаичемъ. Кровлинъ въ продолженіе курса не слѣдилъ прилежно за всѣми науками, а занимался какъ бы по вдохновенію какимъ-нибудь однимъ предметомъ, изучалъ его до мелочей, принимая идею съ жаромъ и болью; а потомъ наскучалъ имъ и бралъ за другой, переходя такимъ образомъ вдругъ отъ философіи къ лѣсоводству, отъ лѣсоводства къ комментаріямъ на Горація, и т. п. Самаровъ съ равнымъ стараніемъ и аккуратностью слѣдилъ за всѣми лекціями, записывалъ ихъ каждую съ означеніемъ числа и аудиторіи, когда и гдѣ она была читана, и къ экзамену имѣлъ всѣ тетради въ исправности. Кровлинъ по экзаменамъ вышелъ кандидатомъ, но въ департаментѣ занималъ мѣсто младшаго помощника столоначальника; Самаровъ вышелъ дѣйствительнымъ студентомъ, но былъ по службѣ старшимъ помощникомъ. Кровлинъ всегда былъ одѣтъ плохо, имѣя, впрочемъ, всегда какую-нибудь отличную вещь на себѣ, или дорогой бархатный жилетъ, или новый шарфъ, или цѣнную булавку, и любилъ гулять по пустыннымъ улицамъ Петербурга или по Апраксину двору, по Сѣнной и пр. Самаровъ всегда былъ одѣтъ пристойно, не богато, но прилично, и предпочиталъ гулять по Адмиралтейскому бульвару и по Невскому проспекту. Кровлинъ постоянно собирался ходить чертить въ Академію Художествъ; Самаровъ мечталъ жениться, когда ему пойдетъ двадцать осьмой годъ. Кровлинъ очень любилъ восточныя преданія, переходъ ихъ во II и III вѣкѣ въ Европу, Крестовые походы, въ эпоху возрожденія итальянскія республики и дворъ Медичи; горячо любилъ отече-

ство и полагалъ, что для блага Россіи нужно бы было основать цѣлое министерство для перевода, напримѣръ, всѣхъ книгъ, какія только есть на иностранныхъ языкахъ, а также помышлялъ объ изданіи особеннаго рода огромной энциклопедіи—и ничего не предпринималъ по этой части, потому что средствъ не имѣлъ, а трудиться одному, казалось ему, не стоитъ. Самаровъ исторіи не любилъ, потому что она представлялась ему не иначе, какъ въ формѣ гимназическихъ записокъ, которыми учитель пополнялъ скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя „Исторіей“ Кайданова о Нинѣ, Семирамидѣ и пр.; объ Россіи мечталъ и для блага ея перевелъ на русскій языкъ дѣтскія повѣсти мадамъ Гизо. Кровлинъ цѣлый день курилъ дорогія иностранныя сигары, жертвуя на нихъ суммы въ ущербъ, напримѣръ, своего туалета; Самаровъ каждое утро вынималъ изъ ящика четыре сигары (по три съ полтиной серебромъ сотня внутренняго приготовленія), укладывалъ ихъ для дневного продовольствія въ свой porte-cigare и еще пятую, чтобы попотчевать ею кого-нибудь. У Кровлина денегъ никогда не было, но послѣ каждаго письма съ пятью печатями отъ отца, жившаго безвыѣздно въ деревнѣ, онъ непремѣнно давалъ пирушки, на которыхъ присутствовали человѣкъ пять товарищей съ дамами. Самаровъ пирушекъ не давалъ, но всегда былъ готовъ ссудить пріятеля взаймы, какъ называлъ Кровлинъ деньги.

Несмотря на это различіе, пріятели какъ-то не могли существовать другъ безъ друга. Кровлинъ любилъ развивать свои идеи при Самаровѣ, который удивлялся имъ и уважалъ умъ Кровлина; вымещать на немъ всѣ свои неудовольствія, и Самаровъ все сносилъ терпѣливо; Самаровъ съ ревностью дѣлалъ все, что бы могло быть полезно для Кровлина; въ университетѣ всегда занималъ мѣсто на первой скамейкѣ и для Кровлина покупалъ, что ему надобно, провожалъ его къ портному, смотрѣлъ, когда съ него снимаютъ мѣрку, сговаривался и торговался, точно маменька, приводящая къ мужскому портному семнадцатилѣтняго сына, на котораго еще нельзя положиться. Зато Самаровъ называлъ разные предметы и дѣйствія словами, которыми вдругъ неизвѣстно почему назоветъ ихъ Кровлинъ; напримѣръ, вмѣсто денегъ, говорилъ вздоръ; большой его пузатый самоваръ, въ отличіе отъ маленькаго, называлъ генераломъ; одного профессора звалъ Сальви, другого, читавшаго какой-то практическій курсъ хозяйственныхъ наукъ, звѣздочетомъ, и пр.

Кровлинъ занималъ небольшую комнату въ квартирѣ, нанимаемой и устроенной въ родѣ hôtel garni нѣмкою, госпо-

жою Фуксъ. Самаровъ жилъ у дяди; потомъ дядя уѣхалъ, и племянникъ былъ радъ случаю поселиться въ одномъ домѣ съ пріятелемъ, очень сожалѣлъ, что у г-жи Фуксъ нѣтъ порожнихъ квартиръ, и нанялъ двѣ комнаты,—по отъ хозяина въ томъ же домѣ, только этажомъ выше; и хотя эта квартира не принадлежала къ hôtel garni, однакожъ подговорилъ нѣмца, служившаго жильцамъ г-жи Фуксъ, чистить ему сапоги и забѣгать раза два въ день привести въ порядокъ его вещи и платье. Онъ разсчитывалъ, что ему нѣтъ никакой нужды разсылать по пустякамъ и держать какого-нибудь шалопая, который будетъ вѣчно спать на ларѣ и котораго еще надо учить, да смотрѣть, чтобы чего не укралъ.

Случилось, что однажды весною Кровлинъ и Самаровъ были въ одномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ, на вечерѣ у одного статскаго совѣтника, гдѣ много танцовали и подъ конецъ вечера (который, при патріархальномъ образѣ жизни этого семейства, кончился довольно рано) затѣяли пройти польскій въ саду, т.-е. между четырьмя липами, одной яблонью, множествомъ тычинокъ (будущіе цвѣты) и вокругъ зеленой рѣзной бесѣдки. Отъ этого-то польскаго пріятели и слегли. Часу въ первомъ побрели они къ своему дому, и, пока Самаровъ расплачивался съ извозчикомъ. Кровлинъ сказалъ ему:

— А что, Самаровъ, ты еще не ляжешь спать?

— Нѣтъ, а что?

— Да вотъ что: напьемся-ка чаю. Я велю генерала поставить.

— Вѣдь спать не будешь послѣ чаю.

— Ну что жъ, повертимся-повертимся да и заснемъ, а то, знаешь, эти тартинки, что намазывала Дашенька, очень некапитальная пища: только аппетитъ возбуждаютъ.

— Ну, да ты пей, пожалуй, чай; я такъ посижу съ тобою.

— Право, напейся.

Съ этими словами Кровлинъ отворилъ дверь подъѣзда и вошелъ; за нимъ Самаровъ; они начали подыматься по лѣстницѣ, освѣщенной жестяной лампой съ зеркальными стеклышками.

— Мнѣ что-то ужасно нехорошо,—сказалъ Кровлинъ;—по спинѣ мурашки: точно какъ будто бы я прокутилъ ночь въ какомъ-нибудь...

Кровлинъ брякнулъ очень дурное слово. Вдругъ въ эту минуту отворилась дверь у подъѣзда, и раздался заманчивый шелестъ шелковаго платья и легкіе, скорые шаги, какъ будто бы торопливо бѣжали по лѣстницѣ женскія и, должно-быть, хорошенькія ножки. Пріятели остановились подъ самой лампой и дали дорогу молодой женщинѣ въ соло-

меной съ голубой лентой шляпкѣ; лицо ея было немного полузакрыто слегка откинутымъ вуалемъ, изъ-подъ конца котораго имъ сверкнули прямо въ глаза два огненные черные глаза, и ихъ обоихъ какъ будто озарила граціозная улыбка пунцовыхъ устъ въ награду за ихъ учтивость, что они дали дорогу. Красавица подобрала немного свое платье и бурнусъ, обнаруживъ еще болѣе граціозно обутую въ прюнелевый башмачокъ маленькую ножку, чуть-чуть нагнулась, еще быстрѣе побѣжала по лѣстницѣ, позвонила гдѣ-то и скрылась. Пріятели услыхали только ея голосъ, который показался имъ чрезвычайно пріятнымъ и звучнымъ, но не могли разобрать словъ, которыя она сказала, входя, тому, кто отворилъ ей дверь. Самаровъ щелкнулъ языкомъ и посмотрѣлъ на Кровлина, который съ поднятыми глазами слѣдилъ утихающій шумъ башмачковъ и шелестъ платья.

— Я не зналъ, Иванъ Николаичъ,—сказалъ онъ,—что у насъ водятся такія штучки, а ты ничего и не скажешь.

— Недавно, видно, переѣхала. Я видѣлъ, какъ таскали мебель...

— А ты еще,—продолжалъ Самаровъ,—Богъ знаетъ какія слова и такъ громко говоришь на лѣстницѣ. Ну, какъ она слышала, да если она порядочная, что о насъ подумаетъ?

— Она не слыхала.

— А если слышала?

— Скверно, коли слышала... въ самомъ дѣлѣ, нехорошо, если слышала: чортъ знаетъ, какъ надо быть осторожну.

— Пора тебѣ, а то вѣдь совѣстно, право, съ тобой ходить.

— Ну, ну, ну!.. Если она слышала и спроситъ, я скажу на тебя...

Пріятели вошли къ Кровлину. Кровлинъ велѣлъ дать коньяку и поставить генерала.

Самаровъ очистилъ мѣстечко на волосяномъ черномъ диванѣ, заваленномъ книгами, рисунками, съ табачнымъ пепломъ, и закурилъ сигару. Кровлинъ преобразился въ халатъ и сталъ передъ пріятелемъ.

— Самаровъ,—сказалъ онъ,—а вѣдь хороша?

— Недурна.

— Что ты объ ней думаешь?

— Да что же объ ней думать?

— Отчего она такъ поздно домой воротилась? гдѣ она была?

— Мало ли гдѣ? Могла быть въ гостяхъ, у родныхъ, у знакомыхъ, а можетъ-быть...

— Да, можетъ-быть... чортъ возьми.

— А что жъ?

— Да такъ, скверно...

— Ты всегда однако думалъ иначе.

— Да я и теперь думаю, какъ думалъ всегда.

— Однако тебѣ досадно? Вотъ то-то, вы толкуете объ эмансипаціи женщинъ, а непріятно, если женщина поступитъ по-вашему, то-есть вы ей простите это только тогда, когда она васъ выберетъ: вотъ отчего я не люблю этихъ теорій.

— Ты ихъ не понимаешь. Только вотъ что: она не можетъ быть замужняя. Это видно. Знаешь ли что,—сказалъ онъ, походивъ по комнатѣ,—можетъ-быть, съ нею можно познакомиться. Я просто къ ней пойду

— А коли выгонитъ?

— Не выгонитъ; я скажу, что... Надобно найти предлогъ.

— Надобно спросить у Франца.

— Спросимъ у Франца.

Францъ принесъ самоваръ, но его не спросили о красавицѣ, потому что каждый изъ пріятелей хотѣлъ произвести этотъ допросъ особенно, одинъ безъ другого.

— Я однако думаю отдать назадъ Клеменцу свои шотландскіе,—сказалъ Самаровъ, вытянувъ ноги и осматривая свои панталоны:—онъ хорошо шьетъ, только у него нѣтъ этого шика, вотъ какъ у французскихъ портныхъ; перетяжки онъ мнѣ высоко поставилъ, тальи не выходитъ. Ты видѣлъ сегодня панталоны и жилетъ у Суровцева? Вотъ это портной! Шито у Марбріе: я всегда буду у него шить. Лучше пять или десять рублей заплатить дороже, но вещь имѣть хорошую и прочную. А ты еще не взялъ свои? вѣдь ужъ недѣли двѣ, какъ заказано?

Кровлинъ промычалъ что-то въ отвѣтъ, потому что давно былъ занятъ другимъ: онъ, наливъ чайникъ и поставивъ его на самоваръ, чертилъ карандашомъ профиль попавшейся имъ молодой женщины. Первый очеркъ вышелъ удачно, и онъ, тая дыханіе, щуря глаза и морща лобъ, старался обозначить его еще лучше, главное, соблюсти эту грацію поворотовъ головы и хитроватую мягкость взгляда, всю живость этой физіономіи, которая отзывалась какъ-то югомъ.

— Ты возьми, завтра же возьми; пожалуй, и я съ тобой пойду, — продолжалъ Самаровъ,—а то выйдетъ та же исторія, что прошлаго года съ жилетомъ: сначала не возьмешь, а послѣ посовѣстишься итти, что долго, а потомъ и встрѣчаться съ портнымъ избѣгаешь, какъ будто бы съ нимъ сдѣлалъ какую-нибудь мерзость. Вѣдь жилетъ твой пропалъ за Луи? Стоило платить за матерію!

— А это кто? — перебилъ его Кровлинъ, бросивъ ему передъ глаза рисунокъ, и сталъ наливать чай.

— Похоже-то похоже... только удивляюсь я, право, Иванъ Николаичъ, какъ тебя можетъ такъ долго занимать вздорная встрѣча. Я, признаюсь, и самъ кое-что подумалъ, когда она прошла мимо насъ, но вѣдь переспалъ. Мнѣ не нужно. Да и зачѣмъ? Вѣдь ты посмотри: — ну, положимъ, что ты завелъ связь; что жъ изъ этого? Лишнія траты, больше ничего.

— Да когда ты отстанешь отъ этого гнуснаго взгляда на женщинъ, Самаровъ? Пожалуйста, по себѣ хоть не суди о другихъ! Ты въ женщинѣ ничего не видишь, ничего не ищешь, кромѣ... Богъ знаетъ чего...

— Не знаю, кто изъ насъ больше уважаетъ женщину.

— Да, уважаешь ты... потому что не смѣешь быть неучтивъ съ нею. Ты, Самаровъ, очень хорошій человѣкъ, добрый малый; но, признаюсь, я бы не желалъ быть твоею женою... А отчего? оттого, что ты мелокъ, ты еще считаешь женщину твоей *половиною*, или даже *четвертью* тебя, потому что вѣдь ты эгоистъ и третью-то четверть за собой оставишь... По-твоему, женщина и родится только половинчатою, а если у нея талантъ, напримѣръ, страсть къ наукѣ, или способности, которыя составляютъ личность и самостоятельность мужчины и даютъ ему характеръ, то это что по-твоему? Надо все убить или прокоптить у тебя на кухнѣ...

— Зачѣмъ же? Зачѣмъ же? Иванъ Николаичъ! Съ тобой нельзя говорить! Ты сейчасъ найдешь талантъ, талантъ... да много ли талантовъ и у мужчинъ, у которыхъ все больше средствъ развить таланты?..

— Ну, да къ чему талантъ?.. Возьмемъ просто..

— Хорошо, хорошо, я согласенъ.

— Нѣтъ, постой. Возьмемъ просто женщину; неужели ты не чувствуешь, что ты въ ея обществѣ становишься лучше, чувствуешь себя лучше, чище? Словомъ, ты становишься рабомъ, но только рабомъ такого господина, который тебя развиваетъ и совершенствуетъ самымъ пріятнымъ образомъ. Если ты этого не чувствуешь, то ты не человѣкъ, ты Богъ знаетъ что такое, дерево, растеніе, животное... или ты глупъ...

— Дай-ка мнѣ чаю, Иванъ Николаичъ; я съ тобой спорить не стану; у тебя всегда крайность; кто съ тобой не согласенъ, тотъ, по-твоему, глупъ.

— Чаю-то я тебѣ дамъ, — продолжалъ Кровлинъ, довольный тѣмъ, что Самаровъ уступилъ ему поле битвы, — а все-таки ты глупъ.

Самаровъ продолжалъ между тѣмъ разсматривать портретъ красавицы.

— Отчего ты не занимаешься серьезно живописью? По вечерамъ времени много, отчего ты не ходишь въ академію?

Кровлинъ вздохнулъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Однако пора,—сказалъ Самаровъ, зѣвая:—ужъ свѣтаетъ. Вонъ ужъ голуби поднялись. Это самое непріятное время, особенно какъ не спалъ еще. Второй часъ, а не то день, не то ночь... Меня что-то всего разломило; это отъ чаю.

— Ну, ужъ вѣрно не отъ чаю. Я самъ себя дурно чувствую.

— Прощай.

Самаровъ поднялъ воротникъ пальто, спряталъ руки въ карманы, вышелъ-было, но вернулся и, просунувъ голову въ дверь, сказалъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Однако, Иванъ Николаичъ, ты завтра сходи въ Клеменцу. Чай, у него готовы. Не забудь, а то будетъ опять, какъ прошлаго года съ жилетомъ.

— Схожу, не забуду.

— То-то, не забудь.

Самаровъ исчезъ, думая про себя: „Иванъ Николаичъ — голова славная, только ребенокъ. Ему нужно пяньку“. И онъ безсознательно наслаждался чувствомъ, что можетъ быть нянькою Ивана Николаича.

II.

У Кровлина всю ночь изъ головы не выходила незнакомая женщина, встрѣтившаяся имъ на лѣстницѣ. Не знаю почему, но ему казалось, что она незамужняя, а если и замужняя, то въ разводѣ съ мужемъ. Голова его горѣла, онъ метался въ лихорадочномъ жару; отъ этого внѣшнія чувства его сдѣлались гораздо острѣе и тоньше; можетъ-быть, тишина ночи этому много способствовала. Воображеніе разгоралось. До тѣхъ поръ незамѣчаемыя имъ происшествія теперь вдругъ обратили на себя его вниманіе. Онъ слышалъ здоровый храпъ за сосѣднею стѣной и отличилъ его отъ другого, болѣе ровнаго, хотя и звучнаго дыханія спящаго за другой стѣной; первый былъ, очевидно, мужской храпъ, второй — женскій, и оба эти храпа перемежалъ третій, неровный, безъ мѣры и каданса, храпъ съ присвистомъ. Этотъ онъ приписалъ непремѣнно старухѣ, да притомъ еще старухѣ, нюхавшей табакъ... Потомъ за стѣною кто-то кашлянулъ, плюнулъ; онъ все это слышалъ. Кто-то потомъ налилъ воды, постучалъ стаканъ о графинъ. Онъ на все обратилъ вниманіе и сердился. Слы-

слышалъ звонокъ у воротъ; слышалъ, какъ громко и съ потягой свѣнулъ и крякнулъ пробужденный дворникъ, погремѣлъ ключами и тяжелою стопою пошелъ отпирать ворота, и ворчалъ что-то, прибирая ключъ; слышалъ потомъ, какъ перекликались коты, крадясь по крышамъ, и вдругъ кричали голосомъ плачущаго ребенка, у котораго прорѣзываются зубы; потомъ слышалъ, какъ въѣхала на дворъ чья-то карета, какъ потомъ устанавливали ее въ сарай и топотали по этому случаю лошади, покрикивалъ кучеръ, потомъ кучеръ ушелъ, вѣрно, раздѣлся самъ, потомъ воротился, разговаривалъ съ конями и одного за другимъ отвелъ въ стойло и заперъ въ сарай, и замолкъ... Слышалъ онъ потомъ, какъ ѣздили по улицѣ, и сердился на себя, зачѣмъ на все это онъ обращаетъ свое вниманіе, и что за надобность ему по стуку экипажей догадываться, что это ѣдетъ: карета или дрожки, или даже поздніе сани... Но, несмотря на множество подобныхъ развлеченій, несмотря на то, что въ собственной его комнатѣ раздавался отъ времени до времени шорохъ, и онъ подымалъ голову посмотрѣть или хоть опредѣлить, гдѣ и что грызетъ мышь, и что, можетъ-быть, и не мышь забралась къ нему, а кошка, или даже воръ сидитъ подъ кроватью... несмотря на все это, — онъ не могъ оторваться отъ мечтаній о незнакомкѣ. Промучась такимъ образомъ часа два, онъ убѣдился окончательно, что она незамужняя... Уже ему казалось, что онъ съ нею познакомился, что онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ; она уронила платокъ, и онъ бросился стремглавъ подымать его и отдалъ ей, сказавши комплиментъ по-французски, и сравнилъ ее съ какою-то миѳологической богиней; она будто бы отвѣчала, что очень тронута его обязательностью, именно *tronuta* — touchée de votre obligeance... Ему казалось, что у него на этотъ случай былъ какой-то французскій романъ, романъ Занда, и онъ уронилъ его въ свою очередь и, подымая его, сказалъ, что романъ Занда упалъ изъ его рукъ оттого, можетъ-быть, что собственный романъ его жизни только-что начинается... Она будто бы спросила, какой это романъ его жизни?—и онъ съ нѣкоторой смѣлостью объяснилъ ей, что это романъ, въ которомъ она, безъ сомнѣнія, будетъ героинею... Она на это отвѣчала со вздохомъ, что онъ ее еще не знаетъ, что есть много въ жизни человѣческой непонятнаго, что ее многіе не понимаютъ... „Но я понимаю,—отвѣчалъ онъ съ жаромъ,—вы женщина не настоящаго, а будущаго; женщина, которая только будетъ при исправленіи рода человѣческаго и при преобразованіи коренныхъ основъ его жизни, когда я, если васъ люблю, то могу смѣло прійти къ вамъ и сказать

передъ вами, что я васъ люблю...“ Ему казалось, что она отъ этого впала въ какое-то раздумье; что черныя очи ея выразили безконечно-симпатическую грусть, а щеки покрылись яркимъ румянцемъ; что онъ хотѣлъ броситься поцѣловать ея руку, но она ее отдернула и скрылась въ своихъ дверяхъ, сказавши что-то, чего онъ не разслышалъ...

— Нѣтъ, непремѣнно надо разспросить Франца, — громко произнесъ онъ, перевертываясь на другой бокъ.

На утро Францъ принесъ ему въ одной рукѣ сапоги, а въ другой поднось съ чайникомъ и чашкой. Кровлинъ привсталъ на постели и, не отвѣчая на обычное „gut morgen“, спросилъ съ нетерпѣніемъ:

— Кто это тамъ переѣхалъ, наверху?

— Не знаю.

— Да ты видѣлъ, переносили мебель?

— Видѣлъ.

— Ну, кто же это переѣхалъ? Я знаю, что тутъ есть молоденькая...

— Я видѣлъ старуху.

— А я знаю, что есть молоденькая; кто она такая?

— Не знаю. Вамъ больше ничего не угодно? Мнѣ надобно подать чай господину Самарову.

— Да ты не слыхалъ ли, не замѣтилъ ли, кто она такая? Какого поведенія, какого состоянія? богато живетъ?

— Не знаю.

— А отчего она вчера одна воротилась? Она всегда одна ходитъ?

— Я не видалъ.

— Ну, а старуха? она такъ, что ли, съ нею живетъ?

— Можетъ-быть, и такъ живетъ; это не мое дѣло. Вамъ ничего не надобно?

— Или это, можетъ-быть, мать ея? Она живетъ съ матерью?

— Можетъ-быть.

— Или тетка?

— Можетъ-быть, и тетка.

— Да ты бы это узналъ отъ дворника, отъ людей.

— Это не мое дѣло. Времени нѣтъ.

— Да ты разспроси.

— Не моя профессія.

— Мнѣ это нужно, понимаешь, очень нужно; всѣхъ разспроси, узнай, кто у нихъ бываетъ? куда она ѣздитъ?

— Если вамъ меня будетъ нужно, вы позвоните.

— Проклятая нѣмчура! Нѣтъ хуже прислуги нѣмца! Уби-

райся ты къ чорту... Дуракъ я, право, что присовѣтовалъ госпожѣ Фуксъ взять нѣмца въ услуженіе... Аккуратность! аккуратность!... Къ чорту мнѣ твоя аккуратность!..

Францъ давно уже вышелъ. Кровлинъ еще продолжалъ разсуждать, что у нѣмца-слуги нѣтъ никакой симпатіи къ барину, что онъ несносенъ, потому что за черту своихъ обязанностей не перейдетъ; что вообще фамильныя патріархальныя отношенія господъ къ слугамъ гораздо лучше, нежели просто основанныя на договорѣ; что русскій лакей даромъ, что провалялся весь день въ передней, и комната стоитъ не вычищена, и что вообще нечистоплотенъ, однако радъ тотчасъ пойти, провѣдать, посидѣть на чужой кухнѣ и потомъ разсказать, спросятъ ли его или не спросятъ: что русскій лакэй, хотя и съ лѣнцой, но всегда радъ услужить господамъ какимъ-нибудь, только бы необыкновеннымъ образомъ...

Францъ принесъ чай Самарову.

Самаровъ лежалъ въ постели, завязавъ голову мокрымъ платкомъ, закутанный по горло одѣяломъ и халатомъ. Онъ не велѣлъ Францу подымать сторы и потомъ, когда Францъ хотѣлъ уйти, сказалъ ему:

— Францъ, вотъ гривенникъ: дайте это дворнику и велите ему снести записку къ доктору, недалеко, тутъ на углу; адресъ написанъ.

— Хорошо-съ.

— А что, любезный, вы болѣе никому не служите, какъ только жильцамъ госпожи Фуксъ и мнѣ?

— Никому больше.

— А что, не знаете ли, кто эта молодая дама, которая недавно сюда переѣхала?

— Не знаю.

— Она, кажется, остановилась здѣсь подлѣ меня, за стѣною... стѣна-то капитальная: это прямо надъ квартирою Ивана Николаича. Вы не знаете, она не замужняя?

— Я ничего не знаю. Вамъ ничего не угодно?

— Ничего; да не можете ли вы узнать что-нибудь объ этой дамѣ?

— Я ничего не знаю. Вы позвоните...

— Хорошо. Францъ, носили вы сегодня чай къ Ивану Николаичу?

— Носилъ.

— Онъ ничего не говорилъ?

— Ничего.

— Они нездоровы?

— Лежатъ въ постели.

— Пожалуйста, записочку-то, отошлите съ дворникомъ...

Самаровъ подумалъ, что отъ Француа ничего не добьешься; что, впрочемъ, это означаетъ хорошія свойства, что онъ не сплетникъ, не болтунъ и знаетъ только свое дѣло.

Кровлинъ никакъ не хотѣлъ признать себя больнымъ. Онъ подошелъ къ зеркалу, посмотрѣлся, и, хотя глаза были красны, щеки горѣли, онъ произнесъ: „Видно только, что не спалъ: да и не спалъ-то я не отъ болѣзни, а оттого, что мѣшали спать. Оттого я всю ночь и продумалъ... А вѣдь ужасный вздоръ я продумалъ. Скверное это у насъ у всѣхъ романтическое направленіе: это нравственный развратъ: надо жить на дѣлѣ—это будетъ жизнь: а раздувать свои чувства воображеніемъ... Отъ этого нравственнаго изнуренія и настоящее чувство въ насъ гораздо тупѣе... Очень нехорошо. Надобно отъ этого освобождаться“...

Надъ его комнатой въ это время раздались легкіе женскіе шаги. „Она ужъ, вѣрно, встала: девять часовъ. Сегодня воскресенье, не пойдетъ ли она къ обѣднѣ?.. Ахъ, чортъ возьми, и мнѣ надо итти сегодня... право, совѣстно Самарова: надобно что-нибудь для него сдѣлать. Схожу къ Клеменцу, возьму у него брюки. Въ самомъ дѣлѣ, Самаровъ хлопочетъ обо мнѣ болѣе, чѣмъ о самомъ себѣ... Но еще рано. Пойти часу въ одиннадцатомъ“.

Кровлинъ одѣлся и находилъ себя совершенно здоровымъ, хотя колѣна его дрожали и какъ будто развинтились. Онъ даже подошелъ къ зеркалу въ своей сѣрой, съ мѣховымъ воротникомъ, шинели, хотя апрѣль былъ на дворѣ и погода стояла теплая.

— А теперь вовсе и не замѣтно, чтобы я не спалъ, — сказалъ онъ и подумалъ, что на женщинъ обыкновенно дѣйствуетъ нѣсколько утомленное, интересное лицо, и, продолжая смотрѣться въ зеркало, въ первый разъ почувствовалъ, что ему надобно сшить пальто изъ англійскаго толстаго трико, такое, какъ у Самарова.

Хотя онъ былъ совсѣмъ готовъ итти къ портному, но прислушивался къ шороху, шагамъ и голосамъ наверху, надъ своею комнатою... Вдругъ послышались ему шаги отъ одного конца комнаты въ другой и будто бы стукъ дверей. Онъ опрометью бросился на лѣстницу: никого не было на лѣстницѣ. Онъ сошелъ внизъ и началъ искать, не забылъ ли чего взять, и дошелъ до заключенія, что ему надобно надѣть перчатки получше, хотя обыкновенно ходилъ безъ перчатокъ: но тутъ ему представилось, что кѣдь могутъ встрѣтиться знакомые, очень почтенные люди, которые Богъ знаетъ что о немъ по-

думаютъ. Онъ вернулся, дошелъ до своей двери, потомъ въ комнату, посидѣлъ съ четверть часа и опять медленно началъ спускаться по лѣстницѣ, поглядывая кверху. Внизу его остановило другое размышленіе: „Зачѣмъ мнѣ сегодня итти къ Клеменцу? Вѣдь нынче заперто, а между тѣмъ мочи нѣтъ“. И въ самомъ дѣлѣ, онъ едва-едва сталъ подыматься въ другой разъ наверхъ. Въ это время гдѣ-то начали отворять дверь. Онъ вдругъ оживился; кто-то тихо спускался внизъ... она, точно, она. Кровлинъ потерялся, все позабылъ, что хотѣлъ сказать, едва достало въ немъ духу поклониться; она взглянула на него, чуть-чуть пошевелила губами и пошла далѣе, держа въ рукахъ книжку; но отъ взгляда ея какъ будто повело бархатомъ по сердцу Кровлина.

Кровлинъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ ей вслѣдъ; вопросъ о портномъ былъ совершенно забытъ, и, когда она сошла съ подъѣзда, онъ чрезвычайно скоро отправился за нею, съ сильно бьющимся сердцемъ, не сводя съ нея глазъ. Въ то же время онъ размышлялъ, что ему не должно показывать ей виду, что онъ о ней заботится, что, владѣя собою и выказывая равнодушіе, мужчина всегда болѣе выигрываетъ у женщины; но, говоря это самъ съ собою, онъ отправился вслѣдъ за красавицей безъ цѣли, безъ сознанія—что, и какъ, и зачѣмъ, и готовый остаться совершеннымъ дуракомъ на улицѣ, когда она куда-нибудь войдетъ... Но для него довольно было видѣть, какъ перескакиваетъ маленькая ловкая ножка съ камешка на камешекъ посреди лужъ и грязи, какъ обнаруживается на этой ножкѣ удивительно обточенная, кругленькая щиколотка, точно у правой ножки Венеры Медичи; какъ мелькаетъ съ солнца въ тѣнь, изъ тѣни на солнце соломенная съ голубой лентой, уютная шляпка; какъ изгибается рука и какъ граціозно одутловатые пальцы этой ручки, искусно подбирая платье, слагаются по тѣмъ законамъ движеній ручной кисти, которыхъ красоты постигали древніе и изображали руки женщинъ въ своихъ статуяхъ—четвертый палецъ вмѣстѣ съ третьимъ, пятый и второй нѣсколько врозь...

Но едва Кровлинъ дошелъ до угла улицы, какъ его остановила рука какого-то господина въ медвѣжьей шубѣ.

— Куда вы? Вы больны. Пріятель вашъ прислалъ за мною сегодня; пишетъ, что вы опасно занемогли, и въ самомъ дѣлѣ, у васъ жаръ. Глаза очень дурны. Покажите языкъ... О, какъ же можно выходить! Пойдемте домой: вы знаете, какое нынче время“.

Кровлинъ ничего не могъ сказать доктору и только улыбкой хотѣлъ увѣрить, что онъ ничего. Но тотъ рѣшительно

велѣлъ ему воротиться, уложилъ въ постель, прописалъ лѣкарство и объявилъ, что нѣсколько дней ему нельзя выходить.

Кровлинъ, въ самомъ дѣлѣ, едва дотащился до своей комнаты и убѣдился, что боленъ: пока докторъ щупалъ ему пульсъ и прописывалъ лѣкарство, онъ пристально смотрѣлъ на его физіономію, желая убѣдиться точно, не очень ли серьезная у него болѣзнь и не грозитъ ли чѣмъ-нибудь очень непріятнымъ, пожалуй, и смертью. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень нехорошъ, гораздо хуже, чѣмъ поутру. Одушевленіе страсти, которая приводила въ движеніе его организмъ и наполнила его душу за минуту передъ тѣмъ, прошло; болѣзнь вступила въ свои права безпрекословно; вдругъ даже лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны и блестѣли болѣзненнымъ огнемъ, ноги дрожали, и вообще онъ ужасно ослабѣлъ.

Весь этотъ день прошелъ безъ особенныхъ событій. Приходилъ Францъ. Кровлинъ пытался добиться отъ него еще чего-нибудь о незнакомкѣ, которая жила надъ нимъ, но безполезно. Послѣ обѣда онъ забылся часа на два, но тревожный полусонъ его былъ вдругъ прерванъ вечеромъ звукомъ фортепіано, на которомъ заиграли наверху. Вслѣдъ затѣмъ раздалось пѣніе, пѣлъ женскій голосъ. Кровлинъ приподнялся на постели. „Сопрано, чистое сопрано... — повторялъ онъ, устремивъ глаза въ потолокъ и наостривъ уши...— Каватина изъ „Лючіи“... Теперь, кажется, изъ „Лукреціи“... Жаль, что плохо слышно... а кажется, голосъ большой... Что если бъ можно было провертѣть въ потолкѣ дырочку... въ самомъ дѣлѣ бы хорошо... все бы слышалъ, что она говоритъ, что она дѣлаетъ... Мы женщину знаемъ только, когда она съ нами... но при насъ выскажется ли она вся? будетъ ли такъ, какъ у себя дома, près de son foyer?.. А вѣдь она артистическая натура! Это я замѣтилъ съ перваго взгляда; но знаетъ ли она, что ее слушаютъ, что ее понимаютъ?.. Какъ бы ей это дать знать? Какъ бы установить посредствомъ знаковъ, звуковъ, сообщеніе съ нею, цѣлый разговоръ?!“ Онъ присѣлъ на постели и очень громко запѣлъ изъ „Ломбардцевъ“: „Dove morta-al non va-a-a-a...“, остановился и сталъ прислушиваться, не отвѣтятъ ли тѣмъ же наверху... Тамъ не отвѣчали ничего. „Нѣтъ, лучше не пѣть,— подумалъ онъ:— голосъ у меня... вообще, мнѣ при женщинахъ лучше не пѣть. Впрочемъ, это и лишнее. Неужели она меня не замѣтила?.. ...Не можетъ быть: у женщинъ есть инстинктъ, и этому инстинкту я гораздо больше вѣрю, чѣмъ всѣмъ ученымъ физіономистамъ“.

Пѣніе между тѣмъ замолкло. Кровлинъ слышалъ, какъ съ шумомъ отодвинулся стулъ... легкіе шаги... изъ угла въ уголъ и опять, и опять, и отъ времени до времени тотъ же голосъ повторялъ или мотивъ, или руладу... „Видно, она обрѣбатываетъ голосъ... Это хорошо... Это показываетъ, что она въ душѣ артистка...—думалъ Кровлинъ, прислушиваясь къ тому, что дѣлается наверху.—Я это понялъ сразу, что она существо не совсѣмъ обыкновенное... Кто же она такая? Если бы, впрочемъ, она была какая-нибудь знаменитость, то это не осталось бы тайной, и дуракъ Францъ это бы зналъ; онъ нѣмецъ и читаетъ „Allgemeine Zeitung“... Можетъ-быть, она только готовитъ себя къ сценѣ, и будущее ея впереди... Славная женщина! Ужасно люблю высокіе порывы въ женщинѣ!.. Но сейчасъ видно, что она не русская. У русскихъ дѣвъ не можетъ быть поползновенія къ славѣ. Имъ только бы домашній кружокъ, да если есть голосишко, то чтобы вмѣсто объясненія въ любви на словахъ, пропѣть: „Si tu savais combien je t'aime“... Онѣ въ искусствахъ дошли только до того, что обожаютъ какого-нибудь тенора за красивыя ноги; баса не понимаютъ, а на нѣмицу смотрятъ какъ-то враждебно, съ предубѣжденіемъ, какъ на существо падшее... Въ этомъ участвуетъ, можетъ-быть, безсознательно зависть и сожалѣніе, что общество наше не даетъ имъ той же арены... Натуры человѣческой нельзя же совершенно убить, можно ее исказить, и изъ прекрасныхъ порывовъ, если имъ не дать развитія, образуется зависть, нетерпимость и преслѣдованіе тѣхъ, кому не было подобныхъ преградъ... Судя по глазамъ, она должна быть итальянка, непремѣнно итальянка... можетъ-быть, впрочемъ, она пріѣхала сюда давать концерты и еще здѣсь неизвѣстна... Жаль мнѣ ее, если она думаетъ составить свою славу здѣсь, въ Петербургѣ; она не знаетъ Россіи... Это все оттого, что распространилась слава о Петербургѣ, будто онъ музыкальный городъ... Да, насъ спросили бы; знаемъ мы, какой онъ музыкальный городъ: пять-шесть знатоковъ, сотня любителей на пятьсотъ тысячъ душъ населенія — удивительная пропорція! Охъ, если бы познакомиться съ нею, я бы ей описалъ Петербургъ... Да, музыкальный городъ!.. Составитъ она здѣсь свою славу, если поетъ, не стоя на галопирующей лошади!“

Поздно вечеромъ все начало мало-по-малу стихать въ домѣ и на дворѣ. Говоръ у сосѣдей замолкъ: ребята перестали плакать; стихла даже цѣлый день ворчавшая кухарка госпожи Фуксъ; холостые жильцы разбрелись по гостямъ. Кто-то уже храпѣлъ... Все, что дѣлалось наверху, стало слышнѣе Кров-

лину, котораго все вниманіе было обращено туда... Онъ слышалъ, какъ кто-то ходилъ по комнатѣ; потомъ опять раздалось пѣнье, потомъ замолкло... Легли спать...

Прошло два дня. Кровлинъ слышалъ, какъ прошли то же „Dove mortal non va", и былъ очень доволенъ, принявъ это за поздній отвѣтъ себѣ. Въ эти два дня онъ обдумалъ, что, какъ встанетъ, то просто пойдетъ къ итальянкѣ, скажетъ, что очарованъ ея голосомъ до того, что рѣшился нарушить всякое приличіе, и что, влекомый, сверхъ того, истиннымъ желаніемъ помочь, можетъ-быть, еще неопытной артисткѣ, явился къ ней начертать вѣрную картину той публики, которой приговору она хочетъ себя подвергнуть... Эти фразы онъ перевертывалъ разъ сто, сопровождая ихъ разными учтивыми жестами. Главное затрудненіе — какъ начать, а тамъ ужъ, думалъ онъ, пойдетъ... тамъ извѣстно что: коснется и первыхъ рядовъ нашей музыкальной публики, пріѣзжающихъ въ оперу для сваренія желудка, или чтобы показать, кому слѣдуетъ, что и они поощряютъ таланты и являются въ театръ такъ же исправно, какъ и къ должности; коснется и бель-этажа, начинающаго стучать стульями во время финальной аріи, на которую и композиторъ и артисты налагаютъ всѣ свои силы; не обойдетъ второго и третьяго яруса, занимаемыхъ цвѣтомъ бюрократическихъ семействъ, подражающихъ бель-этажу и шумящихъ еще болѣе, чтобы и ихъ приняли за важныя лица; и отнесется снисходительно только о неистовыхъ крикахъ четвертаго яруса, впрочемъ, раздающихся часто и невпопадъ... Уже онъ описывалъ всѣ причины успѣховъ разныхъ пѣвицъ и постояннаго преслѣдованія ихъ со стороны болѣе незначительной публики, которая рада-рада случаю выказать свое неудовольствіе на особенныя протекціи, какъ на зло, отъ котораго каждый болѣе или менѣе страдаетъ... „Нѣтъ, — заключалъ онъ, — вы имѣйте въ виду болѣе массу, а не личности, тогда вы будете истинно велики".

Онъ получилъ въ эти дни отъ Самарова записку:

„Лучше ли тебѣ, любезный другъ и товарищъ Иванъ Николаевичъ? Пожалуйста, не пренебрегай никакими мѣрами, чтобы возстановить свое разстроенное здоровье. Докторъ не велитъ ничѣмъ заниматься; пожалуйста, исполняй его предписанія. Что дѣлать! Докторъ въ этихъ случаяхъ маленькій деспотъ, но вѣдь это къ добру. Онъ мнѣ сказывалъ, что ты выходилъ. Какъ это можно! Мнѣ не велѣно писать, а потому извини, что пишу мало и нехорошо.

„Твой товарищъ по университету, по сердцу и по болѣзни Ѳедоръ Самаровъ".

Кровлинъ отвѣчалъ:

„Мнѣ гораздо лучше, а ты какъ? Скверно, что нельзя ничѣмъ заняться. Впрочемъ, я не такъ скучаю, какъ могъ бы скучать. Къ Клеменцу я не сходилъ, потому что заболѣлъ. Не даютъ ничего ѣсть.

„И. К."

О сосѣдкѣ не было писано ни слова. Кровлинъ обратилъ на это вниманіе и сказалъ, что Самаровъ плутъ.

III.

Въ продолженіе этого времени случилось еще одно происшествіе. Кровлинъ слышалъ, какъ часовъ въ девять подъѣхала къ крыльцу карета, какъ отворились дверцы, кто-то вошелъ въ подъѣздъ. Въ то же самое время наверху вдругъ прервалось пѣніе среди неоконченной аріи. Послышались легкіе, извѣстные ему шаги артистки и потомъ чьи-то тяжелыя стопы, очевидно, гостя; потомъ звонъ чашекъ, звяканье серебряныхъ ложекъ, говоръ и смѣхъ—звучный смѣхъ итальянки и здоровый, самодовольный смѣхъ гостя. Кровлинъ, къ великой досадѣ, ничего не могъ разслышать изъ разговора; потомъ послѣдовало совершенное молчанье, стало-быть, говорили вполголоса, или, что еще хуже, вовсе ничего не говорили... Подъ конецъ около полуночи слѣдовало пѣніе; потомъ отодвинулся стулъ, и все опять замолкло. Около двухъ часовъ ночи кто-то звалъ дворника; дворникъ позвонилъ ключами, нехотя шелъ и сквозь зубы ворчалъ. Потомъ отворились дверцы кареты, и карета уѣхала чрезвычайно быстро.

На слѣдующій вечеръ опять стукъ кареты, опять наверху тяжелыя стопы, смѣхъ, говоръ. „Что бы это значило?—думалъ Кровлинъ.—Что это за гость, который былъ вчера, а пріѣхалъ и нынче? Да развѣ это прилично? Развѣ это можно дѣлать, не имѣя на то какихъ-нибудь особенныхъ правъ?.. Особенныхъ правъ!.. А какія это права?.." Онъ вскочилъ съ постели, бросился прямо къ окну, открылъ форточку, чтобы посмотрѣть на карету; при свѣтѣ фонаря, который горѣлъ у самаго входа, онъ разсмотрѣлъ красивую, на низкихъ рессорахъ, щегольскую карету, съ короной на сукнѣ, покрывающемъ козлы. Пара круглошеихъ коней постукивали копытами о мостовую и силились мордой достать одинъ другого съ тѣмъ, чтобы укусить, или съ тѣмъ, чтобы поцѣловаться. Кучеръ, замотавъ вожжи о правую руку, опрокинулся ничкомъ на кузовъ, поглядывалъ на звѣзды въ ожиданіи сна и покрикивалъ на лошадей. „Въ этакихъ каретахъ молодые люди не ѣздятъ,—замѣтилъ Кровлинъ,—развѣ аристократъ... да и тотъ пріѣхалъ

бы въ пролеткѣ"... Онъ закрылъ форточку и устремилъ все свое вниманіе наверхъ, а наверху слышались голоса и шаги... „Въ этихъ шагахъ отзывается санъ, крестъ на шеѣ, большой крестъ... нѣтъ, походка тяжелостопная... Четырехстопный!"—вдругъ воскликнулъ онъ, довольный своею остротою, и засмѣялся. „Это старый селадонъ! тоже съ своей протекціей къ пріѣзжей артисткѣ!.. или журналистъ; нѣтъ, не журналистъ, карета не такая, да онъ бы и пѣшкомъ пришелъ... знаемъ мы, какъ эти журналисты судятъ сердцемъ о музыкѣ... Коли мурашки по тѣлу не побѣжали, такъ не хорошо, а побѣжали, такъ и говоритъ, любя правду, хорошо... Чу! хохочетъ... какъ обидно, тяжело онъ хохочетъ! У! четырехстопный!.. вѣрно, отпустилъ знаменитую плоскость и радуется дуракъ!.. А вѣдь эти старики развратнѣе насъ... Что для нихъ искусство? Вздоръ; они въ артисткѣ видятъ только женщину, да и то съ какой стороны!.. Будто мало имъ другихъ женщинъ! Неужели непремѣнно надобно мозглявому селадону, у котораго все лицо на пружинахъ, а отъ жизни осталось только немощное воспоминаніе, непремѣнно осквернить святыню красоты и таланта, плюнуть на жертвенникъ, гдѣ въ священной чистотѣ горитъ дѣвственный огонь искусства? И это у нихъ называется покровительствовать юнымъ талантамъ!" На талантъ вообще Кровлинъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ; но особенно теперь благоговѣніе это было оскорблено тѣми размышленіями, которыя проходили въ его головѣ. Можетъ-быть, сочетаніе таланта и женщины было для него особенно высоко. „Нѣтъ, я не вытерплю",—произнесъ онъ, вскочивъ на постели, и, поднявъ къ потолку глаза, одушевленные негодованіемъ, готовъ былъ убить этимъ взоромъ стараго волокиту. Послѣ этого порыва онъ опять прилегъ на подушки. „Нужно же мнѣ заболѣть именно въ такое время, когда я могу быть на что-нибудь полезенъ! А то живешь, живешь, и ничего-то, ни къ чему негоденъ! вѣдь случая нѣтъ!.. Вотъ бы теперь я явился бы къ ней и предостерегъ... Можетъ-быть, утромъ будетъ мнѣ лучше... Но если она приметъ въ дурную сторону мое предостереженіе? Если она подумаетъ, что я хочу только перебить мѣсто этого волокиты... О, Боже! и это мы, люди, такъ устроили общество, что не можемъ довѣрчиво принять самаго безкорыстнаго поступка одинъ отъ другого! не можемъ принять добра, потому что считаемъ его маскою зла, и даже нѣтъ средства сдѣлать добро безъ того, чтобы о васъ не говорили невообразимыя нелѣпости!.. Но развѣ нельзя письмомъ? Именно! анонимное письмо! Завтра же напишу и все ей открою, и подпишусь какъ-нибудь особенно, такъ,

чтобы она не имѣла никакихъ предубѣжденій, такъ: ваш добрый геній... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не добрый геній! просто— истинно желающій вамъ добра, или L'innominato..."

— Дворникъ, а дворникъ, отвори!—кричалъ голосъ.—Да гдѣ же ты? отвори!

— Отвори, отвори, — отворю!—ворчалъ дворникъ, побрякивая ключами и медленно идя къ подъѣзду.

Кровлину какъ будто стало легче; онъ сталъ обдумывать письмо, которое напишетъ завтра, и заснулъ.

На другой день онъ довольно спокойно принялся сочинять письмо; написалъ уже съ полстраницы, что „міръ состоитъ изъ добра и зла, и что зло разставляетъ вездѣ сѣти красотѣ и невинности" и пр., какъ вниманіе его было отвлечено новымъ событіемъ наверху.

Кровлинъ услыхалъ опять незнакомые шаги надъ собою; напрягъ все вниманіе, чтобы различить голоса, но въ это время гдѣ-то у сосѣдки заливалась пѣснью канарейка, обрадовавшаяся весеннему солнышку, заглянувшему ей въ клѣтку, а кухарка госпожи Фуксъ бранилась съ Францемъ и трещала не хуже канарейки, только на другой тонъ. Кровлинъ могъ только по шагамъ отличить, что это не тотъ гость, который былъ вчера: походка гораздо легче, но все-таки мужская. Черезъ нѣсколько времени послѣдовало пѣнье. Знакомый голосъ его итальянки пѣлъ дуэтъ съ теноромъ... Онъ задумался; сердце его сжалось; мысль не смѣла далѣе проникнуть въ отношенія итальянки къ молодому человѣку, потому что теноръ, поющій съ нею дуэтъ, не можетъ быть не молодымъ человѣкомъ. Дуэтъ прерывался смѣхомъ, но веселымъ, непринужденнымъ смѣхомъ... Кровлинъ долго сидѣлъ въ странномъ окаменѣніи, какъ человѣкъ, предчувствующій странное горе и не имѣющій силъ отвратить его. Наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ онъ произнесъ:—„Ce sont de vieux amis qu'on reçoit si matin", упалъ въ совершенномъ отчаяніи на подушку,—„et c'est ainsi qu'on les trompe!"—прибавилъ онъ потомъ съ нѣкоторой злобой. Онъ чувствовалъ себя чрезвычайно нехорошо. Какая-то убійственная пустота вдругъ водворилась въ его душѣ. Онъ обводилъ безпокойными глазами свою комнату, отыскивая въ ней какой-нибудь предметъ, который бы его занялъ; но ничто не обратило на себя его вниманія: ни старая шпиль, висѣвшая на гвоздикѣ, ни намалеванный имъ портретъ Самарова, который былъ изображенъ въ байронической позѣ, безъ галстуха, въ рубашкѣ и въ голубыхъ подтяжкахъ, ни кресла, ни зеркало, въ которомъ отражался кусочекъ сѣраго неба, ни сапоги, стоявшіе

въ углу длиннымъ рядомъ и блестѣвшіе заботливостью Франца. Онъ закрылъ глаза и предался размышленіямъ о томъ, что вообще человѣческія привязанности непрочны, и тѣмъ болѣе привязанности женщинъ; что „общество между тѣмъ такъ устроено, что новая страсть, самое естественное движеніе сердца считается измѣною, преступленіемъ“... Но и эта мысль не заняла его, хотя обыкновенно онъ любилъ развивать ее до малѣйшихъ подробностей: ухо было постоянно навострено слушать, что̀ дѣлается на верху, у итальянки. Изъ разныхъ звуковъ, до него долетавшихъ, изъ стука мебели, шаговъ, рѣчей, можно было понять, что тамъ идетъ разговоръ очень крупный; возвышается то тотъ, то другой голосъ, то мужской, то женскій: высказываются сильные упреки... „А что̀, вѣдь, можетъ-быть, онъ сюда съ нею пріѣхалъ?.. Можетъ-быть, любовь ихъ началась еще тамъ, въ какомъ-нибудь маленькомъ итальянскомъ городкѣ на Lago di Garda, и онъ извлекъ ее изъ неизвѣстности, положилъ себя всего первою ступенью ея къ славѣ... Неблагодарная!“ — произнесъ Кровлинъ, оборотясь лицомъ въ другую сторону, какъ бы рѣшившись болѣе не слушать, что̀ дѣлается наверху. Но это было невозможно. Голоса становились все рѣзче, то вотъ—вспышка со стороны мужчины, нетерпѣливая, обидная выходка; то вотъ его старается перекричать женскій звучный голосъ, драматическій голосъ. Онъ все говоритъ... она прерываетъ его нѣсколькими словами, прерывающимися рыданьемъ...

— Чего же онъ отъ нея хочетъ, наконецъ! — воскликнулъ Кровлинъ: — ну, она его болѣе не любитъ—это фактъ! Вѣдь сердце... ахъ, какъ они этого не понимаютъ! Попробуй-ка кого-нибудь кормить недѣлю одними жареными голубями, захочется куропатокъ, а на голубей смотрѣть будетъ противно.

Онъ надѣлъ туфли и рѣшился-было пойти наверхъ вразумить ослѣпленнаго любовника, который радъ-радъ для удовлетворенія жалкаго самолюбія тиранить сердце бѣдной женщины... Но голоса наверху дѣлались слабѣе, утихали; рѣзкій тонъ спалъ... тише, тише... Все замолкло... Заключенъ миръ...

Кровлинъ провелъ рукой по лбу; глубоко вздохнулъ... „Уфъ! нехорошо...“ — прошепталъ онъ и легъ опять въ постель. Молчанье наверху было для него всего убійственнѣе. „Что̀ они дѣлаютъ!“—воскликнулъ онъ, и не могъ дать отвѣта: лихорадка усилилась; голова горѣла; онъ метался въ жару. Всѣ предметы принимали какое-то враждебное расположеніе; ему было страшно.

— Францъ, Францъ!—закричалъ онъ.

Явился Францъ.

— Что прикажете?

— Пожалуйста, Францъ, заходи ко мнѣ почаще.

— Хорошо-съ. Что же теперь прикажете?

— Да теперь ничего. Только заходи.

Францъ привелъ въ порядокъ склянки на столикѣ, поставилъ на него свѣчку и коробочку со спичками и вышелъ.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ докторъ. Кровлинъ едва сдѣлалъ ему движеніе головой. Привстать въ немъ не достало силъ.

— Ну, какъ наши дѣла?—спросилъ докторъ.

— Плохо, очень плохо, докторъ.

— Ничего, покажите языкъ. Гм...

— Я не знаю, переживу ли я, докторъ.

Вздоръ переживете. Пульсъ... нервный, это ничего; а аппетитъ?

— Никакого.

— Гм... Вамъ не хочется ли чего особенно, селедки, напримѣръ, винограду?

— Ровно ничего; все противно. Право, докторъ, скажите откровенно, что вы обо мнѣ думаете: переживу ли я?

— Переживете. У васъ то же, что у всѣхъ теперь.

— А вѣдь Прутиновъ не пережилъ.

— У него была гнилая горячка.

— Мнѣ кажется, у меня тоже.

Нѣтъ, у васъ не гнилая горячка. Гдѣ у васъ перо и чернильница? Да есть ли чернила,—иногда не бываетъ?

— Тутъ, на столѣ... И Андрюшинъ умеръ.

— Да, лѣтъ десять чахотка.

— Знаете что, докторъ, не чахотка ли у меня? Посмотрите, какъ я трудно перевожу дыханье... какъ спитъ въ горлѣ.

— Нѣтъ, не чахотка. А вотъ вы пошлите въ аптеку; вамъ принесутъ этакую скляночку. Вы взболтайте хорошенько и принимайте по ложкѣ черезъ два часа. Можете послѣ водой запить и ротъ выполоскать, если не вкусно. Прощайте.

— Вы къ Самарову, докторъ?

— Къ Самарову. Ему гораздо лучше.

— Такъ вы думаете, докторъ, что я переживу?

— Переживете, только принимайте черезъ два часа.

— Я вѣдь, докторъ, смерти не боюсь; если бы я желалъ пожить, то только изъ любопытства.

— Да чего вы безпокоитесь? Вѣдь у васъ долговъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Вы не влюблены несчастно?

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, я не влюбленъ.

— Ну, такъ переживете.

„А вѣдь я влюбленъ, — подумалъ Кровлинъ, оставшись одинъ,—слѣдовательно не переживу. Въ самомъ дѣлѣ, не воспаленіе ли у меня въ сердцѣ? Эти доктора часто ошибаются... Какъ стучитъ сердце, вотъ будто съ минуту совсѣмъ не бьется; вотъ опять, какъ молотокъ, колотитъ... И голова... виски ужасно болятъ... Пожалуй, жилы лопнутъ... Впрочемъ, что жъ? Вѣдь все равно, одинъ конецъ... Написать бы ей только, что вотъ „жилъ себѣ человѣкъ, видѣлъ ее мелькомъ, любилъ истинно и остальное все ей прощаетъ..."

Это открытіе, на которое навели Кровлина слова доктора, т.-е. что онъ влюбленъ, было роковое открытіе для спокойствія больного. Теперь онъ зналъ, чѣмъ онъ страдалъ, и весь предался чувству, которое опредѣлилъ въ себѣ какъ бы случайнымъ образомъ. Не скажу, чтобы это открытіе было ему не совсѣмъ пріятно: человѣкъ всегда получаетъ какое-то облегченіе, когда опредѣлитъ, что его мучитъ, хотя этимъ нисколько не уменьшилось мученій. Но все какъ-то лучше. Кровлинъ тоже сдѣлался будто спокойнѣе: по крайней мѣрѣ, онъ лежалъ безъ движенія, безъ опредѣленной мысли. Но образъ итальянки былъ постоянно передъ нимъ: то ему казалось, что она сидитъ подлѣ него, больного, и прикладываетъ руку къ его горячему лбу, и ему какъ будто легче дѣлается отъ этого прикосновенія; то мысли его впадали въ странную неопредѣленность: онъ закрывалъ глаза и сжималъ губы, и будто бы чувствовалъ прикосновеніе къ нимъ другихъ, свѣжихъ, страстныхъ устъ... И по лицу его разливалось странное упоеніе, онъ улыбался и шепталъ тихо: „Милая, милая!"

Это блаженное забвеніе нарушалось какимъ-нибудь звукомъ наверху, и дѣйствительность представлялась ему въ своемъ печальномъ видѣ... Ему же было извѣстно все, что тамъ происходитъ. Онъ объ этомъ заключалъ изъ періодически повторяющихся однихъ и тѣхъ же явленій. Тутъ пріятныя мечтанія превращались въ думы самыя черныя; онъ ругалъ судьбу, общество, селадона, тенора, итальянку и себя самого. Разъ въ такомъ расположеніи онъ взглянулъ на портретъ Самарова и ни съ того ни съ сего сдѣлалъ ему преобидную гримасу. Замѣчательно однако, что вечерній визитъ господина съ тяжелой походкой былъ для него менѣе непріятнымъ, нежели дуэтъ съ теноромъ, тѣмъ болѣе, что какъ-то послѣ дуэта вдругъ протанцуютъ польку прямо надъ его головой. Онъ при этомъ замѣтилъ, что полька—самый развратный танецъ, и что, если бъ онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ, то запре-

тилъ бы ее непремѣнно. Теноръ обыкновенно являлся поутру и уходилъ къ обѣду. Но вотъ однажды онъ, кажется, остался обѣдать, потому что, когда часа въ четыре отодвинулись съ громомъ отъ стола стулья, протанцовали галопадъ изъ угла въ уголъ и назадъ, и назадъ... и вообще онъ былъ слышенъ по шагамъ, по голосу, имѣлъ какую-то правственную тягость, и нервы Кровлина постоянно страдали подъ его вліяніемъ и успокоивались только тогда, когда онъ уходилъ... Кровлину приходило въ голову, что часу въ девятомъ должна подъѣхать карета и тяжелостопный господинъ явится, пожалуй, съ букетомъ алыхъ розъ и массивнымъ комплиментомъ... Успѣетъ ли она выпроводить тенора?.. и какъ выпроводить?.. Если они встрѣтятся? Должна быть ужасная сцена... Если онъ спроситъ: „а по какому вы праву?“ И тяжелостопный тоже спроситъ: „а вы по какому праву?“—„А вотъ по какому праву“,—скажетъ итальянецъ и выхватитъ ножъ.

Въ девять часовъ подъѣхала карета. Наверху послышался разговоръ довольно живой, поспѣшные шаги въ разныя стороны. У Кровлина выступилъ холодный потъ; онъ будто чувствовалъ за собой что-то бурное и какъ бы желалъ укрыться отъ кого-то. Тяжелый господинъ идетъ по лѣстницѣ—слышно, какъ онъ кашляетъ. Наверху передвигаютъ мебель. „Не предупредить ли хозяевъ?“—думалъ Кровлинъ. Тяжелый господинъ шелъ уже по комнатѣ; ужъ говоритъ; но не слыхать его обычнаго смѣха. Но вотъ голоса живѣе, тонъ рѣзче, горячится теноръ, горячится онъ, ея голосъ, она плачетъ, рыданіе...—„Ужасно“,—едва слышно пробормоталъ Кровлинъ, присѣвъ на постели, одной рукой опершись о кровать, другою закрывъ глаза. Голоса все сильнѣе и сильнѣе, споръ жесточе; движенія, шаги тяжеле, наступаютъ и отступаютъ, что-то опрокинулось, что-то стеклянное упало и разлетѣлось въ дребезги, раздался пронзительный женскій визгъ, и въ ту же минуту какое-то тяжелое тѣло глухо брякнулось объ полъ...

— „Боже мой!... что такое!..“ — воскликнулъ Кровлинъ, вскочивъ съ постели... „Убилъ!.. убилъ!..“ — повторялъ онъ внѣ себя, бѣгая по комнатѣ... „Бѣдная женщина... Куда дѣнутъ тѣло?.. Душка!.. душка!.. что съ нею!..“—Силы его ослабѣли; онъ опустился на стулъ, закрылъ лицо руками... Нѣсколько минутъ прошло въ этомъ тягостномъ положеніи: онъ плакалъ... „Нужно же, чтобы я не могъ ничего для нея сдѣлать...“ Но ему блеснула счастливая мысль; онъ собралъ всѣ силы, поднялся и кликнулъ свою хозяйку.

— Клара Ивановна! Мадамъ Фуксъ, Францъ! — кричалъ онъ,—прійдите сюда!..“—Мадамъ Фуксъ, маленькая, добрая

старушка-нѣмка, въ старомъ чепчикѣ, который никогда не завязывался и съ котораго ленты развѣвались, когда она шла по комнатѣ своими мелкими скорыми шагами, просунула голову въ дверь къ Кровлину и отступила два шага назадъ, увидя передъ собою исхудавшую, какъ Уголино въ Башнѣ Голода, фигуру Кровлина, едва одѣтаго, посреди комнаты, съ блуждающимъ взоромъ, съ бледнымъ, осунувшимся лицомъ, съ бородой, не бритой нѣсколько дней, и съ растрепанными волосами. „Jesus, Maria!“—воскликнула она, всплеснувъ руками.

— Послушайте, мадамъ Фуксъ, — говорилъ слабымъ голосомъ Кровлинъ;—вѣдь вы слышали...

— Liebes Kind! ай, ай, ай! что съ вами?..

— Вы слышали тамъ, наверху?

— Что такое?

— Убитъ... убитъ человѣкъ.

— Бѣдняжка!—повторяла нѣмка, натягивая на Кровлина халатъ;—надѣньте хоть туфли... Посмотрите, вы голыми ногами стоите на полу, а полъ-то холодный... Какъ же это можно... и никто-то за вами не присмотритъ, и Францъ-то мнѣ ничего не скажетъ...

— Оставьте меня, заботьтесь объ ней, объ той, что наверху живетъ... Подите, скажите, что пусть она на время перейдетъ въ мою комнату; а я къ Самарову... А то понимаете, слѣдствіе будетъ... полиція... Пойдите же, пожалуйста, мадамъ Фуксъ, я прошу васъ, идите поскорѣй, такъ, какъ есть, такъ и идите.

— Куда пойти? О, liebes Kind, вамъ бы горчицы къ ногамъ поставить.

— Ступайте же, скажите отъ меня, что пусть она перейдетъ на время...

— Пойду, пойду; а вы горчицы привяжете?

— Бросьте горчицу, не то я самъ отправлюсь. Францъ! одѣнь меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы останьтесь, я ужъ все сдѣлаю, будьте спокойны. Вы только лягте.

У подъѣзда раздался шумъ. Кровлинъ бросился къ окну. При свѣтѣ фонаря онъ разсмотрѣлъ господина въ пальто, должно-быть, молодого, потому что онъ былъ строенъ, высокъ и тонокъ, длинные черные волосы, лица не видать. Онъ поговорилъ горячо съ кучеромъ, потомъ отперъ дверцы, сѣлъ въ карету, кучеръ ударилъ по лошадямъ, карета умчалась что есть духу.

— Ускакалъ! — прошепталъ задыхающимся голосомъ Кровлинъ.

Мадамъ Фукеъ пошептала съ Франценммъ: сказала Кровлину, что она сейчасъ пойдетъ исполнить его приказанія, а онъ пусть покамѣстъ полежитъ и не раскрывается.

Кровлинъ совершенно ослабѣлъ и сдѣлался покоренъ, какъ ребенокъ; его уложили въ постель; онъ говорилъ одни безсвязныя слова; мадамъ Фукеъ приходила къ нему нѣсколько разъ, давала питья и прислушивалась къ его бреду, всякій разъ ругала Франца за флегматизмъ, что онъ ничего не сказалъ ей о болѣзни Кровлина, что такъ, пожалуй, безъ попеченія женщины онъ бы и умеръ, и никто бы о томъ не зналъ.

Болѣе Кровлинъ ничего не слышалъ, что дѣлалось въ эту ночь въ комнатахъ итальянки.

IV.

Попеченія Клары Ивановны, питье и потомъ нѣсколько часовъ забытья успокоили нервы Кровлина. Утромъ онъ проснулся и чувствовалъ себя гораздо легче. Одно за другимъ припомнилъ онъ всѣ обстоятельства вчерашняго ужаснаго происшествія и, несмотря на свою слабость, подошелъ къ окну посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, потому что вниманіе его обратила на себя необыкновенная ѣзда экипажей, которые останавливались у ихъ дома. Въ самомъ дѣлѣ, уже двѣ кареты и нѣсколько дрожекъ стояли у подъѣзда. Первый предметъ, кромѣ этихъ экипажей, который поразилъ его, былъ краснощекій городовой, съ мѣдной бляхой на фуражкѣ съ надписью: „за отличіе", съ тесакомъ на черной глянцовитой портупеѣ. Онъ имѣлъ что-то карательное въ своей физіономіи; стоялъ, держась прямо и протянувъ правую, здоровую руку такъ, что, если бы пришлось ему схватить за воротъ и поднять на воздухъ какого-нибудь мерзавца, онъ бы такъ его и схватилъ и поднялъ, все стоя въ струнку, а лѣвую руку приложивъ къ тесаку, и держалъ бы до тѣхъ поръ, пока бы ему не скомандовали: „Опусти". Онъ съ озабоченнымъ видомъ говорилъ что-то дворнику ихъ дома, который стоялъ передъ нимъ съ обнаженной головой, почесывая затылокъ, а другою рукою разводя въ сторону. Тутъ же былъ и подчасокъ, и гарнизонный солдатъ въ киверѣ... „Это, видно, надзирательскія дрожки, — подумалъ Кровлинъ, разсматривая старыя, но крѣпкія дрожки, запряженныя отличной лошадью, на какихъ ѣздятъ купцы.—А это, видно, частнаго",—сказалъ онъ, взглянувъ на дрожки съ дышломъ, запряженныя парою рысистыхъ вятокъ, которымъ такъ и хочется разбить экипажъ.

Францъ вошелъ въ комнату, поставилъ чайный приборъ на столъ и хотѣлъ уйти; Кровлинъ подозвалъ его къ окну и спросилъ:

— Что это тутъ? Полиція?

Францъ взглянулъ на городового и отвѣчалъ:

— Полиція.

— А что тамъ? — сказалъ Кровлинъ задыхающимся голосомъ и указалъ наверхъ.

Францъ пожалъ плечами и ушелъ.

Послѣ первой чашки чаю Кровлинъ почувствовалъ въ себѣ нѣкоторыя силы, рѣшился одѣться и выйти къ итальянкѣ, пользуясь суматохой, которая тамъ происходила, потому что въ самомъ дѣлѣ наверху возня была необыкновенная: ходили и стучали, передвигали мебель, щелкалъ ключъ и звенѣлъ замокъ...

— Ну, братъ, перепугалъ ты насъ...

— А, Самаровъ!.. Что, братъ?..

Кровлинъ обратился-было къ Самарову съ тѣмъ, чтобы сообщить ему свои чувства по поводу того, что случилось наверху, но остановился, увидя пріятеля своего, стоявшаго передъ нимъ въ шинели, которую онъ не рѣшался снять, не узнавъ навѣрное температуры комнаты Кровлина: подъ шинелью на немъ было надѣто теплое пальто, на головѣ мѣховая зимняя шапка со спущенными ушками, а шея была обмотана краснымъ гаруснымъ шарфомъ. На ногахъ мѣховыя калоши сверхъ сапогъ.

— Да что ты, въ дорогу, что ли, одѣлся? — спросилъ Кровлинъ.

— Да, въ дорогу — къ тебѣ. Ну, какъ ты сегодня? Вчера, говорятъ, собирался умирать?

— Сегодня мнѣ гораздо лучше.

— Чего лучше: у тебя глаза бѣгаютъ, какъ у сумасшедшаго. Тебѣ надобно беречься.

— Это не отъ болѣзни. Да ты отчего поднялся нынче?

— Да такъ; ты еще очень, очень плохъ. Тебя разсердили, что ли?

— Да, разсердили. Францъ меня ужасно бѣситъ.

Самаровъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ съ нѣкоторой ироніей:

— А что Францъ?

— Скотина, больше ничего. Да ну его къ чорту! Разсказывай мнѣ свои новости. Я ничего не знаю, что дѣлается на свѣтѣ. Свидѣтельствовалъ тебя докторъ изъ департамента?

— Нѣтъ. Вчера сидѣлъ у меня вечеромъ Гореваловъ. Смѣшилъ ужасно.

— Гм!.. А еще?

— Да что жъ еще? Ничего.

— Ты давно выходишь?

— Сегодня въ первый разъ, и то только къ тебѣ.

— А слышалъ наверху?

— Что такое?

— Да ну, разсказывай! Узналъ ли что-нибудь о ней... о сосѣдкѣ?.. Помнишь?

— Нѣтъ, ничего.

— Врешь, по глазамъ вижу, что врешь... А вчерашняя исторія?

— А ты знаешь?

— Да тебѣ, можетъ-быть, слышнѣе?

— Ну, братъ, признаюсь, я было не хотѣлъ тебѣ сказывать, да сегодня, вслѣдствіе одного визита, передумалъ.

— Что жъ ты объ ней узналъ?

— Я скажу тебѣ: le champ est libre, ты можешь ею заняться... Можешь итти познакомиться, и... тебя не прогонятъ... Да что съ тобою?

— Ничего, ничего, говори... Это такъ; дай, я лягу, я еще очень слабъ.

Самаровъ подумалъ, что надобно занять товарища, и сказалъ:

— Ты лежи спокойно. Дай, я тебѣ ноги закутаю. Ты еще, душа моя, Иванъ Николаичъ, очень нехорошъ. Ты меньше говори. Ну, вотъ видишь, какъ я догадываюсь, сосѣдка-то наша... того... Только она, кажется, не нѣмка... Къ ней ѣздитъ по вечерамъ какой-то важный господинъ. Что ужъ они тамъ дѣлаютъ, не знаю; да и что имъ дѣлать... Должно-быть, и квартиру-то онъ ей нанимаетъ; съ ней живетъ старуха. Только, видно, старуха знаетъ свое дѣло, и у нихъ бываютъ другіе гости... Вчера они однакожъ встрѣтились, была ужасная возня. Кажется, драка. Я даже думаю, что старикъ-то ее поколотилъ, потому что я слышалъ, какъ она упала на полъ... Впрочемъ, она ли, старуха ли, не знаю; только, кажется, она, потому что она визжала и плакала... Что жъ, если хочешь, онъ въ своемъ правѣ; все-таки онъ на нее тратился; зачѣмъ же обманывать? Вѣдь оно хорошо, хорошо говорить о сердцѣ женщины; ну, да нѣдь не о такой же твари, какъ эта. Представь себя на его мѣстѣ; сдѣлалъ бы то же самое, то-есть, можетъ-быть, только бы не побилъ.

Кровяинъ сильно перевернулся на постели лицомъ къ стѣнѣ.

— Старикъ-то послѣ того, кажется, уѣхалъ, потому что я слышалъ, какъ поскакала его карета. Тутъ ужъ я не знаю, что было, потому что пришелъ Гореваловъ. Смѣшилъ ужасно. Да, я думаю, послѣ той встрѣчи ей было нехорошо. Чай, отбило охоту играть и пѣть... А ты слышалъ, у нея голосишко не дуренъ. Не знаю, гдѣ она могла выучить аріи, а распѣваетъ ихъ очень недурно. Да она вообще славная бабенка... Ахъ, ну, что же это, Иванъ Николаичъ, ты опять раскрылся; въ самомъ дѣлѣ, ты дитя. Тебѣ нужна нянька... Какъ этакъ выздоровѣешь? Дай, я тебѣ закрою ноги...

— Не тронь меня! Убирайся!—закричалъ Кровлинъ, обернувшись со сверкающими глазами къ Самарову.

Самаровъ подумалъ, что ужъ не съ ума ли онъ сходитъ, и молча накрылъ ему ноги халатомъ. Потомъ онъ сѣлъ поодаль, смотря на больного, какъ смотритъ собака на хозяина, который ударилъ ее въ сердцахъ не за ея вину, а вслѣдствіе посторонняго огорченія, и по первому его милостивому знаку готова подползти къ нему и повиниться, вертя хвостомъ, опустивъ уши и умильно щуря глаза.

— Не пора ли тебѣ принять лѣкарство?

— Нѣтъ, спасибо, я не хочу принимать этой дряни.

Самаровъ пожалъ плечами. Въ это время растворились двери, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ пальто, съ длинными волосами и бакенбардами.

— А, да вонъ они гдѣ, пріятели!

— Тсс! — прошепталъ, бросившись къ нему, Самаровъ и, указавъ пальцемъ на Кровлина, прибавилъ:—онъ боленъ.

— Кровлинъ? А что съ нимъ?

Кровлинъ посмотрѣлъ на вошедшаго молодого человѣка.

— Дубровинъ! Ты ли это? Весь обросъ волосами...

— Вѣдь сказывали, ты былъ за границей?—спросилъ Самаровъ.

— Да вотъ года два, какъ вернулся. Я часто спрашивалъ объ васъ у товарищей.

— А ты кого видалъ?—спросилъ съ живостью Самаровъ.— Знаешь ли, что мы съ тобой не видались съ послѣдняго комержа?

— Не видались. Я не многихъ встрѣчаю,—вотъ Мишу Бочкина.

— Онъ ужъ столоначальникъ: получилъ двѣ награды и третій чинъ. Вотъ счастливъ-то! Чертовски счастливъ!

— Еще видѣлъ Руслякевича, Гонорія.

— Руслякевича?.. Старшимъ учителемъ въ Перми; недавно пріѣхалъ; ужъ онъ выслужилъ свои года.

— Кого еще? Моргенблума...

— А! Секретаремъ при министрѣ... Какъ же! Читалъ ты въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“, что онъ произведенъ за отличіе въ коллежскіе асессоры? Вотъ, братъ, какъ нѣмцы-то. Ты знаешь, Иванъ Николаевичъ, въ третьегоднишнимъ номерѣ?

Кровлинъ посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣчалъ.

— Ты-то что, скажи лучше?—спросилъ онъ, обратясь къ Дубровину.

— Да ничего. Служу... А что, братъ, твое министерство переводовъ?

Кровлинъ улыбнулся. Дубровинъ потрепалъ его по плечу.

— А энциклопедія?

— Объ энциклопедіи еще подумываю.

— А издалъ ли ты повѣсти мадамъ Гизо?—сказалъ онъ, съ улыбкой обратясь къ Самарову.

— Это для него труднѣе, чѣмъ мнѣ учредить мое министерство переводовъ,—перебилъ Кровлинъ.

Самаровъ засмѣялся и покраснѣлъ.

— Юность, юность!—произнесъ онъ со вздохомъ.

— Я часто бываю въ этомъ домѣ, — сказалъ Дубровинъ, окинувъ глазами комнату:—не зналъ, что вы здѣсь живете, а то бы давно къ вамъ зашелъ.

— А у кого ты бываешь? — съ живостью спросилъ Кровлинъ.

— Да тутъ живетъ одна моя тетка.

Кровлинъ опустилъ голову.

— Вотъ, господа, оригиналка-то. Я только-что присутствовалъ при уморительной исторіи. Представьте себѣ, старая русская барыня. Весь вѣкъ жила въ деревнѣ и была очень добрая женщина. Отецъ мой, тоже простой человѣкъ, служилъ сначала во флотѣ, ну, знаете, потомъ ужъ лѣтъ двадцать, какъ не выѣзжаетъ изъ помѣстья. Они всегда были очень дружны и не ссорились. Только однажды изъ-за чего, я ужъ и не знаю, ужъ и они сами не помнятъ, побранились. Имѣніемъ они владѣли нераздѣльно; то-есть вотъ какъ: батюшка получилъ, правда, отцовское небольшое имѣнье, да оно лопнуло по откупамъ въ залогахъ; и жилъ онъ все время въ помѣстьѣ сестры. Это материнское имѣнье. Они никогда и не дѣлились. Батюшка получалъ доходы съ того имѣнья, гдѣ жилъ; тетушка—съ другой вотчины, гдѣ жила. Даже она не хотѣла дѣлиться и тратиться на это, потому что, оставшись вдовой, дѣтей не имѣла, да и стара. Ну, вотъ только они поссорились. Она пошла судомъ и жалуется, что братъ у нея захватилъ имѣніе. Уѣздный судъ рѣшилъ по праву давности;

она на апелляцію. Дошло дѣло до сената: вотъ здѣсь живетъ она ужъ третій годъ; разстроилась ужасно на процессъ, и несмотря на то, что ее и параличомъ хватило, и голосъ у нея пропалъ, и сама едва движется,—не унялась. Я у нея бываль-таки частенько; каждый день бывалъ, и со мной она очень хороша, очень любитъ меня, но только о дѣлѣ не смѣй при ней пикнуть. На-дняхъ какъ-то я заговорилъ довольно горячо, вступился за отца: мнѣ помогла тутъ у нея воспитанница, премиленькая дѣвочка... Что жъ вы думаете! Она своимъ сиплымъ эхомъ наговорила ей такихъ вещей, что та расплакалась, и я вышелъ изъ себя. Ну, не могъ... Представьте же себѣ теперь, что не далѣе, какъ вчера, рѣшено дѣло въ ея пользу и получено извѣстіе; она прочитала бумагу, потомъ залилась слезами, что изъ-за нея родного брата ея отдаютъ подъ судъ за неправое завладѣніе чужой собственностью. Я вамъ говорю, такая сцена, что этакой больше, можетъ-быть, мнѣ не прійдется увидѣть. „Дура, говоритъ, что я сдѣлала! Кровнаго брата теперь по міру пустила нищимъ, да еще засудятъ его, какъ вора". Что жъ вы думаете? Какъ сидѣла, такъ и упала на полъ безъ чувства.

— Постой, Дубровинъ, постой... гдѣ живетъ твоя тетка?

— Да котъ съ этого же подъѣзда, этажомъ выше.

— Прямо надо мной?

— Я думаю.

Кровлинъ взглянулъ на Самарова.

— Ну, что жъ далѣе?

— Да ничего особеннаго... Я представляю это, какъ фактъ характеристическій нашихъ родовыхъ отношеній. Это совершенно въ томъ же духѣ, какъ было съ Шаншинымъ—знаете его процессъ съ тещей?

— Знаю, знаю; чѣмъ же у васъ-то кончилось?

— Да ничего, все слава Богу. Я поѣхалъ скорѣй за докторомъ въ дядюшкиной каретѣ—это другой дядя, по матери; хорошій человѣкъ; онъ у нихъ бываетъ каждый день.

— Ну, ну,—говорилъ Кровлинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:— ну, а эта... воспитанница?..

— А вотъ: тетушка, прійдя въ себя, сейчасъ составила духовную, по которой все имѣніе отказала мнѣ и этой дѣвушкѣ... на которой, друзья, давно думаю жениться, а теперь оно и кстати, для округленія владѣній.

— А это она поетъ?—спросилъ Кровлинъ.

— Она.

— Она не русская?

— Нѣмка здѣшняя.

— Ну, видишь, какъ ты глупъ, Самаровъ!

Самаровъ покраснѣлъ, какъ ракъ вареный.

— Скажи, пожалуйста, еще одно, Дубровинъ. Отчего еще была тамъ сегодня полиція?

— Были свидѣтели тетушкинаго акта, а полиціи не было.

— И частнаго не было?

— Не было.

— И надзирателя не было?

— Не было.

— А городовой?

— Ну, братъ, и городового не было.

— Какъ же это городовой...

На этомъ пунктѣ Кровлинъ очень задумался.

1847.

II.

СТАРУШКА.

(Отрывокъ изъ записокъ праздная человѣка).

Прошло уже три дня, какъ я былъ у Бобровыхъ, т.-е. три мучительныхъ дня, какъ я не видалъ Вѣры Александровны Бобровой. Приличіе, казалось мнѣ, довольно соблюдено, и я думалъ, что ужъ никто не оскорбится моимъ посѣщеніемъ, и не будутъ говорить о немъ вкривь и вкось ни тетушки Вѣры, ни разныя приживалки, питающія свой духъ сплетнями и готовыя, ни съ того ни съ сего, опорочить поведеніе бѣдной женщины... Оставалось только мнѣ отыскать благовидный предлогъ, подъ которымъ бы можно было имѣть право и даже обязанность явиться въ это семейство. Непремѣнно нуженъ предлогъ, потому что если меня примутъ, то это значитъ, что нестерпимый Алексѣй Васильичъ дома; иначе онъ велитъ отказывать всѣмъ и каждому, когда супруга его одна. Бѣдная женщина! Но какой же предлогъ? Взять послѣдній номеръ „Иллюстраціи“ и показать картинки, или дать разгадать ребусъ... но этихъ ребусовъ я еще никогда не отгадалъ самъ, да и картинки не такія, чтобы возить ихъ показывать изъ дому въ домъ. Взять „Ералашъ“... но Вѣра Александровна живетъ вдали отъ свѣта, и карикатуры на наши знаменитости ей будутъ вовсе чужды и лишены интереса, потому что она этихъ знаменитостей не видала и не знаетъ... Наконецъ я вспомнилъ, что она не разъ обнаруживала желаніе „учиться“, просила серьезныхъ книгъ, просила дать ей понятіе объ исторіи, о литературахъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, говорила, что французскіе романы ей надоѣли давно, и ей хочется имѣть болѣе полное, болѣе дѣльное понятіе о наукахъ..

Вотъ я заѣхалъ въ лавки и купилъ Вильменя „Курсъ литературы“, „Иліаду“ и „Божественную комедію“ во французскомъ

переводѣ, и съ этими предлогами отправился въ Коломну, къ большому каменному дому, гдѣ занимали квартиру Бобровы. Въ третьемъ этажѣ свѣтъ. „Дома!“—подумалъ я и съ трепетомъ вбѣжалъ по лѣстницѣ. Позвонилъ; долго не отпирали; наконецъ послышались мнѣ легкіе шаги: Вѣра Александровна сама отворила дверь.

Сердце мое забилось отъ радости, потому что теперь ужъ нечего было опасаться, что мнѣ откажутъ.

— Это вы?—спросила Вѣра Александровна.

Голосъ ея мнѣ показался ветвердымъ; я льстилъ себя надеждою, что она почувствовала нѣкоторое смущеніе при моемъ появленіи, тѣмъ болѣе, что съ какою-то недовѣрчивостью и безпокойствомъ поглядѣла крутомъ, на дверь, которая вела въ кабинетъ ея мужа, на коридоръ, который велъ въ кухню, даже на вѣшалку, на которую я вѣшалъ свою шинель.

— Вы это сами отворили мнѣ дверь?—спросилъ я, рѣшительно потерявшись и не зная, что спросить.

— Да, Сашенька заснула на рукахъ у Феклы, а Дмитрія я услала. Алексѣя Васильевича нѣтъ дома...

У меня съ языка уже готово было сорваться слово, которое было бы прилично сказать въ этомъ случаѣ, что—очень жаль, но я опомнился и былъ столько честенъ, что не сказалъ.

— А вотъ я привезъ вамъ книги,—сказалъ я, дѣлая шагъ къ дверямъ залы, обнаруживая этимъ рѣшительное намѣреніе остаться, несмотря на то, что Алексѣя Васильевича нѣтъ дома. Это движеніе заставило и Вѣру Александровну выйти изъ нерѣшимости: принять меня или не принять.

Никогда Вильменъ, Гомеръ и Дантъ не были для меня такъ велики, какъ въ эту минуту.

— Вы одни,—началъ я говорить:—что же вы дѣлали?

— Играла.

Фортепьяно было открыто: на немъ стояли двѣ свѣчи. Но я вспомнилъ, что, идя по лѣстницѣ, я не слыхалъ, чтобы играли въ покояхъ Вѣры Александровны; это заставило меня взглянуть на нее попристальнѣе: я увидѣлъ, что у нея глаза красны и щеки горѣли.

Она поняла, что я догадался, и отвернулась.

Мнѣ было невыносимо тяжело видѣть ее въ такомъ положеніи... такъ бы и бросился къ ея ногамъ, осыпалъ бы поцѣлуями ея руки, такъ бы вымолилъ у нея признаніе, о чемъ она плакала, такъ бы умолилъ, чтобы она забыла горе, что если любви недостаетъ ей въ жизни, то это напрасно она говоритъ,—что есть человѣкъ, которому ни минуты нѣтъ

покойной безъ нея, что есть сердце, которое отдалось ей совсѣмъ, навсегда, навѣки... Но, думая все это, я говорилъ:

— Вы хотѣли читать что-нибудь серьезное: вотъ Вильменева „Иліада“, вотъ Дантовъ „Потерянный рай“... у Гомера найдете превосходную оцѣнку, критическій разборъ Вильменевой поэмы...—И я говорилъ и перелистывалъ книги, а исподтишка взглядывалъ на бѣлыя, какъ алебастръ, руки несравненной женщины, на пальцы, на которыхъ блестѣли золотыя кольца, на полуоткрытую шейку ея. Она была удивительно хороша: тонкая талія, прямая, какъ флейта, гибкая, какъ камышъ: густая каштановая коса, завязанная на затылкѣ, безъ всякихъ обдуманныхъ соображеній, просто, чтобы только не распалась на плечи и на спину, чуть не до самыхъ колѣнъ... и она облокотилась на фортепьяно и наклонилась къ книгамъ, которыя я раскрывалъ и закрывалъ... и я былъ такъ близокъ отъ нея, что моя щека чувствовала жаръ ея щеки и теплое ея дыханіе... и она слушала меня и не замѣчала, что я говорю ужаснѣйшій вздоръ...

Прошло нѣсколько минутъ: я замѣтилъ, что наконецъ мы оба давно молчимъ и Богъ знаетъ о чемъ думаемъ. Тогда я вынулъ изъ кармана сигару, закурилъ ее и сѣлъ на диванъ. Вѣра Александровна перебирала еще книги, повидимому, успокоилась и подошла ко мнѣ.

— Знаете, о чемъ я думалъ, когда мы смотрѣли книги — сейчасъ?

— О чемъ?

— О томъ, что въ о...ои изъ нихъ разсказывается исторія, какъ однажды нѣкоторый рыцарь Ланцолетто и прекрасная Франческа ди-Римини читали одну повѣсть и при этомъ чтеніи признались другъ другу въ любви. До тѣхъ поръ они ничего не говорили. Это точно мы, т.-е. вы и я.

— Какое же сходство вы нашли между ними и... мной съ вами?

— Большое сходство. Она—была жена другого и любила Ланцолетто; а Ланцолетто обожалъ ее... не то ли же самое? Я—люблю васъ; вы—жена другого..

— Такъ что жъ изъ этого?

— Вы никогда не любили вашего мужа, вы вышли за него почти насильно, и вы любите меня!..

— Пожалуйста, бросьте шутки, я прошу васъ. Я вовсе не расположена шутить сегодня. Я не понимаю, зачѣмъ я васъ приняла; вы знаете, что мужъ не любитъ, чтобъ я безъ него кого-нибудь принимала.

— Я не думаю шутить; я только удивляюсь, какъ вы

можете говорить серьезно о томъ, что почтеннѣйшій супругъ нашъ самъ не живетъ дома и хочетъ васъ держать, какъ въ монастырѣ на покаяніи, и вы не смѣете никого принимать...

— Онъ знаетъ, что можетъ на меня положиться, и вотъ въ этомъ особенно я не похожа на вашу Франческу; она боялась только мужа, а я — если бы кого-нибудь полюбила, то не страхъ удержалъ бы меня...

— О, Вѣра, Вѣра Александровна! вы—божественная женщина!..—воскликнулъ я и поймалъ ея руку.

— Не страхъ.—продолжала она:—а сознаніе своего долга, сознаніе того, что я мать, что у меня есть обязанности, которыя выше какого-нибудь минутнаго увлеченія... Вѣдь это все проходитъ! Это все пройдетъ.—говорила она, печально качая головой и пристально глядя на меня:—а чувство матери остается вѣчно!

Рука Вѣры Александровны выпала у меня изъ рукъ.

— Какія ложныя понятія!—сказалъ я, чувствуя, что надо изобрѣтать софизмы, чтобы поколебать ея простыя и здоровыя убѣжденія. Положеніе непріятное.

— Послушайте.—прервала она меня:—не трудитесь мнѣ доказывать того, въ чемъ вы сами не убѣждены порядочно. Вѣдь вы меня уважаете теперь за то, что я свято исполняю, что считаю своими обязанностями; если же я ихъ нарушу, вы будете уважать меня меньше: такъ смотрите, къ чему же вы стремитесь: къ тому, чтобы самимъ погубить меня въ своемъ мнѣніи... Но я признаюсь вамъ, мнѣ было бы больно терять ваше уваженіе, потому что ваша дружба для меня очень дорога, можетъ-быть, дороже, нежели сколько бы слѣдовало... и если вы хотите мнѣ доказать ее вполнѣ, то продолжайте быть мнѣ полезнымъ совѣтами, вашими указаніями, вашими познаніями, потому что... для меня только тогда и есть жизнь, когда я займусь музыкой и книгами...

Я сдѣлалъ-было движеніе нетерпѣнія, но она взяла меня за руку.

— Не правда ли,—сказала она:—вы будете умны... только съ этимъ условіемъ я могу принимать васъ.

Она говорила это съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью въ себѣ и во мнѣ, что я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Разскажите-ка мнѣ объ „Иліадѣ“; какъ это вы разъ говорили, что Гомера не было...

Я съ какимъ-то болѣзненнымъ жаромъ разсказалъ все, что зналъ о Гомерѣ; она сдѣлала мнѣ еще нѣсколько вопросовъ; я говорилъ съ увлеченіемъ. Удивительно пріятное чувство въ

самомъ дѣлѣ испытывалъ я, передавая свои свѣдѣнія женщинѣ, которая прекрасна и которая принимаетъ ихъ отъ васъ съ благодарностью и довѣрчивостью!.. И мнѣ было пріятно освобождать ихъ отъ всѣхъ схоластическихъ формъ, которыя какъ будто необходимы сдѣлались ученымъ предметамъ!..

Бесѣда наша была прервана только приходомъ Өеклы, исправлявшей должность кухарки, горничной и вмѣстѣ нянькн у Бобровыхъ; Вѣра Александровна быстро на нее взглянула и просила меня подождать ее.

Въ ея отсутствіе я позабылъ объ исторіи и поэзіи и началъ обдумывать, что у насъ съ Вѣрой Александровной престранныя отношенія.

Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась и сѣла на прежнее мѣсто. Кажется, и она не думала объ исторіи и поэзіи. Она была ужасно блѣдна. Руки ея дрожали. Несмотря на легкость своего стана, она, какъ камень, опустилась на диванъ. Я не смѣлъ ни спросить ее, ни двинуться, ни даже показать, что я замѣтилъ ея разстройство. Поняла ли она это и сочла деликатностью, которая требуетъ награды, или ужъ ей въ самомъ дѣлѣ было очень тяжело, только она сказала:

— Вотъ этакъ почти четыре года!.. Третій день нѣтъ извѣстія объ Алексѣѣ Васильичѣ; ни знакомые ни родные— никто не знаетъ! Хоть это и часто повторяется, но я не могу привыкнуть.... Человѣкъ, съ которымъ связанъ, съ которымъ вмѣстѣ живешь... у котораго есть дочь наконецъ (рыданіе начало прерывать ея голосъ)... Человѣкъ, который довелъ насъ до крайности... и постоянно не быть увѣренной еще, живъ ли онъ... Ну, можетъ-быть, онъ лишилъ себя жизни... отъ него все станется... онъ говоритъ часто, что если я вотъ на шагъ отступлю отъ своихъ обязанностей, то онъ убьетъ себя... потому что, говоритъ, это онъ будетъ причиною всему...

Что мнѣ тутъ было дѣлать! Я зналъ, что она несчастна, что эта красота, молодость, этотъ свѣтлый умъ и нѣжное сердце принесены въ жертву человѣку безъ сердца и безъ правилъ, эгоисту и сластолюбцу и, главное, тщеславному и высокомѣрному!.. Это была такая минута, что если бы онъ, этотъ самый мужъ, находился при насъ, я при немъ бросился бы предъ ней на колѣни и плакалъ бы въ ея колѣняхъ, или бы убилъ негодяя.

И какія утѣшенія могъ я привести ей? Я говорилъ много; но ни одинъ доводъ, если разобрать хорошенько, не достигалъ вполнѣ цѣли: таковы, впрочемъ, женщины даже и теперь: какой-нибудь принципъ, что-нибудь ясное, какъ майскій день,

вырвало у нея печальную улыбку и качаніе головой: какой-нибудь вздоръ, вовсе не логическій и не правдоподобный, былъ ей гораздо утѣшительнѣе... Я молилъ ее не плакать, говорилъ, что это раздираетъ мое сердце, что она наконецъ напрасно безпокоится, что онъ, вѣроятно, живъ, здоровъ и веселъ, и очень хорошо сдѣлалъ, что не вернулся домой, потому что тогда у насъ бы бесѣда была втроемъ, а я рѣшительно не нахожусь вести разговоръ съ нимъ или при немъ; что, наконецъ, она обязана болѣе думать о тѣхъ, кто ее любитъ, кому, слѣдовательно, она болѣе принадлежитъ, чѣмъ тому недостойному человѣку, что она должна беречь себя для дочери и... для меня, потому что я чувствовалъ, что наше существованіе тѣсно связано, что рождены ли мы, нѣтъ ли одинъ для другого, но я не могу быть счастливъ, зная, что она несчастлива.

— Вы очень добры,—говорила она, отвѣчая пожатіемъ руки на мои слова. Я видѣлъ однако, что слова мои дѣйствовали: она смотрѣла на меня такъ нѣжно, такъ грустно, что какъ будто бы въ первый разъ услышала, что̀ такое рѣчь, внушенная любовью, и что̀ такое блаженство быть любимой... Какъ будто бы передъ нею раскрылась вся картина бѣдствія, которое тяготѣло надъ ихъ семействомъ; и на минуту передъ ней просіяла другая картина, но не сонъ, не созданіе воображенія, а сама дѣйствительность, полная любви, симпатіи, вниманія и преданности. Но это была только минута... потому что потомъ, едва я замолчалъ, она отвернула голову и закрылась платкомъ: слезы задушили ее...

— Вѣра Александровна, ангелъ мой, жизнь моя! вы опять плачете!..—воскликнулъ я, пораженный этимъ переходомъ. Я обнялъ руками ея станъ, отвелъ руку отъ заплаканныхъ глазъ, привлекъ къ себѣ ея голову и цѣловалъ ее въ уста... Она силилась избѣгнуть моихъ поцѣлуевъ, шептала: „Ради Бога... оставьте меня... не обижайте меня... для меня... для дочери...“ Но, готовый каждую минуту моей жизни жертвовать ей своею жизнью, дорожа ея спокойствіемъ, убѣжденіями, уважая даже ея убѣжденія, несходныя съ моими, я готовъ былъ нанести ей всѣ оскорбленія, жесточе, чѣмъ палачъ, хладнокровно карающій жертву; ни усилія, ни голосъ ея, всегда меня обезоруживавшій, не помогали ей.

Но... въ этотъ самый мигъ раздался голосъ маленькой Саши, которая кричала изъ своей колыбельки: „Мама, мама! поди ко мнѣ!“

И едва раздался этотъ голосъ, она уже была у колыбели ребенка, обнимала его, судорожно прижимала къ сердцу и

обливала слезами...—„Саша, другъ мой,—говорила она:—не я тебѣ, а ты мнѣ нужна; мать твоя дрянная, слабая женщина; она не любитъ тебя, она о себѣ думаетъ... Не правда ли, Саша, не надо о себѣ ей думать... ей надо умереть для всѣхъ, только для тебя жить.... и я буду, другъ мой, только для тебя жить, только ты не покидай меня... будь моей мамой...“

Какъ я ни любилъ Вѣру, а слѣдовательно и все, что она любила, однако я не могъ не прошептать о младенцѣ: „негодная дѣвчонка!..“

Я съ полчаса просидѣлъ одинъ въ залѣ, наконецъ рѣшился уйти, взялъ шляпу и пріотворилъ дверь въ дѣтскую.

Вѣра Александровна сидѣла у маленькаго столика, кормила бѣлымъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ молокѣ, маленькую Сашу и разсказывала весело и смѣясь что-то ребенку для того, чтобы онъ не плакалъ. Но я очень хорошо понялъ, что этотъ смѣхъ—не натуральный и веселость—судорожная, что вотъ, если сейчасъ нянька возьметъ у нея ребенка изъ рукъ, за этимъ весельемъ и смѣхомъ послѣдуетъ припадокъ страшнаго отчаянія.

— Вы не сердитесь на меня, Вѣра Александровна?—сказалъ я, остановясь передъ нею.

Она продолжала говорить съ ребенкомъ.

Я повторилъ вопросъ.

Дѣвочка, замѣтя мое присутствіе, уставила на меня большіе голубые глаза, опушенные большими, частыми и острыми рѣсницами, и смотрѣла, стиснувъ зубами серебряную ложку, на которой маменька подавала ей хлѣбъ. Потомъ она откинулась головкой къ матери, засмѣялась и протянула ко мнѣ ручку, перебирая всѣми пальчиками, какъ будто хотѣла ими щелкнуть или захватить меня всего въ свой маленькій кулачокъ.

Тогда только Вѣра Александровна рѣшилась взглянуть на меня.

— Вы не сердитесь на меня?—спросилъ я шутливо, обратясь къ ребенку.

Саша засмѣялась и подала мнѣ кусочекъ размоченнаго въ молокѣ хлѣба, съ которымъ я не зналъ, что дѣлать, боясь огорчить ребенка и мать.

— Кушай! кушай! лепетала дѣвочка.

Вѣра Александровна поняла юморъ моего положенія. Это меня спасло: я не съѣлъ хлѣба.

— И на меня не сердишься?—шопотомъ, стараясь, чтобъ я не слыхалъ, спросила Вѣра Александровна малютку. Саша обняла ее своими ручонками, выпачканными въ молокѣ и хлѣбѣ.

Кажется, это движеніе ребенка расположило Вѣру Александровну ко мнѣ не сердиться.

— Скажи дядѣ, душенька, что онъ гадкій,—шептала она дѣвочкѣ: — скажи, что ему пора итти домой, что маманѣ надобно одной остаться...

Но я не уходилъ, просидѣлъ весь вечеръ, былъ веселъ и старался говорить такъ, чтобы занять и мать и дитя. Я былъ веселъ оттого, что узналъ, что любимъ, и успѣлъ поцѣловать любимую женщину; Вѣра Александровна была весела оттого, что Саша на нее не сердилась; Саша была весела наконецъ потому, что хорошо выспалась и еще не понимала, отчего веселы и мать ея и я.

Я ушелъ только тогда, когда мнѣ это было велѣно, и когда Сашенькѣ надоѣли всѣ игрушки и мои розсказни, и она начала неизвѣстно о чемъ думать на груди у матери и для того закрывать глазки.

„На первый разъ довольно“,—думалъ я.

Въ этотъ вечеръ я оставилъ дѣла мои въ такомъ положеніи у Бобровыхъ, что мнѣ все-таки нельзя было показаться къ нимъ по крайней мѣрѣ дня два или три. Скажу мимоходомъ, что эти дни ожиданія и разлуки были для меня не такъ уже тягостны, какъ прежде бывало, потому что въ прошедшемъ было у меня пріятное воспоминаніе, а въ будущемъ пріятная надежда. Въ эти два дня я былъ вообще добрѣе обыкновеннаго, снисходительнѣе и ласковѣе къ людямъ и сдѣлалъ множество дѣла, которое было запущено въ черную эпоху моей жизни, предшествовавшую описанному вечеру. Я даже посѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, которыхъ было совсѣмъ забылъ и которыхъ до того избѣгалъ. На третій день я рѣшился наконецъ съѣздить по одному дѣлу къ одному нужному человѣку.

Такъ какъ въ прихожей возвѣстили, что нужнаго человѣка нѣтъ дома, а онъ скоро будетъ, я рѣшился подождать. Слуга зажегъ въ темной гостиной двѣ свѣчи и поставилъ ихъ передо мной на столѣ.

Оставшись одинъ, я отчасти радъ былъ тому, что хозяевъ не было дома; я принялся обдумывать и повторять въ своемъ воображеніи все, что случилось со мной у Вѣры Александровны. Мнѣ казалось,—не знаю, что именно мнѣ казалось,—только я очень задумался и опомнился только тогда, когда передо мною, прямо между двумя свѣчами, явилось странное сморщенное лицо, бѣлое и матово-прозрачное, какъ воскъ, обрамленное старинымъ чепчикомъ изъ нѣкогда дорогихъ, а теперь пожелтѣвшихъ кружевъ. На мѣстѣ глазъ поразили

меня два большія темно-зеленыя стекла, какъ будто заслонившія двѣ впадины, а на мѣстѣ бровей—двѣ серебряныя дуги. Это восковое лицо оканчивалось острымъ подбородкомъ и выходившимъ впередъ, въ серединѣ, орлинымъ носомъ. Оно какъ будто бы одно пришло, безъ туловища, стало неподвижно и глядѣло на меня двумя зелеными стеклами. Въ первую минуту я почувствовалъ смущеніе и ничего не видалъ, кромѣ этого лица, потомъ ужъ замѣтилъ, что лицо это принадлежало туловищу, одѣтому въ черное платье, которое было незамѣтно на темной стѣнѣ комнаты. Не вдругъ узналъ я, что это — не видѣніе, а Марья Васильевна, старушка, жившая въ семействѣ „нужнаго человѣчка“ и извѣстная подъ названіемъ „бабушки“.

— Давненько вы у насъ не были, — сказала старушка. Когда она говорила, она жевала каждое слово, какъ гвоздику.— Петруша скоро воротится и Юленька съ нимъ же: поѣхали въ пансіонъ за Катенькой. Изъ наукъ экзаменъ у нихъ держатъ сегодня, такъ они и запоздали.

Я отвѣчалъ что-то старушкѣ и сказалъ, что подожду.

— А мнѣ какъ сказали, —продолжала жевать старушка:— что вы пожаловали, я подумала, что вы давненько не были, да и говорю себѣ: пойду, посижу, молъ, съ нимъ; можетъ статься, и скучно ему одному дожидаться.

Я поблагодарилъ старушку и сталъ разспрашивать о хозяевахъ.

Старушка на все отвѣчала: „слава Богу“. И Петръ Андреичъ слава Богу. „Вотъ вечоръ къ чаю пришелъ и колачъ принесъ, и мнѣ кусокъ отрѣзалъ: вы, говоритъ, тетенька, любите колачи, такъ вотъ покушайте“.—А я люблю колачи. Только не здѣшніе колачи, а вотъ московскіе. Когда мы на Лубянкѣ жили, Матвѣй Ильичъ покойникъ, — послѣ французовъ на другой годъ скончался,—всегда приносилъ, бывало, колачъ горячій. Онъ часто къ намъ хаживалъ и всегда, бывало, колачъ принесетъ...—Старушка замолчала, и я молчалъ. Только и слышно было легкое движеніе ея спицъ да маятникъ въ сосѣдней комнатѣ.—Да что это они не ѣдутъ, право, не знаю. Ужъ не случилось ли чего на дорогѣ?.. Юленька же трусиха такая, отъ самой малости испугается. Это ужъ она по матери пошла, по Маріѣ Алексѣевнѣ. Она вѣдь ее преждевременно и родила отъ испугу. Двадцать второго числа нынѣшняго мѣсяца ѣхали съ рожденія отъ Настасьи Петровны, съ Арбата. Какъ повернули у Никитскихъ воротъ, лошади понесли. Ѳедоръ-то Алексѣичъ кричитъ на кучера: „держи, держи“; я подумала, что долго ли до грѣха: Машенька беременна была Юленькой въ

восьмомъ мѣсяцѣ. Оттого и родилась она раньше. Мѣсяцъ цѣлый въ тепломъ бульонѣ купали. Какъ же!—произнесла старуха, взглянувъ на меня изъ-за зеленыхъ очковъ: — на двадцать второе число было. У меня записано.

Я спросилъ о дочери хозяина, бывшей замужемъ и, какъ мнѣ извѣстно было, неладно жившей съ мужемъ.

— Соньшка? А Богъ ее знаетъ; признаться сказать, рѣдко бываетъ. Да ужъ нынче это все не такъ, какъ въ старину. Такого почтенія и чувствъ такихъ къ родителямъ не имѣютъ. Да и не требуютъ нынче старые люди. Нынче умнѣе стали. Да, признаться сказать, и не рады, какъ пріѣдетъ. Вертушка такая: все вверхъ дномъ поставитъ; и никому-то отъ нея спокою нѣту. Все по баламъ да по собраньямъ; дома не посидитъ. Съ мужемъ, чай, по недѣлѣ не видятся.

Старушка покачала головой и взглянула на меня опять изъ-за очковъ. Какая-то странная, нѣсколько злая насмѣшка выразилась у нея на лицѣ. Она опять принялась вязать и продолжала съ прежнимъ равнодушіемъ, не понижая, не возвышая голоса:

— Вѣдь ужъ нынче и мы, старые люди, мѣняемся. Кабы и меня спросили, такъ я бы ничего не сказала; живи себѣ, матушка, какъ знаешь; вотъ Богъ приведетъ до старости дожить, то и уважать не будутъ, хоть ты распредобродѣтельною будь и веди себя, какъ слѣдуетъ. Можетъ статься, еще лучше о тебѣ скажутъ. Что прошло, то за тысячу верстъ ушло; съ другими людьми живешь, будто въ другое государство переѣхалъ. Старики-то повымрутъ, такъ некому о тебѣ и порасскасать. Самъ станешь говорить—не повѣрятъ.

Въ этихъ словахъ, показалось мнѣ, мелькнуло что-то, похожее на смыслъ. Я сталъ пристальнѣе разглядывать старуху. Я видалъ ее прежде довольно часто, но никогда отъ нея не слыхалъ ни одного умнаго слова, а только вещи, которыя всѣмъ казались глупостью: она была предметомъ шутокъ и насмѣшекъ всей семьи. Даже всѣ считали ее полоумною. Дѣйствительно, се можно было увѣрить во всемъ. Самъ Петръ Андреичъ нерѣдко забавлялся за чаемъ, увѣряя бабушку, что, напримѣръ, пруссаки Москву взяли, или что вышелъ указъ, по которому женщины должны тоже въ военной службѣ служить. И бабушка вѣрила. Разъ показали ей какую-то бумагу съ печатью и увѣрили, что она сдѣлана турецкою поддапною. Хотя, собственно говоря, она передала все свое имѣніе Юліи Ѳедоровнѣ и Петру Андреичу, однако, по старой памяти и по ея упрямой настойчивости, сохраняла нѣкоторый видъ независимости въ ихъ домѣ. Настойчивость эта выражалась осо-

бенно въ чрезвычайной регулярности ея жизни. У нея на все были назначены свои часы. Какъ встанетъ и напьется чаю, сядетъ въ свою комнату и занимается переводомъ. Разъ ее застали за письмомъ. „Что вы дѣлаете, бабушка?“ — Перевожу. Вотъ „Элоизу“ кончила, принялась за Вольтера.—„Да зачѣмъ вы это переводите?“ На это она никогда не отвѣчала, или ужъ, если ее разсердятъ, то закричитъ:—„А тебѣ на что?“. Это продолжалось до двѣнадцати часовъ; въ двѣнадцать часовъ она садилась за фортепьяно и цѣлый часъ разыгрывала вѣчно одинъ и тотъ же матрадуръ, потомъ экосезъ и еще увертюру изъ „Двухъ слѣпцовъ“, дѣлала гаммы и кой-какіе трудные пассажи. И что бы въ это время вокругъ нея ни происходило, ей было все равно: гости ли у дочери, дѣловые ли люди у Петра Андренча, она неминуемо проиграетъ свой матрадуръ, экосезъ и „Двухъ слѣпцовъ“. Вечеромъ она удалялась и писала журналъ. Все остальное время сидитъ въ углу къ гостиной въ своемъ черномъ платьѣ и кружевномъ чепчикѣ и движетъ двумя огромными спицами. Въ разговоръ никогда не вмѣшивалась и вообще представляла крайнюю степень неразвитости, доходившей до идіотизма: она одинъ разъ коечто поняла, обратила все это въ форму и застыла на этомъ, подобно минералу, по системѣ вулканистовъ.

„Неужели нѣтъ ни капли человѣческаго смысла въ этой глыбѣ?“—думалъ я, смотря на старуху, что случилось въ первый разъ въ десять лѣтъ, какъ я ее знаю.

Прежде всего меня въ ней поразили ея семьдесятъ лѣтъ.

— А вѣдь вы много пожили на свѣтѣ?—спросилъ я.

Старуха взглянула на меня изъ-за очковъ.

— Семьдесятъ первый годъ пошелъ въ маѣ мѣсяцѣ. Да, пожила-таки, нечего сказать.

— Чай, много помните?

— Все помню, батюшка.

— О Павлѣ Петровичѣ и говорить нечего?

— Какъ же, помню Павла Петровича. Сама видала. Тогда въ каретахъ ѣздили; высокія были кареты, не нынѣшнія. Приказъ былъ, коли встрѣтится государь, остановиться: откроютъ карету, всѣ вылѣзаютъ и книксенъ дѣлаютъ. Теперь ужъ это перестали дѣлать.

— И Екатерину помните?

— Какъ же. Въ Петербургѣ мы жили тогда, у Синяго моста нынѣшняго. Тутъ нанимались и стояли мужчины, а у Полицейскаго женщины.

— Женщины-то и теперь стоятъ, только у Справочнаго мѣста.

— Да, а ужъ мужчины не стоятъ. Еще какъ съ шведомъ война была, мы у Синяго моста жили: окна дрожали отъ пальбы, у насъ тогда шведка кухарка была. Такъ ей отказалъ батюшка: измѣны боялся, и въ часть отослалъ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, Марья Васильевна, какъ прошла ваша жизнь?

— Эхъ, батюшка, на что это! Вы, молодые, нынче смѣяться станете. Въ старину мы не такъ живали, какъ нынѣшніе.

— Помилуйте, какъ же можно смѣяться: жизнь человѣческая — не шутка, и, право, ничего нѣтъ смѣшного въ жизни. Только развѣ чего не понимаешь, то и смѣшно.

Я вспомнилъ, какъ я вчера долженъ былъ съѣсть бѣлый хлѣбъ съ молокомъ, и задумался о томъ, что это смѣшно и не смѣшно. Это, можетъ-быть, придало моей физіономіи очень кроткое выраженіе, такъ что старуха почувствовала ко мнѣ довѣренность и сказала:

— Теперь все это прошло, какъ сонъ; станешь разсказывать, пожалуй, не повѣрятъ, а я могу хоть журналъ свой показать. Дѣвочка я тоже была прежде капризная и своенравная. Матушка безъ ума меня любила и баловала. Не знаю только, что бы изъ меня вышло, кабы не попалась хорошему человѣку въ руки. Въ домѣ у насъ, знаете, всякаго народу биткомъ, бывало, набито. Батюшка при графѣ *** служилъ; графъ былъ въ силѣ, батюшку жаловалъ, такъ, знаете, придворные всѣ къ намъ ѣздили. Только насъ рѣдко выпускали; только какъ сталъ графъ самъ пріѣзжать, то всегда батюшка насъ выводилъ. Графъ мнѣ, бывало, конфетъ привозилъ и подарилъ саксонскаго фарфору сервизъ. Тогда мода была. Хорошій сервизъ; только какъ бѣжали потомъ отъ французовъ, до половины чашекъ разбилось; да чайникъ одинъ послѣ разбился, какъ изъ деревни ужъ съ покойнымъ вотъ Петра Андрейча папенькой ѣхали. Теперь всего двѣ чашки остались.

— Вы, значитъ, нравились графу?

— Да, таки-нравилась... да ужъ тогда у вельможей такіе нравы были. Не знаю, какъ теперь. Давно не слышу.

— А батюшка-то вашъ позволялъ этакъ графу ухаживать?

— Батюшка хоть строгъ былъ, только графу, разумѣется, не могъ же сказать; бывало, похвалитъ графъ: „славная, говоритъ, Василій, у тебя дочечка“, батюшка кланяется, разумѣется. „Мы ее, — говоритъ графъ, — ко двору представимъ, а хочешь, говоритъ, жениха найдемъ? я ужъ самъ посовѣтую“. И въ самомъ дѣлѣ посваталъ адъютанта своего, Назара Петровича. Онъ, правду сказать, не понравился мнѣ: такой солидный, молчаливый, а я-то вѣтеръ была. Только ударили по

рукамъ; батюшка прекословить графскому сватанью, разумѣется, не сталъ; только кланяется да благодаритъ. Съ тѣхъ поръ графъ еще внимательнѣе и ласковѣе сталъ ко мнѣ. Я ужъ не знаю, что бы со мной сталось, если бы не хорошій человѣкъ вышелъ Назаръ Петровичъ. Онъ первый соблюлъ мою нравственность, потомъ ужъ я сама ее берегла. Вотъ что вышло у насъ. Одинъ разъ вечеромъ... у насъ маскарадъ былъ лѣтомъ на дачѣ; были костюмы всѣхъ народовъ, какіе есть на землѣ; графъ взялъ меня подъ руку, и долго ходили мы по аллеямъ въ саду; онъ просилъ меня снять маску; я, знаете, сняла. Уже чего онъ ни наговорилъ мнѣ, да такъ и водитъ около бесѣдки... И я не знаю, до чего бы вѣтреность не довела меня, если бы не попался прямо навстрѣчу Назаръ Петровичъ, адъютантъ-отъ его, а мой женихъ. Онъ вдругъ такъ идетъ и остановился, какъ столбъ, передъ нами. — „Вы, говоритъ, извините, ваше сіятельство, а я не позволю вамъ погубить эту дѣвицу". Графъ вспыхнулъ. — „Что ты, что ты говоришь? Да я тебя, мальчишка!.. да развѣ ты не доволенъ мною?" А графъ его къ чину представилъ да обѣщалъ разныя милости. „Да я тебя, говоритъ, знаешь куда упрячу!"—„Куда, говоритъ, хотите упрячьте, а я не позволю. Это, говоритъ, не служба. Я знаю свой долгъ и знаю свои правила чести. По службѣ я исправенъ, и совѣсть моя чиста. А здѣсь другое. Здѣсь мы ровны, и я не дамъ вамъ уху заварить да мнѣ дать расхлебывать". — „Пошелъ вонъ, бездѣльникъ!"—закричалъ графъ.—„Коли я бездѣльникъ"—сказалъ Назаръ Петровичъ, подойдя подъ самый носъ графу: — то вы, говоритъ, подлецъ!" Графъ отступилъ на два шага. Я, какъ была, такъ и окаменѣла. Графъ, вижу, провелъ рукой по лбу и отвѣчалъ Назару Петровичу: „Коли такъ, говоритъ, твоя правда; правда, это не служба, такъ извольте, государь мой, я отвѣчу вамъ, не какъ начальникъ, а какъ частный человѣкъ. Извольте выбрать время и мѣсто". Тогда, знаете, такія времена были. Сколько этакихъ примѣровъ въ старину бывало. Послѣ потише стали и начальству грубить не смѣютъ.

Старушка поглядѣла на меня изъ-за зеленыхъ очковъ какъ бы съ хвастливымъ вопросомъ: „каковы въ старину люди бывали?" Я спросилъ ее, стрѣлялись ли они?

— Нѣтъ, — отвѣчала она: — не стрѣлялись. Назаръ Петровичъ протянулъ графу руку и сказалъ, что уважаетъ его, и радъ, что узналъ въ немъ благороднаго человѣка: графъ тоже протянулъ руку и тоже говоритъ:—„Радъ я, братъ Назаръ что и въ тебѣ тоже благороднаго человѣка узналъ. Ты, говоритъ, достоинъ этого сокровища, своего счастья". Я была еще глупа

и не могла тогда понять ни того ни другого: только что я чрезъ это самое много потомъ горя приняла... Признаться сказать, я къ Назару Петровичу никакой склонности не имѣла, а графъ-то, пожалуй, такъ что и нравился мнѣ. Глупость была; только потому и польстилась я, что до него съ мужчинами не обращалась. Насъ хорошо держали дома. На мужчинъ мы и глазъ поднять не смѣли. За стыдъ считалось говорить съ мужчиной. Это теперь ужъ дѣвицамъ такая воля дана. Куда, бывало!

Старушка вздохнула — объ испорченности нравовъ, вѣроятно.

— Да что жъ тутъ, матушка, хорошаго-то держать взапертн? — спросилъ я. — Вѣдь вы не этому обязаны своей нравственностью.

— Нѣтъ, батюшка, не этому: нравственность я ужъ сама себѣ составила.

— Такъ отчего же не хорошо дѣвицамъ до замужества говорить съ мужчинами?

— А все не хорошо, какъ ни перевертывайте. Балуются.

— Да вѣдь отъ скуки-то, чай, Богъ знаетъ какой вздоръ однѣ-то вы тамъ придумывали.

— Все не годится.

Старуха плоха была на доводы. Я воротилъ ее къ разсказу.

— Какъ вышла я за Назара Петровича замужъ, онъ тотчасъ подалъ въ отставку, и батюшка тоже отъ графа долженъ былъ выйти, скоро онъ и умеръ. Да и съ Назаромъ Петровичемъ я пожила не долго. Надо вамъ сказать, что человѣкъ онъ былъ образованный, прожилъ въ Парижѣ еще долго до женитьбы и всегда мнѣ твердилъ, чтобы я старалась, успѣвала въ наукахъ, заставлялъ меня переводить съ французскаго; учителя на клавесинѣ взялъ: говоритъ, музыка всегда пригодится; "порядокъ во всемъ завелъ! По часамъ у насъ все дѣлалось; какъ встанетъ, займется со мной языками, потомъ на клавесинѣ; вечеромъ заставлялъ обдумывать, что я дѣлала въ цѣлый день, да коли что замѣтила, или мысль какую встрѣтила въ книгѣ, то, говоритъ, запиши. Я, говорилъ онъ, хочу изъ тебя сдѣлать такую женщину, чтобы могъ во Францію повезти и показать съ честью своимъ знакомымъ дамамъ, тамошнимъ маркизамъ. Только я по глупости своей не умѣла цѣнить, чего онъ отъ меня хочетъ, и всегда умѣла отдѣлаться отъ занятій: то подговорю знакомыхъ, чтобы пріѣхали въ то время, какъ у меня занятія, то скажусь больной, то ужъ, наконецъ, просто дѣлала сцены Назару Петровичу. Онъ сердился,

увозилъ меня въ деревню, всѣмъ отказывалъ; я плакала, жаловалась. Онъ сталъ скучать, скучать, да и умеръ, царство ему небесное!

Старушка перекрестилась и вздохнула.

— Такъ вѣдь все-таки вы не любили Назара Петровича? — спросилъ я.

— Я боялась его скорѣе, хоть онъ часто говорилъ и плакалъ, отчего я такая. Ну, ужъ послѣ я постаралась искупить грѣхъ свой за все, что потерпѣлъ покойникъ отъ моей легкомысленности.

Образъ Вѣры Александровны мелькнулъ передо мною; я спросилъ старуху:

— А не любили ли вы кого другого?

— Сохрани меня Боже! Я была вѣтрена, правда, только ужъ бы сраму въ домъ мужа не принесла. Я знала свою и его честь... А не ѣдутъ,—сказала она, поглядывая на часы и взявъ опять свои спицы.

— Что жъ потомъ, однако, было, Марія Васильевна?

— А было то, что, какъ померъ Назаръ Петровичъ, тогда я поняла, чего отъ меня хотѣлъ и какъ любилъ меня этотъ человѣкъ. Тогда я почувствовала, что у меня просто будто что-то оторвалось отъ сердца, чего я прежде и не замѣчала. Такой ужъ онъ былъ человѣкъ, что просто онъ умѣлъ какъ-то наполнить всю мою жизнь; какъ пришлось самой распоряжаться за себя и за дочь,—у меня дочь одна осталась тоже, Юленька: перваго-то я выкинула по шестому мѣсяцу,—какъ пришлось, знаете, самой говорить и дѣлать, то глядь да хвать, и ищу да припоминаю, какъ покойный Назаръ мой Петровичъ говорилъ и дѣлалъ. Стала я соображать да припоминать всѣ-то его наставленія, слова и рѣчи, все, что прежде я мимо ушей пропускала, такъ я вамъ говорю, просто, будто съ глазъ завѣса упала. Умница былъ покойникъ. Словомъ сказать, сдѣлался онъ моимъ божествомъ по смерти; влюбилась я въ покойника, словно въ живого; изъ головы не выходилъ онъ у меня. Куда ни обращусь, вездѣ онъ да онъ. Никогда при жизни такъ я его не любила, и это мучило и грызло меня, и положила я себѣ, что если съ небесъ онъ смотритъ на меня, то пусть чистая душа его за гробомъ утѣшится, когда увидитъ, что я искупила передъ нимъ свое неразуміе. Вотъ тогда, батюшка, и положила я, чтобы такъ жить, какъ будто и не умиралъ мой Назаръ Петровичъ. Какъ онъ однажды расположилъ жизнь мою, мое время и всѣ мои занятія, такъ чтобы это продолжалось и безъ него. Я увѣрена была, что душа его отъ меня до сихъ поръ не отлетѣла и

всегда присуща при мнѣ съ правой стороны, всегда, какъ ангелъ-хранитель, ограждаетъ отъ зла и внушаетъ благія мысли.

Марья Васильевна перекрестилась, оглядѣла кругомъ комнату и устремилась глазами вправо, въ темный уголъ, какъ будто тамъ, знала она, находится душа Назара Петровича. Меня, признаюсь, охватило немного холодомъ при видѣ изступленія, въ которое пришла старуха. Это безотвѣтное существо, предметъ всеобщихъ шутокъ, прославленное за свое слабоуміе, прослывшее чуть не сумасшедшей или по крайней мѣрѣ дурочкой, такъ выросло и возвысилось въ глазахъ моихъ, что я не понималъ просто, что̀ предо мной творилось. Она продолжала:

— Какъ покойникъ хотѣлъ, чтобы я занималась науками и знала языки, такъ я и поставила себѣ зарокомъ, какъ встану, такъ сѣсть за переводъ; ужъ я всего Вольтера перевела, Руссо „Эмиля“ тоже перевела. Покойникъ мнѣ далъ тогда переводить „Семирамиду“ Вольтера; а за „Семирамидой“ все и пошла ужъ такъ подъ-рядъ. „Эмиля“ тоже при немъ начала. Какъ кончу Вольтера, опять примусь во второй разъ за „Эмиля“. Онъ положилъ мнѣ потомъ музыкой заниматься; что̀ я знала при немъ, то ужъ я и безъ него каждый день проигрываю, а вечеромъ журналъ пишу...

— Позвольте спросить,—перебилъ я;—отчего же вы ничего новаго не разучивали, какъ я слышалъ? Правда это?

— Правда. Я хотѣла, чтобы какъ я была при немъ, такъ чтобы и осталась, и исполняла бы только то, что̀ онъ хотѣлъ еще при жизни.

— А много вы читали?

— Всегда читала; только то читала, что̀ при немъ; то, что̀ онъ мнѣ далъ читать, то я и до сихъ поръ читаю; кончу и опять сначала. Теперь ужъ все почти наизусть знаю.

— И такъ вы всю жизнь прожили?

— Всю жизнь свою такъ провела, какъ дала себѣ заклятіе на могилѣ покойника; я велѣла образъ принести, отслужила панихиду, и отцу духовному поклялась на крестѣ все исполнить. И могу сказать, что исполнила.

Она взглянула на меня, сжавъ губы, съ такою увѣренностью и стойкою гордостью, что, несмотря на то, что я тогда находилъ и теперь нахожу ея поступокъ отчасти смѣшнымъ и нелѣпымъ, я не могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія къ этой странной развалинѣ, оживленной сознаніемъ исполненнаго, хотя и нелѣпо понятаго долга.

Мнѣ хотѣлось знать, какое вліяніе имѣлъ Вольтеръ на

образъ мыслей Марьи Васильевны, и я спросилъ ее, что она, начитавшись Вольтера, должна быть большая вольтерьянка. Но изъ отвѣта ея оказалось, что она ровно ничего не поняла изъ Вольтера. Наконецъ я ее попросилъ показать мнѣ свой журналъ. Она принесла нѣсколько огромныхъ тетрадей, гдѣ день къ день было записано цѣлое полустолѣтіе. Это перечень того, что дѣлала Марья Васильевна днемъ, сколько перевела, кто былъ въ гостяхъ, дни рожденія родственниковъ и тому подобный вздоръ, изрѣдка обращеніе къ покойнику и нѣкоторыя его изреченія. Меня поразила эта пустота. Она же показывала все это съ гордостью.

— Вотъ,—говорила она:—я могу сказать, что исполнила свои обязанности!..

— Скажите, пожалуйста, вы не любили потомъ никогда? Замужъ не хотѣли выходить?

— Ни-ни!

— Вѣдь вы были хороши и молодая вдова... Многіе были, вѣроятно, къ васъ влюблены.

— Были многіе, да всѣхъ я умѣла заставить себя уважать. Я показала, какъ женщина должна себя вести. Графъ-то при Павлѣ Петровичѣ долженъ былъ въ отставку выйти и жилъ въ деревнѣ, недалеко отъ насъ. Онъ сватался—отказала; въ Москвѣ потомъ я жила, Матвѣй Ильичъ каждый день прихаживалъ...

— Какой Матвѣй Ильичъ?

— Өедоровъ, вотъ, что колачъ-то приносилъ горячій... Ужъ покойникъ; вы и не родились, какъ онъ умеръ. Онъ тоже сватался; но я ему сказала, что имѣю свои правила и свои обязанности.

„Правила, обязанности!“ — подумалъ я и съ болью въ сердцѣ вспомнилъ Вѣру Александровну.

— Только Матвѣй Ильичъ, можно сказать, и понималъ и зналъ меня. Тоже, какъ мой покойникъ, любилъ „Двухъ слѣпцовъ“ слушать, когда я играла. Въ старину, таки нечего сказать, цѣнили обязанности и имѣли уваженіе къ нравственности. Нынче только ихъ знать не хотятъ. Про себя молчи да сама себѣ только цѣну знаешь. Другимъ и дѣла нѣтъ, и знать не хотятъ, что коли человѣкъ свою задачу исполнилъ... Правду говорилъ Александръ Семеновичъ (царство ему небесное!),—передъ французами еще скончался,—что къ чему вамъ ваша добродѣтель: плевать на нее станутъ. И точно: плюютъ, да еще хуже. Только ужъ мнѣ все равно... пусть ихъ!..

Послѣднія слова ея обратились просто въ ворчанье. Я не

могъ оторваться отъ идеи этой старухи; въ самомъ дѣлѣ: вотъ олицетвореніе добродѣтели, вотъ блистательный примѣръ соблюденія всей ея формальности въ теченіе всей жизни, съ рѣдкимъ постоянствомъ, съ дивнымъ самотверженіемъ... и что же изъ этого вышло?.. Нѣтъ, это славный примѣръ. Завтра же приведу его Вѣрѣ Александровнѣ. Непремѣнно покажу ей, что ей принесутъ ея правила...

Ворчанье старухи и мое размышленіе были прерваны пріѣздомъ хозяина съ женой и дѣтьми. Дѣти съ шумомъ бросились къ бабушкѣ: одинъ цѣловалъ ее и тихонько сдернулъ чепчикъ; другой здоровался съ нею и стянулъ съ носу очки; третій повисъ на шеѣ такъ, что уронилъ старуху и самъ покатился съ нею...

— Бабушка! а когда я родился? — спрашивалъ одинъ мальчикъ.

— Отстань!—кричала бабушка.

— Когда я родился?

— Отстань! говорятъ... четвертаго іюля; только поди...

— Бабушка! а Машенька когда родилась?

— Двадцать второго марта... пошелъ прочь!

— А Катенька? а Васенька?.. Вы все знаете.

Шуткамъ и смѣху дѣтей конца не было. Какъ будто бы старуха была тотъ пророкъ, что у Лермонтова:

> Смотрите, какъ онъ худъ и блѣденъ,
> Какъ презираютъ всѣ его!

Самъ „нужный человѣкъ“, поздоровавшись со мной, обратился съ шуткой къ бабушкѣ.

— Хороши! хороши! — сказалъ онъ: — вотъ нынче какъ! Только выглянь изъ дому, а вы и съ молодымъ человѣкомъ амуритесь! Прекрасно! Пятьдесятъ лѣтъ хранили супружескую вѣрность, да на пятьдесятъ первомъ году и того!..

Старуха, стиснувъ десны, ворочала спицами и не отвѣчала ни слова. Лицо ея было совершенно безстрастно, по крайней мѣрѣ повидимому.

— Каково же! Ну, честь вамъ и слава! Вы первый побѣдили, взяли крѣпость!—продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ.—Вы ея не знаете? Что-то теперь вашъ Назаръ Петровичъ скажетъ? Или какъ еще тамъ въ Москвѣ-то у васъ любовникъ былъ, что колачи-то вамъ носилъ?

— Никогда не было у меня любовниковъ,—отвѣчала сквозь зубы старушка.

— Нѣтъ, батюшка, я вѣдь шучу,—говорилъ хозяинъ:—а

въ сущности это примѣрная добродѣтель... Да только толку въ томъ нѣтъ... Куда передъ ней римскія матроны!

— Да ужъ Римъ-то теперь анахронизмъ,—замѣтилъ я.

— Анахронизмъ!— отвѣчалъ хозяинъ:—однако я имѣю кое-что сообщить вамъ по дѣлу...

И мы пошли въ кабинетъ нужнаго человѣка; но, слушая его, я все мысленно составлялъ докладъ, который предполагалъ завтра же представить Вѣрѣ Александровнѣ обо всемъ мною слышанномъ и видѣнномъ.

1848, 1859.

III.

Завѣщаніе дяди племяннику.

Любезный племянничекъ!

Я хочу сдѣлать въ твою пользу завѣщаніе. Ты знаешь, а можетъ-быть, и не знаешь, что я, Иванъ Петровъ сынъ Чумковъ, братъ твоей матери и твой дядя, нажилъ въ теченіе своей шестидесятилѣтней жизни тысячъ двадцать капитала, который лежитъ въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ, и, кромѣ того, еще выстроилъ здѣсь въ ***, гдѣ провелъ бо́льшую половину своей жизни, двухэтажный деревянный домикъ, очень чистенькій (въ страховомъ актѣ Второго Общества найдешь полное описаніе всѣхъ его принадлежностей, бумажныхъ обоевъ, мѣдныхъ ручекъ, бляшекъ на окнахъ и проч., которые ко Святой и къ Рождеству блестятъ удивительно, благодаря просыпающейся любви къ опрятности въ кухаркѣ моей Катеринѣ и служителѣ Павлушкѣ); при немъ садъ съ яблонями и вишнями, которыхъ, за собственнымъ моимъ продовольствіемъ, еще продаю я въ годъ рублей на семьдесятъ. Это все я хочу передать тебѣ. Конечно, оно было бы короче и для тебя пріятнѣе, если бъ я просто сдѣлалъ духовную, что вотъ-молъ *такой-то*, находясь въ здравой памяти и въ полномъ употребленіи своихъ способностей, откалываю такому-то моему племяннику то-то и то-то... Это такъ и будетъ, не безпокойся; акты законные и въ законныхъ выраженіяхъ ты получишь, какъ слѣдуетъ. А что теперь тебѣ пишу, такъ это только бо́лѣе для собственнаго удовольствія. Ради Бога, тоже не думай, чтобы я взялся за перо и бумагу для того, чтобъ преподать тебѣ кой-какія наставленія; знаю я, какъ пріятно получать въ твои года наставленія отъ дяди, котораго ты не знаешь почти, потому что я, помню, видѣлъ тебя лѣтъ двѣ-

надцать тому назадъ, когда еще ты былъ порядочный сусликъ, въ зеленой курточкѣ съ кружевнымъ воротничкомъ, который маменька твоя безпрестанно поправляла, разсказывая мнѣ о твоихъ необыкновенныхъ способностяхъ. Я ничего этого, разумѣется, не замѣтилъ въ тебѣ, тѣмъ болѣе, что ничего отъ тебя иного не видалъ, окромѣ нѣкоторой ловкости и силы, съ какою ты во время ея панегирика, вертясь у меня въ колѣняхъ, оборвалъ ключикъ и печатки съ моихъ часовъ. Вздумалъ же я тебѣ написать мое завѣщаніе не потому, что старость людей словоохотными содѣлываетъ, а болѣе по той причинѣ, что великое облегченіе доставляетъ душѣ, удрученной болѣзнями, добровольное и нелестное о себѣ повѣствованіе. По сей причинѣ припало сильное ко мнѣ желаніе, чтобъ ты дядю своего хоть мало узналъ какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны, потому что человѣкъ подобенъ тѣмъ кружкамъ, которыми играли древніе: одна сторона бѣлая, другая сторона черная. Если же не сумѣю себя изобразить вполнѣ, въ чемъ сильно отчаиваюсь, потому что давно уже ничего, кромѣ дѣловыхъ бумагъ, не писалъ, и на этой страницѣ уже перечеркнулъ строчекъ двадцать: въ слогѣ мѣшаюсь, потому что навыка къ литературному сочиненію не имѣю,—такъ желаю, чтобъ ты по крайности прочелъ, о чемъ я думаю, и потомъ, пожалуй, въ одномъ изъ писемъ твоихъ, которыя я получаю отъ тебя аккуратно къ Новому году, отвѣтилъ бы мнѣ, такъ ли это?

Что меня особенно тревожитъ теперь, такъ это вопросъ, отчего это такъ устроенъ свѣтъ... Охъ, вижу твою плутовскую мину, когда ты прочтешь этотъ вопросъ; да если еще читаешь мое письмо вслухъ пріятелямъ, вижу, вижу, злодѣи, какъ вы хохочете: пошелъ-молъ дядя на старости лѣтъ философствовать; мнѣ, право, и самому смѣшно, отчего это вспало мнѣ на умъ такъ взяться за дѣло и начать ужъ слишкомъ высоко. Но иначе нельзя; видно, у меня голова была философическая, и изъ меня могъ бы выйти философъ... Ну, да смѣйтесь себѣ; однако читай далѣе: отчего это такъ устроенъ свѣтъ, что жить скучно и тошно? Нашъ городничій говоритъ, будто отъ того, что купцы нашего города бѣдны, а что вонъ въ Торопцѣ другое дѣло: тамъ и сметъ переходитъ, а запахъ кожевенныхъ заводовъ не противенъ; станціонный смотритель Иванъ Прохоровичъ приписываетъ это худому воспитанію и запальчивости господъ проѣзжающихъ по казенной надобности; Марѳа Ивановна, находящаяся во второй разъ въ замужествѣ за судьею (а первый мужъ былъ тоже судья), относитъ это къ водворенію

большой нравственности и правосудія, а супругъ ея объясняетъ этотъ вопросъ тѣмъ, что постоянно находится между Сциллой и Харибдой: между супругою своею и строгостью законовъ. Всѣ эти объясненія для меня неудовлетворительны, потому что, видно, у меня философическая голова, и изъ меня могъ бы быть философъ. Однако нельзя же ихъ оставить совсѣмъ безъ вниманія, потому что и въ простодушныхъ басняхъ и сужденіяхъ въ слѣпотствѣ пребывающей черни мудрый находитъ золотую искру правды, а тѣмъ болѣе не могу я пройти молчаніемъ столь знатныхъ особъ нашего уѣзда, какъ сказанныя лица, и потому я дойду до нихъ послѣ и упомяну въ своемъ мѣстѣ, гдѣ и какъ слѣдуетъ. Отчего, когда внимательнымъ взоромъ взглянешь на грубую физическую природу, усматриваешь въ ней неукоснительно-правильное рожденіе, цвѣтеніе, оплодотвореніе и спѣяніе сѣмянъ, не токмо въ великолѣпной розѣ и другихъ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ флоры нашихъ садовъ, но и въ самыхъ ея низкихъ порожденіяхъ, въ злакахъ, не только не льстящихъ глазу, но печальнымъ видомъ своимъ даже отвращающихъ отъ себя взоръ человѣка? И все это совершается въ свое время, по своимъ натуральнымъ законамъ. Отчего же мы не можемъ сказать, чтобъ съ нами случилось тоже все въ свое время? Вотъ, любезный племянникъ, что мнѣ теперь спать не даетъ: такъ и хочется разрѣшить эти вопросы. Много меня обяжешь, если тоже въ своемъ письмѣ, которое ожидаю получить отъ тебя на Новый годъ, увѣдомишь меня, не разрѣшилъ ли кто-нибудь изъ новыхъ писателей этихъ для меня теперь важныхъ тезисовъ, потому что, хотя письма твои и кратки и черезчуръ не выходятъ изъ границъ почтенія и уваженія, съ коими ты имѣешь честь пребывать ко мнѣ покорнымъ и любящимъ племянникомъ моимъ Ипполитомъ Ѳенинымъ, а все-таки изъ писемъ твоихъ я усматриваю, что ты человѣкъ не глупый и съ новой философіей знакомый (иначе, можетъ-быть, и не поздравлялъ бы меня съ Новымъ годомъ). Я же самъ признаюсь, что уже отъ книгъ не только на иностранныхъ языкахъ, но даже и отъ русскихъ давно отпалъ; изъ того же, чему выучился въ университетѣ, мало осталось въ памяти; кромѣ разныхъ латинскихъ словъ изъ римскаго права и слабаго воспоминанія о естественномъ правѣ, jus gentium, ничего не имѣю. Да, помнится, ничего тамъ и не говорится о томъ, что меня занимаетъ. Больно мнѣ на старости, что прожилъ такъ безполезно, ни себѣ на радость, ни другимъ на утѣшеніе; больно, что изъ меня ничего не вышло путнаго; а еще боль-

нѣе то, что, какъ пораздумаешь да поприпомнишь, такъ и окажется, что могло бы выйти изъ меня что-нибудь годное, ужъ въ самомъ дѣлѣ, если ничто не лучшее, такъ, можетъ-быть, философъ, потому что у меня голова философическая, и еще въ школѣ обнаруживалъ я наклонность къ умозаключенію и пониманію вещей собственнымъ опытомъ. А вѣдь во всемъ я неукоснительно слѣдовалъ порядку, который не мной выдуманъ и заведенъ давно, и ужъ вѣрно людьми поумнѣе меня. Теперь, знаешь, какъ оглянешься, да подумаешь, что вѣдь выполнилъ весь этотъ порядокъ, такъ вѣдь чувствуешь не гордое сознаніе исполненнаго долга, а сердце переполняется горестью, и, какъ кошка, скребетъ угрызеніе, зачѣмъ это всю жизнь свою поступалъ не такъ, какъ бы хотѣлось, т.-е. не то, чтобъ хотѣлось, а какъ къ чему въ свою пору желаніе было, да чего по разнымъ препятствіямъ исполнить возможности не было; и что все вѣдь послѣ и совершилъ, да ужъ было не то, — именно все совершилъ, когда страстное желаніе-то или влеченіе прошло. А оттого только вышло зло, а ничуть не добро, къ которому и здравый умъ и чистое сердце указывали путь. Вышедъ я изъ университета; прежде университетъ былъ не то, что теперь, и, конечно, мы выходили не такъ учены, какъ ты теперь, но все-таки въ свое время мы были достаточно и очень хорошо образованы, и какъ взялся за жизнь-то, Боже мой, какая ревность припала дѣйствовать ко благу ближняго! Любовь къ отечеству, благородство дышали во мнѣ и наполняли мою душу, какъ нѣкое тонкое электричество, когда къ тебѣ провели проволоку, а ты стоишь на стеклянной скамейкѣ; только прикоснись, бывало, къ тебѣ своимъ нечистымъ пальцемъ порокъ, такъ и отхватитъ его, какъ электричество иглой подъ ноготь. Помню я, разъ при мнѣ, когда меня опредѣлили служить въ столицѣ въ судебное мѣсто по одному дѣлу, которое я тогда только переписывалъ, — совершенно правое дѣло одного отставного капитана Минутина, — секретарь поправилъ: отъ неправой стороны принялъ прошеніе, въ которомъ усмотрѣлъ я мелькомъ въ числѣ документовъ двѣ сѣренькія бумажки; вотъ, какъ сталъ онъ докладывать, слышу — обвинилъ кругомъ моего Минутина, котораго я по дѣлу, которое переписывалъ, успѣлъ душевно полюбить, какъ невиннаго страдальца, обвинилъ, да подвелъ указъ, такъ что, сверхъ потери по иску, и остальное его имущество должно было пойти съ публичнаго торга. Я не выдержалъ и въ полномъ присутствіи, предъ зерцаломъ, изображающимъ эмблематическое нахожденіе посреди насъ высшей справедливости, обличилъ виновнаго, по-

добно Цицерону, обличавшему нечестивца Катилину, замыслившаго погибель римской республики. Какая же награда моей ревности? Былъ ли я, подобно великому спасителю римскаго государства, отличенъ, или, по крайности, былъ ли внятъ мой голосъ? Черезъ недѣлю я долженъ былъ просить о перемѣщеніи себя къ другимъ дѣламъ; итакъ, со срамомъ и обидою извергнутъ изъ судилища, какъ членъ вредный и строптивый. Такъ первое обнаруженіе души чистой, хотя еще опытомъ и знаніемъ въ поступкахъ не руководствуемой, было въ самомъ началѣ своемъ оскорблено и ввергло меня въ горькое существованіе, закрывъ надолго дорогу къ отличіямъ и почестямъ. А вышло бы изъ меня не то, что я нынѣ: только познакомь меня съ дѣломъ, да и употреби, куда слѣдуетъ, не давъ остыть. Нѣтъ, судьба иначе судила: черезъ двадцать лѣтъ только послѣ того сѣлъ самъ на судейское мѣсто; да что жъ? Каюсь, братъ, зналь, что всѣ меня окружающіе воруютъ, что и повытчикъ воруетъ, даже и инвалидъ въ прихожей тоже деретъ гривенники съ просителей, коли не хотятъ замерзнуть въ сѣняхъ дожидаясь; что бестія нарочно не топилъ прихожей, хоть дрова и казенныя, а самъ зябнетъ, моря на холоду моихъ кліентовъ, — да ужъ силъ не было, охоты не было какъ-то во все это вступиться и враговъ себѣ нажить. Ужъ коли пошло на то, обнаружу тебѣ въ оправданіе еще больше: чего мнѣ скрывать? Пострадаетъ мое доброе имя? Да что мнѣ теперь доброе имя, когда оно доброе имя только оттого, что формуляръ мой вышелъ чистъ? Что мнѣ доброе имя, когда теперь и я, и жизнь моя прошлая, и все, что меня окружаетъ, мнѣ противно и постыло? Что у меня всего лучше, такъ это, опять-таки повторяю, философическая голова, да что въ ней проку-то, въ моей философической головѣ, когда она, вмѣсто того, чтобъ утѣшать меня подъ старость какимъ-нибудь хоть рогатымъ силлогизмомъ, только задаетъ вопросы, которые меня тревожатъ, а разрѣшенія имъ не даетъ. Такъ, когда были въ самомъ корнѣ поражены мои добрыя наклонности, какъ зерно, захваченное морозомъ, я не могъ уже предостеречь себя отъ гибельнаго дыханія заразы, которая впивалась въ душу, какъ хитрый, льстивый царедворецъ, блестящими приманками обольщая духъ мой, изнемогающій въ когтяхъ бѣдности, обѣтами счастья и довольства. Я тоже сталъ брать... скажу, впрочемъ, что бралъ я сначала только съ праваго и отстаивалъ его уже съ жаромъ. Оттого-то и двадцать тысячъ у меня накопилось, и я ихъ тогда же простроилъ; и домикъ-то выстроилъ. Это, впрочемъ, не бѣда, хоть публикуй,—всѣ скажутъ, что, если только это,

то дядя твой честный человѣкъ. Это взятка честная. А въ молодости попробуй-ка, бывало, предложить мнѣ что-либо подобное! Да такой бы поднялъ скандалъ, что упряталъ бы подъ судъ дерзновеннаго и на лаптахъ бы его отпечатлѣлъ за сомнѣніе въ моей честности. Я не знаю, что бы я тогда сдѣлалъ! Послѣ сего перваго шага... но что было послѣ, прочтешь въ своемъ мѣстѣ, потому что все это имѣетъ связь съ другими событіями моей жизни.

Ну, это, пожалуй, все объяснится испорченностью нравовъ тѣхъ городковъ, куда кинула меня слѣпая судьба. Отчего же и другое-то все въ моей жизни такъ вышло глупо? Отчего хоть бы собственно въ частной моей жизни тоже, какъ оглянешься, мерзость на мерзости? Было мнѣ лѣтъ двадцать шесть или двадцать восьмой годъ, полюбилъ я одну дѣвицу... Это, правда, не въ первый разъ: влюбленъ я былъ и прежде, когда былъ студентомъ, стихи читалъ, даже стихи писалъ, для того, чтобъ слышать ихъ изъ милыхъ устъ, чего, впрочемъ, тоже не могъ добиться, ибо барышни мои не хотѣли никогда читать моихъ стиховъ при мнѣ, говоря, что „какъ можно, вы сами такъ хорошо читаете“,—волочился уже послѣ того и за женщинами замужними, и мужей обманывалъ, и все сходило мнѣ съ рукъ хорошо. Познакомился я между этихъ продѣлокъ съ нею... тебѣ не надо знать ея имени, хоть противъ этого имени я ничѣмъ не виноватъ и оно не можетъ меня заставить покраснѣть: оттого-то, можетъ-быть, и не хочется мнѣ, чтобъ ты его зналъ. Такъ познакомился я съ нею. А это вотъ какъ было. Была она сирота, жила въ одномъ домѣ компаньонкой у одной дамы, съ которой я былъ въ весьма тѣсныхъ, по развращенности моей, отношеніяхъ. Мужъ этой дамы,—дѣло въ наше время не рѣдкое—преслѣдовалъ несчастную своими преступными замыслами. Не знаю, отчего у меня сердце сжалось, когда я это замѣтилъ, и хотя самъ былъ нисколько не честнѣйшихъ правилъ, чѣмъ этотъ господинъ, однако, не знаю почему, внушилъ *ей* довѣренность; она мнѣ никогда не говорила о преслѣдованіяхъ со стороны того, но мы поняли другъ друга, и я уже видѣлъ, что она стала какъ-то менѣе его бояться и позволяла себѣ сильныя противъ него выходки, чего прежде не было; даже открыто надъ нимъ смѣялась, чего тоже прежде себѣ не позволяла. Я очень хорошо понимаю теперь, что придало ей бодрости сносить всѣ его гнусности, а равно и всю непріятность всего ея существованія,—то, что въ ней родилась увѣренность, что ее понимаютъ, и что въ случаѣ нужды есть человѣкъ, къ которому она можетъ обратиться. Она такъ мало

походила на тѣхъ женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ прежде и послѣ того, хотя многія превосходили ее и образованіемъ и красотою; у нея такъ было много врожденнаго такта; притомъ самая встрѣча ея съ жизнію лицомъ къ лицу такъ благоразумно сочетала въ ней идеализмъ, необходимый особенно въ женщинѣ, съ знаніемъ вещей, нѣжность чувства, проникавшаго ее всю, съ умѣніемъ владѣть собою, что просто, я тебѣ говорю, она ставила частехонько меня втупикъ, съ перваго взгляда угадывала людей и сказывала о нихъ свое сужденіе, да такъ вѣрно, что я потомъ, несмотря на мою философическую голову и на все мое знаніе римскаго и естественнаго права, пріобрѣтенное въ университетѣ, только повѣрялъ на опытѣ слова ея. Не помню, чтобъ я кого-нибудь такъ уважалъ въ своей жизни, какъ ее... Ахъ, жаль, право, навыка къ литературнымъ сочиненіямъ не имѣю и не могу тебѣ описать ни всѣхъ ея достоинствъ, ни того, какое благодѣтельное вліяніе производила на меня моя любовь. Я съ каждымъ днемъ видѣлъ, какъ она-то сама развивается, говоря со мною, и какъ я самъ тогда сдѣлался лучше. И, что было странно, я всегда былъ съ женщинами смѣлъ и предпріимчивъ; съ нею, помню, только разъ во все наше знакомство ее поцѣловалъ... Я объ этомъ говорю, потому что не ставлю ни себѣ въ укоръ, ни ея памяти въ оскорбленіе.

Чего бы, кажется, лучше, какъ не бракомъ увѣнчать наши взаимныя страсти, освятивъ ихъ благословеніемъ церкви передъ ликомъ Того, Кто повелѣлъ мужу сердцемъ выбирать помощницу всей жизни? Но тогда двадцати-то тысячъ еще я не пріобрѣлъ и домика не выстроилъ; пробивался кое-какъ жалованьемъ да уроками. Всѣ мои близкіе, всѣ, кто любилъ меня, приняли во мнѣ участіе; матушка, рыдая, заклинала меня побѣдить себя; всѣ говорили, что, искренно желая моего счастія, никто не захочетъ, чтобъ я себя и ее погубилъ и дѣтей обрекъ бы на нищенство... Резоны были очевидные; главное въ нихъ то, что̀ касалось прямо моей чести. Я не женился; тянулись годы; разлюбить не могъ; чахъ себѣ понемножку, искалъ средствъ, мѣстъ, трудился—и попусту; она, бѣдняжка, не перенесла и переселилась въ лучшій міръ, въ который чистая душа ея такъ пламенно вѣрила,—переселилась подъ сѣнь Заступницы вѣрующихъ, которой молилась со слезами и отъ которой чаяла невидимой помощи въ этой трудной жизни, гдѣ, кромѣ скорби и слезъ, ничего отраднаго не встрѣтила. Какъ я ее пережилъ—не знаю; можетъ-быть, потому что уже духовно началъ умирать прежде ея видимаго преставленія. Что̀ было со мною послѣ плачевнаго событія

этого, описывать не стану, ибо для того не довольно одной философической головы, надобно еще сердце крѣпче моего,— ибо уже и отъ сихъ слабыхъ строкъ я умиленно плачу,— да и побольше, какъ я говорю, навыка къ литературному сочиненію.

Какъ бы то ни было, я однако пережилъ. Нѣтъ такихъ горестей и потерь, въ которыхъ бы не утѣшился человѣкъ, это правда; но правда и то, въ чемъ убѣдили меня долголѣтній опытъ и философія: послѣ самыхъ важныхъ потерь человѣкъ хотя и не умретъ, но онъ уже не тотъ, онъ уже хуже. Переломивъ свою натуру, думаешь, что восторжествовалъ, что проявилъ волю титанскую; можетъ-быть; но знай тоже, что это, какъ говорятъ, переломленіе себя и есть послѣдній твой доблестный подвигъ; болѣе ты никуда не годенъ; жизнь твоя точно переломлена, какъ береза, повалённая вихремъ и упавшая на сосѣднюю ель, которая поддерживаетъ ее своими поднятыми къ верху вѣтвями: сломанное до сердцевины весною дерево еще прозеленѣетъ до осени—но что въ немъ?.. Такъ ли говоритъ ваша новѣйшая философія? Желалъ бы я прочесть, какъ толкуютъ нѣмецкіе умники; отыщи, пожалуйста, мнѣ объ этомъ предметѣ какую-нибудь книгу, купи и пришли; право, хорошо бы ты сдѣлалъ; цѣну ея и что пересылка будетъ стоить, я заплачу.

Все это привожу я къ тому, что, когда я былъ молодъ и крѣпокъ и любилъ—эта страсть тоже встрѣтила препятствія, достойныя уваженія: всѣ говорили, да я и самъ говорю, что я поступилъ благоразумно, не пойдя наперекоръ принятому порядку. Но что дальше было, все уже имѣетъ связь съ этимъ моимъ благоразумнымъ и благороднымъ поступкомъ.

Небезызвѣстно тебѣ, что на сороковомъ году своей жизни, когда я уже пріобрѣлъ порядочный по моимъ нуждамъ достатокъ, я вступилъ въ законный бракъ съ Аделандой Ивановной, съ твоей теткой. Дѣвочка была она молоденькая, только-что привезли изъ Петербурга, гдѣ она воспитывалась въ заведеніи. Вздумавъ на ней жениться, я думалъ найти себѣ подпору, и хотѣлось мнѣ имѣть подлѣ себя существо, которое бы могъ я образовать по своимъ понятіямъ такъ, чтобъ каждая ея мысль, каждое ея чувство прошло бы прежде чрезъ мое сердце и черезъ мою голову. Точно и ходилъ я за ней, какъ ходитъ садовникъ за дорогимъ растеніемъ: то выставитъ его на солнце, то, предвидя бурю, укроетъ въ натопленную теплицу. Но что жъ, дорогой племянничекъ, изъ этого вышло? Разбери-ка ты хорошенько, какъ я,—теперь, правда, а не тогда,—обсудилъ свое поведеніе, и

назови-ка настоящимъ именемъ мои отеческія попеченія. Примѣръ великаго Руссо, какъ видишь, не остался безплоденъ. Я обнаруживаю передъ тобою много печальнаго и достойнаго смѣха и посрамленія въ моей жизни... Хочешь ли ты знать, какъ называла все это сама моя жена, а равно изъ этого увидишь, до чего довели ее мои отеческія попеченія? Вотъ перепишу тебѣ нѣсколько строкъ изъ ея писемъ, *перехваченныхъ* мною, писанныхъ... ты поймешь къ кому:

„...Наконецъ, послѣднія силы меня оставляютъ... Притворство, вѣчное притворство! Казаться любящей мужа и вѣчно думать о тебѣ... Ты не повѣришь, до чего доходитъ его подозрительность. Мнѣ не даютъ безъ себя и шагу ступить; дѣла приносятъ на домъ; если нельзя уже не итти въ присутствіе, то оттуда приходятъ безпрестанно подъ разными предлогами... Сердце мое переполнено; чувствую, оно надорвется само и безъ помощи гибельнаго оружія, которое я уже раза два пыталась унести изъ кабинета изверга, чтобъ найти средство окончить мои страданія... Но ты просилъ меня жить, и я живу, и это пусть будетъ тебѣ лучшимъ доказательствомъ того, какъ я тебя люблю... Представь себѣ, что не только хотятъ, чтобъ я любила его, хотятъ, чтобъ я думала, какъ онъ, чувствовала то, что онъ чувствуетъ. А есть ли у него въ сердцѣ что-нибудь, кромѣ чувства *собственности* жены его, не знаю! Если бъ не эта добрая нищая, которая по утрамъ кладетъ на окно мнѣ вѣсточку изъ рая, твое письмо, и передастъ тебѣ мои письма, я не знаю, была ли бы возможность мнѣ какъ-нибудь подѣлиться съ тобою мыслью, чувствомъ и страданіемъ... Вчера я дрожала и смѣялась, добрая наша нищая стоитъ у окна; я съ мужемъ (фи, какъ противно это слово!) сижу у окна... мнѣ непремѣнно нужно было передать тебѣ мои слезы, я знала, что онъ къ должности не пойдетъ, слѣдовательно отъ меня не отстанетъ; я завернула въ записку свою мѣдный пятакъ и передала ему, чтобъ онъ кинулъ его несчастной“.

Такихъ писемъ я перехватилъ много; каждое изъ нихъ есть вопль души страдающей, которую я убивалъ и жегъ медленнымъ огнемъ, хотя отъ природы имѣю сердце доброе. Несмотря на то, нищая была представлена мною въ полицію, отправлена на поселеніе, а *тотъ*, котораго я называлъ обольстителемъ жены моей, убитъ на дуэли, которую я ему состряпалъ съ кой-какими хорошими людьми, впутавъ его въ споръ изъ-за картъ и напустивъ на него человѣка, который промаху не давалъ и котораго одинъ звѣроподобный видъ преисполнялъ сердце отвращеніемъ и ужасомъ. Неопытный

юноша его вызвалъ, вслѣдствіе монхъ клеветъ, и палъ... Да будетъ нынче миръ праху твоему! За гробомъ кончается злоба! Прости, тѣнь печальная, грѣшному старику, не разъ орошавшему пустынную могилу твою, одинокую, при опушкѣ лѣса, своими горькими слезами!.. Жена моя получила о смерти его извѣстіе, будучи уже въ восьмомъ мѣсяцѣ беременности, и умерла въ преждевременныхъ родахъ, произведя на свѣтъ мертваго младенца. Вотъ видишь ли, я сдѣлался изъ тирана-мужа коварнымъ убійцею, но такимъ убійцею, который чистъ по наружности и смѣло можетъ отвѣчать передъ человѣческимъ правосудіемъ, ибо дѣйствовалъ, не нарушая ничьихъ правъ! А вѣдь любилъ же я прежде, и ревность не закрадывалась въ мою душу; отчего это? Не оттого ли, что я чувствовалъ тогда, что имѣю право быть любимымъ? не оттого ли, что тогда вѣрилъ въ чистоту человѣческой природы, въ добродѣтель и любовь женщины? Послѣ это уже все утратилось. Отчего же эта разница? нѣтъ ли и на этотъ вопросъ отвѣта въ вашихъ книгахъ? Пришли, пожалуйста, если найдешь; я заплачу.

Смерть супруги моей хотя и была нѣкоторымъ торжествомъ для моего самолюбія, однако сильно подкосила меня. Хотя и прежде я давно уже потерялъ то безкорыстіе, съ которымъ вступилъ на поприще дѣятельности, но послѣднее событіе моей жизни какъ-то опьянило меня. Какъ солдатъ, въ бою ищущій смерти для того, чтобъ заглушить въ душѣ своей укоры совѣсти, кидается въ самый пылъ сраженія прямо подъ градъ пуль, или врывается въ средину непріятельскаго строя,— такъ и я бросился въ самыя отчаянныя продѣлки; внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что я не правъ, что мнѣ нужно искупить себя предъ собою и цѣлымъ обществомъ посредствомъ наказанія. Я жаждалъ наказанія, какъ отрады, какъ должнаго, какъ возстановленія своей совѣсти, и началъ, что называется, *драть* съ праваго и неправаго, не разбирая, что выйдетъ. Вышло то, что скоро я насчитывалъ до полутораста тысячъ капитала, а наконецъ вмѣстѣ со многими попался, по случаю ревизіи, наряженной надъ нашей губерніей. Тутъ, признаюсь, уже страхъ заступилъ мѣсто желанія наказанія; я принялъ всѣ мѣры, чтобъ оправдаться... Насъ было много... это было давно... я вышелъ чистъ, сохранилъ свое доброе имя, потерялъ только капиталы, едва успѣвъ сохранить прежнія 20 тысячъ, которыя и передаю тебѣ, ибо иного ближайшаго родственника не имѣю.

Вотъ тебѣ, любезный племянничекъ, весь твой дядюшка. Не знаю, пребудешь ли ты въ слѣдующемъ письмѣ твоемъ, которое имѣю получить отъ тебя при желаніи мнѣ всякихъ

благъ на Новый годъ, съ истиннымъ ко мнѣ почтеніемъ и уваженіемъ. Впрочемъ, почему же и нѣтъ? Меня всѣ почитаютъ и уважаютъ. Да притомъ, скажи-ка откровенно, виноватъ ли я самъ во всѣхъ гнусныхъ происшествіяхъ своей жизни? Виноваты люди... охъ, люди виноваты! то виновато, что обстоятельства жизни такъ слагаются, что какъ ни родись ты со всѣми наклонностями къ добру, а все кончишь тѣмъ, что подъ конецъ юдольнаго своего странствованія о прошломъ вспоминать прійдется съ горечью и злостью! Не тѣ ли виноваты, кто выдумалъ такіе обычаи, по милости которыхъ я, несмотря на то, что рожденъ былъ съ философической головой, не вышелъ философомъ,—по милости которыхъ еще я бывалъ больно сѣченъ въ школѣ учителемъ математики и латинской словесности, когда, будучи еще ребенкомъ, обнаруживалъ хотя и ребяческое, но часто дѣльное сужденіе о вещахъ и осмѣливался предлагать имъ часто свои замѣчанія на ихъ уроки, не принимая на-слово того, чего не понималъ? Не по ихъ ли милости обреченъ я былъ дальновиднымъ и расчетливымъ родителемъ моимъ къ практическому изученію положительныхъ законовъ и отвлеченъ отъ слѣдованія за курсомъ матери всѣхъ наукъ, къ которой я донынѣ сохранилъ живое стремленіе? Не они ли закрыли передо мною дорогу къ живому источнику, обновляющему и освѣжающему всѣ наши познанія, коего сладкозвучное журчаніе и до сихъ поръ раздается въ ушахъ моихъ, ибо близость его чувствую, хотя и отведенъ отъ него далеко въ пустынѣ, подобно путнику, который, по выраженію суевѣрнаго простолюдина, обойденъ лѣшимъ? Не по ихъ ли милости, говорю, брошенъ былъ я въ глушь, куда до меня не только свѣтъ наукъ, но и слабое ихъ мерцаніе не достигало? Не они ли виновники того, что чистота души моей, врожденное благородство и теплая ко благу отечества и правды любовь, не найдя привѣта, не устояли въ душѣ моей, и, по слабости натуры своей, я отклонился отъ добра, не обѣщавшаго мнѣ ничего въ жизни, и открылъ сердце свое сладкорѣчивой сиренѣ мздоимства и правдоторговли? Всѣ эти сѣмена добра, которыя вложены въ мою душу источникомъ всякаго добра, всѣ мои страсти, имѣвшія началомъ своимъ тѣ же благія внушенія добра, встрѣтивъ препятствія въ своемъ раскрытіи и обнаруженіи, обратились во зло не только мнѣ самому, не только всѣмъ близкимъ моимъ, двумъ женщинамъ, изъ которыхъ одну я любилъ и уважалъ, а другою владѣлъ,—юношѣ, котораго одна любила, несмотря на мое тиранство,—но и цѣлому обществу, покрывъ его срамомъ питать и поддерживать неправаго судью и лихоимца? Отчего, наконецъ,

тогда, когда я былъ въ силѣ дѣйствовать, средствъ у меня не было,—когда я могъ бы быть счастливымъ съ тою, которую любилъ и изъ любви къ которой готовъ былъ трудиться, ни труда ни достатка я не имѣлъ; а нынче, съ головой, убѣленной лѣтами, съ ногой, разбитой параличомъ, съ разстроеннымъ желудкомъ и съ философической головой, которая мнѣ не даетъ покоя, обладаю я двадцатью тысячами капитала, домикомъ, укрывающимъ меня отъ вреднаго дѣйствія стихій, и садомъ, отъ котораго получаю до 70 руб. дохода въ лѣто? Для того ли, чтобъ оставить это тебѣ? Все это тебѣ, можетъ-быть, нужно теперь и послужило бы, можетъ-быть, къ исполненію различныхъ плановъ, и спасло бы тебя въ будущемъ отъ ожесточенія на себя и на другихъ, но, другъ мой, можетъ-быть, проволочу я свои безрадостные дни еще много лѣтъ, ибо не могу иначе тебѣ завѣщать свое имущество, какъ mortis causa, и, когда оно прійдетъ къ тебѣ, будетъ, можетъ-быть, уже поздно. Вотъ отчего есть правда въ словахъ нашего городничаго, судьи или станціоннаго смотрителя и прочихъ людей безъ философическаго направленія, о чемъ упоминалъ я въ приступѣ къ своему предмету. Спрашивается, кто же мой злодѣй, мой развратитель? И тотъ, и другой, и третій... Поразмышлявъ обо всемъ этомъ прилежно, я дохожу до такого умозаключенія, что всѣ эти обычаи и случаи моей жизни обезобразили въ лицѣ моемъ вѣнецъ творенія Божія, человѣка, сорвавъ съ лучезарной природы его печать подобія Творцу своему, отчего, вмѣсто стремленія къ свѣту, онъ обратился къ темному міру зла, въ огонь ярости и скорби. Благородныя страсти наши въ лучшую свою пору находятся въ вѣчномъ стремленіи, но простора и направленія къ добру имъ нѣтъ. Человѣкъ, по ихъ милости, уподобляется луку со стрѣлою: онѣ натянули лукъ, но прикрѣпили стрѣлу; каждое мгновеніе стрѣлѣ хочется сорваться и летѣть къ цѣли, тетивѣ опуститься—нѣтъ, не тутъ-то было: распирай дугу привязанная къ луку стрѣла, натягивай тетиву, тебя не выпустятъ, еще не время. И лукъ, и стрѣла, и тетива силятся прійти въ натуральное положеніе; тетиву мочитъ дождь: она сжимается, какъ будто дѣлаетъ усиліе,—не тутъ-то было!.. Но время идетъ. Стрѣлокъ расчелъ, что пора; развязалъ стрѣлу у лука, спускаетъ тетиву... но, о, горе! тетива опустилась и мотается на двухъ концахъ лука: лукъ не рванулся выпрямиться и согнутъ, какъ будто его держитъ туго натянутая струна, а стрѣла не вьется, не свиститъ, не рѣжетъ воздуха и упадаетъ, лишившись подпоръ, къ ногамъ благоразумнаго стрѣлка. Такъ и наши силы: пока онѣ напряжены,—простора нѣтъ,

выжидай. Настанетъ срокъ—онѣ уже ослабѣли, онѣ уже не тѣ, онѣ уже стремятся не въ высь, къ солнцу, въ царство свѣта, а падутъ долу, во мракъ преисподней.

Вотъ тебѣ, любезный племянничекъ, моя философія; какъ-то ты ее найдешь? Согласишься ли со мною, или долженъ я буду сказать: „я совершилъ много и ничего", какъ говоритъ Юлій Цезарь въ одномъ разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ... Ты, я думаю, знаешь этотъ разговоръ: въ восемьсотъ первыхъ годахъ выходили „Вѣдомости изъ Царства Мертвыхъ" на нѣмецкомъ языкѣ. Прелестнѣйшія были вѣдомости! Теперь, я думаю, издаютъ ихъ и на русскомъ; не сдѣлаешь ли для дяди-старика удовольствія — пришли хоть одинъ номерокъ. Правда, слѣдовало бы мнѣ, по примѣру всѣхъ писателей, которыхъ случилось мнѣ прочесть въ лѣта моей юности, попросить извиненія въ томъ, если гдѣ я ошибаюсь; но этого я съ тобою не имѣю нужды дѣлать, ибо не систему какую-нибудь предлагаю, а только прошу тебя, такъ какъ ты живешь въ столицѣ, гдѣ занимаются всѣми науками и философіею, конечно, — написать мнѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что, если гдѣ моя глупая голова и соврала, такъ ли разсуждаютъ ваши писатели; и если гдѣ моя философія погрѣшила, то укажи. Также не нашли ли какого-нибудь средства помочь горю, ибо, говорю тебѣ, я не одинъ, насъ много грѣшныхъ; если уже для насъ поздно и прошедшаго перемѣнить человѣкъ не можетъ, то безотрадно думать, что и невинныхъ младенцевъ, нынѣ рѣзвящихся весело и беззаботно въ ангельскомъ своемъ подобіи на колѣняхъ нѣжной матери, ожидаетъ подъ старость то же горькое сознаніе и хула людская ляжетъ на ихъ маститыя сѣдины... Опять повторяю, коли есть по этой части какія книги, то пришли ихъ ко мнѣ. Одного я боюсь: если гдѣ неясно я высказалъ мою мысль, то ты меня объ этомъ просто спроси, потому что, если и произошла какая-либо неясность, то не отъ неразумія моего или малаго прилежанія къ заданной темѣ. Что же принадлежитъ до самаго изложенія, то очень хорошо вижу, что погрѣшаю въ слогѣ и не могу выдержать всего, какъ бы слѣдовало по правиламъ краснорѣчія, переходя частехонько отъ высокаго къ подлому штилю, каковой приличествуетъ только дружескому разговору; но все сіе произошло не отъ чего иного, какъ отъ того, что навыка къ литературному сочиненію не имѣю.

Прощай. Дядя твой Иванъ Чумковъ.

1847

IV.

ПРОГУЛКА ПО РИМУ

СЪ МОИМИ ЗНАКОМЫМИ.

...E il più gentile
Terren non sei di quanti scalda ilsole?
D'ogni bell' arte non sei madre, o Italia?
Polve d'eroi non è la polve tua?..
„Не лучшая ли ты страна
Изъ всѣхъ странъ, согрѣваемыхъ солнцемъ?
Не ты ли мать прекраснаго искусства, о, Италія?
Прахъ героевъ не есть ли твоя почва?"
Silvio Pellico, Francesca di Rimini.
„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!"

Въ Римѣ ведется обычай къ полудню кончать всѣ дѣла, какого бы рода они ни были, и обѣдать. Можно навѣрное сказать, что въ двѣнадцать часовъ тамъ прекращены всѣ занятія, и все населеніе Рима питается, величая вовсе неправильно процессъ своего питанія обѣдомъ, ибо со словомъ обѣдъ сопряжено понятіе объ изящности и нѣкоторомъ разнообразіи вкушаемыхъ яствъ, нѣкоторой утѣшительной торжественности въ отправленіи этого процесса, что, разумѣется, какъ даръ вмѣстѣ и фортуны и природы, то-есть даръ средствъ и даръ умѣнія обѣдать, доступно не всякому... Въ двѣнадцать часовъ всѣ присутственныя мѣста закрыты: раздача писемъ прекращена; босоногіе монахи исчезаютъ со стогновъ всемірнаго града и поютъ предобѣденный канонъ, умильно посматривая на длинные столы, растянутые въ трапезной. Блистательные франты, которыхъ пріѣзжія сѣверныя дамы принимаютъ за графовъ и князей, потомковъ гвельфовъ и гиббелиновъ, стремятся въ подземелья трактирщика Таббіони и услаждаютъ потребность пищи за нѣсколько мѣдныхъ байоковъ. Красавицы, работающія въ магазинахъ у француженокъ, выбѣгаютъ изъ разныхъ угловъ, спѣшатъ по гладкой

мостовой Корсо, мѣняются быстрыми огненными взглядами и бѣглыми улыбками со встрѣчающимися имъ пайпами, римскими денди, въ синихъ альмавивахъ, или съ художниками въ черныхъ бархатныхъ кватроченгахъ и бѣлыхъ широкополыхъ шляпахъ, и потомъ исчезаютъ въ какой-нибудь темный узкій переулокъ, гдѣ сторонятся, давая дорогу худому вислоухому ослику, несущему на спинѣ своей двѣ огромныя корзины съ апельсинами и лимонами, легко перепрыгиваютъ между разнымъ хламомъ, беззаботно валяющимися по улицѣ орудіями ремесленниковъ, работающихъ на воздухѣ, стружками, кучами дровъ, кучами сору, листьевъ капусты, салата-латуги, обрѣзковъ игловатыхъ брокколей и ярко-суриковой моркови съ желтой сердцевиной, выглядывающей изъ-за клочка мокраго сѣна или раздавленной неосторожно шагающимъ осломъ. Даже самое, повидимому, свободное существо въ мірѣ—художникъ, хотя и рожденный подъ другимъ небомъ и воспитанный въ другихъ обычаяхъ, да и по самой натурѣ своей несклонный къ регулярности въ образѣ жизни, ибо для него все значитъ счастливый моментъ, — а когда этотъ моментъ выдается, передъ обѣдомъ или послѣ обѣда — неизвѣстно, — художникъ тоже, живя въ Римѣ, долженъ подчиниться всемогущему обычаю. Неизвѣстный его идеалъ и цѣль, къ которой стремится его искусство, — природа, олицетворенная для него въ образѣ натурщика или натурщицы, къ двѣнадцати часамъ уже начинаетъ страдать позывомъ на пищу. Увѣщанія и прибавка платы ничего не значатъ: громоносный Юпитеръ, цѣлые два часа удерживавшій поднятою рукою громъ и съ презрѣніемъ взиравшій на копирующаго съ него художника (безпрестанно спрашивая: „такъ ли, довольно ли я величественъ?“, и отъ времени до времени разсказывая собранные налету сплетни и анекдоты), къ двѣнадцати часамъ забываетъ о громѣ и сходитъ со стола, изображавшаго Олимпъ. Тѣло только-что убитаго Гектора, лежавшее цѣлое утро въ самой изломанной, но для мертвеца весьма естественной позитурѣ, къ 12 часамъ оживляется, разверзаетъ уста словами: „Signor, è il tempo di *mangiar*“. Мальчишка-нищій, натурщикъ, котораго мы взяли съ площади, обожженный солнцемъ, черный, дикій, нечесанный, сверкающій глазами, къ 12 часамъ оставляетъ свою позу на колѣняхъ передъ чернобровой Лауретой и говоритъ вамъ: „Da mi duo paoli, ho fame“. Аскетъ аравійской пустыни къ 12 часамъ взалчетъ, и являющіеся ему демоны во образѣ длинныхъ-длинныхъ макаронъ окончательно надъ нимъ торжествуютъ. Начинаютъ приходить въ безпокойство роскошные члены какой-нибудь Венеры или Га-

латеи, доселѣ неподвижные, какъ бы каменные, съ которыхъ писалъ или лѣпилъ художникъ, съ трудомъ сдерживая дыханіе въ расширенной груди, съ сильно бьющимся сердцемъ и усиленно напрягающій зрѣніе, готовое каждый мигъ помутиться, по-моему, болѣе въ самомъ себѣ, нежели въ своемъ произведеніи, представляющій торжество искусства надъ природою... Но — конецъ вдохновенью! Конецъ труду! Галатея идетъ обѣдать, Юпитеръ идетъ обѣдать, аскетъ идетъ обѣдать, тѣло Гектора идетъ обѣдать, а вслѣдъ за ними и художникъ покрываетъ мокрой тряпкой вылѣпленную фигуру или сдаетъ кисти неизвѣстно откуда являющемуся факину, уже обѣжавшему десятокъ мастерскихъ и отобравшему везде кисти, и тоже отправляется обѣдать.

Я сидѣлъ въ трактирной комнатѣ, за чашкою чернаго кофе, за которой уже два раза прибѣгалъ слуга изъ кофейной: онъ съ неудовольствіемъ возвращался назадъ, вѣроятно, не понимая, что за наслажденіе долго сидѣть послѣ обѣда, куря сигару и попивая простывшій кофе. Комната уже почти опустѣла: художники всѣхъ націй, въ двѣнадцать часовъ являющіеся къ обѣденному столу, разошлись по своимъ мастерскимъ; оставались только: англичанинъ на одномъ концѣ стола, четыре раза спросившій себѣ бифстексу и на вопросъ слуги: „что прикажетъ еще eccelenza“, отвѣчавшій: „еще бифстексъ“, я и одинъ художникъ, Ферязевъ, засидѣвшійся тутъ потому, что не предполагалъ болѣе работать, да еще другой... не то художникъ, не то туристъ, во всякомъ случаѣ другъ художествъ, а еще болѣе художниковъ, оставшійся за столомъ потому, что еще не всѣ ушли: онъ выходилъ не иначе, какъ послѣднимъ. Роль этого милаго господина была престранная: его звали не иначе, какъ Ѳедей, онъ былъ со всѣми на ты, искусствомъ никакимъ особенно не занимался, цѣли въ путешествіи не имѣлъ никакой, но самымъ фактомъ своего пребыванія въ одномъ и томъ же обществѣ получилъ значеніе необходимости: посреди артистовъ, народа большею частью эксцентрическаго, онъ былъ олицетворенная идея внѣшняго приличія и порядка. Припомнить праздники, торжествуемые православною церковью и при перемѣнѣ календаря, и при счисленіи времени по другому стилю, легко забываемые высокоторжественные дни, даже чьи-нибудь именины или день рожденья, устроить проводы отъѣзжающему соотечественнику, приказать подать по сему случаю шампанскаго, начать говорить спичъ и, не кончивъ вступленія, провозгласить тостъ—это было его дѣло и исполнялось имъ съ примѣрною торжественностью, дружескимъ, трогательнымъ выраженіемъ,

смотря по роду случая. Если безпокойный Вакхъ поссоритъ двоихъ, впрочемъ, всегда весьма дружныхъ товарищей, возникаетъ споръ, за споромъ брань, обоюдные улики и доводы, впрочемъ, въ вещахъ совершенно постороннихъ спорному пункту, а затѣмъ ругательства, яростные взоры, угрозы и движенія, вызывающія на ратоборство,—онъ является примирителемъ, со слезами на глазахъ становится на колѣни передъ каждымъ изъ ссорящихся, поодиночкѣ у каждаго проситъ прощенія за другого, сноситъ съ примѣрною кротостью выходки противъ себя самого съ обѣихъ сторонъ... и, наконецъ, слезами, увѣщаваніями, насильственнымъ сталкиваніемъ враждующихъ въ объятія успѣетъ примирить, говоря: „Хоть только для меня помиритесь: пусть онъ такой-слякой, пусть и ты тоже, или хоть ты только такъ скажи, и ты тоже скажи, вѣдь мы знаемъ, что вы славные ребята; ну, и помиритесь, хоть для меня“. Соперники стихаютъ, отъ брани и яростныхъ взоровъ переходятъ только къ жесткимъ взорамъ; онъ велитъ подать шампанскаго на свой счетъ; враги, съ обѣихъ сторонъ искажавшіе біографію другъ друга чернѣйшими красками и взводившіе одинъ на другого чуть не уголовныя преступленія, увѣнчиваютъ его старанія, потъ, слезы и издержки дружескими объятіями, поцѣлуями, слезами и клятвами въ вѣчной любви и дружбѣ.

Если же вино одолѣетъ какую-нибудь крѣпкую натуру или вступитъ въ законныя права свои надъ слабою, и жертва его не въ состояніи держаться на ногахъ, что при большомъ стеченіи молодежи разныхъ націй случалось нерѣдко, то отводилъ его домой не кто иной, какъ Ѳедя. Даже если бъ онъ не былъ вмѣстѣ съ другими, а былъ въ театрѣ или въ гостяхъ, то, возвращаясь домой, онъ дастъ два большіе крюка, а ужъ зайдетъ въ три трактира, открытые до двухъ часовъ ночи, посмотрѣть, не надобно ли кого отвести. Если тамъ случится компанія трезвая или пьяная, онъ останется съ нею, зѣвая и говоря, что ему спать хочется, и на совѣтъ: „такъ иди ложись“—ничего не отвѣчаетъ, но посмотритъ на всѣхъ съ кроткою иронією, какъ бы желая сказать: „А какъ же вы безъ меня дойдете?“ Навѣрное можно сказать, что онъ да папскій цирюльникъ, обремененный дѣлами, въ цѣломъ Римѣ ложились спать послѣдніе.

Мы всѣ трое находились въ раздумьѣ, куда дѣть время до Ave Maria, то-есть до сумерекъ: пойти ли въ мавзолей Августа, обращенный въ открытый циркъ, гдѣ ежедневно Гверра потѣшалъ римскую публику своими представленіями, или взять лошадей, поскакать въ окрестные городки, бѣлѣю-

шіеся на горахъ, на полдорогѣ, разумѣется, завернувъ для отдыха въ шизенькую остерію съ двумя кипарисами, живописными видами и плохимъ, но не пренебрегаемымъ разговорчивымъ всадникомъ виномъ, какъ вдругъ разсужденія наши были прерваны появленіемъ незнакомца, довольно полнаго человѣка, благонамѣренной наружности и почтенныхъ лѣтъ; лицо, которое, не поражая никакими особенностями, прошло бы незамѣтно, не произвело бы въ васъ ни удовольствія ни неудовольствія, если бы не поражали въ немъ толстыя красноватыя, съ чрезвычайно маленькими рѣсницами вѣки, въ которыя были вставлены маленькіе, сѣрые, зоркіе глаза.

Вмѣстѣ съ этимъ господиномъ, который вошелъ къ намъ, или, лучше сказать, вслѣдъ за нимъ появилась маленькая фигурка человѣка съ огромными бакенбардами, сходившимися подъ подбородкомъ, какъ у обезьяны, съ рѣзкимъ профилемъ и съ длинными всклоченными волосами. Онъ былъ въ черномъ истасканномъ фракѣ, съ грязной манишкой, а на шеѣ была повязана повенькая красная шелковая косыночка, предназначенная первоначально для ношенія женщиною. Поджавъ смиренно шляпу, имѣвшую претензію на лоскъ новизны и для того неоднократно тертую мокрой щеткой, онъ стоялъ, притаясь у дверей, желая придать и безъ того довольно незначительной физіономіи своей сколь можно болѣе униженія, съежиться и вобраться въ себя, сократиться, если можно, до нуля. Едва господинъ, котораго онъ сопровождалъ, переступилъ порогъ комнаты, какъ эта фигурка значительно подмигнула трактирному слугѣ, какъ бы желая сказать: „Вотъ каковъ я; вотъ вамъ еще добыча“; потомъ сдѣлалъ еще какой-то знакъ, приложивъ палецъ къ щекѣ подъ глазомъ, что, вѣроятно, значило: „Будетъ пожива“, ибо слуга опрометью бросился къ пришедшему, выхватилъ изъ рукъ его шляпу и палку, усадилъ его на стулъ и сталъ передъ нимъ, изогнувшись, съ вопросомъ на устахъ: „Что угодно его сіятельству?“, а глазами стараясь проникнуть чуть не въ его желудокъ, чтобы предупредить, если можно, его желаніе. Въ Италіи всѣхъ порядочно одѣтыхъ иностранцевъ величаютъ титуломъ eccellenza, „ваше сіятельство“, что многимъ, особенно не сіятельнымъ, очень льститъ.

Пришедшій господинъ, кажется, не былъ недоволенъ непринадлежащимъ ему титуломъ; онъ уткнулся носомъ въ явившуюся передъ нимъ карту кушаній, нѣсколько минутъ переходилъ глазами отъ одного къ другому, шевеля ноздрями и губами, почавкивая и пожевывая, какъ бы напередъ изъ

названія стараясь себѣ составить идею о поименованныхъ блюдахъ; наконецъ онъ указалъ пальцемъ на одну строчку. Слуга взглянулъ ему черезъ плечо на карту и исчезъ со словами: „Sarà serviita“.

Тогда маленькая фигурка, уничтожавшаяся у дверей, выползла и начала говорить ломанымъ французскимъ языкомъ:

— Монсиньору, вѣроятно, угодно будетъ пробыть здѣсь съ полчаса; онъ отпуститъ меня пообѣдать?

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ тотъ довольно чисто по-французски.

— Его сіятельству угодно будетъ дать, чѣмъ заплатить за мой обѣдъ?

Господинъ бросилъ, не глядя на него, полъ-скуды и продолжалъ читать, обонять и обдумывать названія кушаній на картѣ, все почавкивая и пожевывая.

— Черезъ полчаса я явлюсь непремѣнно,—повторяла фигурка, выросшая и потолстѣвшая щедротами незнакомца.— О, намъ остается осмотрѣть еще много прекрасныхъ вещей,— продолжалъ онъ скороговоркой, какъ семинаристъ, выучившій послѣ третьихъ розогъ латинскія исключенія:—Колизей, Капитолій, храмъ Сатурна, храмъ Юпитера Громовержца, бани Тита, термы Каракаллы, арка Траяна, арка Константина, арка Александра Севера, потомъ галлереи: галлерея Орсини, Боргезе, Фарнезе, Доріа; потомъ виллы: вилла Памфили, вилла Медичи, вилла Боргезе...

— Хорошо, хорошо, ступай.

— Слушаю, eccelenza.

Оставшись одинъ, господинъ продолжалъ пересматривать карту, но уже пересталъ почавкивать и пожевывать, ибо черезъ карту однимъ глазомъ заглядывалъ на насъ. Во всѣхъ его движеніяхъ была замѣтна какая-то неловкость и недовѣрчивость; чего бы, кажется, не посмотрѣть на насъ прямо, бѣглымъ взглядомъ, но все-таки посмотрѣть; нѣтъ, положивъ карту, онъ окинулъ взоромъ всю комнату: шкапъ, на которомъ пирамидой стояли чистыя тарелки и въ безпорядкѣ лежали грязныя; огромную оплетенную соломой бутыль съ виномъ и вокругъ нея фоліэтты (особеннаго вида бѣлаго стекла бутылки и полу бутылки); осмотрѣлъ внимательно стоявшую на окошкѣ, почернѣвшую отъ времени соломенную корзинку, гдѣ хранились въ двухъ отдѣленіяхъ ножи, вилки и штопоръ; посмотрѣлъ и на кирпичный полъ и на потолокъ, на которомъ съ давнихъ временъ запечатлѣвались удары пробокъ и слѣды жидкостей отъ раскупориваемыхъ бутылокъ; постращалъ даже подошедшаго съ мурлыканьемъ и ворчаньемъ кота,

который, поднявъ голову и хвостъ и согнувшись въ дугу, потирался около его стула, — а насъ, людей, предметъ, по-моему, самый интересный въ комнатѣ, какъ будто не замѣчалъ, не удостоивалъ иного взгляда, какъ исподлобья, украдкой: точно онъ насъ боялся, или принималъ за уродовъ, на которыхъ не смотритъ, или только дѣлаетъ видъ, что не смотритъ—изъ вѣжливости.

Мы, изъ вѣжливости тоже, стали продолжать свой разговоръ.

— Что жъ намъ, къ Гверрѣ, что ли?—сказалъ Ферязевъ, возвращаясь къ оставленному безъ рѣшенія вопросу.

— Пожалуй, и къ Гверрѣ, отвѣчалъ Ѳедя:—тамъ, вѣрно, будутъ Митя, Вася и Хорьковъ.

— Или поѣхать верхомъ?

— Пожалуй, и верхомъ... только куда?—подхватилъ Ѳедя.— Во Фраскати нынче посвящали новаго кардиналъ-губернатора: вѣрно, будетъ праздникъ.

— Что Фраскати! Я недавно былъ во Фраскати: лучше бы въ Тиволи.

— Ну, въ Тиволи, такъ въ Тиволи! Только ужъ не перемѣнять. Такъ въ Тиволи?

— А вотъ подумаемъ.

— Ну, подумаемъ! У васъ все такъ! Нѣтъ, я, ужъ, если рѣшился, такъ и ѣду. Богъ знаетъ что... Этакъ, пожалуй, и никуда не поѣдемъ.

— Ахъ, Боже мой! Не поѣдемъ, такъ не поѣдемъ.

— Вотъ ты всегда такъ!

— Такъ что жъ! Будто насъ гонятъ ѣхать въ Тиволи. Ступай, если тебѣ хочется.

— Что жъ ты ко мнѣ присталъ, и еще при чужомъ человѣкѣ,—продолжалъ съ нѣжнымъ укоромъ Ѳедя, понизивъ голосъ и указывая на незнакомца: — не хочешь никуда ѣхать, такъ и я не поѣду.

Въ продолженіе этого разговора путешественникъ приходилъ все въ бо́льшее и бо́льшее безпокойство, чаще и чаще поглядывалъ на насъ исподлобья, поднося ложку ко рту. Наконецъ онъ положилъ ее на тарелку, опрокинулся на спинку стула, посмотрѣлъ на насъ прямо, любовно сдвинулъ вѣки глазъ и съ самой добродушной улыбкой произнесъ:

— Господа, кажется, я нахожусь посреди соотечественниковъ... Пріятно на чужбинѣ слышать русскій языкъ.

— Очень пріятно, — подхватилъ Ѳедя, вставъ съ мѣста и присѣвъ поближе къ незнакомцу:—а вы давно изволите быть въ Римѣ?

— Всего другой день и усталъ, какъ собака. Я пріѣхалъ сюда съ женою и дочерью, жену и дочь оставилъ въ отелѣ, а самъ говорю своему domestique des places: ну, веди, говорю, къ ресторану, гдѣ обѣдаютъ русскіе... Нарочно говорю, гдѣ обѣдаютъ русскіе. Такъ, знаете, хочется слышать родной языкъ.

— Да-съ; я ужъ который годъ за границей, — отвѣчалъ Ѳедя:—а тоже, знаете, очень пріятно. Antonio! Date mi una mezza folietta.

— Позвольте себя представить — можетъ-быть, слышали, вѣдь слухами земля полнится — дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Иванычъ Благочинный...

Хотя никто изъ насъ не слыхалъ этой фамиліи, но, вѣроятно, незнакомецъ считалъ себя за очень важное лицо, и потому видимо непріятно отозвалось въ его ушахъ наше: гм!.. свидѣтельствовавшее, что мы въ первый разъ слышали его имя.

— А съ кѣмъ имѣю честь...

Ѳедя поспѣшилъ отвѣчать за себя.

— Зоричевъ.

— По имени?

— Ѳедоръ Павлычъ.

— Изволили служить?

— Въ Пензѣ, въ канцеляріи губернатора.

— Не при Иванѣ ли Петровичѣ?

— Точно такъ.

— Какъ же-съ, знаю... то-есть не лично знакомъ, хоть мы и сродни... Да вотъ какъ, позвольте: сестра мужа моей племянницы за его двоюроднымъ племянникомъ, то-есть седьмая вода на киселѣ; но очень знаю. Пріятно вспомнить о знакомыхъ. Тѣмъ-то у насъ и хорошо, что все родные; близкіе или дальніе, а все-таки какъ-нибудь да родня. И Ѳедора Андреича знаете?

— Какъ же-съ, тёзки-съ; Ѳедоръ Андреичъ, что женатъ на Хрюкиной.

— Тотъ самый. Вѣдь онъ прежде служилъ въ Москвѣ, потомъ былъ прокуроромъ въ Рязани. Человѣкъ ходкій: онъ далеко уйдетъ. А Арсеній Иванычъ,—ужъ вѣрно знаете,— попался-было: тамъ скверное было дѣло, да спасибо добрымъ людямъ, помогли выпутаться; мнѣ, признаюсь, большихъ хлопотъ стоило. Только отставили отъ службы, а какое взысканіе было, такъ подвели подъ манифестъ.

— А вѣдь хорошій человѣкъ Арсеній Иванычъ?

— Да, хорошій человѣкъ, да дѣла не умѣетъ дѣлать по пословицѣ: шито да крыто... Да, скажите пожалуйста, вы не родня ли Зоричевымъ-Петровичамъ... кажется, Калужской губерніи имѣнье?

— Нѣтъ-съ, мы пензенскіе; а то, знаю, другіе Зоричевы: Валеріанъ Петровичъ, двоюродный братъ моего отца.

— Почтенный человѣкъ этотъ Валеріанъ Петровичъ: послужилъ отечеству..., вѣдь онъ морякъ, кажется, былъ?..

— Да, лѣтъ пятнадцать ластовымъ судномъ командовалъ.

— Съ достаточнымъ чиномъ въ отставкѣ; женился по любви, и съ состояньемъ взялъ; калужское-то имѣнье, это женино; жена-то хозяйка славная, не мотовка какая... и все... сынки въ службу опредѣлились, и молодые люди, могу сказать, прекрасные, безъ всякой этакой, знаете, дури...

Но я не въ силахъ слѣдить за дальнѣйшимъ перечнемъ именъ и лицъ. А жаль: если бы записывать всѣ подобные разговоры, особенно разсказы кумушекъ и дамъ, извѣстныхъ своимъ давнимъ знакомымъ только по имени и отчеству, переходящихъ у насъ изъ дому въ домъ, замѣняя собою листы газетъ разныхъ партій въ городахъ, гдѣ принята публичность дѣлъ и мнѣній, — какая бы вышла богатая пища для романиста и историка!

Въ этомъ перечнѣ были произнесены нѣкоторыя знакомыя мнѣ и Ферязеву имена; мы подсѣли къ Андрею Иванычу и общими силами занялись опредѣленіемъ родства и свойства людей, намъ вовсе чуждыхъ и извѣстныхъ только по наслышкѣ. Новаго не было сказано ничего: насъ сильно заняло возстановленіе фактовъ, какъ они есть. Должно отдать справедливость Ѳедѣ: онъ при семъ случаѣ развернулъ обширныя свѣдѣнія и достойно соперничествовалъ съ Андреемъ Иванычемъ. Этимъ онъ, кажется, заслужилъ болѣе насъ всѣхъ расположеніе гостя, который позволилъ себѣ съ нимъ пріятную небрежность въ разговорѣ, соблюдая всевозможную учтивость съ художникомъ, когда узналъ, что отецъ его не дворянинъ, и всячески старался, какъ подобаетъ благовоспитанному человѣку, показать ему, что, несмотря на его происхожденіе, онъ обращается съ нимъ какъ съ равнымъ. Наконецъ этотъ источникъ истощился. Оранжевый блескъ склонявшагося уже къ вечеру солнца, отражаясь отъ дома на противоположной сторонѣ улицы, блуждалъ яркими пятнами по закоптѣлымъ стѣнамъ, полу и потолку трактирной комнаты, отчего она казалась особенно душною. Несмотря на всю прелесть воспоминаній о далекой родной сторонѣ, это солнце напоминало намъ, что мы въ Римѣ, и Ѳедя, который тоже писалъ стихи, пробормоталъ два стиха изъ написанной имъ давно уже пьесы:

„А вѣчный городъ между тѣмъ
Дремалъ въ торжественномъ безмольѣ..."

Благочинный, кажется, тоже подпалъ вліянію этого солнца и сказалъ намъ:

— Я, кажется, засталъ васъ, господа, занятыми рѣшить вопросъ, какъ убить время. Если бы вамъ угодно было принять мое предложеніе, такъ сказать, мой проектъ, я бы, признаюсь, счелъ за особое удовольствіе. Не угодно ли вамъ поѣхать со мною осмотрѣть древній-то Римъ?

— Очень хорошо.

— Вамъ вѣдь все извѣстно; я только въ этомъ дѣлѣ профанъ.

— Ничего-съ, ничего-съ.

— Все утро протаскался сегодня. Петра видѣлъ. Экая громадина! Говорятъ, Пантеонъ весь уставится... Куполъ-то какой! Экій мастеръ этотъ Микель-Анджело: какую громадину, такъ сказать, повѣсилъ въ воздухѣ... Да-съ, славная штука! Немножко только на залу похоже: знаете, есть что-то такое бальное, праздничное.

Сдѣлавши счетъ съ трактирнымъ слугою, Андрей Иванычъ бросилъ ему два паола на водку, сказавши по-русски: „Вотъ тебѣ, братецъ“, что значило въ его же переводѣ на французскій языкъ—c'est à vous, за что послѣдній изогнулся въ три погибели, весь превратился въ движеніе, чтобы подать щедрому eccelenza пальто, величая его уже чуть не папскими титулами, стряхнулъ пыль съ его шляпы, почистилъ сюртукъ, провелъ рукавомъ по бархатному воротнику, отеръ грязь съ панталонъ, подышалъ на сапоги и ловкимъ взмахомъ неизвѣстно откуда явившейся щетки возвратилъ ихъ къ первоначальному блеску.

Чичероне уже дожидался Андрея Иваныча на улицѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Андрей Иванычъ остановился передъ выставленнымъ на улицѣ ящикомъ, въ которомъ подъ стекломъ разложены были разные камни съ головою Медузы, съ головою Юпитера Олимпійскаго, съ двумя голубками, сидящими на чашѣ, съ Сатиромъ, ласкающимъ козу, и quasi-портретами многихъ великихъ людей, отъ которыхъ исторія сохранила только одни имена. Вдругъ мы были поражены восклицаніемъ Ѳеди, увидѣвшаго издали троихъ художниковъ-пейзажистовъ, возвращавшихся обѣдать изъ-за города, съ папками подъ мышкой и толстыми палками, превращавшимися въ случаѣ нужды въ треножники.

— Митя, Вася и Хорьковъ!—воскликнулъ Ѳедя:—вы откуда? Что же вы мнѣ не сказали вчера, что хотите пойти сегодня писать съ натуры? Я бы пошелъ съ вами... Эхъ, какіе, право! Особенно тебѣ стыдно, Митя; а вѣдь я тебя еще вчера ночью доводилъ домой отъ скалинады.

— Да мы вчера и не думали...

— То-то не думали... Вы еще не обѣдали?

— Идемъ обѣдать.

Пейзажисты одни только свободнѣе прочихъ обывателей Рима въ выборѣ времени для пищи и вдохновенія, ибо ихъ модели слѣдуютъ по своему организму другому способу питанія, нежели модели скульпторовъ и историческихъ живописцевъ.

— А ты много начертилъ, Вася?

— Да, кое-что.

— Ну, братъ, я пойду съ тобой, покажи... а все-таки вамъ стыдно. Извините меня, милостивый государь,—сказалъ онъ, обратясь къ Андрею Ивановичу: — мнѣ надобно посмотрѣть рисунки—вотъ—ихъ. Славно чертятъ. Все равно, вѣдь вы воротитесь къ Ave Maria; я буду васъ дожидаться тутъ же въ трактирѣ и нарочно никуда сегодня не пойду.

— Какъ вамъ угодно.

— Мнѣ совѣстно, право... но, ей-Богу, очень нужно!..

Вся нужда Ѳеди состояла только въ его потребности къ перемѣнѣ лицъ. Долго онъ не могъ оставаться ни съ кѣмъ, по сангвиническому своему темпераменту.

— Помилуйте, между земляками что̀ за церемоніи!—Андрей Иванычъ и Ѳедя дружески и долго жали другъ другу руки.

— И ты придешь, Сережа?—спросилъ Ѳедя, обратясь къ художнику.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ тотъ.

— И ты, Аполлонъ?

— Можетъ-быть.

— То-то же, приходите... а мнѣ, право, нужно.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Ѳедя опять закричалъ намъ:

— Смотрите же, не забудьте... Я знаю, ты не придешь, Сережа?.. Смотри же, не обманите.

Ферязевъ не отвѣчалъ ничего; я обернулся, готовясь отвѣчать Ѳедѣ не совсѣмъ учтиво, и увидѣлъ, что онъ уже подхватилъ подъ руки Митю и Хорькова, говорилъ имъ что-то и, обернувшись къ намъ, опять закричалъ:

— Приходите же къ Ave Maria.

Они исчезли въ трактирныхъ дверяхъ, мы повернули изъ Via Condotti на Корсо.

Отсутствіе Ѳеди произвело непріятное впечатлѣніе на Андрея Иваныча: онъ сдѣлался какъ будто не тотъ. Очевидно, Ѳедя понравился ему болѣе всѣхъ; изъ нѣсколькихъ словъ Андрей Иванычъ, какъ русскій человѣкъ, проникъ его насквозь и

полюбилъ за то, что чувствовалъ надъ нимъ нѣкоторое превосходство: съ Ферязевымъ онъ былъ вѣжливъ и не позволялъ себѣ искренней шутки—по извѣстнымъ причинамъ. На меня смотрѣлъ какъ-то недоброжелательно, натянуто, стараясь казаться умнѣе, чѣмъ онъ былъ. Вѣроятно, мое званіе литератора его сильно пугало: со званіемъ литератора эти господа соединяютъ непремѣнно идею человѣка очень ученаго и—главное—пересмѣшника; попасться подъ перо писателя, служить ему матеріаломъ для сатирическаго очерка,—для нихъ это сущее наказаніе, почти все равно, что попасться нечаянно подъ судъ. Страшная вещь, въ самомъ дѣлѣ, узнать себя въ повѣсти или въ комедіи, даже подъ другимъ именемъ: такъ и кажется, что всѣ пальцемъ указываютъ; знакомые называютъ васъ по имени, кажется, думаютъ про себя другое и шепчутъ имя, которымъ назвалъ писатель своего героя; лакей вашъ, вовсе чуждый успѣховъ литературы, приходящій на вашу кличку, только-что продравъ глаза, изъ передней, гдѣ дремалъ въ весьма неспокойномъ положеніи,—тоже, кажется, хочетъ сказать: а барипъ-то мой то-то или то-то; даже незнакомая собачонка, которая, потерявъ хозяина и назябшись вдоволь на морозѣ, забѣжала на вашу лѣстницу и пригрѣлась въ углу на веревочномъ половикѣ, подымаетъ изъ любопытства, когда вы проходите мимо нея, свое остренькое рыльце, чтобъ посмотрѣть украдкой въ натурѣ на такое лицо, которое мастерски осмѣяно... Горе, да и только! Ну, собачонку толкните ногой и накажете за дерзость; лакею тоже можно причинить непріятность; а вотъ со знакомыми-то плохо. Бѣда, да и только!

Вслѣдствіе всего этого, разговоръ нашъ принялъ оборотъ серьезный: о неудобствахъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ вообще, о тихой ѣздѣ ветуриновъ, о воровствѣ въ отеляхъ и проч. Это бы продолжалось еще далѣе; Богъ знаетъ, распахнулся ли бы Андрей Иванычъ и сказалъ ли бы о чемъ-нибудь свое мнѣніе, если бъ новая встрѣча съ неизвѣстнымъ мнѣ дотолѣ господиномъ, который оказался впослѣдствіи Петромъ Сергѣичемъ Чупруновымъ, не возвратила ему прежняго расположенія и бодрости духа.

Петръ Сергѣичъ Чупруновъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Благочинным изъ Милана до Флоренціи, гдѣ Благочинный оставался нѣсколько времени, а Чупруновъ прежде него пріѣхалъ въ Римъ. Съ первыхъ словъ его можно было судить, что это человѣкъ начитанный и горячо сочувствующій всѣмъ вопросамъ науки и жизни.

— Откуда вы, почтеннѣйшій, и куда?—спросилъ его Благочинный, заключая его въ свои объятія.

— Да вотъ-съ, глазѣлъ на вѣчный городъ-то.

— А не угодно ли вмѣстѣ съ нами, идемъ. Эти господа уговорили меня итти пѣшкомъ смотрѣть древности... Вы, чай, уже всѣ видѣли?

— Какъ же-съ. Впрочемъ, вѣдь это не то, чтобы посмотрѣть на какія-нибудь казармы,—отвѣчалъ Чупруновъ, окинувъ насъ проницательнымъ взглядомъ.

Вѣроятно, съ перваго разу онъ счелъ насъ образованными людьми, ибо принялъ совсѣмъ другое выраженіе лица, другой тонъ и слогъ, стараясь рисоваться передъ нами не только въ живописныхъ позахъ, но и самыми рѣчами придать себѣ поэтическій характеръ. Съ первыхъ словъ его видно было, что онъ корчилъ изъ себя либерала и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые ругаютъ русское, не умѣя различить ни добра ни зла и, разумѣется, довольствуясь желчными общими фразами. Онъ вообще говорилъ съ жаромъ; рѣчь его я всегда сравнивалъ съ заслуженнымъ конемъ, на которомъ выѣхалъ передъ толпу на площадь молодой всадникъ, который его безъ нужды горячитъ и шпоритъ, заставляетъ артачиться и становиться на дыбы.

— Молодецъ!—восклицаетъ, видя его, дама, питающая особенную склонность къ военнымъ.

— Дѣти, дѣти! Катя, Вася! Куда вы! Какъ разъ шарахнетъ!—кричитъ нѣжный отецъ семейства, идущій съ дѣтьми и женою обѣдать къ пріятелю или родственнику, вовсе не ожидавшему прибавленія полдюжины кувертовъ за скромнымъ столомъ своимъ.

— Еще не обжегся, дурень! — говоритъ здравый смыслъ, олицетворенный въ приземистомъ, плечистомъ мужичкѣ, съ окладистой русой бородой, въ синей рубахѣ, мимо проходящемъ тутъ съ топоромъ за поясомъ и безъ бережи ступающимъ своими непромокаемыми сапогами въ глубокую грязную лужу.

— Тутъ вѣдь,—продолжалъ Чупруновъ:—чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе вбираешь въ себя поэзію, чувствуешь, что становишься выше своей земной оболочки. Право, на васъ вѣетъ вдохновеньемъ Байрона и Шекспира.

— Да, — замѣтилъ я: — я чувствую, что только здѣсь, въ Римѣ, началось мое эстетическое воспитаніе, а вѣдь это именно та сторона, которая въ насъ не можетъ быть развита въ Россіи безъ какихъ-нибудь особенно благопріятныхъ обстоятельствъ.

— Ха-ха-ха! Вздумали искать эстетическаго образованія въ этой любезной странѣ, близкой къ морю Гиперборейскому,

въ мірѣ мелкаго чиновничества, скучной форменности, полудикихъ степняковъ.

Чупруновъ остановился, смотря, какъ поразилъ онъ насъ своимъ эффектомъ.

— Счастливы вы, — продолжалъ онъ: — если, углубясь въ самого себя, зарывшись въ библіотекѣ, питая свой духъ классическимъ чтеніемъ, устраняете себя отъ соприкосновенія съ грубой дѣйствительностью. Только тогда дѣвственная душа сохраняетъ свою чистоту, какъ дѣва свою непорочность. Только тогда въ душѣ вашей, какъ говоритъ этотъ мечтатель Руссо, который сказалъ такъ много правды, вы сохраните ce feu divin qui brûle sans cesse, et ne se consume jamais...

— Фу, какая красота!—воскликнулъ вдругъ Андрей Иванычъ, почти остолбенѣвъ, пораженный красотою шедшей намъ навстрѣчу молодой женщины въ аломъ спенсерѣ, въ легкомъ вуалѣ, прикрѣпленномъ золотой стрѣловидной булавкой къ черной съ сизымъ отливомъ, огромной косѣ. Яркія очи ея, полныя увѣренности въ своей красотѣ, блеснули молніей ему прямо въ глаза; легкая улыбка не то презрѣнья, не то насмѣшки, но полная веселья и гордости, оживляла уста ея; нельзя было ее увидѣть, не почувствовавъ крайняго смущенія... Боже мой! Какая смѣлость красокъ: коса, бровь ужъ черны, такъ черны! Уста—пурпуръ! Сквозь слегка загорѣвшую кожу румянецъ переливался бархатнымъ отливомъ во всю щеку, какъ заря на легкомъ облакѣ; бѣлизна зубовъ блестѣла сквозь граціозно открывшіяся губки... И не боялась она яркости цвѣтовъ костюма: алый спенсеръ не убивалъ алыхъ устъ, щеки какъ будто гордились свою жизненностью подлѣ бѣлоснѣжнаго покрова; яркія очи не пугались блеска золотыхъ серегъ и алмазоподобныхъ стразъ, какъ бы зная, что они поразятъ прежде металла и камней; а млечно-жемчужное, нѣсколько разъ около шеи обмотанное ожерелье только выставляло бѣлизну зубовъ; и, несмотря на эту роскошь цвѣтовъ и красокъ, ни одна не выдавалась впередъ, ни одна не рѣзала глазъ, а все было въ гармоніи, какъ въ ярко-колоритной и гармонической картинѣ Карла Дольче.

Мы остановились. Она опять оглянулась на насъ съ усмѣшкой, очевидно, замѣтя впечатлѣніе, которое произвела своимъ появленіемъ. И какъ смотрѣла она! Прямо, безъ наглости, какъ человѣкъ, въ своемъ правѣ находящійся, не исподлобья, не щурясь; смотрѣла, какъ будто бы хотѣла сказать: „Ну, ну, поглядите еще, глядите... вамъ вѣдь, чай, не случалось видѣть ничего подобнаго...“

Андрей Ивановичъ былъ совершенно уничтоженъ. Чичероне замѣтилъ это и поглядывалъ на него, закусивъ языкъ, очевидно, что-то задумывая. Въ эту минуту лицо его, окаймленное густыми бакенбардами, какъ у орангутанга, имѣло въ себѣ что-то сатанинское.

— Высочайшая поэзія! — повторялъ про себя Чупруновъ, провожая глазами красавицу.

Ферязевъ впалъ въ задумчивость; въ лицѣ его выразились глубокое страданіе и трогательная меланхолія, какъ будто бы онъ встрѣтился съ врагомъ, хамелеономъ, принимавшимъ передъ нимъ тысячу различныхъ формъ, одна другой неуловимѣе и прекраснѣе, съ врагомъ, съ которымъ онъ давно борется втайнѣ, побѣдить не можетъ и только съ каждымъ опытомъ чувствуетъ все болѣе и болѣе собственное безсиліе.

Чупруновъ и я, мы опомнились первые и пошли далѣе. Ферязевъ отсталъ, полный самъ собою; Благочинный шелъ тоже поодаль, вмѣстѣ съ чичероне, который говорилъ ему что-то съ таинственнымъ видомъ, отъ чего Андрей Иванычъ щурилъ глаза, ежился, подгибая затылокъ къ лопаткамъ, и облизывался.

— Такъ вотъ-съ, я продолжаю нашъ разговоръ, — говорилъ мнѣ Чупруновъ: — какъ же вы хотите эстетическаго образованія тамъ, когда ничего не возвышаетъ души вашей? Вѣдь вотъ-съ, напримѣръ, прошла эта мѣщаночка... Одни глаза ея могутъ васъ сдѣлать героемъ добродѣтели или величайшимъ злодѣемъ... Прошу покорно наглядѣться на сѣренькіе или свѣтло-небесные глазеночки какой-нибудь съ виду гётевской барышни и почувствовать въ себѣ силу на все великое и прекрасное!.. А вѣдь вы, тотъ же самый человѣкъ, почувствовали бы ее въ груди своей, упиваясь созерцаніемъ очей этой волшебницы, похищая молніи изъ нихъ, чтобы проявить ихъ потомъ міру въ геройскомъ подвигѣ. Изъ вашихъ устъ полилась бы пѣснь, достойная Тасса или Аріоста, которые не боялись яркихъ образовъ, рѣзкихъ словъ и громадныхъ сравненій, все оттого, что окружающая ихъ природа грандіозна и многоцвѣтна. Понятно, что мы должны быть, какъ сказалъ этотъ увѣнчанный бѣглецъ Дантъ, когда, проходя по аду, увидѣлъ проносившуюся передъ его глазами толпу, подобно песку, крутимому ураганомъ; они противны Богу, равно какъ и врагамъ его... не будемъ говорить о нихъ, взгляни и иди мимо...

Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.

Ну, вотъ, напримѣръ, поглядите: идетъ другая фигура... Я прозакладываю голову, что это дорогой соотечественникъ... Печать отверженія на челѣ... Вы себѣ представить не можете, какъ гнететъ душу видъ жалкаго человѣчества, пресмыкающагося у ногъ вашихъ! Душа отвращается отъ этой грустной картины!

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ шелъ шалопай въ голубовато-сѣрой куртвѣ изъ толстой холстины, въ такихъ же штанахъ, съ мѣдной сережкой въ ухѣ, бѣлокурый, курносый малый лѣтъ двадцати; то, разинувъ ротъ, смотрѣлъ онъ по сторонамъ, то принималъ какое-то насмѣшливое, хитроватое выраженіе, какъ будто бы что-то смекая. Увидя насъ, онъ посторонился, снялъ шляпу и значительно осклабился.

— Скиоъ, скиоъ! — говорилъ, глядя на него, Чупруновъ, котораго очень забавляло это явленіе на стогнахъ всемірнаго града. — Только онъ не похожъ на своего предка, умирающаго гладіатора... Желалъ бы я знать его впечатлѣнія въ путешествіи... какими глазами онъ на все смотритъ?.. Чего добраго! Можетъ-быть, эти развалины такъ же на него подѣйствовали, какъ и на меня: такъ бы и не разсталсясъ ними!

Андрей Иванычъ принималъ слова Чупрунова съ принужденной улыбкою. Его насмѣшки ему не нравились, вѣроятно, потому, что смѣяться надъ простотою обнаруживаетъ въ человѣкѣ дурное сердце. Онъ не выдержалъ и успѣлъ шепнуть мнѣ:

— Какой языкъ у этого Чупрунова, а вѣдь подите-ка, какъ разсуждаетъ о добродѣтели и любви къ ближнему! Виноватъ ли этотъ малый, что онъ не такъ воспитанъ, какъ Чупруновъ... да и много ли онъ самъ-то понимаетъ! У него все слова да слова! И зачѣмъ раздражать его насмѣшкой!..

Эта черта добраго сердца, какъ мнѣ казалось, очень мнѣ понравилась. Вѣроятно, чтобъ приласкать бѣднягу, онъ ласково заговорилъ съ нимъ:

— Что, Ванька, тоже Римъ осматриваешь?

— Какъ же-съ.

— Хорошо?

— Помѣщеніе великое.

— Ну, ступай, ступай, дуракъ, съ нами. Надѣнь фуражку-то. Здѣсь вѣдь солнце не такое, какъ у насъ.

Ванька отправился за нами. Но Благочинный съ него глазъ не спускалъ и опять нѣсколько разъ оборачивался, спрашивая Ваньку: „Знаетъ ли барыня, что онъ отлучился, или самъ по себѣ онъ ушелъ“, и опять былъ озадаченъ, узнавъ, что

барыня почиваютъ, а Ванька думалъ-было выйти за ворота, да вотъ, сбившись съ дороги, очутился въ древнемъ Римѣ. Даже радость его при встрѣчѣ съ нами не разсѣевала неудовольствія Андрея Иваныча.

Между тѣмъ мы поднялись по лѣстницѣ, ведущей въ Капитолій, и, минуя постройки Микель-Анджело, подошли къ другому спуску съ горы, откуда открылся намъ видъ древняго Рима. Уже вечерѣло: искрасна-золотые лучи солнца освѣщали кирпичное зданіе Колизея, чертили яркую линію свѣта на почернѣлыхъ колоннахъ, оставшихся одинокими отъ древнихъ храмовъ; тутъ Палатинскій холмъ, на которомъ виднѣлись своды императорскихъ дворцовъ, увѣшанные массами темной зелени, поросшіе лабиринтомъ сухихъ колючихъ терновъ, изъ среды которыхъ свѣшивались свѣтло-зеленаго цвѣта гигантскіе листья алоэ или подымались игловатые кактусы; внизу темныя тріумфальныя арки, вросшія въ землю, отверстія которыхъ освѣщены изнутри яркимъ лучомъ солнца: тамъ форумъ, обстроенный хижинами и маленькими капеллами, въ стѣны которыхъ вмазаны торчавшія тутъ изъ земли, до половины ею засыпанныя мраморныя и гранитныя колонны, — форумъ, заслоненный тѣнью отъ окружающихъ его холмовъ... И все это: Колизей, обломки, домики, арки, колонны, зелень, двуколесныя телѣжки и волы, подъ ярмомъ стоявшіе у низкой темной остеріи, и мужикъ въ синей куртѣ, въ красной жилеткѣ, въ синихъ панталонахъ и въ конусообразной шапкѣ, и вдали, на холмѣ, профиль дѣвочки, въ бѣломъ покрывалѣ, смотрѣвшей въ даль и прикрывшей рукою глаза, заслоняя ихъ отъ лучей солнца, свѣтившаго ей прямо въ лицо, — все это рисовалось яркими, горячими красками на далекомъ холодномъ фонѣ римской пустыни, окаймленной лиловымъ силуэтомъ Сабинскихъ горъ.

— Когда я вижу эти священные обломки,—сказалъ Чупруновъ: — я всякій разъ сравниваю себя съ Освальдомъ; недостаетъ только Коринны, которая бы освѣтила ихъ передо мною новымъ свѣтомъ, ярче и теплѣе этого солнца.

Андрей Иванычъ глядѣлъ какъ-то равнодушно. Холоденъ ли онъ былъ вообще къ красотамъ природы и руинъ въ особенности, или забѣжала въ его душу какая-нибудь тревога, не знаю. Только, пользуясь тѣмъ, что всѣ занялись созерцаніемъ картины, онъ подошелъ къ Ванькѣ, который стоялъ въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи и съ участіемъ смотрѣлъ, какъ двое черноглазыхъ мальчишекъ, привязавъ за хвостъ кошку, хотѣли заставить ее взойти на ступени Капитолія задомъ напередъ, и сказалъ ему:

— Что, Ванька, а вѣдь у насъ дома-то все лучше?

— Какъ же можно-съ. Здѣсь народъ все такой, безъ обхожденія.

— Правда, правда.

— А это-съ словно послѣ пожара: кіятеръ это, что ли? Да у насъ новый и невримѣръ лучше будетъ. Трухмальныя-то ворота наши будутъ супротивъ здѣшнихъ попригляднѣе. Ишь, тутъ рыцари налѣплены все какіе-то безносые, а нашего чугуна не скоро отковырнешь, да и не позволяютъ. А тутъ и присмотру нѣтъ никакого: швырнулъ камнемъ да и пошелъ себѣ.

— Такъ дома лучше?

— Какъ же-съ.

— А къ женѣ хочется?

— Какъ не хотѣться.

— Скоро, скоро воротимся; мнѣ ужъ и самому все здѣсь надоѣло.

Ванька въ эту минуту такъ посмотрѣлъ на Андрея Иваныча, что, будь они въ другихъ отношеніяхъ, онъ кинулся бы его обнимать.

Андрей Иванычъ, очевидно, успокоился насчетъ вкусовъ Ваньки и подошелъ къ намъ.

— Онъ хорошій малый и ко мнѣ привязанъ,—сказалъ онъ, ровняясь съ нами.—У иныхъ люди бѣгаютъ за границей... Я же могу быть покоенъ.

Мы спустились съ горы. Чупруновъ овладѣлъ мною, говорилъ о высокой доблести и добродѣтеляхъ древнихъ римлянъ, о превосходствѣ человѣка надъ прочими животными, и сыпалъ цитатами изъ старыхъ и новыхъ писателей. Андрей Иванычъ наткнулся на Ферязева, который остановился, разсматривая двѣ древнія колонны, служившія порталомъ маленькой капеллѣ, въ которой оставленъ былъ также по неразумѣнію строителей обломокъ барельефа, изображавшаго языческій обрядъ жертвоприношенія быка. Благочинный подошелъ къ нему и ласково сказалъ:

— Сейчасъ виденъ художникъ. Что, барельефъ разсматриваете?

— Вздорный обломокъ временъ паденія.

— Ну-съ, а колонны?

— Колонны чистаго стиля.

— А какого онѣ ордена: доминиканскаго или францискапскаго?

Ферязевъ посмотрѣлъ на него пристальнѣе и отвѣчалъ, скрывъ улыбку:

— Нѣтъ, коринескаго.

— То-то, вѣдь ихъ много; трудно ихъ различать: всѣ какъ-то между собою схожи. А скажите, пожалуйте, что же называется древнимъ Римомъ?

— Да вотъ, что вы видите.

— Только и есть? Эти обломки? Вѣдь правду сказать, всего хорошаго-то тутъ и есть Колизей, а то вѣдь смотрѣть нечего. Отчего же это здѣсь не подновляютъ ничего?.. Я совсѣмъ иначе представлялъ себѣ древній Римъ; во-первыхъ, я этихъ быковъ сюда бы не пустилъ, этой нечистоты тоже бы не потерпѣлъ; зарости этому бы ничему не далъ... Во-вторыхъ, я думалъ, что въ самомъ дѣлѣ есть древній Римъ, что это особенный городъ, что это все дворцы, и что ихъ показываютъ, что и улицы есть.

— И древніе римляне, — подхватилъ Ферязевъ, видя, что Андрей Иванычъ никогда не представлялъ себѣ древняго Рима или не могъ себѣ отдать отчета въ своемъ представленіи. Замѣтивъ, что его шутка произвела непріятное впечатлѣніе на Благочиннаго, онъ прибавилъ: — Да-съ, воображеніе иногда Богъ знаетъ что создаетъ.

— Правда, правда, особенно вы, молодые люди, увлекаетесь Богъ знаетъ чѣмъ. Охъ, молодые люди, у васъ все какая-то фантасмагорія въ головѣ... Чай, и вы тоже, живя за границей, набрались Богъ знаетъ какихъ идей! Цивилизаціи... чортъ знаетъ чего еще!.. Что старики уважали, ужъ, чай, и знать не хотите!.. Вамъ все даромъ давай, мѣсто, почести, денегъ; звѣзды съ неба захотѣли — намъ и звѣзды давай. Вотъ вамъ мой совѣтъ, примите, пожалуйте, говорю вамъ отъ сердца, потому что всѣмъ желаю добра: вѣрьте мнѣ, это все пустяки, это все никуда не годится... бросьте!

— Да что бросить-то?

— Не хорошо, не хорошо... всѣ эти идеи... поживете, скажете: былъ добрый человѣкъ, говорилъ правду...

Ферязевъ, очевидно, былъ въ затрудненіи, отвѣчать или воздерживаться отъ отвѣта на эти наставленія, сказанныя съ такою искренностью и желаніемъ добра; Андрей Иванычъ былъ совершенно доволенъ своимъ, какъ онъ думалъ, преимуществомъ человѣка умнаго и опытнаго и, въ безмолвіи, съ минуту глядя на художника, наслаждался своимъ торжествомъ...

— А это что такое?—вдругъ спросилъ онъ, отвлеченный отъ своего предмета толпою выходившихъ изъ Колизея босоногихъ капуциновъ, громко и на одну басовую ноту пѣвшихъ латинскій канонъ, сопровождаемыхъ множествомъ женщинъ, маль-

чишекъ, калѣкъ, нищихъ, праздныхъ гуляк, набожныхъ стариковъ и двухъ чрезвычайно прямыхъ англичанъ, съ гидами подъ мышкой и съ чичероне.

— Это процессія, которая по пятницамъ всегда бываетъ въ Колизеѣ вечеромъ, передъ Ave Maria. Жаль, что мы не поспѣли къ проповѣди: живописная картина!

— Кто жъ говоритъ проповѣдь?

— Кто-нибудь изъ этихъ монаховъ.

— А какого они ордена?

Ферязевъ опять скрылъ улыбку и отвѣчалъ, стараясь сохранить безразличное выраженіе:—„Іоническаго“.

— Праздношатальцы!—произнесъ, покачавъ головою, Андрей Иванычъ. — Чай, у нихъ все притворство и истинной религіи ни на грошъ нѣтъ. Ишь, какіе здоровые и молодые! Если бы теперь былъ Наполеонъ, онъ бы всѣхъ ихъ въ алжирскую армію отправилъ! Да скажите, пожалуйте, отчего это здѣсь такъ много празднаго народу на улицахъ: нечего, что ли, имъ дѣлать? Ужели у нихъ нѣтъ никакой службы? Вѣдь, право, жаль, какъ убиваетъ себя молодежь. Охъ, кабы дали мнѣ все это въ руки, я бы все это поставилъ на ноги.

Между тѣмъ я шелъ вмѣстѣ съ Чупруновымъ.

— Скажите,—спросилъ я:—вы давно знаете Благочиннаго? Что это за человѣкъ?

— Какъ же-съ; вѣдь, шатаясь въ обществахъ въ столицѣ, кого-кого не знаешь. Дюжинная натура. Пришелъ въ Петербургъ съ двумя грошами за пазухой и разными средствами нажилъ до пятидесяти тысячъ годового дохода. Теперь всѣ ему кланяются; всѣмъ человѣкъ нужный. Женился на дочери человѣка очень хорошей фамиліи, передъ которой деньги его замѣнили титла... Говорятъ, жили счастливо: впрочемъ, кто ихъ знаетъ, это не наше дѣло... Такъ-съ Андрей Иванычъ дочку выкормилъ, ростомъ чуть не съ добраго гайдука: охотница полькировать и мечтать при лунѣ, лепечетъ по-французски и мѣтитъ выйти за князя или графа; какъ ни говорите, а пятьдесятъ тысячъ придаютъ ей и ума, и чувства, и всякаго совершенства... Женитесь-ка.

— Зачѣмъ же онъ поѣхалъ за границу?

— Да вѣдь всѣ ѣдутъ: вотъ и онъ: а возвратится, посмотрите, какія вещи будетъ разсказывать. Онъ ужъ и теперь говоритъ, что Микель-Анджело въ архитектурѣ хорошъ, а въ живописи — мужикъ, что Гвидо писалъ только одной вохрой!..

Хотя мы всѣ пріустали, но Андрей Иванычъ и Чупруновъ, изъ вѣжливости, что ли, или боясь показаться нелюбопытными, не предлагали возвратиться домой или подъ сѣнь гостепріим-

наго трактира, гдѣ дожидался насъ Ѳедя. Всѣ мы невольно отдались въ распоряженіе чичероне, разсчитывавшаго, что вознагражденіе его должно быть пропорціонально числу его шаговъ и сообразно съ усталостью путешественниковъ. Одинъ Ванька шелъ, какъ-то жалко понуря голову; думалъ онъ Богъ знаетъ о чемъ, или что, можетъ-быть, теперь бы онъ завалился на печку и посматривалъ бы оттуда, свѣсивъ голову, какъ его Авдотья, заткнувъ за поясъ конецъ платья, возится около дымящейся лохани и синитъ и мылитъ здоровыми красными руками бѣлье, а онъ съ своего Олимпа отпускаетъ на ея счетъ, говоря ей *вы*, разныя любезности и остроты, на которыя она отвѣчаетъ ему бранью; или, можетъ-быть, воображалось ему, что вотъ онъ пришелъ домой съ другого конца города, что онъ назябся и присѣлъ молча оттаивать у печки, и что Авдотья уже втихомолку мастеритъ ему кофейнко и разгорѣлась вся, возясь около накаленной плиты... А можетъ-быть, поразумалъ онъ, что вотъ теперь и Авдотья его пригорюнясь гадаетъ, гдѣ-то онъ, ея голубчикъ, и куда-то повезли его, сердечнаго, и что тамъ ему хорошо, и что онъ забудетъ ее, горемычную, промѣняетъ на какую-нибудь интриганку заморскую, которая зачаруетъ его и ласковыми рѣчами и сладкими поцѣлуями, и кормитъ и поитъ всякими лакомствами и сластями... Да, сластями! Хороши сласти! Иди себѣ осматривать кирпичъ или мусоръ! И не съ кѣмъ слова перемолвить. Тѣмъ не менѣе однако Ванька смотрѣлъ и Колизей, и термы Тита, и слышалъ, что о нихъ что-то говорили, чего онъ не понялъ, да и понимать не хотѣлъ; и опять долженъ былъ невѣдомо куда поплестись за неумолимымъ чичероне; а чичероне взялъ отъ Колизея вправо, обѣщая показать намъ большой циркъ, домикъ Ріенци, храмъ Весты и еще множество, какъ говорилъ онъ, прекрасныхъ вещей. По счастью, дѣло приняло другой оборотъ. Едва обогнули мы холмъ Палатинскій, какъ увидѣли старичка высокаго роста, съ сѣдыми волосами, нѣсколько сгорбленнаго, одѣтаго въ пурпуръ и въ красной скуфеечкѣ на головѣ. По обѣимъ сторонамъ его шли два господина въ сюртукахъ: одинъ былъ молодой человѣкъ высокаго роста; но, несмотря на изящно скроенное платье, онъ имѣлъ что-то дубоватое въ своей фигурѣ: лицо открытое, съ рыжими, тонкими бакенбардами, подобранными волосокъ къ в лоску; цвѣтъ лица и рукъ бѣлый, какъ у женщины; румянецъ во всю щеку; умные, свѣтлые глаза, счастливо образованный лобъ. Вообще его бы можно было назвать красивымъ молодымъ человѣкомъ, если бы нижняя челюсть и нижняя губа значительно не выдавались впередъ и не поглощали

верхней такъ, что каждую минуту казалось, что вотъ онъ такъ и скажетъ: *Yes*. Другой былъ маленькій, худенькій старичокъ, съ орлинымъ носомъ, съ блѣдными голубыми, хитрыми глазами, со звѣздой на сюртукѣ. Оба они, впрочемъ, рѣзко отличались отъ умнаго, но добродушнаго лица кардинала, съ его проницательнымъ, но мягкимъ выраженіемъ глазъ. Сзади ихъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, шли двое служителей, въ треугольныхъ шляпахъ, съ галунами, въ старинныхъ французскихъ камзолахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Замѣчательно, что они оба смотрѣли важнѣе и величавѣе своего господина, котораго черный съ алымъ подбоемъ плащъ несли на рукахъ. Сзади ихъ шагомъ ѣхала золотая карета. Народъ, попадавшійся навстрѣчу кардиналу, становился передъ нимъ на колѣни, и кардиналъ, продолжая разговоръ со своими спутниками, умѣлъ сопровождать благодушною улыбкою благословеніе, которое мимоходомъ давалъ народу.

Мы сняли шляпы. Кардиналъ посмотрѣлъ на насъ и, увидя Ферязева, сказалъ по-французски: „Кажется, это нашъ сіенскій Буонаротти. Здравствуйте, любезнѣйшій другъ мой! Я, признаюсь, чрезвычайно желалъ васъ видѣть; сегодня заѣзжалъ къ вамъ въ мастерскую и любовался вашею неоконченною мадонною... *bella fanciullina*... Вашъ плутишка-мальчикъ дѣлаетъ фуроръ... О немъ много у меня говорили... Зайдите ко мнѣ завтра вечеромъ, многіе желаютъ съ вами познакомиться: вы мнѣ позволите себя имъ представить".

Оба спутника кардинала тоже пожали руку Ферязеву и сказали нѣсколько любезностей.

— Приходите же,—продолжалъ кардиналъ по-французски:— впрочемъ, чтобы обязать васъ непремѣнно исполнить мое желаніе, я выскажу его звуками, вѣроятно, пріятными для вашего слуха:—приходите, пожалуйста, я васъ ожидаю,—произнесъ онъ, съ нѣкоторою разстановкою, по-русски.

Ферязевъ почтительно благодарилъ, говоря, что онъ не преминетъ, и проч.

— Кто это?—спросили въ одинъ голосъ Андрей Иванычъ и Чупруновъ Ферязева, когда тотъ къ нимъ присоединился.

— Кардиналъ Меццофанти; а тѣ — британскій и австрійскій посланники.

Чупруновъ и Благочинный торопливо обернулись назадъ, чтобы посмотрѣть вслѣдъ удалившемуся кардиналу, потомъ посмотрѣли на Ферязева, какъ бы желая удостовѣриться, тотъ ли это Ферязевъ: но онъ былъ дѣйствительно не тотъ къ ихъ глазахъ.

— Вы знакомы съ кардиналомъ?—спросилъ Чупруновъ и

отвѣчалъ самъ себѣ: — впрочемъ, вѣдь эти господа гоняются за популярностью, ловятъ всякаго... я думаю, у него бываетъ скука смертельная.

— Нѣтъ, нѣтъ, злодѣй вы, право, злодѣй! Такъ-таки ничего не скажете о своемъ талантѣ,—говорилъ Благочинный, обратясь къ Ферязеву съ добродушно-шутливымъ выраженіемъ:—молчитъ, какъ рыба!.. Позвольте по крайней мѣрѣ имѣть честь побывать въ вашей мастерской, тоже подивиться и намъ вашимъ произведеніямъ... Мы вѣдь профаны, знаете, не то, чтобъ разбирали умомъ, но все же чувствуемъ... Что дѣлать! Богъ не далъ таланта!.. Да, такъ вотъ-съ, кардиналъ...—продолжалъ Благочинный, безъ опредѣленной мысли переминая слова: — да не угодно ли будетъ, когда не найдете ничего дѣлать лучше, такъ ко мнѣ пожаловать въ *Hôtel de France*. Жена и дочь моя будутъ въ восхищеніи съ вами познакомиться...

Ферязевъ обѣщалъ. Андрей Иванычъ взялъ его подъ руку и шелъ съ нимъ, стараясь быть какъ можно любезнѣе, въ припадкѣ шутливости даже снисходительно отнесся о томъ, что называлъ *такими* и *этакими* идеями. Въ такомъ расположеніи онъ торжественно объявилъ, что усталъ, что не сдѣлаетъ болѣе двухъ шаговъ впередъ, хотя бы ему обѣщали показать самого папу или живого Цезаря, и приказалъ чичероне, котораго началъ называть Цицерономъ, вести насъ кратчайшимъ путемъ къ трактиру и, если можно, дорогой нанять коляску, тѣмъ болѣе, что уже вдругъ наступили сумерки, а сырой воздухъ ночи очень вреденъ, особенно для страдающихъ петербургскою, происходящею отъ сидячей жизни, болѣзнью, которую онъ называлъ, неизвѣстно почему, *сосѣдомъ*.

И вотъ мы обошли кругомъ мимо Тарпейскаго утеса, съ котораго преважно на насъ залаяла шершавая собачонка; тутъ пошли площади, площади съ обелисками, съ колоннами или съ огромнымъ слономъ, площадки, гдѣ сидѣли двожія римскія матроны, съ зеленью, салатомъ, морковью, стручьями и лукомъ или жарили на дымящихся жаровняхъ кофе, а мальчишки, шнырявшіе около нихъ, подсовывали, несмотря на угрозы и брань, въ горячіе уголья сырые каштаны и вытаскивали ихъ потомъ руками, покидывали съ ладони на ладонь, посасывая обожженные пальцы, подувая на нихъ и пощелкивая ими. Тутъ же молодыя дѣвушки набирали воды въ кувшины, подставляя ихъ къ фонтанамъ, и громко переговаривались съ продавцами лимонаду, которые разбили около журчащаго ключа свои столы съ навѣсами, въ родѣ граціоз-

ныхъ готическихъ бесѣдокъ, украшенные узорно разложенными лимонами, виноградными листьями, игрушечными знаменами и зеленымъ попугаемъ; стояли группы поселянъ, и горожанъ, и трастеверинцевъ въ бархатныхъ куртках бутылочнаго цвѣта; похаживали ветурины, вербовавшіе попутчиковъ, факины, предлагавшіе безпрестанно всякаго рода услуги; кричали, съ черными зрачками, вставленными въ огромный бѣлокъ, обгорѣлые неаполитанцы, пригнавшіе на маленькихъ ослахъ своихъ въ тростниковыхъ корзинахъ кучи лимоновъ и сицилійскихъ апельсиновъ; похаживали около вонючаго товара своего, разложеннаго на мокрыхъ листьяхъ, продавцы рыбы, безъ куртокъ, съ засученными рукавами рубашки и въ красныхъ неаполитанскихъ колпакахъ... И посреди этой толпы, посреди этой душной тѣсноты, запаху и дыма жаренаго кофе, подгорѣлыхъ каштановъ, вони рыбы, среди хохота, брани, говора народа, рычанія взбалмошнаго осла, крика продавцовъ, плача дѣтей, визгу мальчишекъ, — трагически появлялась отъ времени до времени съ гробовымъ пѣніемъ процессія монаховъ, съ хоругвями и факелами, и поднималась по лѣстницѣ собора, который осѣнялъ площадку своимъ трехугольнымъ, огромнымъ, ломбардскаго стиля фронтономъ, и сквозь растворенныя двери котораго виднѣлись зажженныя тысячами у алтарей свѣчи, въ серебряныхъ затѣйливыхъ жирандоляхъ, и тускло рисовались, неясно освѣщенныя ими въ облакѣ ладану, бѣло-мраморныя статуи святыхъ... Минуя площадки, исчезали мы во мракѣ узкихъ черныхъ улицъ, гдѣ повторялось почти то же самое, что на площадяхъ; тутъ встрѣчались намъ плащами скрывавшіе лицо до самыхъ глазъ молодые люди, вѣроятно, являвшіеся тамъ на призывъ любви; или сомнительной наружности худо одѣтые старички, лукаво глядѣвшіе на иностранцевъ и при видѣ ихъ таинственно начинавшіе шевелить губами,—тоже, косвеннымъ образомъ, служители Цитеры. Направо, налѣво окружали насъ лавки или магазины, преимущественно со старыми вещами: въ однихъ была мебель готическая, renaissance, рококо, съ полинялымъ штофомъ и слѣзшей позолотой, накупленная продавцомъ при распродажѣ съ аукціона всѣхъ движимостей, украшавшихъ дворецъ какой-нибудь нѣкогда знатной и громкой фамиліи, нынѣ угасшей или разорившейся. Тамъ разставлены были разныя мраморныя, чугунныя и малахитовыя вещицы копіи въ миніатюрѣ съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, храмикъ Весты, обращенный въ чернильницы, колонны Траяна, разные presse-papier, каменная плиточка съ семействомъ зе-

леныхъ ящерицъ; этрусскія вазы, мозаики, камеи, камешки, кусочки цементовъ, verde antico, набранныхъ изъ открытаго гдѣ-нибудь древняго мозаика; между этимъ археологическимъ мусоромъ—лавки съ картинами, попавшими туда изъ распроданныхъ галлерей, или пріобрѣтенными какъ-нибудь нечисто, или поддѣланными, — куча вздору, который накупитъ потомъ какой-нибудь знатокъ-баринъ и который пойдетъ фигурировать подъ рубрикой знаменитыхъ мастеровъ, а тщеславному владѣльцу всѣ будутъ безсовѣстно лгать, что это не копіи, а оригиналы... Проходя мимо одной изъ такихъ лавокъ, мы не могли не остановиться передъ картиной, какой еще никогда не видали. Въ магазинѣ было еще темно; огня не зажигали, ибо съ Ave Maria, то-есть съ сумерками, прекращается всякая торговля; зато по другой сторонѣ переулка былъ разложенъ огонь, на которомъ старуха жарила каштаны. Изъ широкаго открытаго окна лавки, увѣшаннаго разными обломками древности, заставленнаго золотыми рамами картинъ, глядѣла дѣвушка. Хотѣла ли просто поглядѣть она, какъ старуха жаритъ каштаны, ожидала ли увидѣть какого-нибудь черноглазаго римлянина или интереснаго чужестранца, съ которымъ у ней начинались любовныя шашни, или просто, можетъ-быть, отъ дневной скуки,—только лицо ея было исполнено тихаго кроткаго выраженія сладостной меланхоліи, которая какъ-то особенно была хороша при правильности и нѣкоторой рѣзкости чертъ ея, при томномъ блескѣ нѣсколько впалыхъ глазъ. Озаренная слегка отсвѣчивавшимъ на нее пламенемъ, сверкавшимъ мистически огненными полосками на золотѣ рамъ, ее окружавшихъ, она казалась прозрачнымъ легкимъ созданьемъ, мечтою не юноши, но строгаго художника, призракомъ, какъ будто бы разливавшимъ отъ себя тихій фосфорическій блескъ. Мы долго на нее смотрѣли; она, кажется, насъ не замѣчала; потомъ, вѣроятно, кто-нибудь заговорилъ съ нею изнутри магазина,—капризная ли маменька, или невзрачный супругъ, — она медленно, какъ бы нехотя, обратилась назадъ и открыла нашимъ изумленнымъ взорамъ граціозный профиль и широкимъ узломъ завязанную на затылкѣ черную, какъ черная смола, косу... Особенно Андрей Иванычъ былъ пораженъ ею: едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ далѣе, какъ онъ подозвалъ чичероне и шопотомъ сказалъ ему, чего мы не разслушали; но чичероне отвѣчалъ ему: „Подороже будетъ... ма унъ буонъ филь!“ Андрей Иванычъ крякнулъ, потомъ подумалъ, вздохнулъ, потомъ махнулъ рукой, оглянулся еще разъ назадъ и сдѣлалъ утвердительный знакъ чичероне, который бы можно было перевести словами: „была—не была“.

— Eccelenza дастъ мнѣ теперь скудій пятнадцать, и ничего нѣтъ легче,—отвѣчалъ чичероне.—Послѣ театра eccelenza зайдетъ въ кафе, что подлѣ; я войду тоже и два раза кашляну: это будетъ знакъ, что все устроено къ его удовольствію, pour son buon plaisir.

Мы слышали звонъ червонцевъ, послѣ чего чичероне исчезъ и, вѣроятно, никогда болѣе не появлялся на глаза Благочинному, или, завидя его издали, прятался или въ ближайшую лавку, если нельзя ускользнуть въ темный переулокъ, или присаживался на корточки сзади какой-нибудь доброй матроны, продающей на улицѣ разный вздоръ и легко могущей своею дородностью и истинно древне-римскими размѣрами укрыть такую мелкую тварь.

Наконецъ мы выпутались изъ лабиринта переулковъ и подошли къ театру. Благочинный вдругъ объявилъ, что онъ непремѣнно хочетъ быть въ театрѣ, что обѣщалъ женѣ и дочери показать сегодня итальянскую сцену. Услышавъ это, Чупруновъ вызвался самъ достать билетъ и быть кавалеромъ его дамъ. Мы подошли къ окошечку, откуда раздавали билеты; передъ окошкомъ толпилась куча народу: бирбачоны и лакеи знатныхъ баръ, художники, отличающіеся своимъ костюмомъ, господа, порядочно одѣтые, и domestiques des places, достававшіе мѣста ai signori Inglesi. Чупруновъ сталъ сзади двоихъ или троихъ бирбачоновъ—мужиковъ или мелкихъ ремесленниковъ, которые въ Италіи судятъ о музыкѣ не хуже блестящаго принципе; впереди стояло еще много народу. Рѣшившись пробиться впередъ, Чупруновъ началъ протискиваться между бирбачонами, которые, почувствовавъ толчки въ бока, обернулись, поглядѣли на Чупрунова и сдвинулись еще тѣснѣе. Онъ сунулся-было съ другой стороны: тамъ толпа еще гуще; онъ возвратился къ прежнему мѣсту, но оно уже было занято пришедшимъ еще бирбачономъ. Чупруновъ вздумалъ его оттолкнуть, но тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же:

— Подождите, мусью.

— Смотри, мужикъ,—закричалъ онъ, оскорбленный такимъ поступкомъ. — Да знаешь ли ты, грубіянъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло?

Бирбачонъ поглядѣлъ на него и отвернулся; стоявшіе впереди засмѣялись,

— Это мое мѣсто, я сейчасъ тутъ стоялъ,—воскликнулъ Чупруновъ.

— Когда я его занялъ, — отвѣчалъ бирбачонъ,—тутъ никого не было.

Въ толпѣ раздался хохотъ и „браво“...

— Я тебѣ говорю, что я не позволю надо мной подсмѣиваться,—кричалъ, задыхаясь отъ ярости, Чупруновъ.

Бирбачонъ молчалъ; въ толпѣ смѣялись, оглядывались и говорили:

— Гляди, гляди, какъ англичанинъ расходился.

— Какой англичанинъ, нѣмецъ, изъ Tedesco, un Tedesco.

— Я не позволю, чтобы надо мной издѣвалась всякая сволочь!—воскликнулъ Чупруновъ и кинулся на бирбачона съ поднятой палкой.

Толпа на минуту затихла. Бирбачонъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ...

Ферязевъ бросился между ними, сильною рукою оттолкнулъ Чупрунова и кинулъ итальянцу два червонца.

Итальянецъ поглядѣлъ на золото, опустилъ ножъ, подобралъ червонцы и спокойно сталъ дожидаться своей очереди взять билетъ.

— За вами два лундора,—сказалъ Ферязевъ Чупрунову.

— Негодяи! Негодяи!—повторилъ скороговоркою Андрей Иванычъ, быстро удаляясь отъ театра.—Да пошелъ же ты, дуракъ,—закричалъ онъ на Ваньку, толкая его ногою.—Ты чего тутъ буркала-то выпучилъ?

Онъ испугался не на шутку и за себя и за насъ.

Такъ я познакомился съ Благочиннымъ. Потомъ я встрѣчался съ нимъ и въ другихъ городахъ Италіи, и потому опять возвращусь къ нему. Вообще ужъ такая была моя судьба: онъ попадался мнѣ на каждомъ шагу въ моихъ переѣздахъ, отчего во впечатлѣніяхъ, которыя оставила во мнѣ Италія, Андрей Иванычъ играетъ не послѣднюю роль.

1848.

V.

ПИКНИКЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Въ одни изъ воротъ города Флоренціи выѣхала коляска съ двумя путешественниками. Одинъ былъ господинъ Синичкинъ, лѣтъ тридцати, бывшій съ какимъ-то порученіемъ въ Бельгіи и на обратномъ пути по дорогѣ заѣхавшій въ Италію. Другой былъ Горунинъ, пріѣхавшій нарочно въ Италію по своей надобности, господинъ вида мрачнаго, взора тусклаго, лица блѣднаго, волоса русаго. Съ виду онъ былъ старше Синичкина, но это только такъ казалось при противоположности его физіономіи съ румянымъ, нѣсколько полнымъ, нѣсколько счастливымъ лицомъ Синичкина, окаймленнымъ вѣничкомъ бакенбардъ, сходившихся подъ подбородкомъ.

— Скажите, пожалуйста, мосьё Горунинъ,—спросилъ первый:—мы ѣдемъ на пикникъ, а вѣдь я не знаю, что̀ это за пикникъ и кто тамъ будетъ?

— Порядочно я и самъ не знаю. Устроилъ все Перуцци... Будутъ,—говорилъ онъ,—кое-кто изъ итальянцевъ и дамы, тоже итальянки... Онъ ручался, что будетъ весело.

— А изъ нашихъ-то, не знаете, кто будетъ?

— Ну, да вотъ вы, я, Тарнѣевъ...

— Вы знаете Тарнѣева?

— Я сошелся съ нимъ здѣсь, за границей; впрочемъ, мы были знакомы и прежде.

— Я какъ-то слышалъ эту фамилію по случаю одной исторіи въ Мюнхенѣ. Впрочемъ, это былъ, можетъ-быть, другой Тарнѣевъ. Этотъ господинъ и еще какіе-то въ этомъ родѣ артисты сидѣли въ трактирѣ, пили и такъ, на радости, выбили стекла въ окошкахъ. Явился хозяинъ, завязался споръ. Тарнѣевъ вынулъ пистолетъ и порядочно припугнулъ почтеннаго трак-

тирщика. Нѣмецъ жаловался, и они заплатили... Впрочемъ, пистолетъ не былъ заряженъ.

— Я думаю, что это тотъ Тарнѣевъ,—произнесъ Горунинъ со вздохомъ:—я его очень люблю: въ немъ много прекраснаго... Но это же не обязываетъ меня быть слѣпымъ къ его дурнымъ качествамъ. Впрочемъ, онъ всегда говорилъ, что это просто право дѣлать все, за что можешь заплатить. Онъ такія штуки и дома продѣлывалъ, и ему все счастливо сходило. Бывало, ни съ того ни съ сего ночью перебьетъ стекла по дачамъ... Его всегда вы могли видѣть на желѣзной дорогѣ въ веселой компаніи.

— Но вѣдь все это ужасно дико!

— Да, у него все выходитъ какъ-то дико, даже самыя его прекрасныя побужденія. Напримѣръ, его что-нибудь заинтересуетъ, вдругъ припадетъ ему охота учиться; онъ накупитъ книгъ и зароется въ нихъ. Разъ какъ-то онъ цѣлые полгода пропадалъ. Что жъ? Учился химіи. Тамъ онъ опять пропалъ, и оказалось, что онъ пошелъ странствовать съ какимъ-то цыганскимъ таборомъ: жилъ въ полѣ, въ лѣсахъ, по ярмаркамъ ѣздилъ, воротился настоящимъ цыганомъ; даже физіономія у него тогда сдѣлалась цыганская; выучился ковать лошадей, пѣть пѣсни... даже ворожить.

„А чай, и воровать“,—подумалъ Синичкинъ. — Хорошъ молодецъ: ну, какъ этакій цыганъ выскочитъ за границу?..— спросилъ онъ вслухъ.

— Да, онъ и здѣсь проявился. Въ Болоньѣ вотъ что было. Мы пріѣхали съ нимъ и сидѣли въ отелѣ. Вдругъ слышимъ шумъ на улицѣ. Къ намъ вбѣгаетъ хозяйка въ отчаяніи. За нею супругъ ея, маленькій, толстый, въ фартукѣ. Онъ кричитъ, зоветъ гарсоновъ, велитъ женѣ запереть отель, гарсонамъ вооружиться и итти за ними. На улицѣ выстрѣлы. Мы спрашиваемъ хозяина: что такое? Итальянцы, разумѣется, ни шагу безъ пафоса,—онъ гордо отвѣчаетъ: la patria ci chiama! „отечество призываетъ!“ Клянусь вамъ, несмотря на его квадратную фигуру, на огромный животъ, накрытый фартукомъ, онъ былъ великъ въ эту минуту: знаете, столько энергіи!..

— Очень вѣрю: итальянцы такіе же превосходные актеры въ жизни, сколько плохіе на театрѣ; очень понятно, тамъ— импровизація, здѣсь—обдуманность... Что жъ Тарнѣевъ-то?

— Хозяинъ выбѣжалъ, я началъ запирать окна и двери, Тарнѣевъ надѣлъ пальто, повязалъ голову платкомъ, схватилъ пистолеты и исчезъ. Я ужасно за него боялся; знаю, что человѣкъ безумный; да и сами посудите, зачѣмъ въ чужія

дѣла вмѣшиваться? Намъ-то что изъ этого?.. Я провелъ мучительныхъ два часа, безпокоился о немъ, хотѣлъ пойти отыскать, образумить его; но вѣдь, знаете, въ незнакомомъ городѣ куда сунешься? Только вижу, хозяинъ съ гарсонами и цѣлой толпой несутъ на рукахъ моего Тарнѣева, кричатъ ему viva! Тарнѣевъ былъ въ крови; перевязали ему руку; легкая рана... не знаю, чѣмъ его ткнули. Только хозяинъ называлъ его спасителемъ своей жизни и въ честь его задалъ такую пирушку, какую можетъ задать только трактирщикъ на радости.

— Что же это за драка была?

— Вздоръ какой-то: играли въ мору муниципалы, тамъ, что ли, съ швейцарцами и поссорились... Завязалась драка: пошлись защитники съ той и съ другой стороны... Вотъ и все. Вздоръ!.. Въ Романьѣ эти случаи бываютъ безпрестанно. Для Тарнѣева кончилось все, конечно, хорошо: жена хозяина приходила перевязывать ему руку... и очень плакала, когда мы уѣзжали.

— Скажите, пожалуйста, какъ это странно! Этакимъ сорванцамъ и счастье везетъ.

— Удивительное счастье! Въ игрѣ, напримѣръ. На водахъ онъ въ одинъ вечеръ все спустилъ, что у него было. На другой день пришелъ съ однимъ червонцемъ — у меня же и занялъ—и все вернулъ, да и съ лишкомъ.

— При такомъ счастьѣ ему и времени нѣтъ, я полагаю, одуматься.

— Нѣтъ, не говорите! Послѣ той драки въ Болоньѣ, знаете, какъ онъ опѣшился: совсѣмъ упалъ духомъ. Онъ чувствуетъ, что ему недостаетъ многаго, недостаетъ образованія, что голова пуста; учиться поздно, а хочется. Вотъ онъ и читаетъ теперь газеты, вдался въ политику, все это его ужасно занимаетъ: онъ написалъ письмо къ О'Коннелю и, разумѣется, не послалъ, пишетъ разные протесты противъ Гизо, противъ... ну, тамъ по испанскимъ дѣламъ; не признаётъ разныхъ актовъ, разныхъ парламентовъ, и все это пишетъ... Оно и не глупо написано, есть много сердца и благородства, много строкъ, знаете, à la Heine, но вѣдь, согласитесь, къ чему это? Кому до него дѣло?

— Отчего же не употребить этихъ способностей въ пользу дома? Все губитъ его эта безпорядочность, а онъ бы пошелъ далеко.

— Нѣтъ, никогда! Не такая натура. Развѣ съ малолѣтства бы вести его совсѣмъ иначе, а то выросъ въ деревнѣ до шестнадцати лѣтъ. Онъ болѣе человѣкъ минуты; у него идея является вдругъ, а терпѣнья, усидчивости нѣтъ. Ему

нужно слово, онъ блещетъ, поразитъ, ударитъ, какъ молнія, охватитъ предметъ вѣрно и мѣтко, укажетъ, — а тамъ не его дѣло. Я, по крайней мѣрѣ, такъ понимаю Тарнѣева, а впрочемъ...

Мало-по-малу разговоръ путниковъ сталъ переходить на другіе предметы; они касались ихъ слегка, развлекаясь разсматриваніемъ того, что имъ встрѣчалось по дорогѣ: то занимаетъ ихъ телѣга, нагруженная сельскими произведеніями, запряженная двумя рогатыми этрусскими волами, которые всею силой своей шеи сдерживаютъ напоръ тяжести и бережно сносятъ ее съ горы, а погонщикъ идетъ въ сторонѣ и покрикиваетъ. Горунинъ при этомъ вспоминаетъ древнихъ этрусковъ и житницу Рима, древнюю Этрурію. То промчится мимо нихъ коляска съ англичанами, и кучеръ нашихъ путешественниковъ оборачивается непремѣнно къ нимъ и говоритъ: „Это тоже господа англичане; господа англичане—хорошіе господа“, на что господинъ Синичкинъ объясняетъ ветурину, что онъ имѣетъ счастье везти не англичанъ, а что они русскіе. За господами англичанами легкой рысцой въ кабріолетѣ на маленькой лошаденкѣ проѣдетъ въ свою виллу, то-есть въ свой виноградникъ, какой-нибудь флорентинскій адвокатъ или судья, который улыбается встрѣчнымъ, какъ будто говоря, что у него нѣтъ причины не любить ихъ, и который съ почтительнымъ поклономъ снимаетъ соломенную шляпу передъ другой, черной, съ широкими полями, шляпой, покрывающей лысую голову.

Дорога идетъ по горѣ: съ обѣихъ сторонъ виноградники; бѣленькіе домики мелькаютъ съ обѣихъ сторонъ, оплетенные виноградными листьями, образующими передъ ними тѣнистые навѣсы: сочныя грозди поспѣвающаго винограда висятъ съ деревянныхъ жердей, какъ въ прихотливо убранной залѣ искусной рѣзьбы канделябры. За этими домиками, около которыхъ или работалъ трудолюбивый земледѣлецъ тосканскій, или играли дѣти, сады богатыхъ виллъ, кипарисы, лавры и каменный дубъ съ непроницаемой для солнца зеленью; высокія ограды, усѣянныя мелкими розанами или навьюченныя широкими гирляндами плюща, то чернаго въ тѣни, то зелено-золотистаго на солнцѣ. Тамъ загородные дворцы флорентинскихъ, нѣкогда знаменитыхъ купцовъ-феодаловъ, съ колоннами, галлереями и террасами, установленными этрусскими глиняными вазами, въ которыхъ растутъ, подымаясь полосами кверху, какъ пламень на жертвенникѣ, листья кактусовъ и алоэ.

— Боже мой, какъ все это хорошо!—сказалъ Горунинъ.

Онъ хотѣлъ говорить больше, но не могъ и молча рисовалъ передъ собою счастье людей, которые жили посреди этой богатой природы, такъ благодарно платящей за малѣйшій трудъ... Онъ думалъ и о счастьѣ этой женщины, которая несла на плечахъ связку сухихъ виноградныхъ сучьевъ для топки печи, и за которой малъ-мала меньше бѣгутъ человѣкъ пять ея черноглазыхъ ребятишекъ, тоже съ маленькой ношей: думалъ онъ о беззаботной жизни этого погонщика муловъ, идущихъ топотно со вьюками на спинахъ, и съ особенной любовью о счастьѣ этой дѣвушки, которая вдали съ террасы одной виллы смотрѣла въ зрительную трубку, можетъ-быть, кого-нибудь ожидая изъ отдаленнаго города, который улегся стройной, легкой громадой, окутанный голубыми парами полудня, въ лощинѣ, по берегамъ мутнаго Арно... Онъ думалъ, какъ долженъ быть счастливъ тотъ, кого она ждетъ и какъ будто вопрошаетъ о немъ этотъ городъ цвѣтовъ, широкія арки его мостовъ, его величественный куполъ собора, его дворцы, рынки, сады, ворота и отдаленныя синеватыя горы...

— Больно смотрѣть мнѣ на эту природу!—воскликнулъ онъ наконецъ: — на меня она дѣйствуетъ какъ-то болѣзненно! Чувствуешь присутствіе жизни и чувствуешь въ то же время, что въ самомъ себѣ она давно замерла!.. Посмотришь, вѣдь какая ты дрянь передъ этими именами Данта, Микель-Анджело, Савонаролы, эти кузнецы, сапожники, портные, которые повелѣваютъ своему архитектору Арнольфо ди-Лапо воздвигнуть храмъ, какому подобнаго человѣкъ не могъ бы вообразить: размахъ-то воли какой! Какой полетъ воображенія!.. Все это, все, и природа и исторія, — это тысячи укоровъ, на которые только отвѣчаешь, что во мнѣ нѣтъ этихъ порывовъ, этого нравственнаго величія! Не знаешь, за что такъ обиженъ, за что и отчего выпалъ этотъ жребій!.. Грустно, грустно и грустно!..

Горунинъ поникъ головою и сталъ смотрѣть въ сторону: онъ готовъ былъ заплакать. Синичкинъ, занимавшійся болѣе соображеніемъ, въ какое попадетъ онъ общество, не понялъ сразу Горунина и, смотря на его блѣдное лицо, которому грустныя думы придавали старческое выраженіе, хотѣлъ-было спросить, который ему годъ, но посовѣстился.

— Скажите, пожалуйста, —продолжалъ Горунинъ:—на васъ не производятъ особеннаго впечатлѣнія эти картины?

— Вижу, что хорошо. Но вѣдь посмотрѣлъ, и довольно. Съ собой не увезешь...

— И то хорошо, что хоть чувствуете; но вотъ какъ перестанешь еще чувствовать, одрябнешь совершенно подъ гне-

томъ дѣйствительности, утратишь даже способность страдать и сознавать свое ничтожество!

— Ваша правда,—отвѣчалъ, подтягивая перчатки, Синичкинъ:—человѣкъ примиряется и съ самой страшной нуждой... Только я не полагаю, чтобы вы себя подводили подъ этотъ разрядъ.

— Да не нужда, понимаете, не нужда, потому что я и не нуждаюсь,—проговорилъ Горунинъ съ досадой, думая про себя, какъ это могутъ быть у насъ молодые люди, учившіеся въ университетахъ, живущіе въ свѣтѣ и не только чуждые общихъ понятій вѣка, какъ называлъ Горунинъ свои слабости, но даже чуждые языка и терминологіи, которою они выражаются... Но это негодованіе не было продолжительно; онъ снова обратился къ себѣ, какъ больной къ своей болѣзни, вовсе не заботясь, понимаютъ его или нѣтъ:—Ну, что я такое въ сравненіи съ здѣшними людьми? Какой-то гномъ, слизнякъ, полипъ; и если у меня въ головѣ родится какой-нибудь идеалъ, то не Аполлонъ Бельведерскій, не Геркулесъ, не Лаокоонъ, а тоже какой-нибудь слизнякъ, какъ всѣ герои нашихъ повѣстей и поэмъ... А что всего хуже, такъ это то, что, если почувствовалъ, гдѣ зло, нашелъ его внѣ себя или въ себѣ, то вѣдь радъ его анатомировать, рѣзать его, копаться въ этомъ маленькомъ мірочкѣ, въ микроскопъ разсматривать ядовитую ранку въ душѣ, а не возвыситься надъ нею, какъ Дантъ, какъ Альфіери, какъ Байронъ.

Хотя господинъ Синичкинъ все не понялъ Горунина, какъ бы хотѣлось послѣднему, однако это признаніе, это „раскапываніе маленькаго мірочка, это разсматриваніе ядовитой ранки въ душѣ“ подѣйствовало благотворно на мрачное расположеніе духа Горунина: онъ повеселѣлъ и чувствовалъ странное самоудовлетвореніе.

Тутъ коляска, поднявшись на гору, повернула вправо по забору, и проѣзжихъ нашихъ поразили восклицанія, аплодисменты и хохотъ, которые раздавались немного въ сторонѣ отъ дороги около остеріи, въ толпѣ народа. Работники ли, вышедшіе на воскресенье погулять за городомъ и повидаться съ своими семьями, или поселяне, отдыхавшіе отъ недѣльныхъ трудовъ своихъ за кружкою вина, стояли, кто въ сѣрой, кто въ зеленой курткѣ, въ синихъ панталонахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, всѣ съ веселыми физіономіями, которымъ круглыя шляпы съ широкими полями придавали мужественное выраженіе; они толпились около, должно-быть, импровизатора; другіе, съ маленькою трубочкою въ зубахъ, лежали брюхомъ на травѣ и, опершись головы на локти, смотрѣли туда же;

сельскія маленькія дѣвочки, переплетясь руками, съ остренькими глазками своими и цвѣточнымъ вѣнкомъ на головѣ, тоже составляли маленькую публику, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, двѣ, вѣрно, хозяйскія дочери или служанки, принесшія на головѣ корзины съ золотыми апельсинами, сорванными съ вѣткой и листьями, всходя на лѣстницу, остановились, не снимая тростниковыхъ корзинокъ съ головы, смотрѣли туда, куда всѣ смотрятъ, улыбались и переглядывались между собою.

— Вотъ жизнь-то! Вотъ она!—сказалъ Горунинъ.—Смотрите, какъ она развернулась. Велимъ остановиться: поглядимъ на народную сцену.

— Пожалуй,—возразилъ Синичкинъ:—только не пойдемте къ народу: еще испачкаемся, а намъ предстоитъ вѣдь любезничать съ дамами... т.-е. какія бы ни были, а все-таки дамы. Вѣдь мы не знаемъ, кого приглашалъ этотъ черномазенькій Перуцци. А потому мое правило: на всякій случай быть порядочнымъ. Если позволить себѣ быть спустя рукава...

Но внезапный хохотъ въ толпѣ и восклицаніе Горунина прервали изложеніе правилъ Синичкина.

— Боже мой! Тарнѣевъ!—воскликнулъ Горунинъ, увидавъ посреди толпы молодого человѣка.—Ахъ, сумасшедшій! То-то онъ съ утра ушелъ, говорилъ: пѣшкомъ пойду, полюбуюсь видами! Вотъ они, его виды!

— Въ самомъ дѣлѣ! И отсюда-то онъ поровитъ къ дамамъ! Сойдите, Горунинъ, позовите его, а я васъ здѣсь подожду въ коляскѣ.

Горунинъ съ видомъ человѣка, только-что пораженнаго великимъ несчастіемъ, поспѣшилъ къ Тарнѣеву, а Синичкинъ поправилъ закинутую за плечо альмавиву, потянулъ перчатки и бормоталъ про себя:

— Хорошъ будетъ!

Между тѣмъ Тарнѣевъ, безъ сюртука, безъ шинели, безъ галстука, въ бумажномъ колпакѣ въ видѣ треугольной шляпы, стоялъ на столѣ и *ломался*, какъ паяцъ, передъ публикою. Онъ сильно жестикулировалъ, дополняя знаками и жестами то, чего не могъ вполнѣ выразить на не совсѣмъ знакомомъ ему языкѣ, ломая и составляя разныя пословицы по-итальянски, отчего толпа помирала съ хохоту. То вдругъ онъ сброситъ съ себя бумажный колпакъ и схватитъ тыкву, въ которой продолбилъ отверстіе, чтобы надѣвать на голову, возьметъ палку и вытянется въ струнку, какъ солдатъ, причемъ сдѣлаетъ жалкую, плаксивую, безсмысленную мину; публика не могла надивиться, что это одинъ и тотъ же человѣкъ. Браво и viva раздавались при каждой остротѣ.

„Ему бы итти въ паяцы!“ — думалъ Синичкинъ, сидя въ колясків и смотря, какъ Тарнѣевъ пародировалъ разные извѣстные ему анекдоты, перелагая ихъ на итальянскіе нравы. Въ этомъ переложеніи досталось всѣмъ: и полиціи города Флоренціи, и почтеннымъ его торговцамъ, и тедескамъ, ненавистнымъ въ Италіи, и доминиканцамъ, и францисканцамъ.

Горунинъ подошелъ къ толпѣ въ то время, какъ Тарнѣева подняли на руки и начали качать.

Завидя его, Тарнѣевъ закричалъ ему:

— Ахъ, Горунинъ! Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ! Здѣсь ужасно весело! Эти итальянцы безподобный народъ.

— А ты давно здѣсь?

Горунинъ придумывалъ, какъ бы взяться за дѣло, чтобы уговорить скорѣе Тарнѣева ѣхать съ ними.

„Онъ вѣдь упрямъ,—думалъ Горунинъ,—когда что-нибудь заберетъ въ голову“.

— А вѣдь намъ пора, я думаю?—спросилъ онъ.

— Успѣемъ.

— Не хочешь ли, мы довеземъ тебя?

— Если ты не хочешь здѣсь остаться, то поѣзжайте... Покамѣстъ мнѣ и здѣсь весело! Наскучитъ, такъ и пріѣду.

— Э, Тарнѣевъ, ты знаешь, что безъ тебя будетъ скучно.

— Ну, вотъ!

— Право, поѣдемъ.

— Я буду послѣ...

— Тарнѣевъ!..

Но Тарнѣевъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ, садясь за столъ посреди ихъ.

— Ступай своей дорогой,—сказалъ онъ по-итальянски Горунину: — ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь. Теперь я алжирскій бей и хочу пировать мою тысяча первую свадьбу. Вина!—кричалъ Тарнѣевъ.—Гдѣ моя казна?

Какой-то виньеролъ подалъ ему его кошелекъ; другіе держали его сюртукъ, кто шляпу, кто часы, кто брильянтовую булавку.

Горунинъ ужаснулся такой ребяческой довѣрчивости своего товарища, подошелъ къ Синичкину и просилъ его сойти уговорить Тарнѣева ѣхать вмѣстѣ.

— Они оберутъ его до нитки,—говорилъ онъ.

— Что же намъ съ нимъ дѣлать?

— Необходимо увезти.

— Да гдѣ же онъ навострился по-итальянски?

— Здѣсь, въ Италіи... всего въ три-четыре мѣсяца... Удивительныя способности! Энциклопедическая натура!

Синичкинъ рѣшился выйти изъ экипажа.

Тарнѣевъ между тѣмъ уже засѣлъ между ремесленниками и поселянами въ тѣсномъ кружкѣ за столомъ, велѣлъ всѣмъ подать вина, поставилъ передъ собою фольетту, вмѣщавшую около двухъ бутылокъ, и началъ вызывать охотниковъ съ нимъ состязаться. Его очень бѣсило, что онъ не могъ перевести по-итальянски вопроса: кто кого перепьетъ? Все ему казалось, что смыслъ этого слова нехорошо передается всѣми извѣстными ему формами тосканскаго нарѣчія.

— Что у нихъ за языкъ, — говорилъ онъ своимъ: — *кто кого побьдитъ*—chi vincerà? не то; *кто больше выпьетъ?* безъ всякой экспрессіи; нѣтъ, по-нашему, *кто кого перепьетъ*— вотъ слово непереводимое.

— Да знаешь ли что, — замѣтилъ ему Горунинъ: — что и понятіе-то, означаемое этимъ словомъ, отзывается чѣмъ-то особеннымъ... Брось-ка это, поѣдемъ съ нами. Вѣдь насъ будутъ ждать дамы.

— Пожалуйста, не мѣшай, Горунинъ, — отвѣчалъ тотъ: — видишь, какъ тутъ весело... Вы поѣзжайте, а часа черезъ два и я явлюсь. Мнѣ надобно освѣжиться и отдохнуть.

— Хорошъ явится, особенно какъ еще всѣхъ перепьетъ,— сказалъ Синичкинъ Горунину, который съ ужасомъ смотрѣлъ на стаканы, опоражниваемые Тарнѣевымъ и его собесѣдниками.

— Ну, если ты не поѣдешь, такъ мы и безъ тебя поѣдемъ.

— И поѣзжайте.

— Но, самъ согласись, какъ же мы безъ тебя пріѣдемъ? Какъ мы оставимъ тебя здѣсь и съ такими людьми; и всѣ твои вещи, деньги — все это у нихъ; а ты одинъ... да они убьютъ тебя.

— Не смѣютъ!

— Какъ не смѣютъ! Право, поѣдемъ.

— Да что вамъ до меня за дѣло? Ну, пріѣду, такъ пріѣду; нѣтъ, такъ нѣтъ. Мнѣ же здѣсь веселѣе. Тамъ еще дамы будутъ... Здѣсь я съ хорошими людьми посижу. Вѣдь вы хорошіе люди, и ты хорошій человѣкъ, хоть плутъ, да что съ тобой дѣлать?..—продолжалъ Тарнѣевъ по-итальянски, обратясь къ своимъ собесѣдникамъ вообще, а въ особенности къ какому-то кузнецу, сидѣвшему подлѣ него, и началъ его обнимать и цѣловать.

— Ну, дошло до сердечныхъ изліяній, — проговорилъ тихо Синичкинъ, пожимая плечами. — Право, Горунинъ, намъ остается только уѣхать. Пусть его дѣлаетъ, что хочетъ. Наше дѣло его предупредить. Притомъ и то, какъ же мы его привеземъ въ такомъ видѣ?

— Послушай. Тарнѣевъ, для меня... ну, я прошу тебя, поѣдемъ съ нами. Будетъ очень весело. Ну, я прошу тебя, послушай хоть разъ... изъ дружбы...

— Ахъ, Боже мой! Я сказалъ, что я буду...

— Ты не поѣдешь?

— Теперь нѣтъ.

— Ну, намъ нечего дѣлать, Семенъ Васильичъ; отправимтесь.

— Конечно, поѣдемте. Потомъ пришлемъ за нимъ коляску и кого-нибудь, кого онъ послушается.

Они сѣли въ экипажъ и поѣхали: но долго грустный взоръ Горунина не могъ оторваться отъ бѣлой остеріи, съ ея черепичной кровлей, съ ея закоптѣлой трубой, и отъ высокихъ трехъ или четырехъ кипарисовъ, защищавшихъ своею тѣнью отъ солнца Тарнѣева въ кружкѣ его собесѣдниковъ, тѣсно обсѣвшихъ около стола съ виномъ и закуской. Мрачно глядѣлъ Горунинъ на этотъ домъ, на эту зелень, на этихъ людей; и они тоже, казалось ему, смотрѣли ему вслѣдъ такъ же мрачно и съ какимъ-то зловѣщимъ видомъ. Къ довершенію же непріятности его ощущенія, на дорогу передъ остеріей выбѣжалъ изъ конюшни хозяйскій оселъ и рычалъ благимъ матомъ на всю окрестность, точно имѣлъ объявить во всеуслышаніе міру какую-нибудь плачевную новость.

Такъ они проѣхали еще нѣсколько миль; наконецъ, коляска остановилась у высокихъ воротъ во вкусѣ рококо, украшенныхъ по обѣимъ сторонамъ головами львовъ, изъ пасти которыхъ лилась струя холодной ключевой воды. Направо и налѣво отъ воротъ тянулась выкрашенная розовой краской стѣна, изъ-за которой виднѣлась густая темная зелень сада и осѣняла розовыя глиняныя вазы съ кактусами и мраморные, почернѣвшіе отъ времени бюсты, разставленные по стѣнѣ. Это былъ въѣздъ къ виллѣ Антолини, которая была давно оставлена обѣднѣвшими хозяевами и которую Перуцци, распорядитель пикника, нанялъ на этотъ день у одноглазаго старика-смотрителя, носившаго еще истасканную ливрею прежнихъ владѣльцевъ. Синичкинъ вошелъ въ ворота за Горунинымъ, въ намѣреніи только взглянуть на садъ и палаццо и потомъ вернуться въ городъ.

На шумъ подъѣхавшей коляски изъ замка выбѣжалъ господинъ, казавшійся еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и только при внимательномъ разсмотрѣніи его лица можно бы было прочитать въ немъ его тридцать пять лѣтъ. Онъ былъ разодѣтъ какъ на балъ, завитъ и раздушенъ, съ черными маленькими усиками, широкими бакенбардами и съ огромной

пунцовой съ бѣлыми разводами камеліей въ петлицѣ фрака. Это былъ Перуцци. Откуда онъ родомъ, сказать трудно; какую жизнь онъ велъ до сихъ поръ, тоже отгадать невозможно: онъ казался по крайней мѣрѣ чрезвычайно comme il faut. Онъ попадался вездѣ въ Италіи: видали его и въ Венеціи, сопровождающимъ семейство англичанъ и восхищающимся полувизантійской архитектурой святого Марка; и въ Неаполѣ засѣдалъ онъ съ нѣмецкими музыкантами въ café d'Europe; и въ Римѣ осматривалъ Колизей; и съ французскими дамами онъ ѣздилъ на ослахъ для прогулки въ Джепсано: вездѣ онъ встрѣчался. Но вездѣ итальянская молодежь его чуждалась; зато во всѣхъ городахъ блестящія женщины, актрисы, или пѣвицы, или просто оставленныя мужьями молодыя женщины, привѣтно ему улыбались, какъ *своему человѣку*. Онъ былъ не чичероне—какъ можно! Онъ довольно учился, знаетъ хорошо археологію, составляетъ книгу подъ заглавіемъ: „Археологическая и живописная (pittoresque) Италія для иностранцевъ“, и говоритъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ довольно порядочно. Онъ очень сожалѣетъ, что не знаетъ русскаго языка; часто спрашиваетъ русскихъ путешественниковъ, какъ называются разныя вещи по-русски, и записываетъ, а русскія путешественницы, вообще мало читающія по-русски, выхваляютъ ему богатство русскаго языка и русской литературы и обѣщаютъ ему прислать русскую грамматику на французскомъ языкѣ. Но никто еще ея не выслалъ. Сошедшись съ Горунинымъ и Тарпѣевымъ, онъ познакомилъ ихъ и съ Синичкинымъ и другими русскими, бывшими во Флоренціи, и взялся устроить пикникъ за городомъ, обѣщая пригласить и дамъ.

Онъ провелъ пріѣзжихъ черезъ темную миртовую аллею въ павильонъ, устроенный въ видѣ греческаго храмика съ портиками и террасами, весь убранный зеленью, цвѣтами и гирляндами и обставленный статуями. Тутъ были и Бахусъ, и Альфіери, и Венера, и бюстъ Маріи-Терезіи, и амуръ, и какой-то, не помню который, Пій.

Уже двое изъ участвовавшихъ въ пикникѣ сидѣли въ павильонѣ на старинныхъ, бархатныхъ съ позолотою диванахъ и креслахъ. Одного узнать было не трудно. На немъ было платье аббата: по одному его блѣдному, нѣсколько женоподобному и чрезвычайно нѣжному лицу, впрочемъ, носившему слѣды сильныхъ страстей, потому что глаза его сверкали, какъ уголья, можно было видѣть его аристократическое происхожденіе отъ какой-нибудь нѣкогда знатной, но теперь упавшей фамиліи, въ которой, однако, сохранился старинный

обычай опредѣлять одного изъ младшихъ сыновей въ духовное званіе, обѣщая ему въ будущемъ кардинальскую шапку. Другой былъ господинъ въ длинной бекешѣ, волосы съ просѣдью, что было замѣтно, несмотря на то, что они красились; физіономія почтенная.

Вошедшіе церемонно поклонились этимъ лицамъ, которыя отвѣчали тѣмъ же, и продолжали на минуту прервавшійся разговоръ.

— Такъ вотъ видите,—говорилъ господинъ въ бекешѣ:— покуда все это не приведется въ порядокъ, то-есть не примутся мѣры, чтобы въ городахъ не обманывали, на дорогахъ не грабили, да пока не засадили вашу молодежь за дѣло, до тѣхъ поръ, повѣрьте, все у васъ ничего не будетъ въ Италіи. Суетность, праздность и пустота—это истинные бичи народовъ и государствъ. И противъ нихъ нужны мѣры строгости. Вотъ Наполеонъ умѣлъ васъ держать въ рукахъ; при немъ у васъ и конскрипція была, и все... Нѣтъ, что ни говорите, Наполеонъ былъ великій человѣкъ. Одна его ошибка, зачѣмъ сунулся на Россію...

— Наполеонъ умѣлъ пробудить въ итальянцахъ энтузіазмъ,—отвѣчалъ аббатъ: — а тогда итальянецъ другой человѣкъ...

Горунинъ спросилъ что-то на ухо Синичкина, который отвѣчалъ ему шопотомъ:

— Благочинный, Андрей Иванычъ...

— Благочинный!—повторилъ Горунинъ съ удивленіемъ, какъ будто зналъ прежде эту фамилію, и, вѣрно, вспомнилъ что-нибудь непріятное, потому что измѣнился въ лицѣ и посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто думалъ про себя: неужели это и есть Благочинный?

Мало-по-малу, не то, чтобы разговоръ сдѣлался общимъ, но каждый говорилъ что-нибудь, какъ бы только для того, чтобъ говорить. Все какъ-то не вязалось. Перуцци безпрестанно выбѣгалъ отдавать приказанія и посмотрѣть, не подъѣхалъ ли кто: всѣ посматривали на часы, говорили о политикѣ и о кушаньяхъ; господинъ въ бекешѣ разсказывалъ аббату, что онъ былъ въ Римѣ, что въ Римѣ много замѣчательнаго въ разныхъ родахъ... кромѣ того, онъ сообщилъ, что въ лѣтнее время въ Россіи ѣздятъ ботвинью, научилъ его, какъ ее приготовляютъ, присовокупивъ, что она „лучше вашего мороженаго“... Горунинъ ничего не говорилъ, но Синичкинъ, увидя Андрея Ивановича, рѣшился остаться и не ѣхать въ городъ, успокоившись и повеселѣвъ оттого, что есть хоть одинъ порядочный человѣкъ.

— А дамы-то не ѣдутъ,—заключилъ протяжно Благочинный.

— Мосьё Перуцци, давайте дамъ, ужъ мы здѣсь два часа,— подхватилъ Синичкинъ.

— Будутъ, будутъ,—отвѣчалъ Перуцци и выглянулъ въ окно, какъ будто дамы такъ и ждутъ его знака.

Небольшое молчаніе.

— А все же ихъ нѣтъ,—сказалъ аббатъ, поглядывая на часы.

— А вы-то что! Вамъ зачѣмъ дамы: вѣдь вы того... должны быть, какъ красная дѣвушка,—шутливо замѣтилъ ему Андрей Ивановичъ и засмѣялся.

Аббатъ покраснѣлъ.

— Ну, не бойтесь,—продолжалъ Благочинный: — я не донесу!

— Видно, что аббатъ держитъ свой обѣтъ, потому что, какъ вы изволите говорить,—замѣтилъ Синичкинъ, почтительно обращаясь къ Андрею Ивановичу: — онъ краснѣетъ, какъ красная дѣвушка.

Плоскій каламбуръ произвелъ эффектъ: Андрей Ивановичъ засмѣялся и дружески и покровительственно пожалъ руку аббату.

Скоро стали пріѣзжать дамы. Сначала появились двѣ: signora Carolina, высокая, бѣлокурая флорентинка, бывшая въ дружбѣ съ какимъ-то знаменитымъ итальянскимъ поэтомъ и журналистомъ, эмигрировавшимъ во Францію; другая—Клара, маленькаго роста, нѣсколько полная, но, несмотря на то, чрезвычайно граціозная брюнетка; черные глаза ея ни на минуту не останавливались на одномъ предметѣ, но разомъ, казалось, обѣгали всю комнату, и каждый, на кого она взглянетъ, чувствовалъ что-то странное, чувствовалъ, что на него смотрятъ, и оборачивался, и ловилъ ея взглядъ, который уже, быстрый, какъ молнія, игривый, какъ амуръ въ воображеніи греческихъ поэтовъ, перенесся на другого... Въ одно только время можно было смотрѣть ей въ лицо и не чувствовать электричества ея глазъ, — это когда она сложитъ на груди руки, откинется спиною на спинку креселъ или софы, на которой сидитъ, опуститъ свои черныя рѣсницы, погружаясь въ то удивительное спокойствіе, грацію и прелесть, о которыхъ знали только древніе и которыя составляютъ принадлежность только итальянокъ: тогда такъ бы и бросился къ ней и сталъ бы страстно цѣловать полуоткрытыя уста, и не далъ бы ей времени открыть глазъ, полусомкнутыхъ подъ обаяніемъ какого-то сладкаго усыпленія...

Послѣ нихъ вошла стройная, высокая женщина, неся въ рукахъ соломенную шляпу, сопровождаемая мелкимъ, дробнымъ хохотомъ маленькаго, сѣденькаго, румянаго и веселаго старичка; этотъ старичокъ былъ почти закрытъ ея бурнусомъ и зонтикомъ, которые онъ держалъ съ какимъ-то подобострастіемъ.

— La nostra bella Maria Grazia! — провозгласилъ Перуцци, представляя ей каждаго изъ присутствовавшихъ. Синичкинъ раскланялся съ изысканною граціей, стараясь дать замѣтить хорошее воспитаніе и пріятныя манеры, пріобрѣтаемыя, по его мнѣнію, только въ высшемъ обществѣ; Горунинъ поклонился молча, но непріятное расположеніе духа, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ виллу, превратилось просто въ тоску при видѣ Маріи Граціа. Аббатъ сдѣлался чрезвычайно веселъ и съимпровизировалъ четыре стиха, изъ которыхъ два въ билліонный разъ риѳмовали на *cuore*, и *amore* а другіе два на неразлучныя — *sorte* и *morte*, неизбѣжныя риѳмы, какъ у иныхъ русскихъ поэтовъ — *кровь* и *любовь*, *Феба* и *неба*, *очи* и *ночи*.

Горунинъ воспользовался минутой, когда Перуцци выбѣжалъ изъ павильона, чтобы отдать приказаніе о подаваніи кушаній, и спросилъ, кто эта дама, что̀ вошла со старичкомъ.

— Oh, c'est une belle personne,—отвѣчалъ тотъ:—remplie de talents! Она скоро будетъ дебютировать здѣсь въ трагедіяхъ Альфіери. Она уже играла въ Веронѣ и въ Анконѣ и дѣлала фуроръ. Ея исторія очень занимательна. Она дочь одного бѣднаго хориста, и у нея есть голосъ, но главное — въ ней трагическій талантъ. Въ обществѣ артистовъ она получила первое развитіе, такъ, сама собою. Потомъ въ нее влюбился одинъ сицилійскій графъ, и она вышла за него замужъ. Мужъ, извѣстный графъ Rocca Aspra, думалъ довольно облагодѣтельствовать бѣдную дѣвушку тѣмъ, что съ пожертвованіемъ даже своихъ фамильныхъ связей женился на ней, и, разумѣется, не хотѣлъ слышать, чтобъ она играла на сценѣ. Но страсть къ благородному искусству превозмогла все; она бросила мужа, бросила его титулъ, его имя, приняла старую фамилію отца Джузеппе Граціа и бѣжала съ однимъ французомъ; года два училась у знаменитаго Б — ни и прошлаго года дебютировала въ Веронѣ, а потомъ въ Анконѣ. Изъ Флоренціи поѣдетъ въ Римъ, а тамъ ужъ въ Миланъ... О, у нея талантъ огромный!

— А этотъ французъ и теперь здѣсь?

— Французъ уѣхалъ давно.

— А этотъ старичокъ, отецъ или, или...

— О, вы не знаете нашихъ обычаевъ. Этотъ старичокъ

здѣшній адвокатъ: онъ постоянно при ней находится: влюбленъ въ нее страстно, безнадежно. Впрочемъ, это не мѣшаетъ его природной веселости, и онъ ея ни въ чемъ не стѣсняетъ... Если вы сумѣете обратить на себя ея вниманіе... но извините, ей-Богу, меня ждутъ... Вы понимаете, что, приглашая ее, я не могъ не пригласить и адвоката; она любитъ общество умныхъ людей, а адвокатъ долженъ же ее проводить...

Перуцци сдѣлалъ граціозный знакъ рукой Горунину, съ улыбкой склонилъ голову и побѣжалъ-было мелкими шагами отдавать приказанія, но опять вернулся на минутку, чтобы сказать Горунину съ таинственнымъ видомъ:

— Кажется, аббатъ къ ней неравнодушенъ, потому что выпытывалъ отъ меня, будетъ ли она...

Съ этими словами онъ исчезъ.

Горунинъ, преисполненный уваженіемъ къ этой, по его мнѣнію, необыкновенной личности, устремилъ задумчивый взглядъ на павильонъ, на балконъ котораго вышла прекрасная Марія Граціа. Оправляя свои густые черно-сизые волосы, причесанные à l'antique, она говорила съ Синичкинымъ, который, видно было по лицу, осыпалъ ее комплиментами и былъ ими очень доволенъ, подергивая отъ времени до времени жилетъ и выставляя на солнце свои палевыя перчатки.

— Да, это жизнь! — говорилъ Горунинъ самъ съ собою: — мужа бросила, отдалась искусству... сила-то какая!..

Увидя Синичкина, Горунинъ однако подумалъ, что жаль, что нѣтъ Тарнѣева, что жаль, что Тарнѣевъ ведетъ себя какъ чушка, а то бы, можетъ-быть, не далъ бы этому молодчику восторжествовать надъ сердцемъ прекрасной Граціа. Себѣ же, отъ привычки уничтожаться передъ личностями, которыя считалъ выше своей, онъ не позволялъ и думать вступить въ соперничество, хотя и имѣлъ такія же бѣлыя перчатки и чувствовалъ, что онъ умнѣе Синичкина. Припомнивъ однако, что надобно же „жить и веселиться“ и, главное, „ловить настоящее“, онъ сообразилъ, что другая дама, Клара, не внушаетъ къ себѣ такой робости, и что у нея въ лицѣ удивительное выраженіе доброты.

Рѣшено было не ждать Тарнѣева, тѣмъ болѣе, что пріѣхали еще двѣ дамы, и потому сѣли за столъ. Синичкинъ сѣлъ подлѣ Маріи Граціа.

Разговоръ за столомъ сначала былъ общій; говорили любезности дамамъ, съ помощью французскаго языка, который хорошо знала Марія Граціа; по-итальянски Синичкинъ и Горунинъ объяснялись довольно порядочно. Было довольно живо: Синичкинъ сказалъ нѣсколько удачныхъ фразъ, адвокатъ

пустилъ въ ходъ нѣсколько анекдотовъ, аббатъ доходилъ иногда до пафоса. Дамы смѣялись... Но мало-по-малу разговоръ и остался за ними, за итальянцами и за Синичкинымъ; а Горунинъ впалъ въ меланхолію, разсуждая о жизни, объ успѣхахъ Синичкина, объ отсутствіи Тарпѣева, наконецъ о своей неспособности веселиться, тѣмъ болѣе, что вниманіемъ его дамы овладѣлъ адвокатъ, разсказывавшій ей какую-то исторію, которая тогда была въ ходу въ городѣ Флоренціи, объ одной англичанкѣ, похитившей какого-то юношу. Такъ силою обстоятельствъ долженъ былъ завязаться разговоръ у Горунина съ Андреемъ Ивановичемъ.

— Давно вы въ Италіи?—спросилъ Благочинный.

— Съ полгода.

— А вы не служите?

— Нѣтъ.

— Напрасно... въ ваши лѣта бы и дѣлать карьеру...

Горунинъ воспользовался макаронами, которыя ему подали, чтобы перейти къ другому предмету, а отъ макаронъ къ національности итальянцевъ вообще — одинъ шагъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что Андрей Ивановичъ, по его мнѣнію, ошибался въ своемъ сужденіи насчетъ итальянцевъ, — что въ нихъ, кромѣ энтузіазма, много энергіи, — что, наконецъ, по его мнѣнію, никто такъ не терпѣливъ въ достиженіи разъ задуманной цѣли. Онъ привелъ въ примѣръ великихъ художниковъ, которые терпѣли всѣ лишенія, стремясь къ цѣли своего искусства.

— Вотъ этого-то элемента, этой энергіи,—заключилъ онъ:— нѣтъ въ насъ,—этого элемента, который былъ въ Микель-Анджело, въ Сикстѣ Пятомъ...

Это очень обидѣло Благочиннаго, и справедливо.

— Въ нашемъ народѣ нѣтъ энергіи?—говорилъ онъ.—Да такая, батюшка, энергія, что дай Богъ другому кому. Что вы берете какихъ-нибудь выскочекъ—Сикстъ Пятый или Шестой...

— А Галилей... да этихъ выскочекъ не перечтешь...

— Что Галилей! Я вамъ покажу такихъ Галилеевъ въ нашихъ мужичкахъ. Да вотъ какъ. Объясните-ка мнѣ, что жъ это такое, какъ не сила, даже баснословная сила.

Замѣтивъ, что Синичкинъ начинаетъ прислушиваться къ ихъ разговору, Благочинный возвысилъ голосъ и сталъ разсказывать...

— Въ деревнѣ у сосѣда было. Небольшая деревенька: душъ пятьдесятъ; сторона лѣсная, въ Костромской губерніи, знаете, ближе къ Вятской. Были три мужика, три брата.

Промышляли они, какъ и всѣ, знаете, звѣремъ; ходили на медвѣдя; съ ружьемъ ходили, съ рогатиной. Разъ середній братъ пошелъ одинъ, да и младшаго взялъ, который на медвѣдя-то, знаете, еще не хаживалъ. Взялъ ружье, топоръ за поясъ—безъ топора русскій мужикъ не выходитъ изъ дому. Пошли. Ну, напали на звѣря: звѣрь *престрашенный*: сталъ на заднія лапы да прямо на нихъ. Мужикъ, середній-то братъ, выстрѣлилъ—мимо! Медвѣдь на него. Нечего и думать опять заряжать; топоръ-то онъ, знаете, тоже, какъ на зло, обронилъ. Медвѣдь на него: онъ ни шагу назадъ, выставилъ кулакъ впередъ и ждетъ, и, какъ голубчикъ подошелъ, онъ ему въ горловину-то всю руку: „На, Михайла Ивановичъ, подавись“, говоритъ. Младшій-то братъ совсѣмъ оторопѣлъ; ружья у него не было; руки такъ и опустились съ топоромъ вмѣстѣ. Братъ-то и кричитъ ему: „Что жъ стоишь! Огрѣй его по головѣ, да обухомъ валяй, да—говоритъ—мѣть по головѣ, а то шкуру пропорешь“. А медвѣдь знаетъ себѣ мнетъ руку-то. Тотъ опомнился и пошелъ его колотить: ну, и убилъ. Такъ вотъ-съ гдѣ ищите энергіи. А выпусти вашего Галилея...

— Вы, кажется, что-то очень интересное разсказываете, чего мы не понимаемъ,—сказала Марія Граціа.

— Прекрасная синьора,—отвѣчалъ разсказчикъ съ улыбкой:—гдѣ вы, тамъ только одно можетъ быть интересно: это вы... А я такъ разсказывалъ, какъ у насъ одинъ мужичокъ убилъ медвѣдя.

— Это, должно-быть, очень интересно... Мы же совсѣмъ не знаемъ вашего отечества...—продолжала Граціа.

— Фи, какія страшныя вещи!—воскликнули другія дамы.

— Я боюсь васъ напугать, а то бы повторилъ свой разсказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь ужасовъ!—воскликнула Клара.

— Нѣтъ, разскажите.

Дамы раздѣлились на двѣ партіи: одни требовали повторенія разсказа, другія нѣтъ.

— Я не уступлю,—говорила одна сторона.

— И я не уступлю,—настаивала другая.

— Ну, какъ же быть, чтобъ всѣмъ угодить?—говорилъ, самодовольно посмѣиваясь, Благочинный, польщенный тѣмъ, что сдѣлался предметомъ спора хорошенькихъ женщинъ.—Какъ же быть?.. Ну, вотъ: въ которой рукѣ шарикъ?

— Въ правой.

— Ну, разсказывать! Хе-хе-хе!.. Вотъ видите ли, у сосѣда моего былъ мужичокъ...

— Я не хочу слушать, я запрещаю вамъ говорить,—кричала Клара:—у меня нервы слабы.

— Нѣтъ, говорите, говорите... Мы разсердимся, если вы не разскажете...

— Былъ одинъ мужичокъ...—продолжалъ Благочинный.

— Ну, я встану, я уйду,—говорила капризная Клара, опрокидывая стулъ:—а вы разсказывайте, сколько хотите, о медвѣдяхъ... e di tanti brutti diavoli...

Она встала изъ-за стола, а за нею всѣ, потому что обѣдъ былъ конченъ, на лугу разостланъ коверъ подъ тѣнью деревьевъ: тамъ ожидали компанію плоды въ корзинахъ, обвитыхъ гирляндами цвѣтовъ, и замороженныя въ серебряныхъ вазахъ бутылки шампанскаго.

— Былъ одинъ мужичокъ,—повторилъ Благочинный, подавая руку Маріи Граціа, чтобы вести ее въ садъ.

Въ это время дверь съ шумомъ растворилась, и, весь въ пыли, съ хлыстомъ въ рукахъ и безъ всякихъ надлежащихъ приготовленій, чтобы войти въ общество, явился Тарнѣевъ.

— А, вы меня не ждали?.. И прекрасно сдѣлали, что не ждали. Прошу извинить меня,—сказалъ онъ дамамъ:—я непростительно виноватъ передъ вами... но что̀ дѣлать! Увлекся. Чтобы поправить дѣло, я скакалъ все время маршъ-маршемъ и, думаю, принесъ вамъ, mesdames, въ жертву бѣднаго моего Россинанта... Кромѣ шутокъ, я думаю, кляча не выдержала русской ѣзды.

Служитель объявилъ, что лошадь не дышитъ. Тарнѣевъ оставилъ общество и, ругая слабосильную тварь, вышелъ посмотрѣть на несчастную лошадь. Видя, какъ бѣдное животное вытянуло ноги, откинуло голову и по временамъ судорожно вздрагивало, онъ потеръ ей носъ, обрѣзалъ подпруги, но, видя, что ничто не помогаетъ, махнулъ рукой.

Извѣстіе о замученной лошади подѣйствовало непріятно на все общество: Синичкинъ сдѣлалъ ироническую выходку противъ дурного обращенія съ животными, намекая на то, что это показываетъ дурное сердце и, ужъ Богъ знаетъ почему, неспособность питать высокое чувство истинной привязанности къ женщинамъ. Горунинъ отвелъ Тарнѣева, желая дать почувствовать всю нечеловѣчность его поступка, и сказалъ:

— Какъ это вы, батюшка! Какъ это въ самомъ дѣлѣ вести себя совсѣмъ какъ прилично какому-нибудь варвару?..

Но Тарнѣевъ не слушалъ; онъ быстро познакомился со всѣми дамами и умѣлъ даже обратить въ свою пользу непріятное расположеніе всѣхъ къ нему по случаю загнанной лошади. Онъ налилъ всѣмъ шампанскаго и провозгласилъ

тостъ за упокой души его Россинанта, говоря, что онъ долженъ почтить его память маленькой трогательной рѣчью.

— Ты палъ,—говорилъ онъ:—о, непрекраснѣйшій и небыстрѣйшій изъ коней! Ты палъ подъ ударами варвара, потомка тѣхъ варваровъ, которые *съ шумомъ и яростью* устремились на западную римскую имперію! И твой добрый хозяинъ, который далъ тебя, чтобы услужить неизвѣстному страшику, оплачетъ тебя и потребуетъ за тебя денегъ, и не будетъ болѣе посылать тебя въ городъ за какимъ-нибудь добрымъ знакомымъ, который въ благодарность за то строилъ бы куры его женѣ... А Анунціата его очень недурна, и cousin ея, за которымъ сегодня поутру посылали Россинанта, очень недуренъ и плутъ большой... Но мнѣ ли исчислять твои достоинства, описывать горесть твоего хозяина и радость его получить за твою шкуру втрое болѣе, чѣмъ ты самъ стоилъ при жизни твоей?! Мнѣ ли, говорю, описывать это, въ присутствіи особы (указывая на аббата), которая, можетъ-быть, краснорѣчіемъ своимъ изображала чуть не великими людьми тварей менѣе тебя достойныхъ...

Тостъ былъ выпитъ съ громкимъ хохотомъ и аплодисментами. Осушивъ свой бокалъ, Тарнѣевъ сказалъ, что онъ хоть и шутилъ, а все же ему жаль бѣдной скотины.

За этимъ тостомъ послѣдовали другіе. Потомъ раздались звуки оркестра; несмотря на то, что, по распоряженію Перуцци, тотчасъ послѣ обѣда оркестръ долженъ былъ играть разныя мѣста изъ оперъ, Тарнѣевъ потребовалъ сальтареллу. Мигомъ превратилась его кватрочента въ куртку; онъ подогнулъ набокъ свою широкую шляпу... какъ будто по какому-то волшебному призыву, Марія Граціа явилась передъ нимъ, полная блеска, полная жизни, граціозная и въ быстротѣ пляски и въ спокойныхъ па. Глядя на эту ловкую пару, на этотъ огонь въ глазахъ Тарнѣева, какъ у придворнаго итальянскаго кампаньола, адвокатъ, думавшій посидѣть спокойно послѣ обѣда, плясалъ, сидя на мѣстѣ, постукивалъ ногами въ тактъ и подергивалъ плечами. „Молодецъ, молодецъ!—восклицалъ онъ...—Oh, corpo di Bacco! настоящій транстеверинецъ, какъ я видалъ ихъ въ Дженсала, въ моемъ путешествіи въ Римъ... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ“. Одна дама, Лоренцина, увлекшись своимъ роднымъ танцемъ, схватила адвоката, и онъ сталъ работать глазами, плечами и ногами, какъ юноша. За ними, въ какомъ-то безумномъ увлеченіи, послѣдовали всѣ другіе; даже Горунинъ не могъ отдѣлаться отъ донны Клары. Не плясали только аббатъ, Синичкинъ и Андрей Ивановичъ: аббатъ—потому, что онъ аббатъ; Синич-

кина не могли уговорить потому, что явленіе Тарѣева произвело на него непріятное впечатлѣніе. Тарѣевъ,—говорилъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ,—кончитъ тѣмъ, что превратитъ истинно-боккачіевское общество въ безобразную оргію Лукреціи Борджіа; даже дамы понизились очень въ его мнѣніи, потому что смѣялись остротамъ Тарѣева; особенно бѣсили своими восклицаніями, по его мнѣнію, глупыми и неумѣстными, добрый адвокатъ, который говорилъ о Тарѣевѣ, что у него голова геніальная, что самъ онъ, signor Gianni, нѣсколько лѣтъ не можетъ объяснить своихъ искреннихъ чувствъ къ Маріи Граціа, а онъ объяснился почти въ любви со всѣми. Къ довершенію окончательной побѣды надъ адвокатомъ, Тарѣевъ показалъ ему фокусъ—разомъ завязать изъ платка узелъ въ двѣ петли, чего тотъ никакъ не могъ понять. Андрей Ивановичъ, разумѣется, не танцовалъ... Онъ спокойно и въ пріятномъ расположеніи духа подошелъ къ краю террасы и, любуясь видами, воображалъ о томъ, какой эффектъ произведетъ его анекдотъ о мужикѣ, который онъ намѣренъ былъ разсказать, улучивъ минуту, и о томъ, что сегодня въ первый разъ въ Италіи удалось ему хорошо пообѣдать, потому что въ отеляхъ подаютъ ужасную дрянь. „А зато, — продолжалъ онъ, потирая руки,—теперь и отдохнуть бы не мѣшало“. Въ такомъ самомъ счастливомъ расположеніи духа онъ оглянулся назадъ и сталъ разсматривать дамъ. Взглядъ его остановился на Маріи Граціа, которая, ощипывая листки розы, занялась съ Тарѣевымъ рѣшеніемъ какого-то вопроса, вѣроятно, о любви.

„Добро, добро, ври пока!—подумалъ Андрей Ивановичъ, глядя на Тарѣева:—не тѣмъ, братъ, имъ понравишься... Чай, тутъ-то свищи!“

Благочинный поднесъ руку, не знаю, къ сердцу ли, или къ боковому карману, въ которомъ лежалъ туго набитый бумажникъ.

— Любите... всѣмъ сердцемъ... всей душой... такъ... немного... нисколько...—говорила Марія Граціа:—видите, цвѣтокъ говоритъ правду.

— Можетъ-быть, онъ еще не успѣлъ узнать правды, потому что... вотъ видите, я не знаю, отчего это все, что случается въ моей жизни, не похоже одно на другое, не похоже на то, что случается съ другими... Встрѣча съ вами; вчера я васъ не зналъ; завтра, можетъ-быть, забуду, но... сегодня я всего какихъ-нибудь три часа съ вами и, клянусь, люблю васъ со всѣмъ жаромъ первой любви.

— Будто бы и первой любви?!..

— По крайней мѣрѣ для васъ я готовъ на всевозможные подвиги, на всякія глупости.

— А вы такъ прямо и называете глупостями подвиги во имя любви?

— Такъ обыкновенно называютъ ихъ, особенно говоря о первой любви. Возьмите-ка юношу, который въ первый разъ любитъ, и разсмотрите, что онъ чувствуетъ, какъ онъ чувствуетъ: вы найдете, что онъ никогда, можетъ-быть, не будетъ такъ благороденъ, такъ великъ, какъ тогда... Конечно, когда мы становимся старше, намъ смѣшно видѣть первую любовь въ другихъ, но оттого она и смѣшна и глупа намъ кажется, что сами мы чувствовали то же и знаемъ, что все, что кажется влюбленнымъ вѣчностью, пройдетъ, и ничего не выйдетъ изъ плановъ, на которые потрачено много благородства и сердца... Но я не знаю, отчего я никогда не стыжусь своихъ прошедшихъ чувствъ и своей первой любви, когда мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ.

— Да, первая любовь! Первая любовь! Отъ нея много зависитъ въ жизни!—повторила Марія Граціа, какъ бы припоминая свою первую любовь.—А можете ли вы разсказать вашу первую любовь?

— Тутъ нечего разсказывать: тутъ фактовъ нѣтъ — одно чувство; съ этимъ чувствомъ я могу только сравнивать то чувство, которое бываетъ послѣ, напримѣръ, теперь.

— Однакожъ какой видъ, какой характеръ былъ этой первой любви?.. Я думаю, въ вашей первой любви было много поэзіи...

— Отчего это?

— Такъ я думаю.

— Напротивъ, голая проза. Я, пожалуй, вамъ разскажу, хоть тутъ нѣтъ ничего занимательнаго. Это было еще въ деревнѣ. Отецъ мой не выѣзжалъ изъ своего помѣстья, и до шестнадцати лѣтъ я жилъ при немъ. Въ это время я умѣлъ только читать, и то училъ только приходскій дьячокъ. Но это меня и не занимало, потому что у меня на умѣ было только какъ бы уйти въ лѣсъ ловить птицъ или за грибами; зимой— какъ бы на лыжахъ по сугробамъ уйти разставлять капканы для лисицъ и зайцевъ, а лѣтомъ—какъ бы урваться на рѣку, ловить рыбу... У насъ рѣки удивительныя, а наше имѣнье чрезвычайно живописно: оно стоитъ на обрывистомъ берегу, а съ другой стороны мелководье; весной на полверсты зальетъ поля и цѣлыя деревни... вотъ раздолье! У отца моего былъ дворовый человѣкъ, а у него дочь, годами двумя меня моложе. Она хоть и была какъ всѣ крестьянскія дѣвочки, но отлича-

лась отъ нихъ тѣмъ, что была немного избалована у насъ въ домѣ и ужъ выросла въ нѣкоторой роскоши. Мы съ ней часто играли, ходили за грибами: я ей дѣлалъ игрушки, мы говорили по цѣлымъ вечерамъ... Но, что странно, въ лѣсу, или когда мы были въ комнатахъ одни, я никогда не смѣлъ ее поцѣловать...

— Вотъ это-то вы теперь и называете глупостью первой любви?

— Конечно, и въ этомъ отношеніи дѣйствительно первая любовь глупа... Такъ давно ужъ продолжалась эта любовь, какъ разъ въ темномъ коридорѣ я ее встрѣтилъ одну... Ужъ не помню, какъ это случилось, я ее обнялъ, какъ будто впился въ нее поцѣлуемъ. Меня била лихорадка. Я ничего не могъ говорить. Вдругъ идетъ отецъ. Мы стояли, какъ окаменѣлые, она заплакала. Мой отецъ строго смотрѣлъ, чтобъ я не баловался съ дѣвчонками. Я объявилъ, что я хочу жениться на этой дѣвушкѣ. Это была моя первая выходка: отца я ужасно боялся. Онъ взбѣсился. Сейчасъ позвалъ старика-служителя и отослалъ его въ дальній нашъ лѣсной боръ лѣсничимъ. Вотъ тутъ-то, собственно говоря, и началась любовь. Я еще, бывало, до свѣта уйду изъ дома въ этотъ боръ, верстъ за десять отъ усадьбы, иногда пѣшкомъ, иногда верхомъ, въ дождь, въ грязь, спѣшу на условное мѣсто, чтобы къ обѣду домой вернуться. Я какъ теперь помню это мѣсто, при самой опушкѣ сосноваго бора. Ахъ, синьора, вы себѣ представить не можете, что такое наши лѣса, и именно сосновый боръ! Въѣдешь въ него какъ въ особое царство; темно, и шумитъ боръ далеко-далеко; если нѣтъ и вѣтру, все равно; въ немъ какъ будто какая-то музыка... Стоишь по цѣлымъ часамъ и слушаешь... и вдругъ какъ будто страшно станетъ, какой-то ужасъ найдетъ, и побѣжишь безъ оглядки, безъ памяти, пока не выбьешься изъ силъ и не остановишься: сердце бьется, точно убѣжалъ отъ опасности... и только какъ опомнишься, станетъ смѣшно и легко, и опять вернешься... удивительные лѣса! Ничего подобнаго нѣтъ въ мірѣ!..

— Какъ вы живо чувствуете! Какъ вы любите природу!— сказала Марія Граціа, смотря съ возрастающимъ вниманіемъ на Тарнѣева.—И то сказать, что мы, итальянцы, только себѣ приписываемъ возможность поэтическаго чувства!

— Да,—отвѣчалъ Тарнѣевъ въ раздумьѣ: — этихъ лѣсовъ никогда не забуду!

— Что же любовь ваша?

— Любовь?.. Да что же? Больше ничего. У насъ были свиданія въ этомъ лѣсу. Я посылъ ей гостинцевъ; она соби-

рала мнѣ землянику... Мы ходили, сидѣли, говорили... были и поцѣлуи... но только поцѣлуи... Она была дѣвочка миніатюрная, немножко блѣдная брюнеточка, съ черными глазами... Какъ ужъ я сталъ часто отлучаться изъ дому, отецъ вспомнилъ, что пора меня учить, и отправилъ въ Петербургъ... Тѣмъ любовь наша и кончилась.

— А долго ли вы ее потомъ помнили?

— Нѣтъ, скоро позабылъ; а потомъ ужъ никогда и не вспоминалъ.

— Къ сожалѣнію, не всѣ любви кончаются такъ...—отвѣчала со вздохомъ Марія Граціа.—Другія любви, то-есть не первая любовь, часто переходятъ въ ненависть. Я бы вамъ разсказала одинъ случай, который, я знаю, окончился ненавистью и, пожалуй, обоюдной. Мнѣ даже хочется это разсказать... Я даже не могу объ этомъ не говорить, потому что это меня давитъ, мучитъ... Рѣдко тѣ, которые любили другъ друга, расходятся друзьями, а это должно быть такъ... Вотъ видите, это одно изъ лицъ, которыя здѣсь...

— И кого вы любили?

— Да.

— Кто же это?

— Такъ, одинъ человѣкъ... впрочемъ, отчего же и не сказать... вотъ смотрите, тотъ, который такъ слѣдитъ за мной, который бѣсится отъ ревности, что я говорю съ вами.

Тарнѣевъ обвелъ глазами все общество.

— Неужели Благочинный?—спросилъ онъ, видя Андрея Ивановича, который въ послѣобѣденномъ расположеніи духа не могъ оторваться отъ созерцанія красотъ Маріи Граціа.

— Нѣтъ!.. Другой... смотрите сюда... онъ сидитъ подлѣ вашего товарища, Горунина, и не слушаетъ, что тотъ говоритъ ему...

— Аббатъ!..

— Да, дайте мнѣ руку, сойдемте въ садъ; я разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ его жизни... и моей...

Они хотѣли-было сойти съ лѣстницы на нижнюю террасу, какъ вдругъ раздался громкій, веселый хохотъ донны Клары, которая звала къ себѣ Марію Граціа, Тарнѣева и всѣхъ.

— Ай, ай!—кричала она:—мертвецы, мертвецы! Привидѣніе! Сюда, сюда! Аббатъ!

Съ появленіемъ Тарнѣева аббатъ какъ-то потерялъ свою прежнюю веселость: онъ сѣлъ въ отдаленіи на дерновую скамью и слѣдилъ съ негодованіемъ, какъ Марія Граціа оказываетъ столько вниманія этому чужестранцу. Горунинъ, симпатизируя задумчивости аббата, приблизился къ нему, завелъ

свой любимый разговоръ и пустился въ анализъ душевныхъ ощущеній.

— Въ нашъ вѣкъ,—говорилъ онъ: — анализъ довелъ насъ до совершеннаго уничтоженія возможности жить и наслаждаться: онъ въ насъ убилъ *плоть*, то-есть живость чувства, которую не могъ убить синтезъ. Въ самомъ дѣлѣ, я слѣдилъ за своимъ вѣкомъ. Я могу назвать себя сыномъ вѣка... но что я такое?—скелетъ! Я хорошо понимаю, что я отжилъ, не живши; развитіе ума опередило развитіе чувства: я мертвецъ передъ юношей, полнымъ жизни; я мертвецъ передъ старикомъ, который видитъ за собой пройденную жизнь... Я мертвецъ въ отношеніи ко всему, что чувствуетъ, наслаждается...

Донна Клара безпрестанно подбѣгала то къ аббату, то къ Горунину, вызывая ихъ на разныя затѣи; наконецъ, видя безуспѣшность своихъ усилій, она остановилась сзади ихъ скамьи и слушала ихъ разговоръ. Изъ него она поняла только то, что Горунинъ называлъ себя мертвецомъ; это ей показалось ужасно смѣшно, и она подняла страшную тревогу.

Всѣ окружили ее и Горунина съ аббатомъ.

— Представьте себѣ,—говорила Клара:—представьте себѣ, онъ говоритъ, что онъ уже когда-то жилъ, что онъ мертвецъ, что онъ... изъ гроба вышелъ... что въ двѣнадцать часовъ, какъ пропоютъ пѣтухи, изъ земли подымется пламя и сѣрный дымъ, и онъ разсыплется, какъ пескомъ! Каковъ? Да это просто ужасъ!

Горунинъ хотѣлъ-было протестовать, что онъ не совсѣмъ такъ говорилъ, но женщины осадили его со всѣхъ сторонъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвалась,—говорила одна.

— Я тоже,—говорила другая: — но я не думала, чтобы мертвецы были такіе страшные!

— Вы изъ ада или изъ чистилища? Что тамъ дѣлаютъ наши знакомые?..

— Что мой мужъ?

— Что мой дядя, который завѣщалъ мнѣ только фиговое дерево?

— Мой Дженнаро?

— А мой лордъ Гамберстонъ? Ха! ха! ха!..

— Да поворачивайся, разсказывай, житель мрака! Или хочешь вина? О, мы расшевелимъ и покойныхъ!..

— Онѣ становятся настоящими менадами,—замѣтилъ Синичкинъ:—пожалуй, растерзаютъ Горунина, какъ Орфея...

— Э, синьоръ!—отвѣчалъ адвокатъ, махнувъ рукой:—ужъ женщины у насъ такія: либо спятъ, какъ сурки, либо развозятся, какъ черти!

Перуцци, видя, что Горунинъ огорченъ и озлобленъ, предложилъ тостъ въ честь крылатаго божка, но его не слушали.

Тарнѣевъ не могъ снести серьезной мины Горунина и кричалъ ему съ сердцемъ:

— Да ты шути, смѣйся!

— Нѣтъ, Тарнѣевъ,—отвѣчалъ Горунинъ, тронутый его участіемъ:—я не могу расходиться!

— Ну, напугай ихъ, по крайней мѣрѣ, какъ мертвецъ!

Горунинъ собирался завопить гробовымъ голосомъ, подражая мертвецамъ, которыхъ видалъ въ операхъ, но у одной изъ женщинъ, Каролины, мелькнула новая идея.

— Знаете ли что?—воскликнула она.—Въ старину, говорятъ, мертвецовъ убирали цвѣтами и ставили за столъ, когда хотѣли веселиться... Клара! Дай сюда гирлянды!.. Перуцци, ты антикварій: какъ это дѣлается?

— Дайте мнѣ, я увѣнчаю нашего задумчиваго жителя могилъ,—перебила Клара, которой стало жаль смущеннаго Горунина.—Зачѣмъ вы такъ скучны,—говорила она, вѣнчая его гирляндами:—постойте же, я возьмусь за васъ! Смѣйтесь же, будьте умный мертвецъ...

— Какъ вы добры,—произнесъ тронутый Горунинъ.

— То-то же! Слушайте меня, я васъ развеселю, тѣнь холодная! Расшевелю васъ, милый прахъ! Уберу какъ живого! Вы будете самая живая смерть!..

Горунинъ улыбался и чувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе, когда рѣзвая Клара поставила его на колѣни и своими бѣло-мраморными руками убирала его голову и касалась его лба; и слышалъ онъ ея горячее дыханіе, и прикасался ея платья, даже слышалъ біеніе ея сердца: такъ близко отъ его уха былъ корсетъ прекрасной Клары, обрисовывавшій роскошный станъ и тепло-воздымающуюся грудь. Онъ признался самъ себѣ, что былъ дѣйствительно глупъ съ своей меланхоліей, что не умѣлъ разомъ сообразить своего положенія, между тѣмъ какъ въ этомъ-то умѣньи и состоитъ умѣнье жить: „надо наслаждаться активно,—говорилъ онъ,—а не пассивно!“, но и это пассивное наслажденіе жизнью было для него уже много: онъ какъ будто ожилъ, точно выходя изъ обморока и усыпленія, подъ прикосновеніемъ бѣлыхъ рукъ, слыша трепетъ сердца и чувствуя на лицѣ своемъ горячее дыханіе красавицы. Подавленный этимъ впечатлѣніемъ, онъ дѣйствительно походилъ на скелетъ древнихъ эпикурейцевъ, неподвижный посреди кружка неистово и бѣшено пляшущихъ вакханокъ; Каролина, Лоренцина увлекли и дру-

гихъ дамъ, и Перуцци, и даже Андрея Ивановича, и при звукахъ музыки, съ громкими восклицаніями, вся эта толпа кружилась около блѣднаго Горунина, не понимающаго, что съ нимъ дѣлается, но повторяющаго про себя:

— Вотъ это жизнь!..

Марія Граціа и Тарнѣевъ смотрѣли на эту сцену. Тарнѣеву показалось, что Горунинъ глубоко страдаетъ. Марія Граціа тоже смотрѣла на него не безъ участія.

— Кажется, вашъ пріятель совсѣмъ нерасположенъ къ этой шуткѣ,—сказала она:—освободите—освободите его, онъ, право, жалокъ.

Тарнѣевъ бросился къ толпѣ.

— Нѣтъ, господа!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, наша смерть нехороша! Дай мнѣ гирлянды, Горунинъ, я буду смертью!

И онъ снялъ гирлянды съ Горунина и накрылся скатертью, какъ саваномъ. Горунинъ еще такъ сильно находился подъ обаяніемъ своей раздраженной чувственности, что уступилъ цвѣты Тарнѣеву почти съ сожалѣніемъ, думая про себя:

„Вотъ, только-что было-пошло дѣло на ладъ... онъ все испортилъ".

— Я ваша смерть,—произнесъ Тарнѣевъ глухимъ голосомъ,—и вы всѣ въ моей власти!.. Если кто хочетъ отъ меня избавиться, тотъ да поцѣлуетъ мои холодныя уста!

И онъ пошелъ цѣловать женщинъ, которыя ему говорили, что онъ „сладкая смерть", другія, что онъ „гадкая смерть".

Видя, что „неумолимая" смерть приближается и къ Маріи Граціа, аббатъ вскочилъ съ своего мѣста, какъ бы ожидая громового удара. Глаза его сверкали, губы дрожали.

— Аббатъ хочетъ импровизировать!—провозгласилъ адвокатъ, страстно любившій поэзію:—по его глазамъ, по его вздымающимся ноздрямъ, какъ у Аполлона Бельведерскаго, я предчувствую, что на него находитъ вдохновеніе...

Это было сигналомъ новаго удовольствія: женщины бросились на новую жертву. Онѣ окружили аббата, требуя импровизаціи; всѣ предлагали свои темы; отказаться было невозможно; несмотря на всѣ усилія избавиться отъ импровизаціи, аббатъ долженъ былъ взять гитару. Адвокатъ спряталъ свой платокъ, изъ котораго силился завязать узелъ, показанный ему Тарнѣевымъ, и усаживалъ всѣхъ, говоря шопотомъ:

— Слушайте, слушайте... это просто сынъ Аполлоновъ.

Аббатъ сдѣлалъ прелюдію и началъ:

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ,
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу

Онъ умертвилъ въ себѣ какъ могъ,
Питался желудьми, пилъ воду
И весь какъ мумія изсохъ.
„Учитесь,—онъ вѣщалъ народу,—
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной,
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно.
Смотрѣлъ на пляски нашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ,
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ,—
Но нѣтъ, ни крови ни глазамъ
Души своей въ соблазнъ я не далъ:
И женъ и винъ тщету я вѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ.
И, чистъ какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ".
И онъ пошелъ; и позабылъ
Весь градъ отшельника святого;
Въ пустынѣ онъ два года жилъ
И не видалъ лица живого.

На третій годъ разъ вспомнилъ онъ,
Какія зрѣлъ онъ вина, брашны,
Какъ былъ однажды приведенъ
Къ сатрапу онъ на искусъ страшный:
Жгли ѳиміамъ; чертогъ сіялъ;
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало,
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ поднесла съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Ее поилъ онъ, и въ уста
Ее лобзалъ, и какъ голубка
Къ нему ласкалась красота...
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье
И изнурительность поста.
Но что жъ? Въ его воображеньи
Какъ будто выжженъ ясный ликъ,—
Вездѣ гречанка молодая...
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ,
Косматый, рыщетъ онъ въ пустынѣ
Какъ чумный звѣрь, воетъ, реветъ,
Къ пескѣ катаясь, міръ клянетъ
И въ ярости грозитъ богинѣ...

Разъ у ручья онъ между скалъ
Въ росистый вечеръ возсѣдалъ.
Синѣла степь... изъ степи синей
Какъ будто музыка неслась,
И съ тихой свѣжестью пустыни
Отрада въ грудь его лилась.
Въ сей дальнемъ гулѣ, ужъ два года,

Доселѣ слышалъ онъ слова
И видѣлъ образъ божества.
„Богиня жизни, мать-природа! —
Теперь онъ стонетъ...—Пощади!
За то, что я софизма силой
Съ тобой связующія жилы
Хотѣлъ порвать въ своей груди—
Пылаетъ мозгъ во мнѣ, кичливый
Своею логикою лживой...
Ужель нѣтъ легче казни мнѣ,
Чѣмъ таять въ медленномъ огнѣ,
Блестящимъ призракомъ пленяться,
Въ немъ видѣть чудо красоты,
Желаньемъ пламеннымъ терзаться,
Смотрѣть на милыя черты
И изучать ихъ совершенство,
Знать, гдѣ и что мое блаженство —
И только думать про себя:
„Нѣтъ, нѣтъ, оно не для тебя!"

Послѣдніе стихи сильно потрясли импровизатора; онъ бросилъ гитару и быстрыми, неровными шагами отошелъ къ террасѣ: тамъ, облокотивъ голову на обѣ руки, онъ пробылъ нѣсколько минутъ почти въ безчувствіи. Его болѣзненный видъ удержалъ аплодисменты, которыми всѣ готовы были его осыпать... Только Горунинъ подошелъ къ нему и, молча, съ большимъ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Я васъ понимаю,—сказалъ онъ,—въ вашей импровизаціи я умѣлъ различить ваши собственные стоны.

— Какъ онъ скоро кончилъ,—сказала Клара:—что же потомъ было съ этимъ жрецомъ?..

— Это я вамъ скажу, — отвѣтилъ Тарнѣевъ: — жрецъ возвратился въ городъ... нѣтъ, позвольте, попробую стихами...

Прошли года. Въ Изидинъ храмъ
Текли, какъ прежде, богомольцы
Внимать оракула словамъ
И покупать запястья, кольца,
Заклятья противъ злыхъ бѣсовъ.
Мудрѣйшимъ слылъ между жрецовъ
Тамъ жрецъ одинъ: носились слухи,
Что мертвъ лежалъ онъ на земли,
И замертво перенесли
Его во градъ благіе духи,—
Тамъ ожилъ онъ и славенъ сталъ;
Никто порокъ не поражалъ
Съ отвагой столь необычайной,
Никто за трапезою тайной
Такъ сочныхъ яствъ не пожиралъ.
Никто средь града вѣкового
Не зналъ, какъ онъ, во тьмѣ ночной

Пути къ еврейкѣ чернобровой
Иль къ баядеркѣ молодой.
И такъ, смѣясь надъ сатрапомъ,
Онъ жилъ, тучнѣлъ, спалъ звонкимъ храпомъ
И поровнялся предъ концомъ
Дородствомъ съ жертвеннымъ тельцомъ.

— Браво! Браво Тарнѣеву! Онъ побѣдилъ соперника!— провозгласили гости.

— Очень хорошо,—сказалъ ему Андрей Ивановичъ, когда Синичкинъ перевелъ ему смыслъ импровизаціи. — И даже это иначе не могло быть въ языческомъ мірѣ,—замѣтилъ онъ весьма основательно:— потому что язычество — само по себѣ величайшій развратъ... Я читалъ много объ этомъ... и эту исторію я точно читалъ у одного древняго писателя, не помню только—у котораго.

— У Гуго Гроціуса, можетъ-быть?—спросилъ Тарнѣевъ, единственно потому назвавъ это имя, что сейчасъ прочелъ его подъ бюстомъ Гуго, который между прочими стоялъ на террасѣ.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ серьезно Благочинный.

Вечерній воздухъ, казалось, успокоилъ нѣсколько аббата; онъ возвратился къ кружку собесѣдниковъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; лицо, горѣвшее дивнымъ огнемъ за минуту, осунулось; но безразличное выраженіе, которое онъ сохранялъ въ продолженіе цѣлаго дня и которое уступило только передъ вспышкой вдохновенья, не могло возвратиться: всякій могъ бы прочесть въ этомъ лицѣ глубокое, давно подавляемое страданіе. Слабость, первическая женственность его организаціи не давали ему достаточно силы притворства; онъ, казалось, постарѣлъ пятью годами. Его безпокойство странно дѣйствовало на Марію Граціа. По мѣрѣ того, какъ онъ хмурился, ея веселость увеличивалась, подобно тому, какъ, когда на синемъ южномъ небѣ изъ-за горъ выплываетъ бурая громоносная туча и тѣнью своею покрываетъ половину долины, кажется, ярче освѣщается солнцемъ другая половина ея, зеленые кусты золотятся, красныя руины по холмамъ кажутся облитыми киноварью, а бѣлыя ограды и бѣлые домики городка, стоящаго на горѣ, походятъ на клочья снѣгу, озаренные полуднемъ. Видя, какъ аббатъ выходитъ изъ себя, Марія Граціа чувствовала особенное расположеніе шутить, смѣяться и быть любезною съ Тарнѣевымъ, и они говорили все, что придетъ на умъ, говорили ужаснѣйшія глупости, но эти глупости не промѣняли бы ни онъ ни она на лучшую рѣчь въ парламентѣ...

Улучивъ минуту, аббатъ подалъ руку Маріи Граціа и предложилъ сойти въ садъ. Марія нехотя пошла за нимъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—я все вижу.

Она молчала.

— Я все вижу,—повторилъ аббатъ.

— Поздно же...—прошептала она, но какъ будто не аббату, потому что на него не глядѣла, а миртовымъ листьямъ и сучьямъ, которые она, увлекаемая аббатомъ, срывала и трогала на ходу, чтобъ занять ими свое вниманіе. И если бъ эти листья, растертые въ ея рукѣ, могли истолковывать по прикосновенію къ нимъ человѣка, какія чувства его наполняютъ, они бы прочли въ Маріи Граціа два различныя чувства—и стыдъ и желаніе признаться въ чемъ-то, чтобы разомъ освободить и себя отъ муки притворства и отъ нѣкоторыхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ аббату, и его вывести изъ непріятной неизвѣстности.

— Такъ все кончено? — спросилъ аббатъ, сжимая руку Маріи.

— Вы мнѣ ломаете руку, аббатъ.

— Отвѣчайте мнѣ,—воскликнулъ онъ, останавливаясь: — между нами все кончено?

Она молчала.

— Презрѣннѣйшая изъ женщинъ! — торжественно произнесъ аббатъ, отталкивая отъ себя ея руку.

— Не оскорбляйте меня, аббатъ, — воскликнула Марія съ негодованіемъ;—между нами давно все кончено, какъ вы говорите. Но,—продолжала она спокойнѣе,—я не хочу разставаться врагомъ съ людьми, которыхъ когда-то любила. А потому послушайте, что я хочу сказать вамъ,—не оправданіе, не урокъ, а такъ, дружеское повтореніе всего того, что я говорила вамъ и прежде. Помните ли, я не затруднялась сказать вамъ, что я васъ люблю, въ тотъ вечеръ, когда вы импровизировали, когда я васъ видѣла почти въ первый разъ, потому что прежде я васъ не замѣчала. Ваша импровизація меня сильно тронула. Я угадала сразу, что есть великаго въ вашей натурѣ, и полюбила это прекрасное. Я хочу и теперь быть такъ же чистосердечна съ вами и точно такъ же признаться вамъ, что первая страсть во мнѣ прошла. Вы умны, аббатъ, вы понимаете, что во сто разъ легче дѣвушкѣ, которая въ первый разъ любитъ, сказать „люблю“, чѣмъ сказать „не люблю“ людямъ такого возраста, какъ мы съ вами... Въ началѣ любви моей я въ васъ любила — какъ бываетъ всегда — новость; но эта новость скоро прошла. Вы не можете не повторяться, аббатъ. Понявъ васъ одинъ разъ, я уже могла предсказать всякое ваше движеніе, всякое ваше слово... Но въ вашей поэтической натурѣ — не сердитесь,

аббатъ — нѣтъ ничего, что бы составляло загадку, заставляло бы ожидать проявленія новой и новой силы... Кромѣ этихъ минутъ вдохновенія, вы такой же обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ мы смертные... Вы велики, какъ поэтъ и тогда, когда вы поэтъ; но, какъ человѣкъ,—вы дитя, вы женщина... Я тоже женщина, Лоренцо, и могу покориться только мужеству... Вы поймите себя... въ вашей организаціи заключается тайна, почему вы не можете навсегда привязать къ себѣ женщину...

— Благодарю за урокъ, синьора.

— Прошу васъ, Лоренцо, не смотрите такъ на мои слова: и если вы точно имѣете ко мнѣ дружбу, какъ увѣряли не разъ, то изъ дружбы теперь поймите мое положеніе...

— О, понимаю, понимаю!.. Когда мы уже становимся преступны даже въ своихъ глазахъ, мы отыщемъ доводы, чтобы оправдать себя, и, разумѣется, вину свалимъ на другихъ... Я васъ не удерживаю, идите своей дорогой, куда она васъ поведетъ. Но вы ошибаетесь, сударыня, если вы видѣли во мнѣ до сихъ поръ ребенка, какъ вы говорите; такъ знайте, что любовь моя къ вамъ дѣлала меня ребенкомъ. Когда вы сегодня явились, я сдѣлался веселъ, какъ младенецъ; вы опять истерзали меня, и я выстрадалъ всѣ муки ада. Но, я говорю вамъ, вы ошиблись. Я докажу вамъ, что я мужъ. Если я умѣлъ любить васъ, если я мечталъ о томъ, чтобы озолотить вамъ жизнь, я сумѣю ее отравить. Вамъ будетъ страшно мое имя. Вы будете несчастны — въ себѣ, во всѣхъ, кого будете любить, въ вашихъ дѣтяхъ, въ вашихъ любовникахъ. Со сцены вы будете видѣть меня; я отравлю вашъ успѣхъ. Я не скажу вамъ болѣе ни слова... но...

— Я вамъ говорила, аббатъ, что вы очаровательны, когда импровизируете...

— Нѣтъ, синьора, я не импровизирую теперь, а предсказываю.

— Если не импровизируете, то вы ужасно похожи на ребенка, который хочетъ казаться большимъ.

У аббата губы побѣлѣли отъ ярости. Увидя въ концѣ аллеи Благочиннаго, онъ направилъ шаги свои къ нему навстрѣчу.

— Я долженъ передать вамъ мою даму,—сказалъ онъ:— потому что мои обязанности призываютъ меня въ городъ.

Онъ посадилъ Марію Граціа на ступеньки темной бесѣдки, изъ мрака которой выглядывалъ, обставленный цвѣтами, мраморный сатиръ, поймавшій нимфу; аббатъ поклонился и исчезъ; Марія была взволнована. Сила негодованія, которая ее

поддерживала въ присутствіи аббата, казалось, ее оставила, глаза налились слезами... но Благочинный не замѣчалъ ея смущенія.

— Видно, прелестная Марія,— говорилъ онъ:— аббатъ боится... гуляя съ вами... я понимаю его... Андрей Ивановичъ ложиралъ глазами предести „соблазнительной сирены“.— Послушайте, Марія Граціа,— продолжалъ онъ, вдругъ оставивъ этотъ тонъ любезника и садясь подлѣ нея съ видомъ человѣка, говорящаго дѣло:—я, любя васъ, должечъ васъ предупредить... Вы, можетъ-быть, думаете, что эти господа, молодежь-то эта, какіе-нибудь путешествующіе лорды и богачи... я знаю ихъ—это все голь. Я вамъ говорю, какъ женщинѣ разсудительной... Если бъ человѣкъ съ вѣсомъ, съ состояніемъ повергъ бы передъ вами... все свое состояніе, свое сердце, конечно, только такая, можно сказать, побѣда можетъ польстить вамъ, и это ужъ не то... что какой-нибудь мальчишка...

— Виновата, я не вслушалась,—отвѣчала Марія, которая едва могла опомниться отъ сцены съ аббатомъ.

— Плутовка!—произнесъ съ нѣжностью Благочинный, истолковывая молчаніе красавицы въ свою пользу.—Еще притворяется, что не понимаетъ...

— Вы, кажется, не очень веселитесь,—сказалъ Перуцци Горунину, который задумчиво сидѣлъ на балюстрадѣ террасы и смотрѣлъ по сторонамъ.

— Напрасно вы такъ думаете,—отвѣчалъ тотъ:—я только не шумлю, когда мнѣ весело.

Сумерки, или уже ночь, давно наступили. Около воротъ виллы собралось множество народу на звуки музыки. Тарнѣевъ велѣлъ отворить ворота, впустить зрителей въ садъ и открыть сельскій балъ. Терраса освѣтилась разноцвѣтными фонарями; начались танцы. Сельскія дѣвушки, въ своихъ коротенькихъ юбочкахъ, съ цвѣтами на головѣ, выплясывали граціозныя па своими маленькими ножками, красиво обутыми въ синіе высокіе шерстяные чулки и красные башмаки. Старики, оставя приличную своимъ лѣтамъ важность, которую римляне называли этрусскою неповоротливостью, тоже пустились въ плясъ наравнѣ съ юношами или сидѣли около маленькихъ столиковъ, попивали вино и курили изъ глиняныхъ трубочекъ. Тарнѣевъ—или былъ утомленъ своими шалостями въ продолженіе цѣлаго дня, или пришло ему на умъ какое дѣло—уже не принималъ такого дѣятельнаго участія въ балѣ. Онъ сдѣлался молчаливъ и удалялся отъ шуму; то вдругъ кидался опять въ толпу съ крикомъ и гиканьемъ, то кружилъ свѣженькую поселянку и, пользуясь быстротою танца,

срывалъ съ устъ ея поцѣлуй, то танцовалъ съ городскими дамами, импровизируя себѣ новый костюмъ, новыя роли: то соррентинскаго рыбака, то французскаго маркиза, то передразнивая кого-нибудь изъ присутствовавшихъ. Но послѣ такой продѣлки опять скрывался. Горунинъ, напротивъ того, развеселился и, ангажируя дамъ, говорилъ съ увлеченіемъ: „Надобно же жить!“. Синичкинъ одинъ негодовалъ, что впустили народъ, сидѣлъ на террасѣ и согласился только провальсировать съ синьорой Каролиной. Онъ поддернулъ перчатки, съ эффектомъ вышелъ на площадку и махнулъ бѣлымъ платкомъ музыкантамъ, чтобъ они прекратили тарантеллу и заиграли Aurora Walzer. Зато Перуцци и адвокатъ не отставали отъ общаго движенія, особенно адвокатъ, который однако, отдыхая между танцами, все возвращался къ таинственному узлу и говорилъ, что „въ сущности онъ его запамятовалъ... in sostanza dunque... lo perdei...“

Горунинъ, въ порывѣ своей необычной веселости, не разъ отыскивалъ Тарнѣева, стыдилъ его, что онъ не веселится. Но Тарнѣевъ оставался безотвѣтенъ на его воззванія. Онъ былъ радъ, что находился подлѣ Маріи Граціа, казался погруженнымъ въ непривычную думу, и прежняя легкая болтовня не шла ему болѣе на умъ. Онъ видѣлъ, какъ Марія Граціа сошла съ террасы съ аббатомъ, какъ возвратилась одна и казалась встревоженною. Руководимый нѣсколькими намеками Маріи Граціа, онъ не сомнѣвался, что аббатъ виною того, что она разстроена. Онъ составлялъ себѣ идею этого человѣка, и въ этомъ портретѣ участвовали, чего онъ не замѣчалъ, и ненависть и ревность. Ему становилось тяжело, душно.

Но Марія Граціа иначе поняла его задумчивость,—иначе потому, что сама думала о Тарнѣевѣ и старалась, противъ воли, изучить этого человѣка, который ей казался новъ и занимателенъ.

— Неужели вамъ не надоѣло бѣситься? — спросила она, когда Тарнѣевъ, увлеченный рѣзвой Кларой въ вихрь вальса, возвратился опять къ Маріи Граціа.

— Если бъ вы знали, какъ мнѣ все надоѣло, — отвѣчалъ онъ.—Я не понимаю, что со мной дѣлается... отчего на меня напала такая тоска...

Онъ взялъ руку Маріи, поцѣловалъ ее съ глубокимъ чувствомъ и склонилъ на нее свою голову. Грудь его тяжело дышала, сердце горячо билось.

— Что съ вами?—тихо спросила она.

— Ничего!.. Но, ради Бога, говорите мнѣ, говорите!..

— Скажите, — продолжала, глядя на него съ нѣжностью, Марія Граціа:—вы ничѣмъ особенно не занимаетесь? Вы не художникъ?

Тарнѣевъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, не художникъ,—отвѣчалъ онъ.

— И не музыкантъ?

— Ни музыкантъ, ни художникъ, ни ученый, ничего! Совершенно ничего! Хотъ я немного и рисую, и пишу, играю... танцую, дурачусь...

— Отчего же вы не художникъ? Вотъ это странно!

— Отчего? Этого и я самъ не понимаю... или, должно-быть, я не рожденъ художникомъ...

— Нѣтъ, стало-быть, въ дѣтствѣ въ васъ не развивали эстетическаго чувства... стало-быть, вы не выросли подъ вліяніемъ изящныхъ искусствъ, не слушали хорошей музыки, не посѣщали галлерей живописи и скульптуры... не слыхали споровъ объ искусствѣ, эстетическій восторгъ другихъ не сообщался вамъ и не пробуждалъ въ васъ восторга... Иначе вы были бы художникомъ...

Тарнѣевъ слушалъ Марію Граціа съ возрастающимъ удивленіемъ. Въ первый разъ онъ слышалъ о себѣ такое сужденіе и принималъ эти слова, какъ слова пиѳіи, которыя открывали для него совершенно новый міръ, давали новое значеніе ему самому въ собственныхъ его глазахъ. Никогда никакая другая женщина не пробуждала въ немъ такого свѣтлаго взгляда на будущее, на его дѣятельность: всѣ другія женщины, которыхъ онъ любилъ, заключали его дѣятельность, его мысль въ тѣсную сферу, въ которой онѣ вращались сами и вырвавшись изъ которой онъ чувствовалъ себя легче и свободнѣе. Теперь не то: горизонтъ его расширился. Онъ какъ будто яснѣе начиналъ видѣть вокругъ себя; мысль его какъ будто бы прежде бродила около предметовъ, теперь стала останавливаться на нихъ и открывать въ нихъ новые стороны и виды, которыхъ онъ прежде не подозрѣвалъ. Онъ приходилъ въ состояніе, которое называется у художниковъ вдохновеніемъ, когда всѣ впечатлѣнія проясняются, усиливаются, и ихъ смѣло и въ подробностяхъ окидываешь взоромъ, и хочется изобразить ихъ и дать имъ матеріальную форму. Тарнѣевъ сознавалъ въ себѣ присутствіе великой силы, и было въ немъ странное стремленіе проявить эту силу. Прошедшая жизнь его вся представилась ему въ иномъ свѣтѣ: ему казалось, что эта-то сила и бросала его въ разныя крайности, подвигала на разныя глупости, выражалась въ безобразныхъ фактахъ. Онъ смотрѣлъ на Марію Граціа, на

античное спокойствіе чертъ ея классически-правильнаго лица, чувствовалъ это благодушіе, сіявшее въ ея взорахъ, и ему казалось, что она только одна и можетъ сказать ему, какъ направить эту силу, и что такое эта сила, эта странная жажда необыкновеннаго, это безпокойство, которое кидало его въ жизни изъ стороны въ сторону.

— Да,—говорилъ онъ:—можетъ-быть, я и художникъ... можетъ-быть, вы и не ошиблись... завтра же заведу краски и пойду въ ученики къ какому-нибудь хорошему мастеру.

— И вы мнѣ напишете вашихъ дикіе лѣса... и свиданія первой любви.

— О, Марія Граціа! Что вы за необыкновенная женщина!

И Тарнѣевъ былъ въ восторгѣ, чувствовалъ себя совершенно инымъ; ласковая рѣчь Маріи, ея дружеское участіе совершенно изгладили въ немъ и образъ аббата, и тѣ движенія ревности и негодованія, которыя омрачили-было его ясный, беззаботный взглядъ на міръ и вещи. Онъ высоко цѣнилъ вниманіе женщины, которая такъ возвысила его нравственное чувство, которая указала новое поприще дѣятельной силѣ его духа, которая заставила его возродиться къ совершенно новой жизни... Надолго ли? И не ошибалась ли она? Этихъ вопросовъ ему и въ голову не приходило. Передъ нимъ воздвигались какъ бы въ туманѣ великіе образы греческаго искусства, великіе лики Микель-Анджело, Рафаэля, Веронеза, Рубенса, и этотъ туманъ манилъ его, освѣщаясь все болѣе и болѣе лучами восходящаго дня, по мѣрѣ того, какъ онъ его разглядывалъ; ему хотѣлось совсѣмъ его разсѣять, и онъ жаждалъ скорѣе призвать науку на помощь его непосредственному чувству, которое указывало на прекрасное, но ожидало приговора разума и опыта. Самая природа какъ будто иначе стала говорить съ нимъ, какъ будто все, что его окружало въ этой природѣ, стремилось сказать ему свою тайну, тайну красоты своихъ линій, разнообразія и гармоніи красокъ и тоновъ, тайну жизни, которая одушевляла безчувственный міръ. Онъ увидѣлъ живую картину съ одной стороны—темный палаццо, на которомъ мерцаніе огней освѣщало розетки, каріатиды и аканоные листья капителей: передъ нимъ мелькающія группы, то освѣщенныя огнемъ, то какъ темные силуэты на яркомъ фонѣ... Онъ задумался надъ другой картиной, гдѣ былъ темный садъ съ его фонтанами, которыхъ вѣчный шумъ, настроенный на одну густую басовую ноту, какъ-то особенно былъ торжественъ, возвышаясь въ интервалы, когда переставала музыка; тамъ долина, синія горы и въ небѣ—ночь, которой тѣнь казалась

чѣмъ-то матеріальнымъ, какъ будто она двигалась въ воздухѣ, и шла таинственнымъ полчищемъ, и занимала постепенно мѣста на землѣ и на небѣ, и на землѣ и на небѣ зажигала сторожевые огни.

Балъ кончился, когда уже было далеко за полночь. Толпы стали давно рѣдѣть. Благочинный и Синичкинъ давно уѣхали. Адвокатъ Gianni накинулъ бурнусъ на Марію Граціа, укуталъ ее шалью, которую захватилъ безъ ея вѣдома, по своей предупредительности, и на прощанье попросилъ Тарнѣева въ сотый разъ показать ему завязку таинственнаго узла.

Марія Граціа дружески пожала руку Тарнѣеву и звала его къ себѣ, приказавъ адвокату дать ему ея адресъ.

— А вы, caro diavoletto, меня совсѣмъ бросили,—говорила ему Клара, которой веселость развилась въ полномъ блескѣ, потому что между поселянами, бывшими на балѣ, замѣшались кой-какіе странствующіе нѣмецкіе пейзажисты, которые заставили забыть недостатокъ кавалеровъ на пикникѣ.—Постойте, я васъ еще завоюю у Маріи Граціа; я еще васъ найду, я отыщу васъ, я съ вами буду жестока, неумолима...

Садъ опустѣлъ; остались только Тарнѣевъ, Горунинъ да Перуцци, который наблюдалъ за слугами, убиравшими въ саду приборы, стаканы и пустыя фіаски и перетаскивавшими на мѣсто стулья, столы, ковры и скамейки.

— Ну, Тарнѣевъ,—сказалъ Горунинъ:— вотъ сегодня мы славно повеселились... Отчего ты пропалъ подъ конецъ вечера? Такъ это странно, что ты прежде всѣхъ опѣшился.

— Усталъ, цѣлый день бѣсился.

— Да кончимъ ужъ и ночь хорошенько... Мнѣ ужасно весело! Это такъ рѣдко бываетъ... выпьемъ еще бутылочку... а потомъ поѣдемъ.

— Пожалуй... только мнѣ бы ужъ хотѣлось скорѣе домой. Я усталъ...

— Не то, Тарнѣевъ, ты не усталъ...

— Я думаю, можно устать, кто столько бѣсился.

— Нѣтъ, ты не усталъ... а сказать ли, что въ тебѣ... я знаю... Новая любовь.

— А вотъ и не угадалъ. У меня особенная идея. Я хочу заняться живописью, и серьезно заняться.

— Ты... хочешь быть художникомъ?

— А отчего же нѣтъ?

— Ничего, учись, учись, это хорошо. Займись живописью.

Въ словахъ Горунина были недовѣрчивость и иронія, которыя сердили Тарнѣева.

Перуцци вполнѣ симпатизировалъ предложенію Горунина,

досталъ вина, сдѣлался очень любезенъ, разсказалъ множество легонькихъ исторій города Флоренціи. Они выѣхали домой, когда солнце уже сіяло на горизонтѣ.

Послѣдняя попойка не произвела никакого дѣйствія на Тарнѣева. Горунинъ повеселѣлъ, сдѣлался сообщительнѣе. Перуцци, какъ сѣлъ въ коляску, такъ и заснулъ.

— Какъ славно, Тарнѣевъ,—тихо и съ разстановкой говорилъ Горунинъ:—какъ славно мы провели день... Вотъ это жизнь... Какъ *ты* хорошъ былъ сегодня! Какъ я люблю тебя, когда ты встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ жизнью... Ахъ, Тарнѣевъ! Тарнѣевъ! Да ты самъ себя не понимаешь! Хочешь учиться живописи, быть художникомъ а того не понимаешь, что и безъ того ты величайшій художникъ... тебѣ попалось въ руки самое многообразное искусство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ другія, и ты мастеръ въ томъ искусствѣ, и это искусство жизни!.. Ты ее находилъ и у цыганъ, и въ лѣсахъ твоей деревни, и въ Италіи... Ахъ, Тарнѣевъ, учись себѣ живописи: это благотворное вліяніе твоей новой любви...

— Да совсѣмъ не любви, а я точно чувствую, что я рожденъ художникомъ,—отвѣчалъ съ досадой Тарнѣевъ.

— Э, Тарнѣевъ, да что тебя заставило это почувствовать? Или, лучше, что же навело тебя на эту идею? Это оттого, что ты-то такой славный, и Италія-то на тебя дѣйствуетъ особенно, чудно, изящно дѣйствуетъ!.. Вѣдь у Синичкина такой идеи не родится?.. Учись,—продолжалъ Горунинъ, все болѣе и болѣе уступая дѣйствію вина и не заботясь, что Тарнѣевъ его не слушаетъ.—Теперь ты въ новомъ мірѣ! Живи въ немъ! Живи!.. Хорошо!.. Боже мой! Я-то какая дрянь передъ тобой! А вѣдь меня учили, образовывали! А ты вѣдь не ученъ... а понимаешь все... не гонишься за вѣкомъ... а дальше насъ всѣхъ, мыслителей!.. Чувствуешь раны, да не растравляешь ихъ въ себѣ воображеніемъ, какъ фонтенелью... Эхъ, вы, философія! Политическая экономія! Наша литература, которая разъясняетъ, что во мнѣ дурно... а не укажетъ, что хорошо... унижаетъ сознаніемъ недостатковъ, а не возвышаетъ сознаніемъ доблести... Эхъ, всѣ бы эти великія идеи, всѣ бы эти громкія фразы, которыя растлѣваютъ юную натуру,—все бы это прочь!.. Вотъ и прожили бы всю жизнь такъ, какъ прожили сегодня!

Долго Горунинъ говорилъ на эту тему; коляска подъѣзжала ближе къ городу; утро было блестящее; они проѣхали черезъ Ponte vecchio, выѣхали на Piazza Duca1e...

— Ну, вонъ—стоитъ корпѣть съ этихъ поръ Богъ знаетъ надъ чѣмъ!—продолжалъ Горунинъ, указывая на Loggia dei

Lanzi, зданіе, выходящее на площадь портикомъ, подъ которымъ стояли статуи — Юдиѳь Донателло, бронзовый Персей Бенвенуто Челлини, Похищеніе Сабинки Іоанна Болонья...

Передъ этими статуями уже сидѣлъ одинъ сѣдовласый старикъ, въ бѣдномъ холстинномъ сюртукѣ, запачканномъ въ разныхъ мѣстахъ красками, и по частямъ срисовывалъ ножки, ручки, головы; далѣе молодой человѣкъ, небрежно одѣтый, тоже положа папку, подымалъ голову, смотрѣлъ на группу и чертилъ ее.

— Стоитъ убивать жизнь на пустяки. — говорилъ Горунинъ:—если бъ они пожили, какъ мы сегодня... вотъ это жизнь!

— А, синьоръ Джіакопо уже за работой.—сказалъ, зѣвая, проснувшійся Перуцци.—Посмотрите на этого человѣка: онъ былъ богатъ, истратилъ все свое состояніе на путешествія, чтобы видѣть произведенія живописи всѣхъ школъ, и на покупку дорогихъ картинъ. Его обманывали, онъ разорился, впалъ въ нищету. Всю жизнь онъ бьется произвести что-нибудь прекрасное, и хотя пользуется нѣкоторой репутаціей, какъ живописецъ, но вѣчно недоволенъ... Съ нѣкотораго времени онъ впалъ въ совершенное отчаянье и, я думаю, сойдетъ съ ума. Онъ никогда не исполнитъ того, къ чему стремится, и такъ, какъ, по его понятіямъ, должно бы исполнить.

Тарифевъ переглянулся съ Горунинымъ.

— Я пьянъ сегодня,—сказалъ Горунинъ.

VI.

МАРКЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕТРОВЪ.

Разсказъ *).

Горунинъ жилъ уже нѣсколько дней въ одномъ маленькомъ городкѣ, лежащемъ по дорогѣ изъ Болоньи во Флоренцію на отдогостяхъ Аппенинскихъ горъ. Онъ занималъ комнату въ небольшой гостиницѣ Горнаго Орла, которую содержала синьора Маріанна, дородная, съ двойнымъ подбородкомъ, женщина, съ легкими маленькими усиками, несмотря на то, въ свое время, очевидно, красавица. Онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, потому что, вслѣдствіе своей доброты, тотчасъ сдѣлался какъ бы членомъ семейства у съоры Маріанны, понравившись и ей и сойдясь какъ нельзя лучше и съ двумя дочерьми, и съ большимъ чернымъ котомъ, и съ дворовой избалованной собакой. Его всѣ полюбили; даже молодой осликъ съ молочными розовыми губами, бродившій обыкновенно по двору гостиницы, подымалъ крючкомъ хвостъ и бросался къ нему скачками со всѣхъ четырехъ ногъ, когда Горунинъ сходилъ съ крыльца и выносилъ для него хлѣба или салату. Эти прыжки возбуждали большое неудовольствіе куръ, которыя кидались отъ разыгравшагося простодушнаго четвероногаго съ крикомъ и кудахтаньемъ; ихъ крику отвѣчалъ другой, который подымали изъ кухни служанки гостиницы, потому что тогда и Лучерта, собака, начинала заигрывать съ осликомъ, и они въ возлѣ своей стаскивали бѣлье, развѣшанное на дворѣ на веревкахъ, и топтали его безо всякой бережи. Горунинъ уже осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности городка:

*) По возвращеніи изъ перваго моего путешествія по Италіи я предположилъ высказать мои впечатлѣнія въ рядѣ разсказовъ. Первые два разсказа были напечатаны въ 1848 году. *(Примѣчаніе автора).*

и картину Августина Караччи въ соборѣ, и какую-то старинную арку, и двѣ колонны съ довольно хорошо сохранившимися капителями, вошедшія въ составъ стѣны какой-то конюшни—по изслѣдованію ученыхъ, остатки какого-то храма Сибиллы или Весты—и, наконецъ, какую-то яму или погребъ, гдѣ, сказали ему, найдено было нѣсколько этрусскихъ вазъ и золотыхъ украшеній, хранящихся въ музеѣ въ Римѣ.

Какія дальнѣйшія изслѣдованія по части искусствъ, древностей или народной жизни хотѣлъ здѣсь производить Горунинъ для своихъ ученыхъ цѣлей, въ точности онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета. Можетъ-быть, интимная жизнь хозяекъ гостиницы и сновавшаго около нея народа—кошоховъ, факиновъ, ветуриновъ и проч.—могла представляться ему матеріаломъ для изученія нравовъ; но есть сильное подозрѣніе, что не послѣднюю въ этомъ отношеніи роль играла здѣсь одна удивительной красоты черноокая сьора Сусанна, дальняя родственница хозяйки. Едва ли не на ея счетъ должно отнести то, что онъ предложилъ сьорѣ Маріаннѣ не накрывать ему особо стола въ „чистой“ столовой для проѣзжающихъ, а дозволить, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, раздѣлять общую трапезу или во дворикѣ, подъ тѣнистымъ навѣсомъ старой виноградной лозы, или въ хозяйской столовой возлѣ кухни. Кромѣ того, заходилъ онъ, и не разъ въ день, въ самую кухню, огромную комнату съ закоптѣлыми сводами, съ вѣчно отворенными дверьми во дворъ, съ земляннымъ поломъ, съ очагомъ, находившимся прямо противъ дверей. Жизнь всего дома, главнымъ образомъ, сосредоточивалась тутъ: весь женскій персоналъ его тутъ и бѣлье гладилъ, и стряпалъ, и шитьемъ занимался. Горунинъ или перекидывался съ ними шутками, или молча сидѣлъ въ углу и мечталъ, какъ бы хорошо было провести всю свою жизнь здѣсь, посреди простыхъ людей, вдали отъ шума и волненій міра, причемъ невольно взглядывалъ на Сусанну, помогавшую хозяйкамъ въ ихъ домашнихъ работахъ. Намѣренія его были самыя чистыя и возвышенныя; къ сожалѣнію, не всѣ ихъ такъ понимали, и нѣкоторые проницательные люди полагали, что у него нѣчто недоброе на умѣ.

Первый, кто возымѣлъ это подозрѣніе, былъ нѣкто, извѣстный въ городѣ подъ именемъ „друга Меркуціо“, одинъ изъ обычныхъ посѣтителей кофейни, куда заходилъ Горунинъ отъ-нечего-дѣлать раза два въ день выпить чашку чернаго кофе. „Другомъ Меркуціо“ онъ назывался потому, что былъ еще „другъ Пьетро“, его неразлучный товарищъ, хотя совершенно противоположныхъ ему качествъ какъ физическихъ,

такъ и нравственныхъ, въ чемъ Горунинъ убѣдился съ перваго же знакомства съ обоими друзьями. Другъ Пьетро сидѣлъ всегда неподвижно на своемъ соломенномъ стулѣ, подъ сѣнью виноградной лозы, лицомъ къ собору, спиною къ наружной стѣнѣ кофейни, покуривалъ изъ своей коротенькой трубочки, говорилъ очень мало, но пользовался большимъ уваженіемъ своихъ согражданъ за совершенные имъ подвиги въ походѣ Наполеона въ Россію и за долгое пребываніе въ плѣну въ нашемъ отечествѣ. Ремесломъ былъ когда-то бочаръ и самъ отчасти походилъ на свои произведенія. Горунину онъ представлялъ тотъ интересъ, что хорошо относился о Россіи и очень былъ доволенъ своимъ плѣномъ. „Brava gente, brava gente, i Russi“,—вотъ формула, въ которую онъ заключалъ всѣ свои вынесенныя изъ Россіи воспоминанія и впечатлѣнія; впрочемъ, онъ болѣе ихъ продумывалъ, глядя на Горунина, а не высказывалъ вслухъ. За него говорилъ другъ Меркуціо,—всегда ли одинаково объ одномъ и томъ же событіи — неизвѣстно; онъ былъ вообще за всѣхъ говорящее лицо въ этой компаніи: только иногда присаживался на стулъ, а то всегда стоялъ передъ собесѣдниками, помнутно оглядываясь то въ ту, то въ другую сторону площади. Тонкій, худой, юркій малый,—чего-чего только онъ не зналъ! Слушая его разсказы и сужденія политическія, историческія и даже научныя, Горунинъ никакъ не могъ составить себѣ представленіе о томъ, какого рода жизнь провелъ этотъ субъектъ, какими ремеслами занимался, около какихъ общественныхъ сферъ онъ вращался. Не только всѣ тайны города, особенно по женской части, онъ сообщалъ Горунину по мѣрѣ того, какъ та или другая особа этого пола появлялась на площади, но и всѣ придворныя дѣла и сплетни Тосканскаго и Неаполитанскаго двора, а равно и губернаторовъ австрійскихъ Венеціи и Милана; тайны же Ватикана, кардиналовъ и ихъ племянницъ, папы Григорія и его цырюльника—разсказывалъ онъ, какъ будто былъ очевидцемъ или участникомъ этой жизни, для смертныхъ покрытой непроницаемымъ покровомъ. На языкъ нельзя сказать, чтобы былъ воздержанъ, за что получалъ или укоръ, или толчокъ отъ друга Пьетро.

О собственныхъ похожденіяхъ Меркуціо распространялся, впрочемъ, немного, развѣ что придется къ слову. Такъ, оказалось, что папа хотѣлъ его разъ за что-то повѣсить, и Неаполитанскій король порядочно-таки выдержалъ въ тюрьмѣ, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы еще тогда кончилось, если бъ онъ не сумѣлъ выскользнуть изъ тюрьмы, вслѣдствіе чего и продолжаетъ еще „goder del lume di ciel“ (наслаждаться свѣтомъ

небесъ). Конечно, интереснѣйшимъ предметомъ разговоровъ для всѣхъ троихъ собесѣдниковъ были событія дня, современное состояніе Папской области и всей южной Италіи, еще не успокоившейся послѣ подавленія болонскихъ безпорядковъ; разумѣется также, что объ нихъ говорилось шопотомъ, и сьоръ Пьетро постоянно обводилъ глазами кругомъ площади и, какъ только на горизонтѣ появлялась шляпа въ родѣ донъ-Базиліевой или что-нибудь другое подозрительное, онъ стучалъ трубочкой по столу, и оба пріятеля смолкали и начинали креститься на соборъ. Дѣло въ томъ, что возставшая партія послѣ погрома разсѣялась въ горахъ, гдѣ не угасало исконное разбойничество, на нѣкоторое время усмиренное было французами, а теперь снова обнаружившееся съ особенною дерзостью. Безъ сомнѣнія, для Горунина эти разговоры представляли особенный интересъ, только опять-таки трудно ему было опредѣлить съ достовѣрностью, чьей стороны держатся его собесѣдники: паписты они, революціонеры, или, пожалуй, даже не разбойники ли? Что они ему иногда безсовѣстнѣйшимъ образомъ въ глаза лгали, это было несомнѣнно, особенно другъ Меркуціо; тѣмъ не менѣе онъ убѣдился, что инсургенты имѣютъ въ городѣ большую сочувствующую имъ партію, поддерживающую съ ними сношенія; предпринимались, напримѣръ, экспедиціи въ горы, о которыхъ знали, казалось, только кардиналъ-намѣстникъ да начальникъ отряда,—глядь, анъ въ горахъ тотчасъ же все извѣстно, тамъ принимались свои мѣры, и экспедиціи постоянно кончались — фіаско. По нѣкоторымъ признакамъ, другъ Меркуціо тутъ не былъ совсѣмъ въ сторонѣ, но Горунинъ изъ деликатности и отчасти осторожности никогда не касался этого пункта.

Такъ вотъ этотъ-то „другъ Меркуціо“ и возымѣлъ, повидимому, подозрѣнія насчетъ Горунина и чувствъ его къ сьорѣ Сусаннѣ: по крайней мѣрѣ онъ не пропускалъ случая при разговорѣ какъ-нибудь упомянуть ея имя, причемъ бросалъ быстрый, проницательный взглядъ на Горунина, нерѣдко его заставлявшій покраснѣть.

Такъ, въ тотъ достопамятный день, когда случилось происшествіе, о которомъ я хочу разсказать, всѣ они трое сидѣли у кофейни; въ городъ вступилъ отрядъ папскихъ войскъ, произвелъ на площади маленькое ученіе и спустился въ какой-то переулокъ. Друзья Пьетро и Меркуціо, вмѣстѣ съ высыпавшимъ отовсюду населеніемъ, оглушительнѣйшими голосами прокричали: „evviva“, подкидывая колпаки и шляпы въ воздухъ. Когда они возвратились къ своимъ мѣстамъ, Го-

рунинъ вздумалъ со своей стороны сконфузить друга Меркуціо и спросилъ:

— А вѣдь, если бъ это отрядъ инсургентовъ вступилъ въ городъ, вы такъ же бы кричали и шляпы подкидывали?

Другъ Меркуціо, всегда сопровождавшій, или, лучше сказать, иллюстрировавшій свою рѣчь извѣстными условными въ Италіи жестами и гримасами, вытаращилъ глаза, выпятилъ нижнюю губу, прижалъ ко рту палецъ, вздернулъ плечами и проговорилъ таинственно:

— Чего жъ вы хотите, синьоръ, живемъ на вулканѣ!.. Ничего не знаемъ, что дѣлается въ мірѣ. Да и знать ничего нельзя. Изъ города ни выйти никто не смѣетъ, ни войти— развѣ пріѣзжіе иностранцы, да и то съ большими непріятностями. Я вотъ ужъ два дня посидѣлъ in carcere, въ кутузкѣ,—при этомъ Меркуціо приложилъ къ лицу кисть лѣвой руки ладонью наружу, разставивъ передъ глазами пальцы, долженствовавшіе изображать тюремную оконную рѣшетку,— и за что? За то только, что къ кумѣ хотѣлъ сбѣгать въ Кампанью, отнести ей пару башмаковъ! Скверныя времена, синьоръ. Да вотъ,—продолжалъ онъ, какъ бы спохватившись:— живетъ у насъ здѣсь женщина—вы ее знаете—у вашей хозяйки живетъ—сьора Сусанна: мужъ во Флоренціи, должна была бы ужъ давно къ нему уѣхать: не пускаютъ! За ней слѣдятъ, за женщиной!

И при этомъ онъ опять устремилъ свой пронзительный взглядъ прямо въ глаза Горунину и выпятилъ нижнюю губу.

Горунинъ опять покраснѣлъ, но и подумалъ:

„Однако что жъ это онъ все объ Сусаннѣ да объ Сусаннѣ... Чортъ вѣдь ихъ знаетъ, эти итальянцы... Такъ всегда посмотритъ, точно что сказать имѣетъ... Можетъ-быть, и ремесло его такое... Но Сусанна—неужели Сусанна совсѣмъ не то, что я думаю!..“

Изъ этого затруднительнаго положенія, по счастью для Горунина и для его возвышеннаго образа мыслей, вывелъ его появившійся на площади нѣкоторый субъектъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ троихъ собесѣдниковъ.

Изъ переулка, изъ-за собора поднялся и, сгорбясь, медленно и большими шагами, черезъ площадь, по направленію къ остеріи, шелъ господинъ въ старой изъ чернаго плиса кватроченѣ (родъ пальто, какія носятъ теперь художники въ Италіи, воскресивъ моду XIV столѣтія), въ сѣрой съ широкими полями шляпѣ, тоже во вкусѣ Возрожденія.

Меркуціо стремительно нагнулся къ Горунину.

— Вы его въ первый разъ видите?.. Не мудрено: спитъ,

когда люди бодрствуютъ, e vice versa. Теперь засядетъ въ остеріи, пожалуй, тамъ же и заснетъ до утра; развѣ кто отведетъ домой. А спитъ и дома такъ, не раздѣваясь. Весь оттого въ пуху. Кто такой—не можемъ узнать. Художникъ-то художникъ—это видно, ужъ такъ одѣтъ. Только какой націи—не признать наѣрное. Вотъ вы бы зашли, посмотрѣли бы въ остерію: не соотечественникъ ли вашъ, не русскій ли? Мнѣ что-то сдается, что русскій. Квартируетъ у Кіоруччи. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ—у тѣхъ ужъ извѣстно—утромъ café au lait, а этому—рюмку абсенту. У тѣхъ—чтобы всякій день прибрано было въ комнатѣ и окна отворены; этотъ не велитъ ни убирать ни оконъ отворять. Говоритъ по-итальянски чисто. Я ужъ около него и такъ и сякъ: обругалъ: „vatte ne al diavolo, anima dannata“ (убирайся къ чорту, проклятый), отчеканилъ, какъ нельзя лучше, чисто, какъ трастеверинецъ.

Мысль, что это русскій—и въ такомъ жалкомъ видѣ—поразила Горунина и не давала ему покоя. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ, которые не прибавили никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о заинтересовавшемъ его субъектѣ, Горунинъ рѣшился пойти въ остерію.

„Непремѣнно долженъ быть русскій“,—подумалъ онъ, войдя въ комнату и окинувъ взглядомъ художника. Онъ присѣлъ къ большому столу прямо противъ незнакомца. На поклонъ его тотъ не отвѣчалъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, углубленный въ глотаніе макаронъ. Видно было, что онъ давно не брился: борода, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльная, рыжеватой щетиной высыпала на подбородкѣ и щекахъ; нѣсколько потемнѣе цвѣтомъ усы: онъ, очевидно, носилъ ужъ давно усы, но они безпорядочно торчали во всѣ стороны. Можно было заключить, что и безъ того небольшіе сѣрые глаза его еще болѣе сузились и помутились, потому что все лицо его вздулось, а щеки и вѣки отекли отъ продолжительнаго покоя и пьянства.

— Скверное вино въ этой сторонѣ,—сказалъ Горунинъ по-итальянски, чтобы какъ-нибудь завязать разговоръ.—Вы, кажется, не здѣшній?

Незнакомецъ посмотрѣлъ на него однимъ глазомъ и опять занялся макаронами.

— Вотъ и тоже живу здѣсь нѣсколько дней, и странно, что встрѣчаюсь съ вами въ первый разъ, а городокъ небольшой,—продолжалъ Горунинъ, но тотъ ужъ и глазъ не подымалъ. Горунинъ нѣсколько опѣшилъ. Вдругъ ему блеснула мысль: заговорить по-русски.

— Если я не ошибаюсь, мнѣ кажется, вы русскій?—спросилъ онъ.

Незнакомецъ опять поглядѣлъ на него однимъ глазомъ и отвѣтилъ съ чистымъ русскимъ произношеніемъ:

— Нѣтъ, не русскій.

— А какъ же, вѣдь вы говорите по-русски?

Незнакомецъ не подымалъ лица отъ своей тарелки.

Горунинъ попробовалъ еще что-то сказать, спросить, но, не получивъ никакого отвѣта, съѣлъ поданную ему котлету и рѣшился возвратиться къ „друзьямъ", ожидавшимъ его у кофейни.

Они еще сидѣли тамъ, но съ ними оказалось еще третье лицо: красивый парень лѣтъ тридцати пяти. Хотя вообще можно было увидать съ перваго взгляда, что онъ принадлежитъ къ тому же сословію, какъ и друзья Пьетро и Меркуціо, но отличался отъ нихъ необыкновеннымъ благообразіемъ, спокойствіемъ и даже важностью своихъ манеръ, несмотря на нѣкоторую странность въ костюмѣ, который былъ какой-то сборный: обыкновенная въ народѣ въ Папской области плисовая бутылочнаго цвѣта полная куртка, а панталоны изъ тонкаго чернаго трико, составлявшія, очевидно, часть фрачной пары какого-нибудь свѣтскаго человѣка; на шеѣ какой-то щегольской, дорогой шелковый шарфъ яркаго краснаго цвѣта съ желтыми узорами, узкъ никакъ не гармонировавшій съ надѣтыми на босую ногу калошами. Главное же отличіе его физіономіи заключалось въ томъ, что онъ имѣлъ длинную, тщательно расчесанную бороду и длинные густые волосы, картинно ниспадавшіе на плечи, съ проборомъ по серединѣ головы. Это новое лицо само отрекомендовалось Горунину:

— Имѣлъ удовольствіе видѣть эччеленцу въ студіи del signor Iwanoff въ Римѣ... Маникуччи — можетъ-быть, слыхали? — пояснилъ онъ, приподымая шляпу съ легкимъ поклономъ, — faccio il modello — натурщикъ. Il celebre Ovrabecco di Monaco—Овербекъ, знаменитый мюнхенскій живописецъ, всѣ свои священные лики съ меня писалъ. Знаменитый французскій Деларосъ...

Но на „Деларосѣ" (Деларошѣ) вдругъ остановился Маникуччи, снялъ съ головы широкую, перевязанную голубою съ развѣвающимися концами лентою шляпу и глядѣлъ, охваченный внезапнымъ изумленіемъ, по направленію къ остеріи. Въ дверяхъ остеріи показался заинтересовавшій Горунина незнакомецъ, постоялъ въ дверяхъ, какъ бы раздумывая, куда бы пойти, но, повидимому, ни на что не рѣшился и повернулъ опять назадъ въ остерію.

— Браво! Синьоръ Марко здѣсь!—воскликнулъ Маникуччи и бросился-было къ остеріи, но тотчасъ же остановился въ своемъ порывѣ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, возвращаясь къ друзьямъ. — Прежде надобно навести нѣкоторыя справки. Давно онъ здѣсь?

— Больше недѣли.

— Что же дѣлаетъ, пьетъ?

— Пьетъ.

— Ну, такъ тутъ надо осторожно. Когда онъ въ такой полосѣ, то лучше guarda e passa: „взглянн и иди мимо", какъ говаривалъ, ходя по выставкамъ, знаменитый Корнеліушъ...

Меркуціо давно былъ самъ не свой, какъ только увидалъ, что отъ Маникуччи можно получить свѣдѣнія о художникѣ.

— Такъ ты его знаешь? Ah, che felicità! Какое счастье!

Маникуччи самодовольно улыбнулся.

— Я-то знаю ли! Могу спросить: кого я не знаю, и кто меня не знаетъ въ артистическомъ мірѣ? А сеньоръ Марко, что есть натурщиковъ, только меня и цѣнитъ и признаётъ. Другого олуха ломаютъ, ломаютъ, „руку повыше, ногу отстань, гляди въ потолокъ, да будь повеселѣе", установитъ какъ-нибудь, и стоитъ какъ деревянный манекенъ. Душу надо имѣть, геній — ingenio! Мнѣ только стоитъ взглянуть на эскизъ — сейчасъ понялъ. Преобразился весь. Встань Аполлономъ — ну, и Аполлонъ передъ вами: грація, свѣтъ, гармонія, однимъ словомъ, богъ! Короли, апостолы, пророки, напримѣръ, Илія — и грозное чело, и громы, и молніи!.. Въ каждомъ своя идея! Потомъ — страсти, аффекты души: гнѣвъ, ненависть, презрѣніе.—И съ величайшей быстротой послѣдовательно онъ придавалъ своему подвижному лицу всѣ эти выраженія.—Надобно, чтобъ не только лицо, каждый мускулъ тѣла стоялъ въ гармоніи съ выраженіемъ физіономіи... постановка ногъ, сгибъ рукъ, наклонъ туловища... Опять мимика...

Меркуціо терялъ терпѣніе.

— Ну, да про него-то, про него-то разсказывай! *Сеньоръ Марко* ты назвалъ его,—жалобнымъ голосомъ перебилъ онъ вошедшаго въ азартъ Маникуччи.

— O! Un Michel Angelo russo! Русскій Микель-Анджело!— воскликнулъ послѣдній, замахавъ руками, и, какъ высшую степень своей похвалы, добавилъ, поднявъ вверхъ брови и указательный палецъ:—molto stimato dal' suo imperatore — весьма уважаемый своимъ императоромъ! Деньги и заказы

къ нему такъ и валятъ! Въ Римѣ всѣ его знаютъ. Выйдетъ изъ студіи — мальчишки, дѣвчонки, кто откуда:" — „здравствуйте, сьоръ Марко, здравствуйте, сьоръ Марко! — „Ah! canaglia!"—и сейчасъ въ толпу горсть монетъ, что только захватитъ въ карманѣ. Доволенъ онъ тобою, понялъ ты его,— вонъ, говоритъ, въ комодѣ, возьми, сколько надо! Ну, а не потрафилъ, или вотъ этакая, какъ теперь, полоса найдетъ, такъ упаси Господи!

— Что же?

— Да что только подъ руку попало. Я одинъ разъ съ мѣсяцъ въ больницѣ пролежалъ: молоткомъ пустилъ прямо въ голову. Большой заказъ былъ. Эскизъ вышелъ—великолѣпіе. Глиной обложилъ, ужъ отдѣлывать началъ. Работаемъ весело. Только прихожу разъ, смотрю въ мастерской — гдѣ голова, гдѣ рука, самъ свирѣпствуетъ: каркасъ молоткомъ добиваетъ... „Сьоръ Марко! Что вы дѣлаете?" — „И ты тутъ, говоритъ, мошенникъ",—да и какъ пуститъ въ меня молоткомъ-то, темя проломилъ. Занепонравилась работа.

— Ну, что жъ ты-то?

— Что? Упалъ, кровью обливаюсь, а онъ-то ко мнѣ: „ахъ, ахъ, ахъ, Маникученько, миленькій... воды, доктора",—въ больницу перевезли, дня три самъ просидѣлъ около меня, не отходилъ. Каждый день потомъ лакомства носилъ. Надо сказать, что этотъ случай намъ обоимъ къ счастью послужилъ.

— Ну, да, конечно, онъ тебѣ хорошо заплатилъ,—глубокомысленно замѣтилъ другъ Пьетро.

— Заплатить-то мнѣ, положимъ, заплатилъ, хоть я и не требовалъ по любви моей къ нему и изъ уваженія къ великому таланту, но самъ-то онъ послѣ этакого несчастія одумался, хлопоча около меня, а то недѣли бы на три запилъ, а это ему вредно, очень вредно, и такъ ужъ у него дурной кашель. А главное, какая потомъ группа, я вамъ скажу, вышла, вмѣсто разбитой—сама жизнь! И какъ разъ сюжетъ-то былъ „Смерть Гектора".

„Интересная личность, — подумалъ Горунинъ:—жаль, что не удалось мнѣ въ нимъ сойтись. Впрочемъ, утро вечера мудренѣе..." Горунинъ хоть терпѣть не могъ говорить пословицами, однако на этотъ разъ прибѣгъ къ поговоркѣ, потому что она оправдывала его желаніе пойти къ хозяйкамъ, которыя, вѣрно, ждали его ужинать. Колоколъ уже ударилъ къ Ave Maria. Другъ Пьетро и другъ Меркуціо перекрестились, преклонили колѣна передъ соборомъ и сѣли опять на свои мѣста, переговаривались съ проходившими женщинами, дѣвчонками и разными гражданами городка, освѣдомляясь, кто

откуда идетъ и куда, и зачѣмъ, обвиняя во лжи однихъ, подтрунивая надъ другими и сообщая другу другу замѣчанія о третьихъ. Развѣ только въѣдетъ запоздалый ветуринъ въ городъ, друзья встанутъ со своихъ мѣстъ и, заложивъ руки—другъ Пьетро въ карманы панталонъ, а другъ Меркуціо только большими пальцами въ карманы жилета,—подойдутъ къ его „миланскому“ экипажу, потрогаютъ шляпу, здороваясь съ ветуриномъ, и станутъ разсматривать его добычу—усталыхъ путешественниковъ, которые вылѣзаютъ разбитыми ногами изъ экипажа и съ зѣвотой распрямляютъ усталые члены.

Горунинъ съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время въ домѣ своихъ хозяекъ.

Двѣ дочери сьоры Маріанны были: одна, Аврора, уже совсѣмъ сформировавшаяся дѣвушка семнадцати лѣтъ, того типа итальянокъ, которыя такъ убѣждены въ побѣдоносности своей красоты, что не считаютъ нужнымъ дѣлать какое-нибудь умственное усиліе, сидятъ, апатично сложивъ на груди руки, и едва вамъ отвѣчаютъ, и то только жестами, поднятіемъ плечъ, прищелкиваніемъ языкомъ, односложными: „ma giusto ma chè!“ „Любуйся, молъ, мною и не заставляй говорить“. Зато сестра ея, дѣвочка лѣтъ десяти, была совершенная противоположность: къ ея дѣтской рѣзвости и живости уже присоединялась какая-то страстность; взоръ ея выражалъ, что она понимаетъ и способна чувствовать многое, что еще очень темно для нашихъ, напримѣръ, дѣвочекъ ея лѣтъ. На сестру она уже смотрѣла съ нѣкоторой завистью и себѣ на умъ. Когда Горунинъ или кто-нибудь другой говорилъ любезности Аврорѣ, маленькая Анджелика уходила въ уголъ, закусывала губки и, смотря на сестру, дѣлала ей презрительную гримасу: „Погоди, погоди! Еще годъ, еще два, увидимъ, кому будутъ больше говорить милыхъ вещей... Ишь вѣдь сидитъ, не улыбнется даже... телятина!“ Горунина она очень полюбила за то, что онъ говорилъ съ нею, какъ съ большой, но сажалъ къ себѣ на колѣни и цѣловалъ, какъ ребенка—и она, когда никого не было въ комнатѣ, крѣпко обвивала его шею своими загорѣлыми ручонками.

Насчетъ сьоры Сусанны едва ли ужъ въ это время не были основательны подозрѣнія друга Меркуціо, хотя совсѣмъ безъ того оттѣнка, который придавалъ онъ своимъ плебейскимъ воображеніемъ чувствамъ Горунина, впрочемъ, еще неяснымъ для него самого. Сусанна было чисто-римскаго типа молодая женщина. Строгій, правильный профиль, умные глаза, лицо, выражавшее твердую, непреклонную волю. Горунинъ въ ней

чувствовалъ могучее клокочущее пламя, не смѣющее вырваться наружу. Онъ сравнивалъ ее съ Агриппиной Старшей; но, чтобы дать ей почувствовать всю прелесть и остроуміе своего сравненія, долженъ былъ ей разсказать исторію Агриппины и сбрисовать ея личность, потому что Сусанна никогда ничего не слыхала объ Агриппинѣ. Одно только въ ней не подходило подъ этотъ типъ: это ея природная веселость. Веселость эта рѣшительно противорѣчила идеалу, который онъ составилъ себѣ о древнихъ женщинахъ и древнихъ людяхъ вообще. Они всѣ представлялись ему цѣльными олицетвореніями добродѣтелей или пороковъ, какъ лица въ классическихъ трагедіяхъ. Агриппину онъ воображалъ себѣ не иначе, какъ одерживающею побѣду надъ германцами, мчащеюся на колесницѣ впереди своихъ легіоновъ, или какъ шествующею по городамъ и селамъ съ драгоцѣнною урной, съ пепломъ ея мужа, и однимъ своимъ видомъ возбуждающею народную скорбь. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ Агриппина смѣялась и шутила въ кругу близкихъ и знакомыхъ, и если есть свидѣтельства, что римскія матроны, въ челѣ своихъ рабынь, пряли ленъ, то это, казалось ему, онѣ дѣлали съ тою же важностью, съ какою сенаторы засѣдали въ сенатѣ. Но зато иногда бурная веселость Сусанны, ясная игривость ея характера питали въ душѣ его нѣкоторыя неопредѣленныя надежды. „Въ ней есть и новый элементъ,—говорилъ онъ себѣ,—можетъ-быть, примѣсь тевтонской или галльской крови“—и потому охотно пускался съ нею въ разсужденія о новѣйшихъ современныхъ открытіяхъ ума человѣческаго, что, напримѣръ, минутное увлеченіе, капризъ не есть измѣна долгу, и что святость супружескихъ отношеній отъ нихъ нисколько не пострадаетъ; это—бокалъ шампанскаго, маленькая оргія, въ которой художнику жизни даже грѣшно себѣ отказывать. Сусанна при этомъ смотрѣла на него такъ, какъ будто хотѣла сказать, что она „все сіе“ разумѣетъ лучше его. „Скрытое-то пламя“ давало себя чувствовать! Горунинъ ужъ немножко торжествовалъ. Онъ думалъ:

„Эти южныя натуры! Ихъ только надо умѣть увлечь, пробудить въ нихъ энтузіазмъ!“

И ему показалось, что въ этотъ вечеръ ему удалось и увлечь и пробудить энтузіазмъ: во время ужина она была необыкновенно задумчива; разсѣянный взглядъ ея постоянно на немъ останавливался... На прощанье она крѣпко сжала ему руку, казалось, хотѣла что-то сказать, но бдительная синьора Маріанна уже стояла подлѣ Горунина со связкой ключей и готовилась со свѣчой проводить своего постояльца въ его комнату.

— Пожелайте спокойной ночи синьору,—сказала она дѣтямъ,—и ступайте по угламъ.

Горунинъ удалился въ свою комнату. Онъ былъ въ необыкновенномъ состояніи духа... Рукѣ его все еще чувствовалось пожатіе нѣжной руки Сусанны. Передъ глазами ни на минуту не исчезали ея большіе черные глаза, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ устремлявшіе на него какой-то, какъ онъ толковалъ себѣ, „тоскливо призывающій“ взглядъ... Куда же они зовутъ его? Къ чему все это можетъ повести?.. О, что объ этомъ думать! „Настоящее, настоящее!—повторялъ онъ,—жизнь вдругъ такъ хорошо обстановилась... Я нахожусь теперь подъ вліяніемъ реальныхъ впечатлѣній—они идутъ въ меня извнѣ; это не созданіе болѣзненно настроеннаго воображенія, не фантасмагорія неудовлетворенной жажды жизни, это сама жизнь охватываетъ меня своей волною, какъ морской приливъ, и влечетъ, влечетъ... Но какъ человѣкъ, какъ существо разумное, какъ сынъ XIX вѣка, я все это чувствую, понимаю и осмысливаю...“ Это все онъ продумывалъ, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ, и вдругъ остановился у отворенаго окна... Закатъ еще не погасъ. На дальнемъ горизонтѣ, надъ цѣпью плавныхъ, пологихъ вершинъ Аппенинъ, точно высѣченныхъ изъ прозрачнаго лиловаго аметиста, сіялъ край неба полосами — внизу ярко-оранжеваго цвѣта, переходившаго потомъ въ желтый, потомъ зеленоватый, который сливался съ потемнѣвшей лазурью остального неба, плыли, принимая образы сфинксовъ, драконовъ или просто безконечной, длинной линіей, въ родѣ меча-рыбы, обрывки облаковъ—тамъ, внизу темно-лиловаго цвѣта, а высоко надъ головою его—маленькими клочками розовой кисеи... Безконечно казалось пространство, отдѣлявшее Горунина отъ этого аметистоваго и золотого царства, мимо котораго какъ будто только проходила наша планета; безконечно казалось это пространство, затопленное холоднымъ туманомъ, изъ котораго подымались только профили холмовъ со своими кипарисами, пиніями и кое-гдѣ кучками домиковъ и башенокъ—какъ острова на этомъ сѣромъ морѣ... Горунинъ смотрѣлъ, Горунинъ слушалъ... Обычный шумъ городка, отходящаго ко сну, запоздалые шаги, плачъ осла и гиканье погонщика, звонъ бубенчиковъ и топотъ муловъ, переходившихъ съ вьюками гору, звучный плескъ городского фонтана. Мало-по-малу все исчезло передъ нимъ: онъ одинъ наполнялъ своею личностью, своей широкой симпатіей, этотъ дивный міръ. Онъ это понималъ, онъ это чувствовалъ, грудь его вздымалась медленнѣе, но сильнѣе... уста шептали... что-то гармоничное, даже по-

хожее на стихъ... да! шестистопный и очень недурной ямбъ: „вы спите въ тишинѣ, подъ сѣнью Аппенинъ“... Стихъ? Стихъ! А вотъ навертывался и слѣдующій: „потомки мирные воинственныхъ Омбрововъ...“ „Омбрововъ“, какъ хорошо!.. Мелькала и рифма: „лимоновъ“... Старая привычка проснулась— онъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ бросилъ писать стихи... „Неужели опять Муза!.. Да! Муза и любовь... о, блаженство!..“ Поскорѣе зажегъ онъ свѣчу, вынулъ дорожную книжку, записалъ эти стихи. За ними пошло дальше, и черезъ полчаса вышло цѣлое стихотвореніе:

„Вы спите въ тишинѣ подъ сѣнью Аппенинъ,
Потомки мирные воинственныхъ Омбрововъ!
Вы спите. Ночь тиха; съ темнѣющихъ долинъ
Несется ароматъ ясминовъ и лимоновъ...
Въ васъ нѣтъ шальныхъ страстей великихъ городовъ,
Ни безполезныхъ мукъ, ни козней хитрецовъ,
Вамъ чужды блескъ и шумъ, и цѣпи, и темницы...
А я—я бодрствую... Воспитанникъ столицы,
Одинъ за всѣхъ за васъ, одинъ я сознаю,
Что ночь ясна, что я—живу, что я... люблю!“

Хотя послѣдній стихъ и казался нѣсколько неловкимъ, непріятно ломающимся на три кусочка,—но онъ помирился съ нимъ: такъ ужъ, молъ, „вылилось“... Главное искренность и правда въ поэзіи... конечно, и звучный стихъ... Стихи же звучны?.. а я-то? Развѣ я не искрененъ? Развѣ настроеніе мое поддѣльное?.. Это сама жизнь вырываетъ изъ души моей такой аккордъ...

Не вините, читатель, Горунина! Большинство людей и даже очень глубокомысленныхъ критиковъ полагаютъ, что великія творенія рождаются тутъ же, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ и „выливаются“ какъ одинъ аккордъ, и что въ этомъ аккордѣ все хорошо: и лимоны, и хитрецы, и воспитанники...

Горунинъ такъ былъ погруженъ въ гармонію этого своего аккорда, что не слыхалъ, какъ отворилась дверь и кто-то къ нему подошелъ. Онъ замѣтилъ присутствіе въ комнатѣ другого существа только тогда, когда это существо слегка прикоснулось къ его плечу...

— Сусанна!

— Тсс! Молчите...—прошептала она, быстро кругомъ оглядываясь.

Она была безъ своего бѣлаго покрывала, которое всегда носила на головѣ, окутана въ темную шаль, завязанную концами назади и чудесно обрисовывавшую ея талію и высокую, полную грудь...

— Чего же вы испугались?—сказала она, какъ будто довольная удачею своей шалости и любуясь на испугъ Горунина, который вскочилъ со своего стула и смотрѣлъ на нее совсѣмъ растерянный.

— Сусанна... Сусанна... О, какое счастье!.. — задыхаясь, только и могъ произнести Горунинъ, приходя въ себя.—Я, признаюсь, писалъ и не думалъ.

— Такъ я уйду, если вамъ помѣшала...

Она сдѣлала движеніе по направленію къ двери.

Горунинъ схватилъ ее за руку.

— Ради Бога! Нѣтъ! Останьтесь!.. Какъ можно...

— Я пришла къ вамъ,—сказала она, садясь и вдругъ принимая серьезный видъ:—только сказать, чтобы вы не смѣли цѣловать эту гадкую Анджелику. Это нехорошо. Никто не цѣлуетъ дѣвочекъ ея лѣтъ. И ей стыдно.

— Я не зналъ, что это вамъ можетъ не нравиться,—отвѣчалъ Горунинъ, въ этомъ приступѣ къ разговору прозрѣвая нѣчто другое, болѣе для него лестное,—но я не буду—если вы не хотите...

— Я не могу у васъ оставаться долѣе одной минуты... За мной всѣ слѣдятъ... за мной всѣ смотрятъ. Каждый мой шагъ, каждое слово замѣчено и растолковано языками Богъ знаетъ какъ. Я окружена шпіонами... Я — несчастнѣйшая женщина!

Горунинъ приблизился къ ней, взялъ ее за руку, смотрѣлъ ей въ глаза. Она взглянула на него, потомъ отвела взоръ и устремила его въ окно на синюю даль.

— Боже мой!—говорилъ Горунинъ, все еще держа ее за руку и смотря на нее: — неужели и здѣсь, въ этомъ раю— тѣ же цѣпи на бѣдной женщинѣ...

— Вотъ что,—вдругъ какъ бы очнувшись, рѣшительно сказала Сусанна, вставая: — увезите меня къ мужу!.. То, что теперь я у васъ—это ужъ навѣрно всѣ узнаютъ,—за дверью, пожалуй, ужъ и подслушиваютъ. Вы — иностранецъ, вамъ выѣздъ свободенъ.

Горунинъ быстро взглянулъ за дверь, заложилъ задвижку, быстро подошелъ къ Сусаннѣ, поднесъ къ устамъ ея руку, обнялъ ея станъ и шепталъ:

— Никого нѣтъ! Никого нѣтъ!

— Хотите увезти меня во Флоренцію, къ мужу?

— Хоть на край свѣта!

— Такъ, не теряя времени, достаньте лошадей. Завтра, чѣмъ свѣтъ, я буду ждать за городскими воротами, на второмъ поворотѣ, гдѣ развалины старой башни. Выѣзжайте,

какъ только станетъ свѣтать. А здѣсь пусть говорятъ, что хотятъ... что убѣжала съ вами... Мнѣ все равно... Устроите?

— Устрою, устрою!.. Все сдѣлаю... но не уходите теперь... Поговоримъ еще... всѣ спятъ...

— Нельзя!—прошептала она, граціозно погрозивъ пальцемъ и приложивъ его къ губамъ. — Такъ помните—второй поворотъ, старая башня.

Горунинъ цѣловалъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать плечо, обнажившееся отъ сдернувшейся съ него шали, но она съ подавленнымъ смѣхомъ вырвалась изъ его объятій, оказавшись въ борьбѣ гораздо сильнѣе его — и со словами: „достаньте лошадей — ветуринъ, почта, что хотите... Лучше, впрочемъ, ветуринъ“, отдернула задвижку и скрылась за дверью.

Горунинъ, задыхаясь, упалъ на диванъ... Что это такое было?.. Онъ смотрѣлъ на стулъ, гдѣ она сидѣла, на то мѣсто, гдѣ стояла, тутъ подлѣ него... на всѣ предметы, которыхъ коснулась: всѣ они какъ будто повторяли ея слова, какъ будто были взволнованы отъ ея прикосновенія—и бумаги его грустно зашептали, когда она затворила дверь, и занавѣсъ кровати увлекся къ двери, чтобы ее опутать и удержать; особенно свѣча, огонь которой, видно наскучившись видѣть все одного Горунина и такъ любовно освѣтившій ея лицо, метался въ разныя стороны, точно готовъ былъ сейчасъ оторваться отъ свѣтильни и порхнуть за нею слѣдомъ... Но черезъ минуту все успокоилось: и листы его бумагъ, и занавѣсъ кровати, и огонь на свѣтильнѣ; не успокоился только Горунинъ... Волненіе его перешло мало-по-малу въ какое-то оцѣпенѣніе... Вдругъ въ головѣ его мелькнуло слово: „лошадей!“; онъ быстро вскочилъ, схватилъ шляпу и осторожно сталъ спускаться съ лѣстницы. По счастью, первый встрѣтившійся ему человѣкъ по выходѣ изъ гостиницы „Горнаго Орла“ былъ другъ Меркуціо. Онъ обѣщалъ клятвенно, что завтра до свѣта будетъ все готово.

„Или она любитъ меня, или любитъ мужа,—думалъ Горунинъ, одинъ направляясь къ площади, инстинктивно повинуясь потребности подышать чистымъ воздухомъ.—Если она любитъ мужа—я не оскорблю святой привязанности! Я долженъ такъ поступить, какъ благородный человѣкъ... Если же... если же любитъ меня... О, счастливѣйшій изъ смертныхъ... Въ обоихъ случаяхъ—это жизнь“.

И онъ какъ будто въ первый разъ на вѣку своемъ почувствовалъ въ груди своей присутствіе всѣхъ доблестей человѣка, поставленнаго въ необходимость дѣйствовать и проявить въ дѣйствіи силу своей личности.

Горунинъ, ходя вдоль по площади туда и назадъ, нѣсколько разъ, прошелъ мимо остеріи, гдѣ видѣлъ художника—и вдругъ вспомнилъ про эту встрѣчу. При томъ высокомъ строѣ души, въ которомъ онъ находился, онъ ужъ не задумался, не разсуждалъ, а смѣло и рѣшительно вошелъ въ локанду и прямо въ ту комнату, гдѣ былъ давеча. Художникъ сидѣлъ еще тамъ. Передъ нимъ стояла большая фольетта съ виномъ и стаканъ.

— Вотъ мы съ вами опять сошлись,—весело и развязно сказалъ Горунинъ, садясь напротивъ.—Что за чудная ночь! Что за чудная страна—эта Италія!

Смѣлый пріемъ Горунина, очевидно, произвелъ на художника впечатлѣніе. Онъ какъ будто даже смѣшался, посмотрѣлъ на Горунина внимательнѣе и отвѣчалъ:

— А вы тоже изъ Россіи?

— Уже съ полгода. Выѣхалъ на Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Гейдельбергъ, потомъ въ Парижъ, въ Женеву...

— Значитъ, все какъ слѣдуетъ,—пробормоталъ художникъ.

Интересъ, за минуту, какъ казалось, пробудившійся въ немъ къ Горунину, видимо погасъ; онъ откинулся на спинку стула, опустилъ голову и потухшимъ взоромъ какъ бы машинально смотрѣлъ на своего vis-à-vis и только повторялъ: „такъ, такъ“, когда тотъ описывалъ свой маршрутъ: на С.-Бернаръ, Домо д'Оссоло, Геную, Флоренцію, Римъ...

— И Римъ, конечно, больше всего понравился?—заключилъ свои „таки“ художникъ съ нѣкоторой уже ироніей.— Еще бы! Столица искусствъ! — и онъ захохоталъ.—Всѣ ѣдутъ!.. Вы, пожалуй, тоже акварели рисуете? Ну, пиніи тамъ, красныя развалины?

Горунинъ понялъ иронію и хотѣлъ выдѣлить себя въ представленіи художника изъ массы нашихъ обыкновенныхъ туристовъ и вызвать въ немъ къ себѣ уваженіе и симпатію.

— Видите ли,—сказалъ онъ спокойно и нѣсколько внушительно,—поѣхалъ я путешествовать, чтобы вообще познакомиться съ жизнью и бытомъ другихъ народовъ. Въ Германіи—наука. Во Франціи—жизнь парламента, мировые вопросы. Въ Италіи—древности и искусства. Хоть искусства и древности не моя спеціальность, но для образованнаго человѣка надо быть съ ними знакому. Я занимаюсь болѣе политической экономіей и философіей исторіи.

— Книги пишете?

— Еще не печаталъ; но у меня накопилось много матеріалу. Вотъ за границей-то я и надѣялся собственнымъ наблюденіемъ подкрѣпить выводы науки... такъ сказать, горизонтъ

расширить. У насъ этими предметами почти не занимаются, не интересуются. А между тѣмъ они теперь важнѣе всего—особенно политическая экономія. Тутъ, можно сказать, послѣднее слово вѣка, путь къ осуществленію его цѣлей... освобожденіе, обособленіе личности... проведеніе разумности въ отношеніяхъ людей и народовъ... А—въ концѣ концовъ—значитъ, единство и счастье всего человѣческаго рода... Ну, этого еще у насъ не понимаютъ!

— А не пишете ли вы стиховъ?—вдругъ спросилъ художникъ.

Горунинъ, говорившій съ увлеченіемъ о любимомъ предметѣ и при этомъ неожиданномъ вопросѣ вспомнившій о только-что имъ написанномъ стихотвореніи, смѣшался и даже обидѣлся.

— При чемъ же тутъ стихи?—спросилъ онъ.—То, что я говорилъ,—это плодъ моихъ долгихъ размышленій всей жизни, чтенія... а я ничего не пропускаю по этой части... Вы же вдругъ—стихи!..

Художнику стало его даже какъ будто жаль.

— Выпьемте-ка лучше,—сказалъ онъ, наливая Горунину изъ своей фольетты.—Это вино недурно. Я спросилъ васъ о стихахъ,—продолжалъ онъ, какъ бы желая поправиться,—оттого, что у насъ былъ товарищъ—вышелъ бы хорошій архитекторъ для гражданской архитектуры, да заѣла страсть къ стихамъ. Чушь ужасную пишетъ, а не учится, ничего не дѣлаетъ.

„Ну, часъ отъ часу не легче“,—подумалъ Горунинъ, но, замѣтя, что художникъ и самъ уразумѣлъ свой промахъ, потому что махнулъ рукой и самъ пробормоталъ: „ну, что я вру!“—съ добродушной улыбкой отвѣчалъ:

— Признаюсь, вы меня очень сконфузили. Но я увѣренъ, когда вы меня узнаете покороче, вы будете обо мнѣ лучшаго мнѣнія... Да впрочемъ, что же и скрывать? Я вамъ прямо скажу, что если теперь... я имѣю удовольствіе съ вами говорить... то это потому, что принялъ въ васъ горячее участіе!.. Мнѣ здѣсь сказали, что вы—нашъ, что вы художникъ. Изъ того, что я слышалъ о васъ, я подумалъ, не постигло ли васъ какое-нибудь несчастіе—не могу ли чѣмъ-нибудь вамъ быть полезенъ...

— Ну, меня-то ужъ вы оставьте въ сторонѣ,—перебилъ тотъ, нахмурился и опять протянулъ руку къ фольеттѣ.

— Мнѣ показалось очень страннымъ...—продолжалъ однако Горунинъ,—что-то такое болѣзненное... что вы поселились въ этомъ захолустьѣ, гдѣ, повидимому, ничто особенно васъ не занимаетъ.

Художникъ хмурился все болѣе и болѣе.

— Конечно, можетъ-быть, вы обдумываете какое-нибудь новое произведеніе...

— Ничего не обдумываю, да и нечего объ этомъ говорить.

— По крайней мѣрѣ, отсюда вы куда же располагаете ѣхать—въ Римъ, или, можетъ-быть, въ Россію?

— Ни въ Римъ ни въ Россію, никуда.

— Не навсегда же здѣсь останетесь!

— Можетъ, и навсегда.

— Не можетъ быть, чтобы вы все бросили!

Художникъ зѣвнулъ и потянулся.

— А если и все бросилъ?..

— А искусство?—понизивъ голосъ, какъ бы съ нѣкоторой осторожностью спросилъ Горунинъ, тѣмъ тономъ, какъ говорятъ о святынѣ.

— Коего чорта еще искусство!—какъ бы судорожно, со злобой воскликнулъ тотъ.

Горунинъ совсѣмъ изумился.

— Вы говорите такія вещи... Я не понимаю... Если вы бросили искусство... въ которомъ, какъ я слышалъ, достигли такой степени, должны же быть причины?

Художникъ разсердился и стукнулъ стаканомъ по столу.

— Чего тутъ причины! Захотѣлъ и бросилъ! И вся недолга. Говорите лучше о политической экономіи.

Но Горунинъ и подъ вліяніемъ вина, и подъ вліяніемъ удачи съ Сусанной, распахнулся во всю ширь своей любящей, симпатизирующей души. Онъ рѣшился прямо высказать мелькнувшую въ головѣ его мысль:

— Послушайте... Я васъ не знаю... не знаю даже вашего имени и отчества...

— Маркъ Петровичъ Петровъ — ничего не укралъ, слава Богу, нечего скрывать свое имя.

— Ахъ, Маркъ Петровичъ, вы опять сердитесь, ну, да это все равно. Самъ не знаю, почему мнѣ хочется вамъ быть полезнымъ. Вотъ что, мало ли что случается въ жизни,—вамъ не надобны ли деньги?

— Не хотите ли?

И художникъ высыпалъ горсть всякихъ монетъ на столъ и смотрѣлъ на Горунина.

Но тотъ не сконфузился и пристально посмотрѣлъ на Марка Петровича.

— У васъ душа не спокойна,—сказалъ онъ.—Когда вы думаете вернуться въ Россію?

— А коего чорта я забылъ въ Россіи?

— Нѣтъ, вы чорта-то оставьте...

— Боитесь, что ли, его къ ночи?

— Не боюсь, да видите ли, въ чемъ дѣло-то. Развѣ вамъ было нехорошо въ Россіи?

— Хорошо ли, не хорошо ли, оставимъ это. Въ Россіи только шалопаямъ нехорошо, а я такой же шалопай, какъ и многіе другіе. И по-настоящему насъ слѣдуетъ оттуда выгонять палками, шалопаевъ-то.

— Есть у васъ семейство, родители, Маркъ Петровичъ?

Марку Петровичу какъ будто трудно было отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ упрямо молчалъ и злился. Горунинъ продолжалъ:

— И вы не вернетесь къ старикамъ?

— Да что вы меня исповѣдуете, что ли?

— Грѣшно, сударь, грѣшно!—произнесъ Горунинъ тихо, съ нѣкоторой торжественностью, вставъ со своего мѣста и потрепавъ художника по плечу:—стыдитесь—я вамъ прямо скажу: это, сударь, не по-русски.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Маркъ Петровичъ сидѣлъ, упрямо уставивъ глаза на прожженное пятнышко на столѣ, и прихлебывалъ изъ стакана.

Горунинъ наконецъ закурилъ сигару и сѣлъ на свое мѣсто.

— Маркъ Петровичъ,—сказалъ онъ,—вѣдь вы все противъ себя говорите. Вы бросили искусство оттого, говорите, что „захотѣли“ и бросили. Но отчего же вы захотѣли бросить? Ну, я согласенъ,—позвольте говорить откровенно,—что неудача можетъ насъ огорчить; но что же за малодушіе пасть при первой неудачѣ? Знаете ли, какъ начинали первоклассные художники? Вы, впрочемъ, это лучше меня должны знать. Неудача не убиваетъ, а удваиваетъ, утраиваетъ силы таланта на слѣдующія произведенія. Неудача—это тотъ же учитель; онъ крутенекъ, правда, онъ осмѣетъ, даже уязвитъ, но лучше всѣхъ укажетъ вамъ ваши силы, заставитъ найти свои недостатки. А вы вѣдь вашихъ силъ еще не знаете... Потомъ вѣдь и то: современники не всегда понимаютъ талантъ. У нихъ свои односторонніе теоріи—и поднесите этимъ аристархамъ произведеніе, созданное не по ихъ теоріи—у каждаго же таланта вѣдь *своя* теорія, которой онъ часто самъ не сознаётъ—закричатъ: вздоръ! дрянь! *не то... Не то*—а отчего? Помилуйте! Писали, писали, доказывали, громоздили свой принципъ, разбивали все по клѣточкамъ, въ такомъ отличномъ порядкѣ—и роды, и виды, и рубрики, и параграфы, и убили, можетъ-быть, сотни талантовъ, имъ повѣрившихъ на-слово... А тутъ вдругъ пришелъ Богъ вѣсть кто такой, гдѣ учился, съ какимъ

дипломомъ, да и бацъ—всю теорію вверхъ дномъ! Изъ одного самолюбія ужъ надобно унять такого выскочку... Вотъ, батюшка, судьи-то. Да и не у насъ у однихъ. Положимъ, они—сила, да вамъ-то ихъ ли слушать? „Ты самъ себѣ судья, взыскательный художникъ!“—сказалъ Пушкинъ—и сказалъ великую истину!

Маркъ Петровичъ во все время рѣчи Горунина сидѣлъ, уставясь глазами на извѣстное прожженное пятнышко. Горунинъ хотѣлъ что-то еще прибавить, но Маркъ Петровичъ сдѣлалъ какъ бы судорожное движеніе и перебилъ его:

— Что вы мнѣ все это разсказываете! Ни въ какихъ судьяхъ я вашихъ не нуждаюсь, да и все, что говорите, знаю; дѣло только въ томъ, что надобенъ талантъ, чтобы что-нибудь сдѣлать—и вотъ этимъ-то дѣломъ и бить ихъ... А у кого нѣтъ таланта...

Дальше говорить онъ не могъ, легъ головой на руки, спрятавъ лицо. Горунинъ смотрѣлъ на него молча. Ему казалось, что художникъ рыдалъ.

— Маркъ Петровичъ! Ну, это еще что такое?—говорилъ Горунинъ, глубоко тронутый.

Маркъ Петровичъ овладѣлъ собой и продолжалъ порывисто, съ особенной силой:

— у кого нѣтъ таланта, да лѣзетъ въ геніи—тотъ подлецъ! Да какой еще подлецъ: маленькимъ не хочетъ быть, на что родился, а полѣзъ, гдѣ бы и духу его не должно быть... Не захотѣлъ Маркушка гусей да утятъ стеречь, свиней пасти, да какъ бы повыросъ, старику отцу помогать... Не захотѣлъ казачкомъ въ лакейской сидѣть, чулки вязать, съ дѣвками амуриться, тарелки облизывать. Хочу, молъ, художествомъ заниматься... Чтобъ ихъ тамъ чортъ всѣхъ побралъ, умниковъ-меценатовъ, выдрать бы его хорошенько, дурака: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай—знай сверчокъ свой шестокъ,—а то нѣтъ! Въ академію его! И того мало: въ Италію! Чтобъ имъ ни дна ни покрышки! Въ Италію! Аполлона Бельведерскаго, Моисея поглядѣть, да Медичисовъ микель-анджеловскихъ, да бернинніевскаго Христа у Богоматери на колѣняхъ... И поглядѣлъ, и сравнилъ свои мужицкія силы съ ихними, съ божескими! И казнись: теперь—залетѣла ворона въ высоки хоромы!.. И радуйся, Благодатная, Господь съ тобою!..

Горунинъ пораженъ былъ силою, съ которою сказаны были эти слова. Страшная драма развертывалась передъ его нѣжною душою при каждомъ намекѣ: въ каждомъ словѣ онъ видѣлъ тяжкое горе, жестокое испытаніе.

— Маркъ Петровичъ!—началъ онъ наконецъ, оправясь,— не вините себя, не вините никого! Вы себя не понимаете. Судя по вашимъ словамъ, вы уже много сдѣлали, чтобы было чѣмъ вамъ гордиться... Вы, значитъ, начали ваше поприще съ самаго начала, съ самаго низу... И сколько вамъ надобно было побѣдить препятствій, если вы изъ простого крестьянскаго мальчика дошли до того, что теперь въ Италіи и пользуетесь такой репутаціей. Я сейчасъ слышалъ тутъ же, въ кофейнѣ, какъ объ васъ судитъ народъ,—а у итальянскаго народа чутье врожденное,—значитъ, передъ вами великое будущее, и ваше прошедшее за него ручается. Вы, можетъ-быть, Маркъ Петровичъ, озлоблены... понимаю!.. Всю жизнь въ душѣ копились оскорбленія, копились, копились, и наконецъ стало тѣсно съ ними... Но вѣдь надо знать, отъ какихъ людей они исходятъ! Вы знаете, что такое наше общество!.. Ахъ, Маркъ Петровичъ, да знаете ли вы, что я сколько ни видалъ у насъ талантливыхъ людей, всѣ они несчастны, всѣ они, какъ болѣзненные наросты на нашемъ обществѣ! Что дѣлать! Вы не для публики, не для отечества должны трудиться, а только для искусства, для человѣчества, ждать признанія не отъ настоящаго, а отъ будущаго: онъ прійдетъ, этотъ судія, и разберетъ! Вотъ отчего у насъ пока не можетъ быть ни національнаго искусства, ни русской школы, ни русской науки... Именно оттого, что ни наука ни искусство не имѣютъ корня въ нашей исторіи, не въ потребностяхъ духа русскаго человѣка! Вы, художники, какъ и мы, ученые,—мы только продолжатели развитія той мысли, которая жила, какъ необходимый элементъ всей многосторонней жизни на Западѣ. И наше историческое значеніе вотъ какое: мы показываемъ собою, что эта мысль развилась такъ широко, что даже охватила собою самое полудикую Россію... Что дѣлать? Мы еще варвары, Маркъ Петровичъ! Россія долго еще будетъ Сатурномъ, пожирающимъ лучшихъ своихъ дѣтей...

— Нѣтъ, стой, братику, стой!—перебилъ его художникъ, приподымаясь,—а при мнѣ ты Россію ругать не смѣй!

Онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Да вы, Маркъ Петровичъ, сами эта жертва!

— Если пока жертвы такія, какъ мы съ тобой, такъ и жалѣть насъ нечего, и плевать на насъ. Россія—святое дѣло.

— Я совершенно понимаю васъ и вполнѣ согласенъ; отечество—святое дѣло; можетъ-быть, въ далекомъ будущемъ и намъ будетъ чѣмъ гордиться... Но, сами согласитесь, Россія еще на очень низкой степени цивилизаціи...

— Цивилизація!—прошипѣлъ сквозь зубы, со злобой и пре-

зрѣніемъ Маркъ Петровичъ.—Оттого, что ты самъ человѣкъ-дрянь, такъ и сваливаешь на Россію... Я знаю, что я тоже человѣкъ-дрянь, оттого и не хочу въ Россію, и не достоинъ быть въ Россіи...

— Вы меня не выслушали, Маркъ Петровичъ, я не ругаю Россію... и напрасно сердитесь, я люблю Россію не меньше вашего... Можетъ-быть, мы не сходимся только въ томъ, какъ понимать Россію.

— Чего тутъ понимать?—перебилъ художникъ.—Россія...— и онъ, съ полузакрытыми глазами, какъ будто самъ себѣ въ первый разъ уясняя то, что коренилось въ глубинѣ души его, говорилъ сначала тихо и отрывисто, а потомъ съ возрастающимъ пафосомъ:—Россія... это вотъ—кремль!.. Это—татары!.. Это—Дмитрій Донской!.. Это—Сергій Преподобный... до Ледовитаго океана разнесли ученики духъ его и *создали* русскій народъ!.. Это—Мининъ и Пожарскій... Это—Петръ Великій: полтавскій-то приказъ его—„а о Петрѣ не думайте, жива была бы Россія!..“ Это—Ломоносовъ: „и будетъ собственныхъ Невтоновъ земля россійская рождать!..“ Да что тутъ говорить!.. Не „чувствуешь“—такъ и чортъ съ тобой!—заключилъ онъ, сильно махнувъ кулакомъ.

Молча потомъ пройдясь по комнатѣ, молча подошелъ онъ опять къ столу, взялъ фольетту и налилъ два стакана, поставилъ одинъ передъ Горунинымъ и, поднявъ свой, потянулся, чтобы чокнуться:

— За Россію!—произнесъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

Они чокнулись, и молча выпитъ былъ тостъ. Было что-то благоговѣйное, торжественное въ этомъ тостѣ, что почувствовалъ и Горунинъ, отъ котораго не ускользнула особенная обстановка этого тоста—въ глуши Апшеронъ, въ безвѣстномъ маленькомъ городишкѣ... У него даже слезы навернулись. Маркомъ Петровичемъ онъ былъ совершенно подавленъ.

„Экая богатая, непосредственная натура!—мелькали въ его умѣ разные обрывки мыслей:— что за сила!.. Вѣдь вотъ ею, этою необъяснимою и себѣ невѣдомой грубой силой и могуча Россія...“

Это онъ не произнесъ вслухъ, но, видя, что Маркъ Петровичъ успокоился и сѣлъ на свое мѣсто, сказалъ ему:

— Какой вы славный, Маркъ Петровичъ!.. Разскажите-ка мнѣ о себѣ, то-есть какъ вы стали искусствомъ-то заниматься?

— Какъ искусствомъ-то сталъ заниматься? Да какъ? Былъ я взятъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ во дворъ казачкомъ. Стали тутъ строить новый господскій домъ; выписали изъ

Москвы живописца потолки расписывать и по стѣнкамъ помщейскія фрески рисовать. Я былъ къ нему приставленъ краски тереть, наглядѣлся, да самъ сталъ марать. Онъ похваливалъ, поправлять сталъ. Ну, и пошла. Началъ со всѣхъ портреты писать. Пріѣзжаетъ къ барину одинъ знакомый, князь: да вы, говоритъ, его со мной отпустите, будетъ у меня жить, ходить въ академію. Князь потомъ померъ. Баринъ дозволилъ мнѣ продолжать учиться, а какъ сталъ я ужъ ученикомъ порядочно зарабатывать, оброкъ положилъ. На медаль работать мнѣ нельзя было, потому крѣпостной. Тутъ у меня завязалась съ нимъ исторія. Академія просила, чтобы онъ далъ мнѣ вольную. Онъ—ничего, говоритъ, очень радъ, только пусть мнѣ прежде поработаетъ, заслужитъ. Ну, и поѣхалъ я къ нему заслуживать. Оно, впрочемъ, было весело. Дали подъ мою команду крестьянскихъ мальчиковъ. Отыскали мы годной для лѣпки глины—въ академіи-то я на скульптуру перешелъ. Мальчишки таскаютъ, мнутъ, мелютъ, а я-то сущимъ Микель-Анджеломъ работаю. Баринъ не нарадуется, такъ за мной и ходитъ: ѣшь и пей чего хочешь, всего вволю. Всю церковь облѣпилъ барельефами; къ амбару каріатиды приставилъ въ родѣ аоинскихъ, у Парѳенона-то маленькій храмикъ—дѣвушки съ такимъ загадочнымъ взглядомъ, какъ у сфинксовъ... На скотномъ дворѣ колоссальныхъ быковъ воздвигъ. Всей дворни, всѣхъ сосѣдей бюсты вылѣпилъ—все отливали изъ гипса... Что онъ денегъ потратилъ!.. Семейную группу сдѣлалъ. Самъ онъ велѣлъ себя изобразить римскимъ консуломъ въ тогѣ и туникѣ въ курульныхъ креслахъ (съ Анной на шеѣ), супруга, дочь, а надъ ними въ видѣ парящаго ангела—преждевременно, видите, рожденный, мертвый ребенокъ...

„Ну, годъ работаю, другой идетъ... Я ужъ говорю ему начисто: отпустите, кажется, заслужилъ!.. Нѣтъ, погоди, да погоди! Со стороны ужъ стали стыдить—губернаторъ. Ужъ и губернатору я былъ извѣстенъ—бюстъ сдѣлалъ... Потомъ чиновники—помѣщики... Разъѣзжаю на тройкахъ. Пропадаю по мѣсяцамъ. Многіе принимали меня ужъ совсѣмъ не какъ крѣпостного. Андрей Ивановичъ говоритъ, души не чаетъ во мнѣ: какъ я тебя отпущу! Что же со мной будетъ! А я ужъ, знаете, и книгъ поначитался; о товарищахъ слышу—успѣхи. Да что!.. Сама барыня и барышня меня подбиваютъ, обѣ, знаете, съ романизмомъ въ головѣ—всѣ мечтали о художникахъ. Я же былъ недуренъ собою, одѣвался хорошо, чисто, денегъ много. Началъ шалить—ужъ нарочно, авось выгонятъ; споилъ дворню—на все сквозь пальцы смотритъ. Одна штучка помогла. Была у него въ городѣ зазнобушка. Я пронюхалъ,

да и пріударилъ за ней. Ну, ужъ тутъ не выдержалъ, разсердился, неблагодарностью попрекалъ и прогналъ, далъ паспортъ и выкупъ назначилъ... десять тысячъ. Тутъ я и пріѣхалъ въ Петербургъ.

— Что жъ вы дѣлали въ Петербургѣ?

— Что дѣлалъ? Памятники — можете видѣть на Смоленскомъ и на Волковомъ. Въ годъ выкупился, получилъ вольную, устроилъ свои дѣла въ академіи — и вотъ теперь въ Италіи.

— Охъ, Маркъ Петровичъ, какой же вы путь прошли!..

— И чортъ знаетъ, къ чему все это!—сказалъ онъ, вдругъ погрузясь опять въ мрачную думу. — Не полный у меня талантъ! Весь израсходовался, пока добивался, или просто былъ, да прошелъ.

— Да кто же вамъ это сказалъ? Съ чего вы это взяли?

— Ахъ, да я ужъ вамъ говорилъ! Мои судьи сказали: Микель-Анджело сказалъ, Донателло сказалъ... не ваши доморощенные судьи! Пока ихъ не понималъ, что они говорятъ, и работалъ, а понялъ—и послушался, и пересталъ работать.

— Это добрый знакъ, добрый знакъ,—повторялъ Горунинъ, потирая руки:—постоянное самодовольство, самоувѣренность въ художникѣ не есть признакъ таланта, а даже скорѣй напротивъ. Но вы сами согласитесь, что затѣяли недоброе дѣло. Вы должны меня послушаться.

— Вы опять за свое?—строго произнесъ художникъ, еще болѣе омрачаясь.—Эй, Антоніо! еще фольетту!

Горунинъ ужъ тверже прежняго прямо рѣшился увезти Марка Петровича. Правда, для этого ему надобно было пожертвовать Сусанной. Э, да что тутъ думать... Онъ залпомъ осушилъ налитый ему стаканъ и храбро приступилъ къ дѣлу:

— Ваша студія въ Римѣ?

— Въ Римѣ.

— Поѣдемте вмѣстѣ въ Римъ.

— Экую новость выдумали!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ужъ какъ ни говорите, вамъ здѣсь нечего дѣлать. Вы больны, у васъ нервы разстроены. Ну, я прошу васъ. Маркъ Петровичъ, поѣдемте вмѣстѣ. Я не прощу себѣ, если оставлю васъ такъ одного Богъ знаетъ гдѣ... Ну, прошу васъ, какъ другъ, какъ человѣкъ, который васъ любитъ...

— Будемъ лучше пить,—говорилъ художникъ и опять налилъ Горунину.

Горунинъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на каждый новый пріемъ. Пустыхъ фольетъ выстроилась ужь цѣлая батарея на столѣ.

— Половина вашей жизни убываетъ отъ этого яда! — воскликнулъ онъ.

Самъ онъ чувствовалъ, какъ слабѣлъ, голова разгоралась, но тѣмъ болѣе душа рвалась на доброе дѣло.

— Такъ завтра ѣдемъ?

— Мнѣ и здѣсь хорошо,—бормоталъ уже Маркъ Петровичъ, откинувшись на спинку стула и покачивая тяжело головой то направо, то налѣво.

— Такъ рѣшено? Вы даете слово?

— Ну, ужъ это скучно,—проговорилъ Маркъ Петровичъ, вставая.—Коли больше ни о чемъ не умѣете говорить, такъ лучше прощайте!.. Право, точно іезуитъ какой обращаетъ въ католичество,—добавилъ онъ ужъ въ видѣ общаго разсужденія, не смотря на собесѣдника.

— Если бы вы знали, Маркъ Петровичъ!—воскликнулъ Горунинъ, тоже вскочивъ со своего стула:—если бъ вы знали, чѣмъ я хочу пожертвовать, чтобы только спасти васъ!

— Не нужно мнѣ никакихъ жертвъ! Я самъ никогда и никому ничѣмъ не жертвую.

Онъ позвалъ камерьера (служителя), бросилъ ему, не считая, нѣсколько скуди за вино, поклонился Горунину и вышелъ изъ остеріи.

Горунинъ хотѣлъ-было броситься за нимъ, но подкосились ноги. Грустно опустилъ онъ голову на руки.

— Боже мой!—говорилъ онъ.—Ничего-то я не могу сдѣлать! Отчего это? Что это такое!.. Готовъ жертвовать, можетъ-быть, счастіемъ своей жизни, чтобъ спасти другого, который лучше меня... И все тщетно! Боже мой! Все напрасно!

Долго еще сидѣлъ онъ неподвижно въ остеріи, пока не успокоился. Успокоила его окончательно мысль: „Нечего однако дѣлать... Сама судьба толкаетъ къ Сусаннѣ...“

Горунинъ ужъ подходилъ къ гостиницѣ Горнаго Орла, какъ отъ нея отъѣхала тяжелая карета и стала спускаться съ горы. Толпа, обыкновенно собирающаяся глазѣть на проѣзжихъ и хотя за это сорвать съ нихъ la buona mani или buona grazia, расходилась въ разныя стороны. Человѣка три конюховъ разныхъ гостиницъ, приведшіе изъ разныхъ мѣстъ лошадей, дѣлили полученную буону-грацію; оставался одинъ недѣлимый байокко, они стали разыгрывать его въ мору (la mora)—игра, состоящая въ томъ, чтобы въ одно время обо-

имъ играющимъ открыть извѣстное число пальцевъ такъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣми, которые открылъ другой, вышло число, какое должны оба единовременно сказать: они буквально впиваются глазами другъ другу въ глаза и выкрикиваютъ въ одно время: cinque, sei и пр. Задоръ такой, что нерѣдко дѣло доходитъ до ножей. Какъ ужъ онъ подходилъ къ дому, Горунинъ замѣтилъ при лунномъ свѣтѣ, что изъ открытаго окна верхняго этажа высунулась головка Анджелики: она была въ одной рубашонкѣ, прибирала ручками круглый воротъ ея на складкахъ; распущенныя косы ея свѣсились внизъ, когда при его приближеніи она къ нему нагнулась и рукою дѣлала ему какіе-то знаки, какъ будто хотѣла что-то сказать,— но вдругъ появилась сьора Маріанна, отдернула дѣвочку отъ окошка; дѣвочка заплакала, а мать захлопнула окно. Онъ поглядѣлъ еще, не смотритъ ли откуда-нибудь Сусанна, но ея не было...

Было условлено, что съ первыми лучами зари другъ Меркуціо придетъ разбудить Горунина, принесетъ счетъ хозяйки и приведетъ ветурина. Подъ вліяніемъ сладкихъ мечтаній о Сусаннѣ, да и при содѣйствіи выпитаго противъ обыкновенія большаго количества вина, Горунинъ очень скоро заснулъ.

Но не другъ Меркуціо разбудилъ его на другой день: онъ самъ проснулся, вспомнилъ все, вскочилъ. Солнце ужъ высоко, въ гостинницѣ все давно поднялось, какъ свидѣтельствовали разнородные шумы, сразу донесшіеся до его слуха. Онъ спустился внизъ: дѣвушки на обширной кухнѣ ужъ гладили бѣлье; сьора Маріанна сама своими бѣлыми руками разсѣкала большимъ ножомъ баранью грудинку и кроила котлеты; старшая дочь ея Аврора сидѣла передъ очагомъ, протянувъ ноги и поджавъ на груди руки, и наблюдала за варившимся для Горунина кофе. Конюхъ мелъ улицу. Не видно было только маленькой Анджелики и Сусанны.

Горунинъ спросилъ, не приходилъ ли за нимъ Меркуціо; оказалось—не приходилъ.

Онъ вышелъ на площадь къ кофейнѣ,—ни друга Меркуціо ни друга Пьетро у кофейни не было.

Онъ прошелъ въ городскія ворота, гдѣ его пропустили безпрепятственно, послѣ нѣкотораго допроса и „buona mani“, спустился съ горы до второго поворота, до старой башни: тамъ не было Сусанны.

Только какъ вернулся домой, къ нему подлетѣлъ другъ Меркуціо, весь запыхавшійся и обмахивавшійся платкомъ.

— Eccolo, questo caro signore! Вотъ онъ наконецъ, этотъ любезный господинъ! Соблаговолите поглядѣть на меня: точно

изъ воды выплылъ: всю ночь пробѣгалъ, никто не ѣдетъ.. кто боится, а у кого нѣтъ лошадей. Сбѣгалъ ужъ въ Лойано—двѣ мили отсюда—тамъ у меня племянникъ—черезъ часъ пріѣдетъ, un bravo giovinotto, недавно женился, тоже ветуринъ, двѣ смѣны лошадей...

— Ну да! Миланская карета, останавливаться въ лучшихъ гостиницахъ—еще что?.. Эхъ, вы! La fede italiana! Итальянская вѣрность! „Никто не ѣдетъ, нѣтъ лошадей“—а для кареты вчера поздно вечеромъ нашлись лошади!—сердито проговорилъ Горунинъ.

Другъ Меркуціо на этотъ грозный окликъ сталъ изображать изъ себя на всевозможныя, неописуемыя манеры всѣ степени отчаянія: другъ Пьетро, смотря на него, только губы покусывалъ.

Въ ожиданіи племянника Горунинъ сѣлъ однако пить кофе, подлѣ кухни, въ обширной хозяйской столовой; велѣлъ тутъ подать себѣ, а не въ „чистыхъ комнатахъ“, въ надеждѣ увидѣть Сусанну. Онъ молчалъ. Молча также, глубоко понуривъ головы, стояли, какъ каріатиды, по обѣимъ сторонамъ двери, другъ Пьетро и другъ Меркуціо, тяжело вздыхая.

Наконецъ подъѣхалъ „племянникъ“. Уложили вещи. Горунинъ заплатилъ по счету, стали прощаться. Горунинъ не выдержалъ и спросилъ: а гдѣ же Анджелика и сьора Сусанна?

— Ахъ, я дура этакая!—всплеснувъ руками, воскликнула сьора Маріанна:—изъ головы вонъ совсѣмъ. Сусанна очень велѣла вамъ кланяться. Она уѣхала съ этими господами... Какъ же, бѣдняжка! По мужу скучала, сами видѣли, а теперь время такое... съ нашимъ братомъ строго. Ну, большіе господа, притомъ иностранцы—другое дѣло! Господинъ-то и сжалился, взялъ ее, голубушку, какъ бы служанку.

Горунинъ не могъ держаться на ногахъ и присѣлъ на скамейку.

— Какой господинъ?

— Что вчера проѣзжали—хорошій господинъ, какъ слѣдуетъ господинъ, и синьоръ и синьорина... вотъ онъ въ книгѣ расписался... да ужъ и вы потрудитесь кстати расписаться.

И сьора Маріанна подносила Горунину раскрытую книгу съ именами путешественниковъ, и онъ прочелъ послѣднюю подпись: „André de Blagotschinnoy“; далѣе слѣдовалъ титулъ, котораго ужъ онъ не сталъ читать. Наскоро написалъ свою фамилію, сказалъ, что у него страшно болитъ голова, и, почти не отвѣчая на всеобщіе поклоны и пожеланія, сѣлъ на „дребезжалку“, каковою ему показалась „миланская“ карета, и грозно крикнулъ кучеру, чтобы ѣхалъ скорѣе.

„Какъ могъ сюда замѣшаться Благочинный?—не выходило у него изъ головы.—Не прельстилъ же онъ Сусанну своими напомаженными висками... Быть не можетъ...“

Вспомнилось ему еще одно обстоятельство. Анджелика разъ сказала ему: „Терпѣть не могу Сусанны!“. Горушинъ, дивясь, какъ въ этакіе годы дѣвочка, а ужъ ревнуетъ и такое чутье имѣетъ, сталъ добиваться—за что. „Гадкая! Вы знаете, у нея мужъ-то разбойникъ. Ихъ обоихъ навѣрно повѣсятъ...“

Экипажъ едва исчезъ на поворотѣ, какъ все оживилось: другъ Меркуціо подпрыгнулъ и вскинулъ шляпу на воздухъ и, къ общему удовольствію и хохоту, схватилъ сьору Маріанну за руки и сталъ около нея кружиться, повертывая ее за собою.

Почтенная матрона наконецъ высвободилась, оттолкнула Меркуціо и, пославъ его къ дьяволу, прибавила:

— Чему радуешься? Нешто твоимъ умомъ дѣло сдѣлалось? Возился, возился цѣлую недѣлю со своимъ дуракомъ, да еще что бы вышло—неизвѣстно; а мы, вотъ, своимъ бабьимъ умомъ въ полчаса все спроворили.

— O, sublime donna, божественная женщина!—воскликнулъ Меркуціо, подымая къ ней руки. — Какъ же вы это совершили?

— Просто: вижу, пріѣхалъ господинъ, глазъ не спускаетъ съ Сусанны, спрашиваетъ меня потихоньку: кто такая? Я тотчасъ сообразила, съ семействомъ-то безопаснѣе и спокойнѣе будетъ ей, чѣмъ съ этимъ недотыкой, и говорю: такъ и такъ, хочется къ мужу, а выѣзда изъ города нѣтъ, вотъ вы бы сдѣлали доброе дѣло, взяли съ собой, хоть только до границы, „служанка“, молъ. Научила Сусанну, та расплакалась,—ну, и синьоръ, и синьора, и синьорина сжалились, поговорили между собой и взяли... А вотъ эта негодница Анджелика,—добавила сьора Маріанна: — испортила - было все дѣло: такъ и рвалась разсказать ему все... Я ужъ слышала разъ, она ему что-то про разбойниковъ говорила... Ну, ужъ за то просидитъ у меня въ чуланѣ до вечера... Не прозѣвали бы только наши въ горахъ... Да не наткнуться бы имъ на карабинеровъ... Сплошаетъ Сусанна—многимъ придется посидѣть въ тюрьмѣ.

— Ну, ужъ за Сусанну я головой поручусь: Макіавелли въ юбкѣ!—успокаивалъ другъ Меркуціо.

— А сплошаетъ, такъ ужъ твоей-то головѣ не быть на плечахъ...—замѣтила сьора Маріанна.—Однако за дѣло принимайтесь, дѣти, нечего тутъ раздабаривать...

1889.

VII.

ИЗЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ ГОРУНИНА ВЪ ИТАЛІИ *).

I.

Опять Маркъ Петровичъ.

Однажды Горунинъ возвращался изъ Ватикана, гдѣ провелъ все утро. Онъ шелъ очень погруженный въ свои думы, хотя по временамъ и уступалъ чувству изнеможенія и даже головной боли. Миновалъ уже Ponte degli Angioli, мостъ Ангеловъ, и повернулъ къ театру Торденоне, какъ вдругъ остановился, потеръ лобъ и произнесъ:

— Батюшка! Да какъ же это я—одинъ? Гдѣ же мои дамы и вся моя компанія?.. Вѣдь уговорились изъ Ватик. ѣхать потомъ обѣдать у Ponte Molle... Какъ же это я ихъ потерялъ? Въ картинной галлереѣ еще были вмѣстѣ... Въ длинной галлереѣ Амина Андреевна еще воскликнула: „Ахъ, мамаша, какой миленькій мальчикъ!“, и бросилась смотрѣть Амура, натягивающаго лукъ, и тотчасъ возвратилась къ мамашѣ, вся красная. На кругломъ дворикѣ, гдѣ ванны и саркофаги, были вмѣстѣ... Потомъ, обходили эти четыре святилища, гдѣ Антиной, Аполлонъ... Нѣтъ, чего бы тамъ ни натворили папы, но имъ многое простится за то, что они сдѣ-

*) Настоящій разсказъ находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ. Оба они были набросаны вчернѣ еще въ сорокомыхъ годахъ и должны были войти въ составъ цѣлаго ряда такихъ разсказовъ, связанныхъ съ личностью предполагаемаго путешественника, Горунина: онъ, казалось мнѣ, представлялъ собою совсѣмъ особый, занимавшій меня тогда типъ, и всей серіи этихъ разсказовъ я думалъ дать то названіе, которое выставлено теперь.

Прим. авт.

лали для искусства. Весь этотъ Ватиканъ—вѣдь это такой же храмъ они воздвигли великой пантеистической идеѣ красоты, воплощенной въ мраморѣ античнымъ міромъ, такой же храмъ, какъ и храмъ Св. Петра—идеаламъ новаго міра!.. Гдѣ же, однако, я ихъ потерялъ?... Аполлонъ Бельведерскій... Онѣ еще тутъ были. Я говорилъ съ Чупруновымъ — вотъ болтунъ-то! Когда говоритъ чужія мысли — кажется очень уменъ: есть такіе люди... Все-таки съ нимъ больше разговору, чѣмъ съ почтеннымъ статскимъ совѣтникомъ Благочиннымъ и съ его „мамуней“ и съ „дочуркой“... Хорошо объ нихъ выразился Чупруновъ: „Какіе еще архаическіе представители человѣчества!“ Сколько еще его на свѣтѣ, этого архаическаго человѣчества... Да, все это такъ... Что же потомъ, однако? Больше ихъ не помню... Тутъ и завязался главный интересъ разговора. Онъ сказалъ, что искусство есть идеализированная природа. Я спорилъ, да такъ въ спорѣ мы вмѣстѣ и вышли изъ Ватикана. Онъ повернулъ къ San-Pietro, а я вотъ иду, не знаю куда“.

Все это быстро промелькнуло въ головѣ Горунина, но изо всего припомненнаго задѣло его за живое опять изреченіе Чупрунова, что искусство есть идеализированная природа, и опять онъ забылъ о своихъ дамахъ и продолжалъ путь, по обычаю весь погрузившись въ вопросы, преслѣдовавшіе его въ Италіи.

„Идеализированная природа!—думалъ онъ.—Конечно, ничего подобнаго Аполлону Бельведерскому я не видѣлъ въ природѣ. Да и художникъ, который его изваялъ, тоже, по всей вѣроятности, не встрѣчалъ такого созданія въ натурѣ. По крайней мѣрѣ того, что мы называемъ божественнымъ въ этой статуѣ. Между тѣмъ всякое художественное произведеніе тѣмъ и хорошо, что оно не нарушаетъ законовъ природы. Даже болѣе: тѣмъ оно совершеннѣе, чѣмъ въ немъ болѣе жизни, больше натуры, тѣмъ строже въ немъ выполнены ея законы. Какъ же это согласить? Кто же выше: художникъ, или природа? Природа ли, которая безсознательно производитъ прекрасное и разсѣиваетъ его во многообразныхъ формахъ въ своихъ твореніяхъ, или художникъ, который, будучи рабомъ природы въ своей техникѣ, творитъ самый идеалъ, къ которому она какъ бы стремится?.. А вѣдь сколько этихъ идеаловъ?.. Одинъ грекъ сколько ихъ зналъ: Зевсъ, Аполлонъ, Паллада, Афродита, богъ-міродержецъ, Геній, Мудрость, Любовь... Христіанскій міръ что ихъ открылъ! Тутъ Самъ Богочеловѣкъ — какая задача: Бого-Человѣкъ!.. Потомъ — Мадонна „Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“! Эти

святые въ мукахъ, эти св. Франциски, эти Катерины Сіэнскія, святыя Микелины, въ экстазѣ душой своей уже прозрѣвшія въ самую глубину духовнаго міра, этотъ къ небу, къ красотѣ стремящійся человѣческій духъ... И художники дали намъ эти идеальные образы. Гдѣ же они ихъ видѣли на землѣ?.. Понятно становится Платоново ученіе о прототипахъ, въ созерцаніи которыхъ якобы пребывали души людей до ихъ воплощенія въ земное тѣло..."

Ему очень понравился этотъ міръ прототиповъ, и передъ нимъ нарисовался онъ какой-то чудною областью тонкаго свѣта, гдѣ въ какомъ-то воздушномъ чертогѣ пребываютъ какія-то, какъ бы изъ тумана образованныя фигуры, которыхъ очертанія онъ своимъ безсильнымъ человѣческимъ зрѣніемъ ясно различить не можетъ; только видитъ легкія очертанія ихъ призрачныхъ профилей и призрачныхъ же бѣлыхъ одеждъ...

Можетъ-быть, Горунинъ занесся бы куда-нибудь еще выше, какъ вдругъ почувствовалъ, что его дергаетъ кто-то за рукавъ.

Онъ почти съ испугомъ оглянулся и остановился, точно его разбудили и снова вернули изъ фантастическаго міра къ обычной земной жизни.

Ему прямо въ глаза смотрѣло свѣжее, блѣдноватое, смѣющееся личико дѣвушки, широко раскрытые большіе, черные, ласковые глаза, лукавая улыбка.

— О чемъ такъ задумались? — спросила она, заглядывая ему въ лицо. — Я ужъ три раза васъ обгоняла и останавливалась, и пропускала передъ собой... Разъ даже нарочно толкнула... Идетъ, ничего не видитъ и не слышитъ...

— Беттина!—наконецъ опомнился Горунинъ.

Это была девяти- или десятилѣтняя дочка хозяйки, у которой онъ нанималъ комнату. Онъ замѣтилъ въ ней что-то особенное на сей разъ.

— Отчего это у тебя волоса мокрые, ты такая блѣдная и вся дрожишь?

— Вы только ничего не говорите дома, что я вамъ скажу. Я сказала маменькѣ, что мнѣ велѣли нынче пораньше прійти на натуру. А это неправда, велѣли попозже. Мы и сговорились съ подругами сбѣгать покупаться. Тамъ не велятъ купаться, гдѣ мы купались, и солдатъ за нами погнался и хотѣлъ изъ ружья застрѣлить. Мы только успѣли выскочить изъ воды, схватили свои платьишки и — драла... Перелѣзли черезъ заборъ, одѣвались ужъ въ какомъ-то саду. Хорошо, что еще насъ тамъ не увидали, а то бы почли за воровокъ...

Стали бы жаловаться. Маменька бы высѣкла. Только моя бѣда еще не кончилась. Я ужъ и рѣшила сегодня совсѣмъ не показываться дома. Буду ночевать гдѣ-нибудь на дворѣ и ужъ завтра скажу.

— Да что же съ тобой такое случилось?

— Я и вамъ не скажу, а то вы какъ-нибудь проговоритесь. Впрочемъ, пожалуй, скажу, только побожитесь, что маменькѣ ничего не будете говорить... Она меня прибьетъ и выгонитъ.

Горунинъ обѣщалъ.

— Ну, вотъ видите. На берегу ли оставила или выронила, какъ отъ солдата бѣжала, только я потеряла свою аленькую косыночку, которую повязываю на голову... Искала, искала — нѣтъ нигдѣ!

Вся игривость бѣдной дѣвочки пропала при этомъ разсказѣ. Глаза стали наполняться слезами.

— Ну, стоитъ ли тутъ плакать,—утѣшалъ ее Горунинъ. — Мы дѣло поправимъ. Я скажу, если спросятъ, что нечаянно захватилъ твою косыночку и потерялъ, а завтра куплю тебѣ новую. Я знаю какую... Дай мнѣ ручонку, пойдемъ вмѣстѣ.

— Ну, ужъ если это сойдетъ мнѣ счастливо, я за васъ вѣчно буду Бога молить!

Въ порывѣ чувства она бросилась къ Горунину, поднялась на цыпочки, нагнула его голову и поцѣловала. Потомъ просунула свою ручонку подъ его руку и шла, съ минуту потупивъ глаза. Но тутъ на дорогѣ, попалась ей одна ея подруга, она гордо подняла голову и преважно, какъ какая-нибудь дукесса, посмотрѣла ей въ лицо: „Вотъ, молъ, съ какими кавалерами мы прогуливаемся!“ Потомъ, когда прошла мимо, оглянулась, показала подругѣ языкъ, и обѣ разсмѣялись.

— Да вы куда идете? — вдругъ спросила она Горунина. — Я вѣдь не домой. Я пойду на натуру къ одному скульптору; онъ дѣлаетъ съ меня статую. Тонину — вотъ эту самую, что сейчасъ встрѣтилась, не хотѣлъ взять. Говоритъ: глупа, не понимаетъ. Вы думаете, far' il modello легко и всякій можетъ? No, signore, тутъ надо имѣть un grand' intelletto! А ужъ если я *этому* синьору угодила, то ужъ это большая честь — un gran' scultore!

— А кто же такой этотъ скульпторъ? — спросилъ Горунинъ.

— Самый-самый знаменитый! Когда покажется на улицѣ, ему всѣ кланяются. Пріѣзжаютъ и большіе господа. Кардиналы ѣздятъ. Да вотъ что: къ нему всѣмъ можно, особенно форестьерамъ. Вы вѣдь тоже un forestiero. Теперь ужъ недалеко. Вотъ и piazza di Spagna; поднимемся по лѣстницѣ,

а тамъ ужъ два шага. Caro signorino, пойдемте, и меня тамъ увидите, въ глинѣ покамѣсть, а потомъ ужъ будутъ рубить изъ мрамора.

Беттина твердо рѣшила показать себя Горунину „въ глинѣ“ и еще крѣпче, просто повисла на рукѣ его. Только на Испанской площади она бросила своего спутника, подбѣжала къ фонтану, находящемуся посреди, вспрыгнула на мраморный бассейнъ и, охвативъ обѣими руками голову льва, изъ пасти котораго лилась серебряная струя воды, подставила къ ней свой аленькій ротикъ: она на ходу и на болтовнѣ ужъ совсѣмъ согрѣлась отъ купанья, и румянецъ игралъ во всю щеку. Напившись, опять подхватила Горунина, вся забрызганная, смѣясь и отирая рукавомъ капли влаги съ сіяющаго лица и смуглой шеи.

Горунинъ сообразилъ, что посѣщеніе незнакомыхъ мастерскихъ совсѣмъ въ римскихъ нравахъ, и, хотя предположилъ къ обыденному часу взять коляску и отправиться на Ponte Molle по уговору со своей компаніей, но, подпавъ подъ вліяніе болѣе твердой воли, хотя и ребенка, покорился дѣвочкѣ и послушно шелъ съ нею, куда она его просто тащила.

Такъ они поднялись съ Испанской площади по знаменитой Скалинадѣ, лѣстницѣ, къ церкви Trinità dei Monti, гдѣ находится почтенная французская римская академія, повернули направо по via Felice, центральной улицѣ всего этого художественнаго квартала; направо и налѣво, внизъ и вверхъ по горѣ идутъ отъ этой улицы переулочки, и въ рѣдкомъ домикѣ нѣтъ приспособленной для мастерской художника комнаты съ освѣщеніемъ сверху или изъ окна тотчасъ подъ потолкомъ. Въ одинъ изъ такихъ домиковъ, побольше и опрятнѣе другихъ, они вошли по темной лѣстницѣ, потомъ въ темный коридоръ, гдѣ Беттина осторожно постучала въ дверь.

Горунинъ спохватился, какъ же онъ по крайней мѣрѣ не освѣдомился, кто этотъ скульпторъ, какой націи, какое его имя, и шопотомъ спросилъ свою спутницу: „да какъ же его зовутъ?“ Но за дверью послышался нетерпѣливый голосъ: „Chi è? Кто тамъ?“

— Это я, Беттина,—отвѣчала дѣвочка, дѣлая знаки Горунину, чтобы онъ молчалъ.

Послышался стукъ поднимающейся щеколды, приводимой въ движеніе изнутри комнаты веревочкой; дверь отворилась, Беттина проскочила, увлекши за собой своего спутника; затѣмъ дверь опять захлопнулась, дѣвочка юркнула куда-то въ уголъ, гдѣ исчезла въ разномъ хламѣ скульптурной мастерской, и Горунинъ очутился въ тѣневой части комнаты у

входа, никѣмъ не замѣченный и совершенно потерявшійся передъ зрѣлищемъ, которое передъ нимъ открылось.

Художникъ, очевидно, дернувъ веревочку, чтобы отворить дверь, тотчасъ принялся за работу, и Горунинъ видѣлъ только его спину.

Прямо передъ нимъ... но, впрочемъ, такъ какъ увидѣнное Горунинымъ произвело на него сильное впечатлѣніе, надобно представить себѣ обстановку главнаго предмета.

Мастерская была довольно обширная комната, освѣщенная сверху. По стѣнамъ и темнымъ угламъ стояло множество гипсовыхъ и глиняныхъ статуй, бюстовъ и пр. Одни терялись въ тѣни, на другія ярко упадалъ свѣтъ. Что это не музей эти статуи, ясно было изъ того, что онѣ, очевидно, примѣнялись къ житейскому дѣлу, и боги и богини Олимпа и великіе мужи классическаго міра несли домашнюю службу: на Юпитерѣ была надѣта бандитская шляпа художника, на плечи Венеры накинуто было его пальто, а какой-то ораторъ, Цицеронъ или Демосѳенъ, произносящій рѣчь и протягивающій къ народу руку, держалъ на этой рукѣ наброшенную на нее женскую юбку... Но самый сильный свѣтъ посредствомъ передвижныхъ на кольцахъ занавѣсокъ былъ сосредоточенъ на той части комнаты, гдѣ на какихъ-то подставкахъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, находилась почти совсѣмъ обнаженная женщина. Первое впечатлѣніе Горунина было то, что она, испугавшись его прихода, какъ бы бросилась отъ него укрыться и окаменѣла въ этомъ испугѣ, упавъ на лѣвую руку, а правою стараясь схваченной съ земли одеждой закрыть грудь, и изъ-за приподнятаго плеча изумленными глазами смотритъ на него и не знаетъ, вѣрить ли его дерзости. Не укрылось отъ него, что на ея лицѣ загорѣлся яркій румянецъ, и руки и грудь тоже мгновенно вспыхнули, густые черные волосы разметались въ полномъ безпорядкѣ на лѣвое плечо, колебались на вздымающейся груди и широкимъ каскадомъ падали на-земь.

Горунинъ обомлѣлъ, не зналъ, что ему дѣлать: уйти? — нашумишь; оставаться?.. Надо по крайней мѣрѣ дать ей время броситься прочь и спрятаться отъ него... Въ нерѣшительности онъ стоялъ, какъ прикованный къ мѣсту. Она тоже не двигалась; и онъ только тутъ понялъ, что это была—натурщица, тѣмъ болѣе, что тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея было изображеніе въ той же позѣ тоже женской фигуры, только изъ зеленоватой глины.

Онъ отеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу, и послѣ перваго смущенія сталъ спокойнѣе разсматривать

обнаженную женщину. Мало-по-малу вспыхнувшее отъ дѣйствія перваго стыда тѣло начало блѣднѣть и приняло свой обыкновенный цвѣтъ. Горѣло только лицо. Она даже подняла глаза, взглянула на Горунина очень спокойно и опять ихъ опустила. Переходя потомъ къ работѣ художника, Горунинъ, кромѣ этой уже знакомой ему фигуры, увидалъ еще другую — дѣвочки лѣтъ десяти, которая бросилась къ старшей и старается за нее спрятаться, закрыла лицо руками и только изъ-за пальцевъ взглядываетъ на предполагаемаго Актеона.

Художникъ въ синей блузѣ, весь перепачканный глиной, то отскабливаетъ, то налѣпляетъ и сглаживаетъ кусочки глины, взглядывая по временамъ на модель. Но вотъ совершенная блѣдность покрываетъ ея лицо; руки вздрагиваютъ: она то медленно ихъ опускаетъ, то опять подымаетъ. „Basta, basta! Довольно!“ — произнесъ наконецъ художникъ, бросая свои стеки и отступая нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы посмотрѣть на свою работу въ нѣкоторомъ отдаленіи, и Горунинъ увидалъ его въ лицо.

— Маркъ Петровичъ, вы ли это? — вырвалось у него невольное восклицаніе.

Художникъ тоже широко раскрылъ глаза и развелъ руками.

— Батюшки! Какими судьбами!—воскликнулъ онъ въ свою очередь, протягивая къ нечаянному гостю руки, какъ бы въ невольномъ порывѣ принять его въ дружескія объятія. — Да, да! Это вы тамъ... въ остеріи... простите, я даже забылъ, какъ васъ звать...

— Горунинъ, Александръ Васильевичъ,—поспѣшно проговорилъ послѣдній.—Ради Бога, извините меня!

— Чего тутъ извиняться, голубчикъ Александръ Васильевичъ, я вѣдь о васъ подумывалъ! Отлично, отлично сдѣлали, что пришли. Вотъ поглядите, какія мы тутъ штуки откалываемъ. Кажется, будетъ недурно?

— Молодецъ вы, Маркъ Петровичъ!—повторилъ Горунинъ, любуясь группой.

— Конечно, сюжетъ пустой, — говорилъ между тѣмъ художникъ. — По заказу дѣлаю. Да сталъ работать и заинтересовался. Столько тутъ открылось вдругъ задачъ. Ну, вотъ сегодня, напримѣръ, работалъ ноги. Надо, чтобъ и ноги тоже испугались, и каждый пальчикъ испугался. Вотъ посмотрите: спинка—искривленіе хребта какъ будто неестественное, судорожное, а не сдѣлайте этого, не потяните вотъ этихъ мускуловъ, и испуга не будетъ. Надо, чтобы душа-то, то, что она чувствуетъ, чтобъ это по всей фигурѣ проходило, чтобы пронизывало всю ее насквозь.

— У васъ хорошая натурщица,—замѣтилъ-было Горунинъ.

— Да что натурщица! Всѣ эти натуры — дуры!—какъ бы съ нѣкоторой брезгливостью отвѣтилъ художникъ. — Это кто какъ понимаетъ натуру. Иному — и профессору даже — хоть самоё Клеопатру поставь на натуру, все выйдетъ дерево!.. *Мнѣ* нельзя безъ натуры обойтись. Школы настоящей не прошелъ. Дома лѣпилъ, скверныя привычки сдѣлалъ. Въ академіи—отвлекался посторонними денежными работами. Ну, и нужна натура, чтобы не наврать; чтобы она меня, понимаете, за локоть бы поддерживала или тумака бы дала, коли не туда лѣзу. У настоящаго мастера натура, то-есть вся эта анатомія, ракурсы, повороты, все это ужъ въ немъ самомъ должно сидѣть. У него не можетъ быть неправильной фигуры, хоть бы онъ все безъ натурщика дѣлалъ. Вѣдь вы когда сочиняете, не думаете, гдѣ ставить *эти* и *есть*, рука ихъ сама ставитъ, ужъ знаетъ гдѣ. Такъ и художнику эта техника, рисунокъ, краски. Ну, что это, напримѣръ, за художникъ? Одинъ есть у насъ живописецъ. Ни черта безъ натуры не можетъ написать. Нужно было ему Тайную Вечерю рисовать; ходилъ, ходилъ, по извозчичьимъ дворамъ, по баркамъ, къ биржевымъ артельщикамъ, набралъ-таки мужиковъ для двѣнадцати апостоловъ. Только набралъ человѣкъ семь, пяти недоставало: такъ нѣкоторыхъ вдвойнѣ написалъ, по два апостола на одно лицо. А одинъ такъ въ трехъ видахъ, волосы только разныхъ цвѣтовъ сдѣлалъ. Развѣ это искусство?

— Да, — подтвердилъ Горунинъ, — творческой фантазіи ужъ тутъ не ищи въ немъ.

— Рабъ! Камеръ-обскура! Дагерротипъ! Какая тутъ творческая фантазія!—горячо проговорилъ Маркъ Петровичъ.

— А какъ же онъ Христа-то? — спросилъ, смѣясь, Горунинъ.

— Между попами и дьяконами искалъ.

— И нашелъ?

— Надо думать, что нашелъ. Комиссія одобрила картину и приняла.

Веселое настроеніе обоихъ бесѣдующихъ, вызванное этимъ оборотомъ ихъ мысли, было, однако, мимолетное. У Марка Петровича оно быстро смѣнилось серьезнымъ.

— Сдѣлалъ я, батюшка, разъ хоть какое открытіе. Очень полюбилъ меня одинъ живописецъ. Когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, всегда у него останавливался. Сижу тамъ въ мастерской, книгу читаю, а онъ работаетъ. Такъ всегда приходилось, что сижу или лежу на диванѣ сзади его мольберта, такъ, наискось; видѣть могъ почти всегда его лицо.

Понимаете, не картину, что онъ пишетъ, а его самого. Такъ по его лицу я всегда зналъ, что онъ пишетъ. Разъ очень заинтересовался книгой, ну, совсѣмъ въ нее ушелъ. Онъ молчитъ, только вздыхаетъ. Тишина, знаете, полная. Только вздохи, слышу, ужъ что-то похожи становятся на всхлипыванье. Я поднялъ на него голову. Вѣрите ли, какъ теперь гляжу, никогда я такого страданья не видывалъ, даже испугался. Думаю: что съ нимъ? Всталъ тихонько, подошелъ, не подавая виду, издали посмотрѣть—это онъ писалъ картину Несеніе Креста—такъ лицо Скорбящей Божіей Матери дѣлалъ... Я самъ обомлѣлъ, у самого у меня слезы потекли... Да-съ, а безъ натуры! Да и гдѣ бы ее взять! Ну, ясно, стало-быть: *самому надо чувствовать*. А натура—это *яти* и *ести!*.. Или справочный лексиконъ!

Горунинъ слушалъ Марка Петровича все съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Какъ вы все это тонко понимаете, — сказалъ онъ наконецъ.

— Ничего нѣтъ тутъ тонкаго. Это азбука. Къ этому надо бы было все обученье направлять.

— По-вашему азбука,—перебилъ его Горунинъ,—а по-настоящему это центральный законъ эстетики, и я не знаю, кто изъ ученыхъ и критиковъ выразитъ его яснѣе, чѣмъ вы.

— Ну, голубчикъ, вы объ вашихъ ученыхъ со мной лучше и не говорите. Какъ ни бился, ничего понять не могъ, такъ мужикъ-мужикомъ и остался... Однако,—онъ посмотрѣлъ на часы, потомъ на натурщицу, которая, накинувъ на себя легкую блузу и поверхъ ея большой шерстяной платокъ, сидѣла на скамеечкѣ около своихъ подмостковъ и что-то жевала, и затѣмъ на Беттину, которая прислонилась къ кресламъ Марка Петровича и тихонько очищала кусочки глины, засохшей на его блузѣ, волосахъ и воротничкѣ рубашки, — однако,—сказалъ онъ,—намъ остался еще часокъ поработать сегодня. Я ужъ здѣшній обѣдъ пропустилъ: обѣдаютъ, канальи, здѣсь въ 12 часовъ, а въ два ужъ все съѣдено, ничего нигдѣ не найдешь. До ужина, то-есть до Ave Maria еще далеко... Вы ужъ сегодня обѣдали?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Горунинъ.

— Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ—все равно вы теперь нигдѣ ничего не найдете, ужъ поздно. Отобѣдаемъ у меня. Беттина! Пойди-ка къ сьорѣ Бабуинѣ, скажи ей, чтобы состряпала намъ обѣдъ, что-нибудь такое: gallinaccio или carretto, да fegato con cipole alla veneziana—по-нашему печенка съ лукомъ,—пояснилъ онъ Горунину,—макароны, разумѣется,

ну, что тамъ еще придумаетъ, она ужъ знаетъ... Или же presto, presto! живо! А вы часокъ или погуляйте, или вонъ диванчикъ въ той комнатѣ, поспите: я тутъ кой-что додѣлаю, а тамъ ужъ и будемъ кутить. У меня сьюра Бабунина молодецъ, обѣдъ, ей-Богу, почище Лепревскаго состряпаетъ, право, не раскаетесь.

Горунинъ, радуясь на Марка Петровича, явившагося передъ нимъ неожиданно совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели какъ онъ видѣлъ его въ Аппенинахъ, и пораженный, какъ онъ выражался, богатствомъ его непосредственной натуры, простотой и ясностью его идей, разрѣшавшихъ массу самыхъ темныхъ и спорныхъ занимавшихъ его вопросовъ эстетики, — разумѣется, находился въ полной власти художника. Его собственное *я* въ его собственныхъ же глазахъ пропадало въ обаяніи душевной силы художника, какъ свѣтъ свѣчи въ лучахъ солнца, и эта свѣча отвѣчала своему солнцу: „Ахъ, сдѣлайте милость, дѣлайте ваше дѣло: я, маленькая свѣчка, погорю гдѣ-нибудь тутъ незамѣтно въ уголку".

Маркъ Петровичъ принялся опять за свои стеки и глину, а Горунинъ, ходя на цыпочкахъ, сталъ разсматривать разные цѣльные и съ поломами гипсовые статуи и бюсты, эскизы изъ воска и высохшей уже глины, которыми была полна мастерская. Но вотъ, очевидно, бюстъ, еще свѣжій, накрытый мокрой тряпкой.

„Должно-быть, что-нибудь новенькое",—подумалъ Горунинъ.

По счастью, въ эту минуту художникъ нечаянно взглянулъ въ эту сторону, увидѣлъ Горунина передъ бюстомъ.

— Подымите, подымите тихонько тряпку,—сказалъ онъ:— тутъ есть еще одна вещица.

Горунинъ осторожно снялъ тряпку; открылась женская головка. На ней не было замѣтно слѣдовъ окончательной отдѣлки; глина не была еще сглажена; сильно были намѣчены нѣкоторыя черты, особенно характеризовавшія выраженіе лица, сильно намѣчены, очевидно, чтобы не потерять ихъ при дальнѣйшей работѣ.

— Вы отойдите немножко, сядьте на кресло и смотрите такъ, немножко издали, — проговорилъ еще художникъ, продолжая свою работу и не глядя на Горунина.

Сначала ничего особеннаго не поразило Горунина въ этомъ, еще, очевидно, не конченномъ произведеніи художника. Онъ подумалъ только: „Какой однако у него благородный стиль,— это ужъ вліяніе Рима, антиковъ". Затѣмъ, чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе и болѣе интереса открывалъ въ этой головкѣ.

„Это какъ въ Гвидовой Беатриче Ченчи, — подумалъ онъ,— но то — живопись, краски, здѣсь — ваяніе, матеріалъ одноцвѣтный, неблагодарный..."

Онъ смотритъ—и съ изображенія все болѣе и болѣе какъ бы совлекается эта грубая, безцвѣтная оболочка матеріи, и выступаетъ живой образъ, подъ нею скрывавшійся... Даже глаза, которые какъ-то всегда непріятны въ статуѣ, какъ будто и они оживляются, и подъ тѣнью нѣсколько выдвинутыхъ вѣкъ въ нихъ становится все выразительнѣе и выразительнѣе ихъ взглядъ, который какъ бы договариваетъ общее выраженіе лица, становится центромъ, куда сходятся всѣ движенія отдѣльныхъ личныхъ мускуловъ въ одну общую мысль, въ одинъ готовый сейчасъ вырваться вопль изболѣвшей души: „Да! Все кончено!"

Но ужъ тутъ художникъ, его твореніе совершенно исчезаетъ передъ Горупинымъ. Это ужъ не глиняный бюстъ, это ужъ образъ существа живого, знакомаго...

„Неужели это она?"—вопрошаетъ онъ, хватаясь за сердце, какъ бы почувствовавъ тамъ внезапную боль. „Она?.. И съ нея онъ лѣпилъ этотъ бюстъ?.." Онъ смотрѣлъ прямо, смотрѣлъ въ три четверти, въ профиль. „Она! Глина сырая: неужели она здѣсь, въ Римѣ, была въ этой мастерской..."

Волненіе его слишкомъ сильно; онъ не можетъ преодолѣть себя и спрашиваетъ художника:

— Это не портретъ, Маркъ Петровичъ?

Маркъ Петровичъ не вдругъ отвѣтилъ, погруженный въ свою работу:

— Можетъ-быть, и портретъ... не знаю, какъ вамъ сказать...

II.

Бюстъ.

Сьора Бабунна дѣйствительно оправдала свою рекомендацію. Накрыла столъ на открытой террасѣ, осѣненной навѣсомъ густыхъ виноградныхъ лозъ и выходившей изъ спальни Марка Петровича въ небольшой садикъ. Садикъ шелъ подъ гору. За передней его каменной стѣной съ нѣсколькими почернѣвшими мраморными вазами съ жирными кактусами начинается уже болѣе крутой склонъ горы, такъ что видъ съ террасы выходилъ, какъ въ Москвѣ съ Кремля на Замоскворѣчье, на весь вѣчный городъ. Это было лиловатое, воздушное море домовъ, крышъ, куполовъ, кипарисовъ, зонтообразныхъ пиній,— море, горизонтъ котораго увѣнчивался чуднымъ силуэтомъ храма Св. Петра съ его величаво-спокойнымъ куполомъ. Солнце было еще высоко и косыми лучами своими какъ бы слегка

золотило низкіе слои атмосферы, всегда тяжелые и туманные надъ большимъ городомъ, зато яркимъ изумрудомъ и прозрачнымъ золотомъ зажигало мѣстами виноградные листья и цѣлыя вѣтки съ ихъ закрутившимися усиками, спускавшіяся по сторонамъ террасы, гдѣ совершали свою трапезу наши друзья.

Горунинъ, будь онъ въ другомъ настроеніи духа, пришелъ бы въ восторгъ отъ всего, что его окружало, но все время обѣда онъ былъ какъ бы самъ не свой. Только когда Маркъ Петровичъ велѣлъ достать и подать хранившуюся у него бутылку Капри, какое „врядъ ли когда пивалъ“ Горунинъ и которое „конечно, будетъ получше той кислятины“, какой они „угощались“ въ остеріи въ Аппенинахъ,—онъ нашелъ возможнымъ направить разговоръ на предметъ, его занимавшій.

— Вотъ, Маркъ Петровичъ,—сказалъ онъ:—вы сами напомнили объ той остеріи. Я все еще не могу опомниться... видѣлъ васъ тамъ такимъ... огорченнымъ...

— Такою скотиной,—перебилъ его Маркъ Петровичъ, захохотавъ.—Что дѣлать, батюшка, бываетъ! Вамъ тогда наговорилъ я грубостей и, должно-быть, чувствовалъ это, потому что послѣ васъ еще хуже сталъ пить. Одинъ снизу, пью и васъ ругаю. Такую желчь развелъ, что страхъ!

— Ну, что объ этомъ, Маркъ Петровичъ! Скажите лучше, какъ вы оттуда уѣхали?

— Какъ уѣхалъ? Да очень просто: велѣлъ привести лошадей и уѣхалъ. Захотѣлось вотъ этотъ бюстъ сдѣлать, что вы видѣли. Бюстъ-то это пока только такъ. Обдумываю группу. Надо только въ исторіи подыскать подходящій сюжетъ. Вертится этакъ образъ Іевфая и его дочери, или Агамемнонъ съ Ифигеніей, жертвоприношеніе, или, напримѣръ, сотникъ Виргиній съ трупомъ дочери, что-нибудь этакое, чтобъ были отецъ и дочь. Этакій трагическій мотивъ!.. Король Лиръ, пожалуй.., Эти чувства-то ихъ въ натурѣ видѣлъ... Какъ будто самъ ими прожилъ...—Онъ нѣсколько подумалъ, потомъ прибавилъ:—Тамъ послѣ васъ случилось одно происшествіе...

— ...Которое и произвело на васъ сильное впечатлѣніе,— докончилъ Горунинъ фразу свою собесѣдника.— И изо всего этого результатомъ будетъ, можетъ-быть, великое произведеніе искусства! Ужасно интересно для науки наблюсти это первое зарожденіе художественной мысли, часто личной, и какъ она потомъ будетъ принимать все болѣе и болѣе объективное выраженіе.

— То-есть случай-то былъ интересный,—отвѣчалъ Маркъ Петровичъ, не вполнѣ понявшій мысль Горунина.— Послѣ

васъ, этакъ дня черезъ три, черезъ четыре, снизу тамъ, въ остеріи. Входитъ господинъ. Сейчасъ вижу—нашъ, русакъ, помѣщикъ. Отставной изъ военныхъ. Длинные усы, съ сильной просѣдью. Лицо такъ себѣ, доброе. Противъ меня сѣлъ, кофе спросилъ. На меня поглядываетъ, конфузится. Наконецъ говоритъ: „Узналъ, милостивый государь, что тутъ русскій сидитъ, осмѣлился побезпокоить — поговорить хоть немножко, имѣю честь рекомендоваться". Такой-то, говоритъ. Какъ себя назвалъ—не интересовался, не слушалъ, и теперь не знаю. А онъ, точно вѣкъ молчалъ, и пошелъ, и пошелъ расписывать и „семейныя горести", и „на чужой сторонѣ", да „по душѣ поговорить"... Я говорю: „Отъ меня утѣшенія много не получите". Думаю про себя: ну васъ къ чорту! Отшибить его разомъ, чтобъ не лѣзъ: говорю, тоже, молъ, имѣю честь рекомендоваться: „бывшій крѣпостной, нынѣ художникъ". Жду, что поморщится отъ „крѣпостного". Куда-те! „Художникъ, говоритъ,—значитъ, отъ Бога милости и отъ людей чести удостоены, какъ такой-то, такой-то", Тропининъ тамъ, да и меня называетъ... Оконфузилъ совсѣмъ. Не знаю, какъ и быть: сказать, что это я самый и есть—совѣстно: ну, ужъ, думаю, промолчу лучше, все равно, вѣдь никогда, можетъ, и не встрѣтимся. А онъ: „Да-съ, говоритъ, талантъ—это такой даръ Божій, который намъ, простымъ людямъ, во тьму свѣтитъ. И горе, коли его не уразумѣешь! У меня дочь: тоже далъ ей талантъ, да не дали мы ей простору, и вотъ теперь пріѣхали сюда... а привеземъ ли домой живую—Богъ вѣсть!" И смотрю: старикъ мой, какъ сидѣлъ противъ меня, облокотившись, за столомъ, схватился руками за голову и горько заплакалъ. Я, знаете, гляжу, выпуча глаза. Преодолѣлъ это онъ себя, походилъ по комнатѣ, обтеръ лицо платкомъ, опять сѣлъ. „Извините, милостивый государь, человѣческой слабости. Все-то время вмѣстѣ съ нею и въ отеляхъ, и въ экипажѣ крѣпишься, шутишь, стараешься веселымъ казаться, виду ей не подавать, что у тебя на душѣ... а увидалъ теперь вотъ васъ, добраго человѣка, хоть въ первый разъ, говоритъ, имѣю честь видѣть—не выдержалъ. Простите отцовскія чувства",—и руку мнѣ протягиваетъ. Ну-съ, знаете, свиньей я себѣ передъ нимъ показался.

— Вы его фамилію такъ и не помните и какъ зовутъ?— спросилъ Горунинъ.

— Ничего, голубчикъ, не помню. Сначала не разслышалъ, а потомъ спросить совѣстился, да и невдомекъ.

— Но онъ все-таки съ дочерью пріѣхалъ? Дочь-то вы видѣли?—опять спросилъ Горунинъ.

— Съ женой и дочерью. Всѣхъ видѣлъ. Дочь-то точно больная, чахоточная. И въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ доктора сказали отцу, что плоха надежда. И мать мелькомъ видѣлъ. Обошлась сухо. Должно-быть, характерная дама, княжескаго рода. Противъ воли родителей вышла замужъ, убѣгомъ.

— Вы говорите, Маркъ Петровичъ, ихъ всѣхъ видѣли: и мать и дочь,—гдѣ же это? Не въ остерію же онѣ пришли?—продолжалъ допрашивать Горунинъ.

— Гдѣ они остановились, у нихъ, въ гостинницѣ „Горнаго Орла". Онъ меня затащилъ. Такъ, знаете, словно на веревочкѣ и повелъ, какъ у насъ какая-нибудь хромая гарпизя въ часть цѣлую ватагу водитъ. Я, признаюсь вамъ, Александръ Васильевичъ, маленько суевѣренъ. Сколько въ моей жизни бывало такихъ случаевъ. Точно иногда кто насильно возьметъ тебя и поведетъ, и натолкнетъ именно на то, что тебѣ нужно увидать, или что услышать. Когда работаешь, иногда онъ словно подлѣ тебя стоитъ и рукой твоей водитъ, ты и самъ не знаешь, почему и какъ тутъ ткнешь, тамъ ткнешь; иной разъ только почти какъ ужъ къ концу подходишь, угадаешь, къ чему онъ клонилъ. Бьешься иной разъ, бьешься надъ работой, мучишься, злишься, бросишь все, а онъ тебя нечаянно подведетъ, возьметъ твою руку со стекой, да и направитъ, смотришь—и вышло то, чего искалъ. Охъ, объ этомъ долго говорить...

— Сократовъ δαίμων—демонъ, то-есть духъ,—пояснилъ съ легкой улыбкой Горунинъ.

— Нѣтъ, только не демонъ, а духъ чистый, никогда на дурное не наведетъ. Не будь въ насъ этого скотства ему помѣхой, то ли бы изъ насъ выходило!

— Какъ же вы полагаете, онъ къ вамъ и старика привелъ и потомъ повелъ къ дочери?—спросилъ Горунинъ, озадаченный странными откровеніями Марка Петровича, которыя еще не успѣлъ перевести на свой научный языкъ.

— Ужъ тамъ, какъ хотите, толкуйте, а ужъ изъ этого ада или скотства, какъ вы меня видѣли и куда я таки-попадаю отъ своей испорченности и отъ безобразной жизни, въ которой болтался, отъ своей необузданности, отъ скверныхъ привычекъ, конечно, только онъ меня выводилъ и теперь вывелъ. Вывелъ, да и поставилъ, словно передъ какой свѣтъ небесный... Знаете, въ этихъ чахоточныхъ что-то небесное просвѣчиваетъ. И румянецъ—не то, что красныя щеки здоровой дѣвки, а, знаете, какъ заря изъ другого міра. И цвѣтъ кожи, лицо, руки какія-то сквозящія. Самая худоба тѣлесная, такъ

ей и слѣдуетъ быть у нихъ. А зато вся сила-то, жизнь, огонь-то небесный весь въ глазахъ сосредоточился. Только цвѣтами бы, розами да кринами ее окружать, пока она на землѣ. Тяжела, груба, грѣшна для нихъ наша земля!

— Маркъ Петровичъ! Маркъ Петровичъ! — воскликнулъ Горунинъ.—Это все у васъ выражено въ бюстѣ! Даже больше того: страданье, безнадежность! — Ему хотѣлось бы однако перевести скорѣе разговоръ на предметъ, болѣе его интересовавшій, и онъ прибавилъ:—Понимаю, какъ вамъ глупъ долженъ былъ показаться мой вопросъ, не портретъ ли это?

— Портретъ-то, можетъ-быть, и портретъ; я вамъ разскажу; только вотъ докончу мою мысль. Это я говорилъ о чахоточныхъ; но знаете, во всѣхъ этихъ статуяхъ и картинахъ великихъ-то мастеровъ есть вѣдь это самое, что я сказалъ, что духъ-то сквозитъ сквозь матерію, и мы именно это въ нихъ называемъ божественнымъ—въ Аполлонѣ, въ Мадоннахъ рафаэлевскихъ... А насчетъ того, портретъ ли это, скажу :можетъ-быть, и вышелъ портретъ — безъ натуры дѣлалъ. Эта вотъ именно дочка-то старика у меня въ головѣ засѣла. У дѣвочки, видите, съ малолѣтства страсть къ музыкѣ была. Все наигрывала и напѣвала по слуху. Потомъ оказался голосъ. Учителя наняли, нѣмца. Въ домъ взяли, въ деревню возили, чтобъ ей всегда аккомпанировать. Нѣмецъ вышелъ совершенно по ней. Пѣніе хорошо зналъ, молодость въ Италіи провелъ, около пѣвцовъ и пѣвицъ, въ оркестрѣ въ первыхъ скрипкахъ сидѣлъ. На свою барышню просто молился. Всѣ, разумѣется, радовались, гостей сзывали, концерты домашніе устраивали. Въ Петербургѣ къ нимъ все лучшее общество ѣздило, художники, писатели. Карлъ Павловичъ Брюлловъ, Кукольникъ; Глинка въ ней души не чаялъ, съ ней свои романсы проходилъ. У графа Віельгорскаго, — а вѣдь онъ какъ бы министръ по искусствамъ у государя, — у него всѣ знаменитости, свои и пріѣзжія, бываютъ, — все это передъ ней преклоняется. Всѣ жалѣютъ, что этакій талантъ пропадаетъ для сцены. Князь Одоевскій, чистая, благороднѣйшая душа, тонко понимаетъ искусство. Онъ ей прямо сказалъ: „Богъ вамъ далъ всѣ Свои лучшіе дары, да одинъ порокъ, который ихъ уничтожаетъ: вы слишкомъ высоко родились...“ А я вамъ скажу, что талантъ, батюшка, гдѣ онъ ни родись, вверху или внизу, такая штука, что, какъ растеніе, тянется къ свѣту, въ просторъ. Оно такъ и должно быть. Талантъ вѣдь не въ какое удовольствіе только *тебѣ* дается. Это, можетъ-быть, только орудіе, черезъ которое дѣйствуетъ Высшая сила на всѣхъ, и стремится онъ быть, аки городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ

былъ. Мы сами тутъ, можетъ, и ни при чемъ, коли бы дѣло шло только о нашемъ удовольствіи. Ну, чѣмъ бы, напримѣръ, мнѣ не житье было въ деревнѣ? Лѣпи, что угодно! Одно горе только было: мальчишки у монхъ фигуръ каменными носы отбиваютъ. Это, я вамъ скажу, первая страсть у дикаго человѣка — у статуи носъ отбить! Отчего и древнія статуи до насъ дошли почти всѣ съ отбитыми носами...

Горунинъ, который сперва съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ собственныя сужденія и воззрѣнія Марка Петровича, теперь сталъ уже изъявлять нетерпѣніе при его частыхъ отступленіяхъ. Онъ опять вернулъ его къ занимавшему его предмету:

— Она, стало-быть, захотѣла на сцену?

— Да, да, на сцену!.. Старикъ, знаете, вилялъ, когда говорилъ объ этомъ: все хотѣлъ жену выгородить, — а чортъ-отъ, по всему, въ ней сидѣлъ. Видитъ она, что ужъ дѣло идетъ на сурьезъ, что дочка прямо и на графа Вielьгорскаго и на князя Одоевскаго ссылается, и что дальше, то хуже: рѣшила барышня моя всему положить конецъ. Нѣмца какъ разъ по шеямъ, а сами — въ дальнюю деревню! Старикъ, знаете, все это затушевывалъ, больше на здоровье ссылался, что надо было въ деревню переѣхать, потому, видите, что ужъ стала покашливать... Можетъ, и стала покашливать? Съ чего же нибудь, однако!

— А про деревню что онъ разсказывалъ?—спросилъ Горунинъ, который волновался все болѣе и болѣе: то воды стаканъ выпьетъ, то вина, то облокотится на столъ, то откинется на спинку кресель.

— Ну, въ деревнѣ что?... Не знаю, право, — отвѣчалъ Маркъ Петровичъ.—Разумѣется, болѣзнь пошла хуже... Впрочемъ, въ деревнѣ,— вдругъ онъ вспомнилъ, — она разъ чуть было не убѣжала...

— То-есть какъ чуть было не убѣжала?—дрожащимъ голосомъ переспросилъ Горунинъ.

— Это старикъ разсказывалъ даже какъ-то забавно. Оказался тамъ у нихъ сосѣдъ, молодой человѣкъ: такъ, говоритъ, изъ фертиковъ. Уменъ, говоритъ, да безтолковъ... Разумѣется, влюбился. Уговорились, — лошадей достанетъ, уѣдутъ, гдѣ-нибудь обвѣнчаются—и въ Италію. Да, дуракъ, говоритъ, и этого не сумѣлъ устроить... „Я, говоритъ, свою супругу похищеньемъ добылъ, да еще отъ какого тестя — ого! Тесть нагналъ, да ужъ поздно было. Да-съ, говоритъ, это наши были, старыя гусарскія времена“. Понимаете: старый-то гусаръ чѣмъ обидѣлся? Не тѣмъ, что хотѣли дочь похитить, а тѣмъ, что не сумѣли! А отчего? „Срамникъ-то,

говоритъ, не явился. Дома его въ комнатѣ заперли! Любовница заперла. Знаете, про все прознала, да какъ ѣхать ему,—двери на запоръ, цѣлыя сутки подъ замкомъ держала и еще хвасталась потомъ: хотѣлъ, говоритъ, мой зайчикъ убѣжать, онъ въ капканъ попался!.."

Маркъ Петровичъ, войдя въ роль стараго гусара, про котораго разсказывалъ, засмѣялся-было при своихъ послѣднихъ словахъ, но, взглянувъ на Горунина, остановился.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, видя что тотъ, откинувшись на спинку кресла, находится какъ бы въ совершенномъ изнеможеніи.—Что съ вами?—повторилъ онъ.

— Ничего, ничего.— отвѣчалъ Горунинъ, пріободрясь.— Пожалуйста, продолжайте... Что потомъ съ нею было послѣ этого несчастнаго бѣгства?

— Видите, Александръ Васильевичъ, я не могу вамъ въ порядкѣ разсказывать; вѣдь я тамъ не былъ и не въ книжкѣ читалъ... Старикъ вѣдь тоже переходилъ отъ того къ другому, какъ къ слову придется. Она послѣ того сильно заболѣла. Ночь-то провела, ждала въ саду, на холодѣ, осенью. Мучить сталъ кашель. Тутъ старикъ, я вамъ скажу, былъ божествененъ. Просто въ какомъ-то историческомъ образѣ просіялъ. Лицо—совсѣмъ другое. Рѣчь—другая. Откуда сила взялась: „Вы, говоритъ, молоды, вы понять не можете, что такое родное дѣтище, да еще такое, смѣло могу сказать, необыкновенное созданіе! Словно свѣтъ какой она съ собой принесла... У меня, говоритъ, просто второе зрѣнье открылось..." Оно понятно, и люди-то съ ней пришли другіе; говорятъ, судитъ объ искусствѣ, о наукахъ... И въ Эрмитажъ, и по выставкамъ... „И вдругъ, говоритъ, тебѣ объявляютъ, что этотъ свѣтъ для тебя долженъ погаснуть... Погаснетъ, и все кругомъ погаснетъ, и будетъ тьма!.. И какъ, говоритъ, засѣла эта мысль, такъ вотъ, словно у тебя въ мозгу одна точка, и ноетъ, и ноетъ, словно кто тебя въ эту точку буравомъ сверлитъ..." Или: „Въ болѣзни-то, говоритъ, сижу около ея постели: лежитъ, какъ мраморная, покойница, да и только. Смотрю и думаю: „Что же я-то живу!" Вѣрьте, говоритъ, скажи мнѣ тогда, на самыя адскія муки иди—пойду! Какъ Богъ святъ, пойду, чтобы только жива была!" И я вамъ скажу: пошелъ бы!.. Мнѣ даже на него жутко было глядѣть. Думаю про себя: да, Маркъ Петровичъ, есть, братецъ, горе на свѣтѣ почище твоего!.. Ты-то что? Изъ-за фантазіи! А тутъ—кровь говоритъ!

— Однако... потомъ она поправилась?—едва могъ произнести задыхающимся голосомъ Горунинъ.

— Должно-быть, только долго болѣла. Въ Москву переѣхали. Лѣчили. Да вѣдь что жъ доктора? „Беречь надо, не раздражать, развлекать: такая болѣзнь, что малѣйшая простуда можетъ унести, хорошо бы въ теплый климатъ". Старикъ говоритъ, что ужъ тутъ онъ ни на кого не сталъ смотрѣть. Говоритъ женѣ: „Такъ нельзя, мы, молъ, дочь губимъ. Надо ѣхать въ Италію, да чтобы въ ней духъ поднять, такъ и скажемъ, что мы на все согласны, на театръ, такъ на театръ. Что, въ самомъ дѣлѣ? Поправится, такъ и съ Богомъ на театръ, куда угодно. Только, говоритъ, надо, чтобы это она отъ тебя самой слышала. Пойди ты къ ней и сама скажи". Мать-то, хоть и гордая дама, тоже вѣдь настрадалась. „Дѣлайте, говоритъ, что хотите, лишь бы только была жива да здорова", и пошла къ дочери. Онъ подождалъ немножко, говоритъ, не вытерпѣлъ, самъ пошелъ, потихонечку. Дверь-то пріотворена. „Вижу, говоритъ, сидятъ обѣ на постели, обнялись и плачутъ. Полно, говорю, нечего тутъ плакать! Поѣдемъ въ Италію, такую тамъ Зонтагъ покажемъ, что всѣ рты разинутъ". Та: „Папочка, папочка!"—и ручку протянула, обняла папочку, правой-то рукой мать, а лѣвой-то его, старика, да то того, то другого цѣлуетъ.

— Удивительная это вещь, — заключилъ Маркъ Петровичъ.—я вотъ вамъ разсказываю, а у меня у самого опять слезы!..

Горунинъ всталъ со своего мѣста, прошелся раза два по террасѣ и, остановись съ какимъ-то видомъ рѣшимости, спросилъ Марка Петровича:

— Неужели вы не запомнили, хоть какъ дѣвушку-то звали? Вѣдь отецъ поминалъ же ея имя, какъ разсказывалъ?

— Поминалъ, поминалъ,—отвѣчалъ Маркъ Петровичъ, потирая себѣ лобъ:—Соничка, Сашенька...

— Ниночка!..—подсказалъ тихо Горунинъ.

— Ниночка, Ниночка!—радостно воскликнулъ художникъ.— Такъ и есть! А я-то!..

— Ну-съ,—какъ бы съ рѣшительностью отчаянія произнесъ Горунинъ. — Значитъ, это она. Отецъ — Сергѣй Петровичъ Тарутинъ, мать — Марья Борисовна, дочь — Нина. А этотъ дуракъ, который хотѣлъ спасти ее, подбилъ бѣжать,— это я!..

Маркъ Петровичъ ошеломленъ былъ этимъ внезапнымъ откровеніемъ Горунина, котораго никакъ не ожидалъ. Онъ сталъ-было извиняться, что если бъ зналъ, что это такъ близко Горунина касается, то не сталъ бы говорить. Но Горунинъ его остановилъ.

— Что вамъ извиняться, дорогой Маркъ Петровичъ! Я знаю себѣ цѣну, и вы ее знаете! Сами видѣли... Духа у меня этого нѣтъ, что, вы говорите, васъ ведетъ, и сами не знаете куда, но всегда къ доброму и свѣтлому! Вѣры нѣтъ! Вы — художникъ, вы — идеалистъ, въ какой бы формѣ ни проявлялся этотъ идеализмъ, несмотря на всѣ ваши, какъ вы говорите, безобразія. У меня все это распатано. Въ другихъ, въ исторіи, въ искусствѣ все понимаю. Мало того: у самого хорошіе порывы, благородные есть, вся жизнь моя изъ нихъ состоитъ, да нѣтъ воли, нѣтъ силъ отдаться всѣмъ существомъ своимъ вдохновенію минуты, со слѣпою вѣрою, какъ вы въ этого добраго духа вашего!.. И начнешь съ благороднаго порыва, а кончишь какъ дуракъ, какъ подлецъ!

— Да полно вамъ на себя клеветать,—хотѣлъ-было остановить его Маркъ Петровичъ.

— Нѣтъ, Маркъ Петровичъ, эта чудная дѣвушка, о которой вы говорите,—теперь умирающая: вотъ мнѣ мой вѣчный укоръ—не грозная Немезида, нѣтъ, еще ужаснѣе—кроткая, тихо и безнадежно страдающая, можетъ-быть, даже и вѣроятно, прощающая! Вотъ гдѣ мнѣ вѣчный приговоръ, вотъ кара за всю мою жизнь, за всю мою безхарактерность... Вѣдь и та, которая заперла меня и подъ замкомъ продержала, и ту я хотѣлъ тоже спасти, тоже жертва моего великодушнаго порыва: не выдержалъ и самъ не знаю ужъ, какъ попался ей въ цѣпи!.. Но, извините меня, бросимъ всю эту гадость; я ужъ думалъ, что все это порвалъ, уѣхалъ за границу, началъ новую жизнь... Эхъ, всѣ-то мы, праздные туристы, что шатаемся по Европѣ и ищемъ, чѣмъ бы наполнить умъ и сердце, всѣ мы — разбредшіеся актеры какой-нибудь драмы, которую не называю трагедіей потому, что въ ней замѣшана всегда какая-нибудь пошлость. Скажите лучше, какъ вы застали Нину, какое она произвела на васъ впечатлѣніе?

— Я ужъ вамъ разсказалъ, какое впечатлѣніе,—отвѣчалъ Маркъ Петровичъ.—Засталъ ее, впрочемъ, въ хорошемъ видѣ. Вышло, однако, съ самаго начала для меня не совсѣмъ ловко. Старикъ говорилъ-говорилъ, вдругъ всталъ, взялъ шляпу и говоритъ мнѣ: „Послушайте, хотите сдѣлать удовольствіе, можетъ-быть, умирающей? Пойдемте къ ней со мною. Съ художникомъ поговорить — это ея первая страсть! Пойдемте, доброе дѣло сдѣлаете“. Я, какъ по приказанію, поднялся и пошелъ. „Вотъ, говоритъ, Ниночка, гостя тебѣ привелъ, художникъ... извините, — ко мнѣ обращается, — не знаю, какъ назвать?“ — Петровъ, говорю. — „Какой Петровъ?... скульп-

торъ? — спрашиваютъ:—Дѣвочка, что голубей кормитъ, пшеничку сыплетъ—это ваша статуя была на выставкѣ?"—Моя! И отецъ и дочь: „ахъ, ахъ!" Я посмотрѣлъ на себя: квадрочента на мнѣ не чищена, въ пятнахъ вся, чортъ знаетъ на что похожъ. Мать вышла, на меня посмотрѣла, нѣсколько словъ по-свѣтскому сказала, ушла; думаю, похвалила мужа, что такого чучелу привелъ. Онъ тоже посидѣлъ-посидѣлъ, надо пойти похлопотать гостя попотчевать, тоже ушелъ, нарочно ушелъ, насъ вдвоемъ оставилъ. Разумѣется, разговоръ объ искусствѣ завели. Я ей кое-что про себя разсказалъ. Знаете, точно мы съ ней вѣкъ были знакомы. Весело было. Она даже смѣялась, какъ я ей разныя свои приключенія разсказывалъ, про профессоровъ, про „Великаго" — у Брюллова одинъ его ученикъ былъ, журналъ свой велъ, такъ тамъ Карла Павловича по имени не писалъ, а только „Великій". Такъ, напримѣръ: „Сегодня Великій пустилъ въ меня палитрой — всего перепачкалъ!", или: „Сегодня Великій вернулся съ проводовъ со Средней Рогатки; оказался жаръ. Поилъ малиной". Журналъ, впрочемъ, очень интересный: всѣ сужденья Великаго были записаны; вѣдь умница былъ Карлъ Павлычъ. Да вдругъ я ей какъ-то и говорю: „Вѣдь вы сами артистка!". Смотрю,— вся веселость съ лица пропала, подняла на меня глаза и долго смотрѣла. Вижу: проступаютъ на нихъ слезы. „Была бы", говоритъ, и опустила голову, а слезы такъ и закапали. Вотъ это въ бюстѣ я и хотѣлъ выразить!

1891

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

О святыхъ московскихъ митрополитахъ

ПЕТРѢ и АЛЕКСѢ

и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ.

Кто бывалъ въ Москвѣ, тотъ ужъ, конечно, первымъ дѣломъ считалъ пойти въ московскій кремль, помолиться въ соборахъ Успенскомъ и Архангельскомъ на гробахъ прежнихъ великихъ князей и царей русскихъ и приложиться къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ московскихъ — митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Вотъ о первыхъ двухъ я и буду вамъ разсказывать.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется Спасъ-на-бору. Кругомъ горы были прикрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимирѣ-на-Клязьмѣ, и Владимиръ былъ столицею великихъ князей. Объѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ терему, надъ Москвою рѣкою, частенько долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются, татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

— Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю: есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны: въ даль не смотрятъ, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая — подъ татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и вздыхаютъ, а о томъ и не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ дѣтямъ и внукамъ совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изъ всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума ве-

ликаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали „Калита", полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и объѣзжалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыкѣ моей рукой написанную икону Успенія Божіей Матери: а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и каменьями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время, попустилъ Господь, игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую, и жезлъ, и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополію всея Руси. Значитъ, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царьграду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаваньс тихое; и пріѣхалъ и былъ посвященъ съ санъ митрополичій патріархомъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться и просить прощенія. И разсказалъ онъ, что, какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря, и всѣ думали, что ужъ погибнутъ. И вналъ онъ, Геронтій, якобы въ забытье; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: „напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ". И устрашился онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ, жизнь оставитъ, то, какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ и похищенную имъ утварь святительскую, и жезлъ, и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому они принадлежатъ по праву. И всѣ мы дивились неизреченному чуду: патріархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославляли Господа и молили, да не оскудѣетъ промыселъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица небесная подъ святой покровъ Свой твои благія начинанія. Ты же построй, во имя Ея, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что, если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надо всѣми русскими городами: святители послѣ меня будутъ жить въ немъ; руки его взыйдутъ на плещи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ.

Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ-быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его Московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую и части Новгородской и Нижегородской: а средняя Волга отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуги вся протекала ужъ по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію и обратно.

Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Москвѣ большую ярмарку; а какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ, тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси „тишина великая", — то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и сдѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ Орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита (1340 г.), а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Симеонъ уже сталъ именоваться великимъ княземъ всея Руси и гордо держалъ себя съ князьями и татарами. Можетъ-быть, и готовился онъ нанести Ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ въ 1353 году пришла въ Россію страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; цѣлыя области опустѣли; въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось ни одного человѣка. И самъ великій князь Симеонъ во цвѣтѣ лѣтъ и мужества заразился ею и умеръ. Но, умирая, передалъ престолъ брату Ивану Ивановичу и писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: „Слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобъ и — *свѣча не погасла*". А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча значитъ тутъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то-есть освобожденіе отъ татаръ.

Не погасла свѣча при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріѣ Ивановичѣ. Димитрій послѣ отца остался младенцемъ, но именемъ его управляли Русью бояре московскіе и главное св. митрополитъ Алексѣй. Они занимались дѣлами и въ Орду ѣздили; но былъ тогда еще святой мужъ, который, удалясь отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго въ тяжкихъ веригахъ передъ Господомъ подвизался, да благословитъ Богъ святое дѣло въ Москвѣ затѣянное, и строгою жизнью своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались къ нему князья и бояре—укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни; ученики разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народу валили къ его обители послушать его поученія. Мужъ этотъ былъ св. Сергій, изъ ростовскихъ бояръ. Особеннымъ другомъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Димитрія Ивановича, Владимиръ Андреевичъ, который во всей жизни своей поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Димитрія, чтобы престолъ московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну и не было смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужъ большую дорогу и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю своимъ умомъ. Никогда на Русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда, ни прежде ни послѣ, не построялось столько монастырей, какъ въ это время—отъ Петра митрополита и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ

чему-то великому. Митрополить Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію и самъ при жизни своей былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было излѣченіе три года болѣвшей глазами ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: „Слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Богу ни попроситъ, Богъ все даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами миръ; если же не отпустишь, прійду войною...“ Смутился св. Алексѣй. „Дѣло это превыше силъ моихъ“,—говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда ужъ св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія изготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую и лѣчить ее, горячо молиться Богу и кропить болящую святой водой. Богъ не оставилъ его молитвы, и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему изготовленныя ею ризы и перстень, и мѣсто, принадлежащее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила...

Эти-то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россіи, готова ли она помѣряться съ татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить, такая ли же она, какъ была за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, какъ въ первый разъ пришли татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины. Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ оцѣнить, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, начавъ подбирать земли русскія въ одне руки... Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамаева съ несмѣтной силой татарской. Теперь разскажу я вамъ, какъ это все было.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ въ Московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой-нибудь ханъ, тотчасъ начиналась страшная рѣзня; послѣ одного хана, Бербидека, сынъ его, напримѣръ, зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше, а случалось, что и по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Димитрія Ивановича въ Ордѣ появился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать на Россію, требуя дани, какъ при первыхъ ханахъ; но Димитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ. И какъ прибѣжали къ Мамаю разбитые его мурзы, онъ, какъ звѣрь, разъярился. „Ахъ, вы, холопы татарскіе,—кричалъ онъ,—видно, забыли времена Батыевы! Вотъ я вамъ ихъ напомню! Камня на камнѣ не оставлю, въ конецъ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху о немъ на землѣ не было“. И сталъ онъ собирать большое войско; пригналъ, кромѣ своихъ, и армянъ, и черкесовъ, и всякихъ другихъ азіатовъ, и всѣмъ говорилъ: „Потрудимся немного, и ужъ всѣ разбогатѣемъ отъ русскаго золота“. Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ перевалилъ за Волгу и потомъ за Донъ, и подходилъ уже къ землѣ Рязанской.

Въ нынѣшней Рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороной къ степямъ донскимъ, откуда и шли татары; другой стороной подходило оно къ Литвѣ, а рѣкой Окой отдѣлялось отъ княжества Московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить Московское государство. Рязанскій князь, находясь въ серединѣ между тремя силами, не зналъ, что ему дѣлать, чтобы спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю и Литвѣ, что будетъ на ихъ сторонѣ, да и Димитрія увѣдомилъ, что идетъ на него страшная орда татарская, и что идетъ она тихо, поджидая Литвы.

Извѣстіе это не могло не исполошить Москвы. Но тамъ давно ужъ словно ждали чего-нибудь такого: всѣ давно ужъ чувствовали, что нѣтъ-нѣтъ, а прійдется разсчитаться съ Ордою, и, казалось, для того силы ужъ понакопилось довольно. Отъ этого великій князь тотчасъ принялъ рѣшеніе не дожидать татаръ; напротивъ, положилъ не пустить ихъ въ свои земли, а скорѣе итти имъ навстрѣчу въ степи и не дать соединиться съ Литвою. И вотъ поскакали гонцы отъ Димитрія въ Новгородъ, и въ Псковъ, и къ тверскому князю, и къ подручнымъ князьямъ, и по городамъ, и по боярскимъ вотчинамъ, и по всѣмъ деревнямъ, чтобы всѣ, кто годенъ на службу, выходили постоять за землю Русскую, за вѣру православную. Тогда еще не было такой арміи, какъ теперь; теперь государь отдастъ по телеграфу приказъ, и приказъ въ ту же минуту получится въ каждомъ полку; бьютъ тревогу, и полки, готовые, обученные и вооруженные, тотчасъ же выступаютъ въ походъ; тѣ летятъ на подводахъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ. Но въ тѣ времена такихъ полковъ солдатскихъ не было. Отъ князей раздавались боярамъ и дворянамъ помѣстья съ тѣмъ, чтобы они изъ крестьянъ и всякихъ людей выбирали молодцовъ, обучали ихъ ратному дѣлу, пріучали ихъ къ оружію и къ пѣшему и къ конному строю; и какъ получатъ гонца, тотчасъ бы забирали хлѣба и шли бы на сборное мѣсто. И по городамъ былъ такой же урядъ; тамъ сидѣли княжескіе посводы. Огнестрѣльнаго оружія, ружей и пушекъ тогда тоже еще не было, а сражались копьями, мечами, саблями, рогатинами, палицами и пускали изъ луковъ стрѣлы. Когда соберутся такимъ образомъ отряды по областямъ, тогда большой боярин или подручный князь ведетъ свое войско или въ Москву, или куда великимъ княземъ указано. Тутъ ужъ ихъ расписываютъ по полкамъ: кому быть въ большомъ полку, кому въ передовомъ, въ правой или лѣвой рукѣ. Конница отдѣльно, пѣхота отдѣльно. Дорогъ большихъ въ тѣ времена еще было мало и были плохи, а больше всего ходили на стругахъ по рѣкамъ, конница шла берегомъ, зимою шли по льду. На сей разъ войску великій князь велѣлъ собираться въ Коломнѣ.

Такъ по слову великаго князя Димитрія Ивановича ударили въ набатъ по всему его государству, возгласили въ церквахъ, что часъ пришелъ, въ онь же Господь даруетъ спасеніе Руси отъ тяжелой неволи татарской; раздался стукъ оружія, потянулись къ Коломнѣ со всѣхъ сторонъ ополченія. Въ Москвѣ, на рѣкѣ — то и дѣло трубили трубы, возвѣщавшія проходъ дружинъ. Подходили на судахъ, подходили и пѣшіе и конные, благословлялъ ихъ и кропилъ святою водою митрополитъ Кипріанъ, и направлялись они къ Коломнѣ, куда между тѣмъ подходили и другія войска по Окѣ, и сверху и снизу. Урядивши все съ боярами и князьями, великій князь передъ отъѣздомъ на войну поѣхалъ благословиться на великій подвигъ къ Сергію: все-таки ему страшно было, чтобы, въ случаѣ неудачи, не потерять того, надъ чѣмъ трудились его отецъ, дядя и дѣдъ. Но Сергій словомъ своимъ утѣшилъ

колебанія его души и предрекъ ему побѣду; пригласилъ на трапезу и далъ ему отъ себя двухъ мужей, уже схиму пріявшихъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослабю. Они въ міру были знаменитые витязи; преподобный повелѣлъ имъ снова надѣть бранные доспѣхи и нашилъ кресты на схимы ихъ, сказавъ: „Сіе будетъ вамъ крѣпче всякихъ шеломовъ".

Съѣздивъ къ Сергію, Димитрій простился съ семействомъ своимъ и поѣхалъ въ Коломну, куда уже собралось 150.000 войска. Это было войско только его государства да подручныхъ ему князей; ни тверской князь, ни Псковъ, ни Новгородъ не прислали ему помощи. Псковичи и новгородцы отговаривались потомъ, что все равно не поспѣли бы. За то пришли два племянника литовскаго князя съ крѣпкой дружиной полоцкой и брянской; хотя и были они родомъ литвины, но были православные и, кажется, были женаты на русскихъ княжнахъ. 20-го августа Димитрій выступилъ изъ Коломны. Шли Окой до рѣки Лопасны и повернули къ Дону; 6-го сентября подошли къ Дону, а 7-го перешли его и стали близъ рѣчки Непрядвы на отлогихъ высотахъ, откуда открывалось обширное поле Куликово. Несмѣтная рать татарская уже видна была съ другой стороны поля, гдѣ возвышалась гора: на горѣ стоялъ самъ Мамай. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, устраивалъ ихъ, указалъ, гдѣ стоять большому полку, гдѣ сторожевому; а двоюроднаго брата и вѣрнаго друга своего Владимира Андреевича, князя серпуховскаго, поставилъ скрытно за лѣсомъ въ засадѣ, наказывая ему ударить въ тылъ татарамъ, когда они начнутъ одолѣвать. Любо было смотрѣть Димитрію на свое воинство. Весело вѣяли знамена; князья, бояре и воеводы стояли при полкахъ своихъ или, устраивая ихъ, носились на лихихъ коняхъ съ золоченой сбруей, на богатыхъ сѣдлахъ, имѣя на головахъ золотые и серебряные шлемы, желѣзныя кольчуги на груди. Ратники, готовясь къ бою, всѣ, какъ бы идя къ святому причастію, одѣли бѣлыя рубахи и лучшія одежды: всѣ рады были за Христа и святую Русь испить чашу смертную. И вотъ въ этотъ же часъ подоспѣлъ отъ св. Сергія посланецъ-инокъ и привезъ отъ него Димитрію просфору и благословеніе войску. Склонились знамена, сняли шеломы воины, перекрестились, и шопотъ молитвы побѣжалъ по рядамъ.

Наступила ночь. Воины прилегли на ночлегъ. Ночь эта приходилась подъ Рождество Богородицы, была тихая, звѣздная; только съ одной стороны неба подымалась мгла, предвѣщавшая на утро туманъ. Великая была эта ночь: много потомъ разсказывалось чуднаго, что подъ покровомъ ея совершилось. Димитрій, удалясь въ шатеръ свой, то молился, то высылалъ сдѣлать какое-нибудь распоряженіе. Ему не спалось: очень онъ чувствовалъ, что завтрашній день одинъ онъ въ отвѣтѣ за судьбы Россіи... Не спалось и многимъ ратнымъ людямъ и военачальникамъ. Былъ между прочими у Димитрія знаменитый боярин, пришелъ онъ къ нему изъ южной Руси съ Волыни, именемъ Боброкъ. Ночью онъ поѣхалъ по рядамъ, а въ полночь заѣхалъ къ великому князю, видя у него свѣтъ. Боброкъ понималъ его безпокойство и хотѣлъ сообщить ему свои кой-какія добрыя примѣты о завтрашнемъ днѣ. Онъ приглашалъ князя сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ. Сѣли они на коней, выѣхали изъ лагеря и поскакали по полю Куликову; на серединѣ между русскихъ и татарскихъ полковъ Боброкъ остановился. „Слушай и скажи, что ты услышишь на татарской сторонѣ",—сказалъ онъ князю. Прислушался великій князь и отвѣчалъ: „Слышу стукъ и кликъ, словно базаръ идетъ; слышу еще, словно волки воютъ и птицы летаютъ, вороны каркаютъ и орлы клекчутъ". — „Послушай теперь на русскую сторону",—сказалъ Боброкъ. Димитрій послушалъ и сказалъ: „Тишина

великая, только отъ огней словно зарево". —„Знаменья добрыя,—объяснилъ Бобровъ:—вотъ что это значитъ: что волки воютъ и птицы степныя въ непривычную пору исполошились—значитъ, чуютъ добычу, быть великому побоищу. Шумъ со стороны татаръ значитъ нестроеніе, тишина съ нашей стороны—порядокъ и благодать Божія въ сердцахъ людей, а гдѣ благодать Божія, тамъ и побѣда... Есть у меня и другія примѣты, и по нимъ выходитъ, что будетъ тебѣ на врага сдолѣніе, но много падетъ воинства христіанскаго..."

Разъѣхались они по своимъ шатрамъ; воины спали въ полѣ. Иноки Сергіевы подъ открытымъ небомъ всю ночь стояли на молитвѣ надъ спящимъ лагеремъ. Но не всѣмъ воинамъ спалось. Съ нѣкоторыми приключилось нѣчто такое, что они, потолковавъ съ товарищами, рѣшили прямо пойти къ великому князю и объявить ему. И докладываютъ Димитрію, что трое ратниковъ пришли къ нему за очень важнымъ дѣломъ, и велѣлъ ихъ допустить великій князь. И сталъ одинъ разсказывать: „Меня зовутъ Ѳома Кощогей: стоялъ я въ сторожевыхъ противъ татарскаго стана, и было мнѣ видѣнье: отъ восточной стороны, вижу я, идетъ словно воинство великое: вдругъ на это воинство съ полуденной стороны идутъ два свѣтлые юноши въ доспѣхахъ воинскихъ и съ мечами; и начали они воинство это рубить и словно восклицали: „Кто вамъ велѣлъ погубляти отечество наше?" И кого изрубили, а прочихъ отогнали".—„А мы,—сталъ разсказывать другой,—прилегли-было; и вдругъ я взглянулъ на небо и вижу, что въ воздухѣ со стороны степи идетъ словно великое множество черныхъ эѳіоповъ на коняхъ и на колесницахъ, и вдругъ появился словно изъ святительскихъ ризахъ мужъ съ огненнымъ жезломъ въ рукѣ и тоже словно воскликнулъ: „Почто пришли вы погублять стадо мое", и устремился на нихъ съ жезломъ своимъ, и всѣхъ ихъ разогналъ. Я толкнулъ товарища, онъ тоже увидалъ и сказалъ мнѣ: „Это не кто иной, какъ угодникъ Божій святый Петръ митрополитъ". И оба мы испугались, и пока толковали, подходитъ къ намъ Ѳома Кощогей и разсказалъ, что ему привидѣлось. Мы и положили о такомъ дѣлѣ прямо пойти и доложить тебѣ". И выслушалъ ихъ великій князь, перекрестился и сказалъ: „Пращуру моему св. Александру Невскому помогли побѣдить шведскую рать святые угодники Божіи, убіенные нечестивымъ Святополкомъ, благовѣрные князья святые Борисъ и Глѣбъ; не они ли подвигались и нынѣ намъ на спасеніе? А святый Петръ митрополитъ неусыпно молится за Русь передъ престоломъ Всевышняго. Помолимся и мы имъ, братья, чтобы помогли они намъ въ сей великій день. Ступайте теперь съ Богомъ, отдохните и никому не разсказывайте, что видѣли".

Прошла таинственная ночь. Жаркая утренняя молитва укрѣпила духъ воиновъ; всѣ стали по своимъ мѣстамъ. Но густой осенній туманъ покрывалъ поле. Димитрій взъѣзжалъ на холмы, но тщетно сквозь туманъ старался оглядѣть войско свое и поле, гдѣ должна была рѣшиться судьба дня. Въ девятомъ часу утра потянулъ наконецъ вѣтерокъ, прогналъ солнце, и сквозь уносящійся клубами туманъ открылось Димитрію на далекое пространство сверкающее оружіемъ, въ порядкѣ, съ распущенными знаменами стоящее, его воинство. Туманъ совсѣмъ разсѣялся, и увидѣлъ великій князь, что съ противоположной стороны на горѣ стоитъ высокій шатеръ Мамаевъ. Словно чудовищная птица подняла свою голову и смотритъ на русскую рать и широко развернула свои темныя крылья. Это была рать татарская, которая, какъ тѣнь отъ тучи, подвигалась на полѣ Куликовомъ на русское войско. Казалось Димитрію, что полкамъ татарскимъ и конца нѣтъ, и что ихъ вдвое многочисленнѣе русскихъ... Двинулись и наши; обѣ рати начали становиться одна про-

тивъ другой. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, увѣщавалъ воиновъ постоять за землю Русскую, за вѣру православную. „Памятуйте, братцы,— говорилъ онъ,— теперь вся Русь за насъ молится; святые угодники и чудотворцы россійскіе надъ нами бодрствуютъ, а преподобный Сергій прислалъ намъ вчера же предреченіе побѣды"... Ужъ нѣсколько коней притомилъ онъ и пересаживался на свѣжаго. Онъ былъ высокаго роста, тученъ тѣломъ, лицо имѣлъ открытое, черные волосы и окладистую черную бороду. Наконецъ подъѣхалъ онъ къ ставкѣ своей, гдѣ стояло большое великокняжеское черное знамя, и стали бояре и воеводы уговаривать его остаться тутъ въ безопасномъ мѣстѣ, за густыми рядами войска. „Нѣтъ,—отвѣчалъ Димитрій,—я хочу быть впереди, а если вы опасаетесь, что войско, не видя меня подъ чернымъ знаменемъ, усомнится, то пусть одѣнетъ кто-нибудь изъ васъ мои великокняжескія одежды и станетъ въ серединѣ полковъ, подъ моимъ чернымъ знаменемъ: пускай войска и принимаютъ его за меня; меня же не удерживайте: на мнѣ былъ починъ, мнѣ и отвѣтъ за все дѣло. Мнѣ и биться въ передовыхъ". И вызвалъ онъ своего любимаго боярина Бренка и сказалъ ему: „Ты, Бренокъ, всегда твердъ и спокоенъ; я же горячъ: ты, пожалуй, и лучше меня сумѣешь распорядиться, когда пойдетъ свалка". И надѣлъ онъ на Бренка, своего боярина, свои одежды, а самъ, переодѣвшись простымъ воиномъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ кованыхъ латахъ, отправился въ передовую дружину.

Войска между тѣмъ стояли ужъ близко другъ противъ друга. Изъ татарскихъ полковъ выѣхалъ огромнаго роста богатырь, широкій въ плечахъ и свирѣпаго вида; ѣздилъ онъ и насмѣхался надъ русскими полками, вызывая на единоборство охотниковъ и думаясь, что никто не осмѣлливался. И увидалъ его Сергіевъ инокъ Пересвѣтъ. „Не смущайтесь, братцы,—крикнулъ онъ своимъ:—великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его! Перевѣдаюсь-ка я съ нечестивцемъ",—сказалъ онъ и понесся на него на конѣ своемъ,—самъ тоже высокаго роста, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, имѣя на шлемѣ своемъ черную схиму съ нашитымъ на ней рукою святого Сергія бѣлымъ крестомъ. Разъѣхались они на коняхъ и потомъ понеслись другъ на друга: ударъ былъ такъ силенъ, что оба пали мертвые, а равно и кони ихъ.

Тогда Димитрій сказалъ: „Сіе мѣсто буди намъ гробъ за имя Христово и за вѣру христіанскую! Впередъ!" И полки наши бросились на татаръ, и заволновалось все поле Куликово; и густая пыль поднялась надъ всѣмъ полемъ и скрыла то страшное, что на немъ происходило...

Двоюродный братъ Димитріевъ Владимиръ Андреевичъ да воевода Боброкъ, тотъ самый, что ночью пріѣхалъ къ великому князю, стояли въ засадѣ въ скрытомъ мѣстѣ за лѣсомъ и смотрѣли на битву; пыль закрывала передъ ними поле и не позволяла видѣть, кто одолѣваетъ; слышали только отдаленный гудъ сѣчи, словно реветъ невидимое море, стонъ стоитъ въ воздухѣ, а земля гудитъ. Жутко имъ было. Прошелъ второй и третій часъ; стало Владимиру примѣтно, что татарская сила словно все впередъ подается, и бой все углубляется въ нашу сторону. „Что же, братъ, попусту стоимъ мы,—сказалъ наконецъ Владимиръ Боброку:—пожалуй, намъ и помогать будетъ некому, какъ всѣ наши полягутъ мертвые". Въ это время потянулъ имъ въ лицо вѣтеръ съ поля битвы и понесъ густую пыль имъ въ глаза. „Погоди еще",—отвѣчалъ Боброкъ. Не хотѣлъ онъ ударить, потому что изъ-за пыли нельзя было вѣрно разсмотрѣть, гдѣ наши, гдѣ татары. Пожалуй бы ринулись наудачу, наткнулись бы на своихъ. Но вотъ въ три часа вѣтеръ подулъ въ тылъ нашей засадѣ и попріоткрылъ передъ Владимиромъ и Боброкомъ завѣсу пыли. Глянулъ Боброкъ и кликнулъ: „Ну, князь, теперь

насталъ часъ! Съ Богомъ теперь, братцы!" И съ крикомъ весь отрядъ кинулся въ свалку.

Татары къ тому часу почти совсѣмъ ужъ одолѣли нашу рать и, вдругъ увидѣвъ свѣжіе полки, выходящіе изъ-за лѣсу и съ горъ на нихъ несущіеся, подумали, что „вотъ оно главное-то войско русское! дали намъ русскіе поутомиться, а сами лучшихъ князей и воеводъ спрятали да берегли, и теперь выпускаютъ на насъ, когда ужъ мы устали, когда кони наши и руки наши уже оцѣпенѣли и оружіе иступилось"... И стали они кидать мечи и копья, и побѣжали назадъ. Ободрились наши и присоединились къ Владимирову отряду, налегли на татаръ, и давай рубить бѣгущихъ. Увидѣлъ съ возвышенія Мамай, что дрогнули силы его, и что въ полѣ Куликовомъ словно волна назадъ отхлынула и быстро-быстро на него самого несется, самъ поскорѣй сѣлъ на коня, и шатеръ свой бросилъ, и побѣжалъ. Князь Владимиръ съ Боброкомъ, со всѣми своими полками скачутъ, и бьютъ, и рубятъ; встрѣтилась рѣка Мечи, бросились татары вплавь, и многое множество ихъ потонуло отъ страха великаго и русскихъ мечей.

Тутъ на рѣкѣ Мечѣ остановили коней своихъ Владимиръ и Боброкъ и повернули полки назадъ; видѣли, что сила татарская, яко снѣгъ, растаяла, яко дымъ, разсѣялась; захотѣли посмотрѣть, что сталось съ главнымъ войскомъ русскимъ. Направились они къ ставкѣ великокняжеской; ѣхали по трупамъ: на десять верстъ лежали мертвые и раненые. Сперва встрѣчались всѣ тѣла татарскія, потомъ татарскія и русскія; что дальше, то гуще—гдѣ рядами, словно сѣно скошенное, гдѣ кучами, какъ копны, и конскіе и человѣческіе трупы; смѣшались тѣла христіанскія съ тѣлами татарскими, и кровь христіанская смѣшалась съ татарскою. Испуганные кони безъ всадниковъ носились по полю; стонали раненые и молили о помощи. Видно, что тѣсно было поле Куликово, и негдѣ было развернуться обоимъ воинствамъ, рубились и рѣзались зло, въ тѣснотѣ и давкѣ. Пробрался наконецъ Владимиръ со своей дружиной къ ставкѣ великокняжеской; тутъ, видно, бой былъ упорный: черное знамя лежало подрубленно, подъ нимъ изрубленный же въ великокняжескихъ доспѣхахъ лежитъ боярин Бренокъ. А самого великаго князя нѣтъ нигдѣ. Сталъ Владимиръ „на костяхъ" и приказалъ трубить въ трубы. Громко раздались трубы въ умолкшемъ полѣ Куликовомъ, и стали со всѣхъ сторонъ подходить оставшіеся въ живыхъ ратники, и кучками и по одиночкѣ, и цѣлые и раненые, кто могъ ходить. Но великаго князя не было. Стали разспрашивать воиновъ: одни говорили, что видѣли, какъ подъ нимъ былъ убитъ конь и онъ садился на другого; кто говорилъ, что это онъ пересаживался ужъ на третьяго коня; иной сказывалъ, что видѣлъ его раненаго въ трупахъ; другой говорилъ: „Я видѣлъ, какъ на него напало четверо татаръ, онъ бился и побѣжалъ. Я бросился къ нему на помощь, да на самого меня наскочило трое татаръ". Приказалъ Владимиръ вездѣ искать его и самъ поѣхалъ. И вотъ два костромича, Ѳедоръ Морозовъ да Ѳедоръ же Хлоповъ, нашли его при опушкѣ лѣса лежащимъ подъ только-что срубленнымъ деревомъ. Латы его всѣ были изсѣчены, избиты и измяты, весь онъ былъ кровью обрызганъ, но самъ еще живъ, только въ безпамятствѣ: видно, напали его въ полѣ въ безчувствіи какіе-нибудь воины, приняли за убитаго и по обычаю, до сихъ поръ сохраняющемуся, срубили дерево и прикрыли князя его вѣтвями. И, должно-быть, сами спасители его потомъ убиты были, потому что никто не могъ разсказать, какъ Димитрій въ обморокѣ могъ очутиться подъ прикрытіемъ: но не разъ, должно-быть, Димитрій молился потомъ за своихъ безвѣстныхъ спасителей.

Окликнулъ Владимиръ и привелъ въ чувство Димитрія, своего возлю-

бленнаго двоюроднаго брата: „Братъ милый! на насъ милость Господня, мы побѣдили!“—„Кто говоритъ мнѣ?“—томнымъ голосомъ спросилъ Димитрій и, очнувшись, увидѣлъ радостныя лица воиновъ, поднялся на ноги, обнялъ брата и возблагодарилъ Господа за побѣду. Ранъ на немъ не оказалось; должно-быть, онъ былъ ошеломленъ сильнымъ ударомъ въ голову. И поѣхалъ обозрѣвать поле Куликово и отыскивать, нѣтъ ли еще живыхъ между мертвыми. Нашли тѣло Пересвѣта подлѣ богатыря татарскаго, нашли восемь князей бѣлозерскихъ; всѣ лежали убитые другъ подлѣ друга... и много другихъ князей и бояръ, и когда стали считать живыхъ, изъ всего войска насчитали только 40,000. Поплакавъ надъ павшими, великій князь сказалъ живымъ: „Господа, и отцы, и братья, и чада мои! Благодарю васъ ото всей земли, что столько потрудились и славно послужили ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моей отчизнѣ на великомъ княженьи, на Москвѣ, всѣхъ одарю васъ и пожалую. А теперь похоронимте братьевъ нашихъ, пріявшихъ на полѣ семь вѣнцы мученическіе“. И простоялъ Димитрій тамъ на полѣ Куликовомъ еще восемь дней, пока разбирали тѣла убитыхъ, и, отслуживъ наконецъ по всѣмъ панихиду, поднялся онъ домой, въ Москву. Въ Коломнѣ епископъ, духовенство, всѣ люди встрѣтили его съ крестами и иконами; по дорогѣ вездѣ высыпалъ ему навстрѣчу народъ и со слезами называлъ его спасителемъ земли Русской: въ Москвѣ такая же встрѣча ожидала его и брата его Владимира Андреевича, и все воинство; со всѣхъ церквей ударили колокола, далеко за городъ вышли митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ св. соборомъ, семейства княжескія, народъ, жены и дѣти... Митрополиту Алексѣю не суждено было видѣть этого торжества, къ пріуготовленію котораго много потрудился и онъ: онъ преставился въ 1378 г., за два года до нашествія Мамая, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополичьей каѳедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился святыхъ даровъ, о великомъ князѣ, о всѣхъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ помолился, далъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и угасъ. Вступивъ въ Москву, Димитрій прямо направился въ Успенскій соборъ поклониться иконѣ Успенія Божіей Матери, писанной митрополитомъ Петромъ, и гробамъ святителей Петра и Алексѣя. Потомъ тотчасъ уѣхалъ къ Сергію и одарилъ монастырь вотчинами, и, возвратясь въ Москву, задалъ пиръ всѣмъ своимъ сподвижникамъ. Веселіе было великое. Всѣ славили Бога и Димитрія Ивановича и, приравнивая его къ Александру Невскому, назвали его Донскимъ, какъ того Невскимъ, а брата его, Владимира Андреевича—Храбрымъ. Такъ за ними эти прозвища и остались на послѣдующія времена. Такое же пированіе пошло и по всему Московскому государству: вездѣ чествовали возвратившихся въ живыхъ ратниковъ, какъ побѣдителей. Плакали по убіеннымъ, но утѣшались тѣмъ, что всѣ они приняли вѣнцы мученическіе. Одинъ ратникъ разсказывалъ, что онъ во время битвы, когда татары ломили главныя силы наши, впалъ якобы въ изступленіе и видѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ, съ неба сходящихъ на убіенныхъ христіанъ. И было тогда установлено на вѣчныя времена праздновать память сложившихъ животъ свой на Куликовомъ полѣ, въ Дмитровскую субботу. Очнулась Русская земля, и высоко поднялъ голову народъ по всей державѣ Московскаго великаго княжества, впервые ощутивъ свою силу и почуявъ на себѣ благословеніе Божіе.

Но съ пораженіемъ Мамая еще не кончились наши бѣды отъ татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама-то Русь еще не вошла во всю свою силу: въ роковую годину—Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще

разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его высылала изнутри себя страшныя орды, страшныхъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое подходили подъ самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ Рязанской землѣ и повернулъ назадъ, устрашенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣніемъ. Это было уже при сынѣ Димитрія Донского. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужъ онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возитъ его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ: и что идетъ онъ на насъ въ страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами... Переполохъ былъ великій; войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной; послали во Владиміръ перенести въ Москву икону Владимирской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на вшествіе ея въ Москву Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему златыми жезлами своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи стоитъ благолѣпная жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И поутру страшный завоеватель, до сихъ поръ не вѣдавшій преградъ въ пути своемъ, повернулъ назадъ отъ предѣловъ россійскихъ въ степи. Окончательно избавились мы отъ грозы татарской только при правнукѣ Димитрія Донского, Иванѣ III Васильевичѣ, но при немъ уже почти вся Русская земля на сѣверѣ была собрана подъ его руку: и Тверь, и Новгородъ, да скоро потомъ и Псковъ, и Рязань.

1869.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

(Начало восточнаго вопроса).

I. Взятіе турками Константинополя.—II. Москва—третій Римъ.—III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе мусульманскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго.—IV. Завоеваніе Сибири.

I.

Взятіе турками Константинополя.

Изстари, какъ только крестилась Русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами: съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и сербы—того же славянскаго племени, какъ и русскіе; языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужъ переложено на славянскій языкъ, и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ же болгаръ и сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На Руси всегда знали, что въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и греческими и читались и заучивались грамотными людьми. Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т.-е. церковь болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи) и наша, всѣ православныя, были между собою какъ сестры, процвѣтшія подъ сѣнью общей матери своей—церкви константинопольской.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости

и въ дѣлахъ вѣры и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, въ знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италіи, и это считается первый Римъ. Разсказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ: тамъ росли высокіе кипарисы, и круглый годъ цвѣли розаны; небо всегда ясное, воздухъ теплый: а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходить корабли. Константинъ Великій заложилъ стѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты, и въ короткое время, на семъ прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы, священные для христіанъ. Во храмы свезены были и хранились Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго, св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда біенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Въ теченіе времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ, и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святынь и чудесъ его, и въ изумленіи прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило — и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житья тамошнихъ моваховъ, особенно на святой горѣ Аѳонской, неподалеку отъ Константинополя; у русскихъ тамъ былъ, и теперь есть свой русскій монастырь Св. Пантелеймона и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города: дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него, какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ человѣка, богоизбраннаго поборника и защитника святой церкви. Они свободно допускаемы были къ патріарху и, принявъ его благословленіе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепетъ храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что, „когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ“. Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя — Константинополемъ, т.-е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его — Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста — Византіей. Таковъ

онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другого.

И вотъ въ теченіе времени все хуже и хуже стали приходить въ Москву вѣсти изъ Греческой земли, изъ Сербской и изъ Волошской— вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ турки. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ разсказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель: что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на турокъ и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Косово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ предаться туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ, и вонзилъ его прямо въ сердце султана. Видя это, турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь его не принесла пользы сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета и одолѣли сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ: почти все войско его пало; царство Сербское покорено турками, а на Косовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго на соборъ для соединенія церквей восточной и западной, съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италіи. Многіе греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя церквами, что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и единъ пастырь; а кто же этотъ пастырь,—оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на ектеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Димитрія Донского, Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ, но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ соединеніе церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь казналъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за Флорентійскаго собора. Пріѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ

крикомъ: „вѣру продали!“. Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ—и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ цареградской церкви и во всемъ греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т.-е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ турками, что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ, что храмы константинопольскіе (самый храмъ Св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта привела всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ на поученіе и радость вселенной и на обличеніе и посрамленіе враговъ церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана та церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго и многихъ другихъ просвѣщала всѣ другія православныя церкви и была живой хранительницей святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало ли свѣтопрестановленія? И, словно стадо разсѣянное, пошли скитальцами греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ собирались люди, и всѣмъ они разсказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣхъ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ грековъ, а съ ними и болгаръ и сербовъ, потянулось къ Москвѣ и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и посильная милостыня. Страданіе ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились, и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаяніемъ, а многое множество ихъ братій влачитъ дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ-либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ татары брали русскіе города, какъ народъ и князья его сражались и умирали въ бою съ невѣрными, и всѣ разспрашивали у грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И греки разсказывали:

„У нашего императора Константина Палеолога было всего 8.000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царьградѣ и пять мѣсяцевъ бился противъ 280.000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами: только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то греки успѣютъ ночью исправить. Палитъ онъ, да вдругъ какъ ударятъ во всемъ лагерѣ въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ дуды и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и дѣстницами бросятся турки на приступъ, и тутъ ужъ Богъ знаетъ, что дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ, какъ пелена, лежитъ

надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачъ и рыданіе женъ и дѣтей; и съ турецкой стороны—зурны, флейты и барабаны, а съ греческой, изъ города, звонъ колоколовъ съ церквей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять мѣсяцевъ сряду греки, хотя и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу на 60 волахъ огромную пушку вѣсомъ въ 1.900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты попадало въ цѣль, и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась, и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухсотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т.-е. въ самую гавань царьградскую, ввести свои корабли и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетащить корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазывая ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужъ съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ, и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняя храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ въ городъ и прямо къ Св. Софіи; туда ворвались ужъ турки, и шла рѣзня. Султанъ вошелъ въ храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по-турецки, т.-е. поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ и своимъ муллахъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Они бились, какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подъѣхалъ онъ къ Св. Софіи, вошелъ во храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми, и многимъ духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патріархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ, и сказалъ при этомъ: „Простите, православные христіане! видно, часъ мой пришелъ испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели турки возьмутъ меня живого въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ въ бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ и вѣчнаго рабства народу не будетъ. Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою". За симъ онъ причастился св. таинъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора бьющимся съ турками во вратахъ градскихъ, и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ украшеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ непремѣнно отыскать голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество и греческихъ и турецкихъ; стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они разсмотрѣли, точно ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: „Она и есть глава царева". Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебря-

ный ковчежецъ и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ Св. Софіи".

Много страшнаго и чудеснаго разсказывали греки. Говорили, между прочимъ, что въ ночь передъ послѣднимъ трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память строителя града св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполъ, что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо—и словно растворились двери небесныя и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенные о томъ, что это значитъ, патріархъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія, и съ нею ангелъ Господень, данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему, въ сію нощь отошедшая на небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предастъ нынѣ градъ въ руки враговъ.

Въ Москву къ великому князю стали постоянно пріѣзжать знатные ученые изъ грековъ, и сербовъ, и болгаръ. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали и разсуждали подробно, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объясняли: „Всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что сызначала, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ разослалъ свв. апостоловъ по всей землѣ проповѣдывать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою и въ случаѣ какихъ неустройствъ собираться на вселенскіе соборы и соборнѣ постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правое ученіе. И такъ продолжалося въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстникомъ Іисуса Христа и сталъ требовать, чтобы вся вселенская церковь признала его главою и повелителемъ. И церкви британская, и галльская, и германская, и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ нѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и нарекъ римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: „Будь ты мнѣ правою рукою и приведи ты подъ власть мою всю землю". Накинулись они на славянскія царства, исповѣдывавшія греческую вѣру по книгамъ свв. Кирилла и Меѳодія, и гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ успѣли оттягнуть отъ единыя православныя вселенскія церкви въ свое стадо изъ общей единой семьи славянской чеховъ, моравянъ и поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались о вѣрныхъ отеческой церкви сербовъ, болгаръ, грековъ и русскихъ. И отъ того возненавидѣли папы все восточное христіанство. И какихъ бѣдъ они ему не причинили! Когда проявился Магометъ, и пошли мусульмане огнемъ и мечомъ, обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Іерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень, и ополчилось противъ нихъ все христіанство,—папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ и учредили тамъ свою Латинскую имперію, и были намъ хуже турокъ, потому что турки все-таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдывать, а латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ. Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечомъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у латышей и эстовъ, у литовцевъ и у васъ, русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками. На-

нимъ законнымъ императорамъ удалось-таки отнять опять Царьградъ и выгнать латинянъ, а у насъ, сами вы знаете, наши князья св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей природную-то Русскую землю!

„Грѣхъ нашъ великій въ томъ и есть, — продолжали бесѣдовать греки,—что мы, греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе; вмѣсто того, чтобы самимъ крѣпко биться съ латинянами, вызвали мы турокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселились въ нашихъ земляхъ; латиняне и стали ихъ наусыкивать на насъ, думая, что, какъ потѣснятъ насъ турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощью. Турки покорили Болгарію, Сербію, и отъ Греческой имперіи остались только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалѣютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры отказаться и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи, въ Италіи, куда и отъ насъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ и даже духовныхъ согласились-было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче покойный императоръ Константинъ Палеологъ: всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: „Лучше турки, чѣмъ латины!.." Взяли турки Царьградъ, папы и думаютъ, что ужъ теперь-то насъ, православныхъ, сломятъ, и говорятъ и пишутъ намъ: „Видите ли вы, неразумные греки, до чего доведо васъ ваше упорство—не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ, вы стали рабами поганыхъ: наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзьбою и письмомъ, ваши храмы ободраны и поруганы, негдѣ вамъ и помолиться-то! Ужели не видите, что Богъ по гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лицо Свое?! Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы — папа и проститъ васъ, и повелитъ королей своихъ выгнать турокъ изъ вашей земли, и будете вы спасены". Но и въ невзгодѣ и въ бѣдствіи мы отвѣчали папѣ: „Судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кару; но мы согласны скорѣе претерпѣть всѣческія муки отъ турокъ, чѣмъ душу погубить: отъ истинной вѣры отречься — и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ; здѣсь на землѣ установилъ Онъ Свою апостольскую церковь, во главу ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Іисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ церкви пребывая и животворя ее, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ св. соборовъ. Человѣкъ ты еси и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ; Духъ же Святой, въ церкви пребывающій, вѣченъ, и незыблемъ, и премудрости исполненъ.

„Такова-то, государи, несчастное положеніе наше,—говорили греки.— И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святые храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ Софіи, и снова огласитъ его ангельское пѣніе, и послышатся въ немъ словеса Бога живого?"

И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы, и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ре-

тивое на защиту православія: но, окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью татаръ, а другая половина Руси во власти у латинянъ, у Литвы и Польши: да если бы и пойти русскимъ отбивать Царьградъ для грековъ, то пришлось бы въ одно время воевать и съ турками и съ латинянами, которые не потерпятъ, чтобъ православіе опять возсіяло на Востокѣ... „Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ, — съ горестью говорили наши грекамъ,—остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его".

„Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцемъ умудряетъ, — отвѣчали греки:—а наша вся надежда только на васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что записано: когда св. Константинъ Великій избиралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій, — и на змія низпалъ съ неба орелъ и подхватилъ змія, и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ: но скоро орелъ опять показался и упалъ на то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолѣвать; увидавши это, подбѣжали люди и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орелъ есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское,—и значитъ, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, — что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ... На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ — великій русскій народъ".

— „Аминь! да будетъ воля Господня!"—говорили наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы — и осѣняли чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстно отдавая себя водительству святого промысла Божія.

1869.

II.

Москва — третій Римъ

А промыслъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже явно начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю Русскую имѣютъ получить свою мзду: явно было, что данничеству ордынскому скоро придетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внукъ Димитрія Донского, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе турками Царьграда. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дяди и двоюродные братья отнимали у него престолъ, даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ; попался онъ и въ плѣнъ къ татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и укрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выраставшій при немъ сынъ его Иванъ. Слѣпецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ кня-

земъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ Иванъ. Святитель взглянулъ на него и сказалъ: „Вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!“—и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лицо свое руками, заплакалъ и произнесъ: „Отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!“

Василій Темный умеръ въ 1462 году, 17-го марта. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, греки, даже тѣ, которые понадѣялись-было на папу и подписали соединеніе вѣръ, увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйти только изъ самаго православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время, очевидно, возвышалось одно государство православное, именно Московское, на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника церкви, лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ, греки хотѣли, согласно древнимъ пророчествомъ, передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ грековъ проживали въ Римѣ—и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ сталъ папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора, Константина Палеолога, Софьѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка—обратила бы самого въ католичество: онъ, молъ, противъ женской прелести и ея хитрости не устоитъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ обѣщаній съ три короба и повезъ невѣсту. „Ну, дочь моя,—говорилъ, отпуская ее, папа,—послужи святому престолу римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру“. Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантіи, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по-своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда не измѣняла православію, и въ тотъ же день была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ. Кардиналъ началъ-было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора, такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно жъ было вѣрить; Фрязинъ вралъ отъ своего лица, никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это, молъ, великій князь прогонитъ его съ очей своихъ. И точно великій князь прогналъ его, но не

недолго,—потомъ опять принялъ на службу. Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался ни при чемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права предковъ, и обличеніе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ: двуглаваго орла. Митрополитъ на торжественныхъ службахъ, обращаясь къ нему, сталъ называть его царемъ: „Божіею милостью радуйся и царствуй, прославный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ" и пр. Въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ великій князь сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей, иностранныхъ пословъ сталъ принимать, сидя на престолѣ въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регаліи были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Въ глазахъ своихъ подданныхъ онъ уже сталъ монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до недосягаемой царственной высоты, передъ которою и бояре и князья одного съ нимъ корня должны были благоговѣйно преклонитьси наравнѣ съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Прежніе государи московскіе женились или на дочеряхъ другихъ удѣльныхъ князей, или на дочеряхъ своихъ бояръ: Иванъ III уже хотѣлъ изъ своего семейства браковъ съ вѣнценосцами: старшаго сына своего, тоже Ивана, умершаго прежде отца, женилъ на Еленѣ, дочери господаря молдавскаго; дочь Елену выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго; императоръ германскій сватался племянника своего, маркграфа баденскаго, за другую дочь Іоанна, но Іоаннъ нашелъ этого жениха слишкомъ незначительнымъ для того владѣтелемъ. Ясно было, какъ сказалъ нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая „сѣча" зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, самый наружный видъ ея: Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянною, а оставилъ каменною, златоглавою; было на что еще назвали, подъѣзжая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ великія каменныя стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, каменный, взамѣсто сгоравшаго деревяннаго, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворецъ, Грановитую Палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для великаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, итальянцевъ и грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и великихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе; онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т.-е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ и заселилъ Новгородъ изстари, поставилъ тамъ города и селенья и державствовалъ надъ всею этою страною. Горды были новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари запрашали чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіатскіе; со своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха и продавали нѣмецкимъ купцамъ, и посылали сами корабли за море черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвались боярами: вся земля была ихняя: города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко и все на свою только пользу, словомъ, изъ всѣхъ своихъ земель, какъ

говорятся, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ новгородскихъ волостяхъ всѣмъ: сами судили, судьи тѣснили своихъ пригородовъ и весь сельскій или черный людъ. Управлялись они сходкой, по старинному звону ударять въ вѣчевой колоколъ, и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормежниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка: которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ моста. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны—Московское государство, а съ другой—Литовское, новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними разъѣденіе: богачи-купцы, бояре, захотѣли податься Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное, короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертью. Такой порядокъ нравился богачамъ-купцамъ, боярамъ новгородскимъ, и желательно было имъ завести его и у себя. Но черный людъ новгородскій на это не соглашался и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойти подъ государя московскаго, у котораго судъ равный для всѣхъ—и для большихъ и для малыхъ людей. Иванъ Васильевичъ ужъ одинъ разъ усмирялъ новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Московскому государству, потому что понималъ, если бы да успѣла Литва захватить новгородскія земли, то и православію тамъ пришелъ бы конецъ, и поляки стали бы пановать надъ русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско, но, крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ и заперъ всѣ у него входы и выходы: самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались, какъ въ западню, новгородцы, и пошла у нихъ сумятица: звонятъ въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричатъ: одни кричатъ: хотимъ государя московскаго! другіе: хотимъ Казимира литовскаго! Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топятъ противниковъ въ Волховѣ: въ дѣла путаются и богачи-боярыни и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что въ Новгородѣ дѣлается, молчитъ и смотритъ. Вотъ наконецъ стали у новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? „Сами знаете“,—отвѣчалъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ: вѣче уничтожено, колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ звонить заодно со всѣми русскими колоколами. Вся держава новгородская присоединена къ Московскому государству. Послѣ покоренія Новгорода были присоединены Тверское княжество (1485), Вятка (1489), еще прежде—Пермь (1472), и московскіе люди стали ходить за Уральскія горы. Оставались еще Рязань и Псковъ, но и тѣ были по всемъ покорны Ивану и присоединены ужъ при сынѣ и наслѣдникѣ его.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Золотая Орда къ этому времени распалась на три части: отъ главной Сарайской или Золотой Орды (на нижней Волгѣ) отпали Крымская Орда и Казанская. Крымскій ханъ Менгли-гирей былъ врагъ на смерть ханамъ Золотой Орды, и потому Иванъ III велъ съ нимъ тѣсную дружбу, всегда имѣлъ въ немъ вѣрнаго помощника и насылалъ его то на Золотую Орду, то на Литву, чтобы не давать имъ соединяться, когда воевалъ съ татарами или съ Литвой. Съ Золотой Ордой и господствомъ ея надъ Россіей онъ покончилъ слѣдующимъ образомъ. Разсказываютъ, что Софья Ѳоминишна постоянно твердила ему: „Не для того, молъ, вышла я за тебя замужъ, чтобы ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татар-

скими данниками". Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье въ Москвѣ; царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ послалъ наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изображеніе хана, по-татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всѣмъ дворомъ своимъ навстрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму и вдругъ, къ ихъ ужасу, изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить, кромѣ одного, которому сказалъ: „Ступай, разскажи хану, что сдѣлалъ я съ его басмою и послами. То же будетъ и съ нимъ, если не оставитъ меня въ покоѣ". Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско, а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не знали тайной посылки другого отряда подъ Сарай и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадѣда его Димитрія Донского, называя его „бѣгуномъ", и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услыхалъ, что русскіе сожгли его столицу, и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усомнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ такой-то государь царствовалъ въ Московской Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали, чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, какова были, напримѣръ, новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія, царь греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, то на него перешло вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями и законное званіе, права и обязанности великаго и единаго поборника истинной вѣры, тогда русскіе люди съ гордостью стали говорить: „Государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пали, третій стоитъ (т.-е. Москва), а четвертому не быть".

И не одни русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвшее государство Московское—одно изъ православныхъ государствъ, свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стенавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно ука-

зывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что дѣлать московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь: стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то разумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ литовской Руси, гдѣ народъ былъ русскій и православный, а король — католикъ, стали желать, чтобы опять соединиться подъ одну природную державу; Иванъ III и сынъ его, именуясь государями всея Руси, начали требовать древней своей отчизны — Кіева и всѣхъ русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во времена татарскаго владычества. Иванъ Васильевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ — Смоленскъ. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь; государь велѣлъ перестать стрѣлять, и смоляне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ, съ хоругвями и крестами вышли изъ города со свѣтлыми очами, со многою любовью, навстрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ же смѣшались съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ собору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенъ былъ молебенъ; протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ великаго князя, сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта". И снова въ церкви пролились слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ III Васильевичъ и сынъ его Василій дѣйствовали тихо и осторожно; употребляли силу ужь тогда, когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ. Иванъ IV Васильевичъ Грозный: оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ,— наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Макаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ, горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго царя, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судебъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израиля и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло онъ двинулъ впередъ со всею горячностью своей вѣры, и все при немъ совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена; чего довершить не удалось ему, довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II; а многое при немъ заведенное послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ въ теченіе времени возобновляется у насъ только нынѣ, конечно, въ лучшемъ видѣ.

1869.

III.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани.

По кончинѣ родителя своего Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ по четвертому году на рукахъ бояръ и матери своей, правительницы Елены, дочери русскаго выходца изъ Литвы, Михаила Глинскаго. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. И Димитрій Донской въ малолѣтствѣ получилъ престолъ, и за него тоже управляли бояре. Но бояре при малолѣтствѣ Ивана Васильевича уже не походили на тѣхъ старыхъ московскихъ бояръ, воспитанныхъ въ дѣлахъ Иваномъ Калитою и сыномъ его Симеономъ Гордымъ, святителемъ Алексѣемъ и преподобнымъ Сергіемъ. Когда уничтожены были удѣлы, бывшіе удѣльные князья или ихъ дѣти и внуки, поступили на службу великаго князя, и заняли по знатности своей да и по родству съ нимъ мѣста выше старыхъ бояръ, и понемногу оттѣснили ихъ отъ двора и отъ высшихъ должностей. Тѣ разъѣхались большею частью по деревнямъ и несли тяжелую ратную службу, и, надо сказать, эти земскіе бояре и дворяне доблестно и честно сослужили свою службу царямъ и Россіи наравнѣ со всѣмъ народомъ русскимъ. Новые же бояре, заступившіе ихъ мѣсто при дворѣ, все не могли забыть, что отцы и дѣды ихъ были прежде вольные князья, неслужилые, и думали, что если ужъ нельзя имъ воротить отцовскихъ удѣловъ, то нельзя ли имъ, по крайности, устроиться такъ на Москвѣ, какъ устроились русскіе же князья одного съ ними корени въ Литвѣ, или паны въ Польшѣ; эти литовскіе князья и польскіе паны владѣли огромными землями и городами, жили у себя во владѣніяхъ, какъ особые царьки; король въ земли ихъ не вступался; они дѣлали, что хотѣли, съ подвластнымъ имъ народомъ, даже смертью казнили. При малолѣтствѣ Ивана Васильевича, бояре и въ Москвѣ захватили всю власть; при дворахъ своихъ завели, какъ въ Литвѣ, огромное число челядинцевъ, кормежниковъ и нахлѣбниковъ, которые сновали въ народѣ, расхваливали своихъ „кормильцевъ", распускали про недруговъ ихъ дурные слухи, мутили народъ и подымали его на бунтъ, когда того требовалось этимъ кормильцамъ; и народъ кидался на дворы ихъ недруговъ и жегъ ихъ и грабилъ. Когда кто изъ этихъ вельможъ назначался намѣстникомъ въ какой-нибудь городъ, они увозили съ собою всю свою сволочь, раздавали ей мѣста и такъ тѣснили и обирали жителей, что цѣлыя волости пустѣли, люди разбѣгались. Въ Москвѣ же эти верховные бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали, отравляли, замучивали другъ друга въ пыткахъ, ссылали въ ссылку, грабили домы и деревни тѣхъ, кого одолѣютъ. Обиженные, если имъ удавалось уйти, отъѣзжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили разорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, Семенъ Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ ногайцевъ и крымцевъ на Россію. Не останавливались они и передъ самомъ митрополита: каждой партіи хотѣлось имѣть митрополита изъ своихъ сторонниковъ; которые были имъ не угодны, тѣхъ сводили съ престола: такъ свергли они одного за другимъ двоихъ митрополитовъ — Даніила и Іоасафа. Въ спорѣ съ митрополитомъ Макаріемъ одинъ изъ бояръ, Головинъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее въ знакъ презрѣнія ногами. Говорятъ, и Елену, мать царя, они опоили ядомъ и дядей его замучили. О воспитаніи царя они не заботились; обходились съ нимъ грубо; царь самъ потомъ вспоминалъ: „Мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ,

а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положитъ на постель отца моего"... Старались потакать всякому его дѣтскому желанію, пріучали его травить кошекъ, собакъ, людей, бросать ихъ внизъ съ высокаго крыльца или изъ оконъ; когда онъ подросъ, ночью цѣлой ватагой сами они или ихъ дѣти садились на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства... Чуть кто полюбится юному царю, другимъ дѣлалось завидно, и его на глазахъ царя убивали или ссылали; на просьбы, на слезы, на испугъ ребенка не смотрѣли. „Въ такихъ-то злокозненныхъ боярскихъ обычаяхъ и небреженіи", какъ говорилъ потомъ самъ царь, возрасталъ онъ въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ того, какъ возрасталъ, самъ выходилъ такимъ же, какъ всѣ его окружающіе, и, достигши четырнадцати лѣтъ, началъ дѣлать съ ними то, чему изъ ихъ же примѣра научился: началъ казнить то того, то другого, кто ему не понравится.

Но рядомъ съ этими безнравственными и свирѣпыми боярами, очевидно, подлѣ юноши царя находился кто-то, старавшійся насадить въ душѣ его страхъ Божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично Священное Писаніе, исторію церковную, римскую и русскую, и творенія отцовъ церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи. Ни отъ кого изъ древнихъ нашихъ царей не осталось столько сочиненій; при пріемѣ пословъ, или когда онъ давалъ наказы своимъ посланникамъ или воеводамъ, въ горницѣ всегда сидѣлъ писарь и записывалъ его рѣчи. Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, о значеніи русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности, этотъ невѣдомый свѣтель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же, вѣроятно, внушилъ царю, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ. 16-го января 1547 года совершилось вѣнчаніе, а 3-го февраля была свадьба царя съ Анастасіей изъ рода Романовыхъ, стараго боярскаго рода временъ Димитрія Донского. Торжественность обряда вѣнчанія и напоминаніе при этомъ царственныхъ обязанностей не могли не оставить впечатлѣнія на юнаго царя; бракъ съ прекрасной и кроткой царицей Анастасіей долженъ былъ умерзить ему прежнія его утѣхи. Но тутъ случилось еще одно событіе, глубоко потрясшее его душу. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, апрѣля 12, сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго, между прочимъ, взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней, 20-го апрѣля, новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части: наконецъ іюня 24-го налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и скоро, при самомъ сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы горы. Митрополитъ Макарій чуть не задохся въ Успенскомъ соборѣ: его спустили на веревкѣ изъ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ и расшибся.

Съ Воробьевыхъ горъ, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, трепещущій царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, онъ ѣздилъ провѣдать болящаго митрополита, посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы посреди дымящихся развалинъ, съ воплями и слезами, бродили, отыскивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ или свое имущество, и не находили даже мѣста, гдѣ стояли ихъ дома. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почернѣлыя каменныя трубы да обгорѣвшія каменныя церкви. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло... Нѣкоторыми боярами пущены были слухи, будто городъ подожгли бояре,

князья Глинскіе; толпа кинулась отыскивать мнимыхъ виновниковъ; убили боярина Глинскаго, дядю царскаго... „Все сіе навелъ Богъ на насъ грѣховъ ради нашихъ, ибо множество согрѣшили и беззаконствовали... Богъ же праведнымъ Своимъ судомъ приводитъ насъ на покаяніе“... Вотъ что отовсюду, отъ митрополита и іереевъ, и ото всего народа, устрашеннаго бѣдствіемъ, и ото всѣхъ сокрушившихся о потерѣ достоянія своего и своихъ родныхъ и ближнихъ въ пламени,—слышалъ царь и больше всѣхъ устрашился и сокрушился духомъ, ибо въ бѣдствіи народа видѣлъ, по Писанію, кару Господню за свои прегрѣшенія: „И вниде страхъ въ душу мою,—говорилъ онъ потомъ,—и трепетъ въ кости мои, и смирился духъ мой, и позналъ я свои согрѣшенія“. Онъ далъ обѣтъ показаться и стать другимъ человѣкомъ: наложилъ на себя пость и молитву; потомъ созвалъ святителей и покаялся въ грѣхахъ своихъ, причастился св. таинъ. Но прощенія святителей ему казалось еще мало. Онъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. Когда они съѣхались, онъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на Лобное мѣсто, въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Отслужили молебенъ, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: „Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался, — ты знаешь, владыко, — послѣ отца своего четырехъ лѣтъ и послѣ матери — осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пещись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, а самовластвовали, сами и почести похищали именемъ моимъ, творили всякія корысти и обиды, и никто имъ не возбранялъ: я словно былъ глухъ и не слышалъ, и ради юности моей и пустоты не имѣлъ въ устахъ моихъ на нихъ обличенія. О, неправедные лихоимцы! Неправедные судьи и хищники! Какой отвѣтъ теперь дадите вамъ за слезы, которыя вы исторгли? Я же чистъ отъ пролитой вами крови. Ожидайте воздаянія своего!“

Потомъ поклонился царь на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: „Люди Божіи и Богомъ намъ порученные! взываю къ вашей вѣрѣ къ Богу, къ любви вашей къ намъ. Всѣхъ разореній вашихъ, всѣхъ неправдъ бояръ моихъ въ лѣта моей юности теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, простите другъ другу всѣ вражды ваши! Простимте всѣ другъ другу обиды наши! Отнынѣ, насколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду вамъ судія и оборона, буду неправды исправлять и отнятое возвращать“. Засимъ онъ указалъ на одного молодого человѣка, по имени Алексѣя Адашева, съ которымъ сблизился послѣ пожара, — и велѣлъ ему принимать всѣ челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разсматривать вмѣстѣ съ царемъ. И всѣ выборные, и всѣ люди московскіе, и митрополитъ Макарій со всѣмъ священнымъ соборомъ, и князья, и бояре, слышавшіе такія слова изъ устъ юноши-царя, сердцемъ умилялись, и на испрашиваемое царемъ прощеніе сладкія слезы радости испущали, и молили Господа, да отпуститъ Онъ всѣмъ согрѣшенія ихъ и помилуетъ. И слыша сіе, юноша-царь самъ проливалъ слезы и радовался о всеобщемъ прощеніи — и по юношеской горячности своей, въ веселіи сердца, думалъ, что отнынѣ наступаетъ во всей державѣ его вѣчный миръ и любовь, какъ подобаетъ быть въ христіанскомъ царствѣ: въ ознаменованіе сего, тутъ же простилъ всѣхъ—какіе были виновные передъ нимъ бояре, съ тѣмъ, чтобы ужъ о прошломъ и помину не было. И съ великой радостью и многими слезами разошлись съ Лобнаго мѣста люди московскіе, и разъѣхались выборные по домамъ и разсказывали вездѣ, чему были свидѣтелями, — и радостью и свѣтлыми надеждами

исполнилась Русская земля, будучи вся за едину душу съ царемъ своимъ.

Съ сего времени, т.-е. съ 1547 года, до самой кончины царицы Анастасіи, въ 1560 году, въ теченіе тринадцати лѣтъ совершились великія дѣла царствованія Ивана IV Васильевича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: „Царю нашему обычай таковъ: начало его премудрости — страхъ Господень; оставилъ онъ всѣ забавы и только тщится порученныя ему отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ всѣхъ иноѣрныхъ басурмавъ и латынянъ; ничего иного у него на умѣ нѣтъ — какъ только о избавленіи единородныхъ нашихъ братій, православныхъ христіанъ, просто сказать, только законъ Христовъ и ратныя дѣла. Любовь же его ко всѣмъ сущимъ подъ рукою его, къ вельможамъ, и къ среднимъ, и къ младшимъ, — ко всѣмъ ровная: по достоянію всѣхъ любитъ, всѣхъ жалуетъ, ни единаго забвеннымъ видѣть отъ жалованія своего не хочетъ... дабы во страшное второе пришествіе Христово, когда послышитъ гласъ: „Ты еси царь правды?“, могъ бы безъ стыда отвѣчать: „Азъ есмь — и вотъ люди, которыхъ Ты мнѣ далъ, Господи!“

У царя Ивана Васильевича былъ еще родной братъ, Юрій, и двоюродный — Владиміръ Андреевичъ. Обоихъ онъ вскорѣ послѣ пожара женилъ: перваго помѣстилъ жить въ одномъ дворцѣ съ собою, и три юныя четы были почти неразлучны. При нихъ находился еще Алексѣй Адашевъ, тотъ юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ знатныхъ людей за добрый нравъ, приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему принимать и разсматривать съ царемъ всѣ подаваемыя на его имя просьбы; домашнимъ наставникомъ при всей этой царственной молодежи былъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ, а главнымъ руководителемъ царя, какъ видно по всѣмъ дѣламъ, тогда имъ совершеннымъ, былъ митрополитъ Макарій.

И вотъ какъ разсуждали тогда въ царской думѣ, что надобно было дѣлать, чтобы Московскому государству достигнуть той высоты, на которую ставили его и глазъ всего угнетеннаго восточнаго православія, и собственное его положеніе между двумя враждебными ему силами — дикой Азіей и римскимъ папой, повелѣвавшимъ всѣми почти европейскими королями и уже употреблявшимъ тогда всѣ усилія — чтобы отторгнуть отъ отеческой вѣры и подчинить себѣ всю Литовскую Русь. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и суда: по прежнему положенію въ города посылали намѣстниковъ изъ Москвы: оказывалось, что эти намѣстники только грабятъ жителей — и потому ихъ рѣшено отмѣнить, а пусть города и волости сами выбираютъ изъ земства присяжныхъ излюбленныхъ людей, которые бы судили по правдѣ и крестъ на томъ цѣловали; и подати и оброки бы сбирали и въ Москву отвозили, и отъ разбоевъ бы оберегали, и воровъ бы ловили; гдѣ же будутъ какіе царскіе чиновники, то чтобы и при нихъ находились выборные отъ земства довѣренные люди и смотрѣли бы, чтобы они все дѣлали по правдѣ и по закону. А чтобы люди знали — какъ въ какомъ случаѣ поступить, для того надобно написать законы: почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей со всего государства въ 1549 году, и на немъ изданъ *Судебникъ*, т.-е. законы гражданскіе; потомъ, для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ святителей, въ 1551 году, и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*, по числу ста статей, въ ней заключающихся. Кромѣ того, разсуждали въ Москвѣ, что много у насъ всякаго богатства — и хлѣба, и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все

это сырье мы обрабатывать не умѣемъ; нѣтъ у насъ ни ремеслъ ни искусствъ; всякое цѣнное изд ліе надо получать изъ-за границы. А потому надобно изъ Европы выписать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ завести всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору Карлу Пятому, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять всякихъ людей изъ нѣмцевъ—заводить у насъ всякія мастерства. Шлитте въ 1547 же году отправился въ Нѣмецкую землю, но чѣмъ кончилось его посольство, я разскажу послѣ.

Главное же, чѣмъ юный царь хотѣлъ заслужить вины юности своей и исполнить долгъ христіанскаго государя,—была брань съ врагами имени Христова—татарами, которые не давали намъ покою и по паденіи Золотой Орды.

Золотая Орда, по смерти Ахмата, какъ разрубленный на части змѣй, у котораго ожила каждая часть, распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и царство Сибирское. Всѣ эти орды, главное, промышляли грабежомъ. Особенно насъ безпокоили Крымъ и Казань. Ханъ крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться: дары онъ отъ насъ бралъ, а все стращалъ: „Не укроетесь отъ меня за своими стѣнами—крѣпостями, дремучими лѣсами". И въ самомъ дѣлѣ безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣсколько разъ Москву. За подарками присылали пословъ и ногайскіе князья. И всѣ эти послы, и крымскіе и ногайскіе, были чудные: ѣдетъ посланникъ въ Москву и гонитъ табунъ лошадей, а какъ пріѣдетъ—то ходитъ къ боярамъ и царю о посольскихъ дѣлахъ говорить, то сидитъ на конной площади, самъ лошадей продаетъ. Солонъ былъ намъ этотъ ханъ, но все-таки отъ него отдѣляла насъ степь, и московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды и содержали тамъ войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя, и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ крымскій ханъ былъ подручникъ турецкому султану, и султанъ за него бы вступился; а султанъ ужъ и такъ разнюхивалъ пути въ Россію, пытался завладѣть Астраханью, чтобъ оттуда Волгой добраться и до Москвы. Казань же была къ намъ ближе и была еще несноснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей,—не говоря ужъ о томъ, что въ Казани, какъ въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ, поровски взятыхъ, томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Одинъ походъ былъ на другой же годъ (1548) послѣ пожара. Пошли зимой изъ Нижняго по льду, по Волгѣ. Но полились дожди, настала оттепель. Много пушекъ провалилось въ продушинахъ съ людьми и лошадьми. Царь долженъ былъ оставить предпріятіе и возвратился въ Москву съ великими слезами, что не сподобилъ Богъ ему поратовать противъ враговъ христіанства. Черезъ два года послѣ того (въ 1550) пошли во второй походъ, тоже зимой; расположились къ осадѣ Казани. Опять пошли дожди: порохъ подмокъ, стрѣлять нельзя было; разлились ручьи: надо было снимать осаду. Но походъ этотъ обошелся не безъ пользы. На устьѣ Свіяги поставили городъ Свіяжскъ, много безпокоившій казанцевъ и очень много послужившій въ третьемъ нашемъ по ѣздѣ.

Наконецъ, еще черезъ два года, въ 1552 году, рѣшили итти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150.000 войска. Царь выступилъ самъ

изъ Коломны іюля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавлялся запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владиміръ, а другая — черезъ Рязань, къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стадами плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишѣли рыбою. Шли словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для пира. Жители—русскіе, мордва, мещера, черемиса—подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей и писали государю: „Ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта". 30.000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что русскіе идутъ на приступъ, и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ—и вотъ 23-го августа увидѣли при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развѣвалась царская хоругвь съ изображеніемъ Іисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ лицу обѣ силы,—и русская и татарская,—въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ розмысломъ,—т.-е. нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны,—всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу и куда вести подкопы. На четвертый день, 27-го августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остервенѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить, пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудитъ казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услыхали надъ собой голоса и шаги. Накатили въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли фитиль: послѣдовалъ взрывъ—и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но казанцы не уныли духомъ, принялись въ самомъ городѣ рыть колодецъ: дорылись-таки до воды: вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ и таранами, кидали огромные камни, выстроили великія туры, или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше потомилось-таки довольно. Къ тому же пошли дожди: всѣ мѣста, гдѣ

оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатеръ. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у казанцевъ есть кудесники: что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и воютъ страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ накликаютъ вѣтеръ и облака, и изъ нихъ дождь льется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привезти крестъ съ частицами отъ древа креста Господня и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря сдѣлать крестный ходъ съ иконами и кропить святою водою. Наступили красные дни. Войско ободрилось, видя, что Богъ не токмо къ ничто обратилъ чары сатанинскія, но и многимъ благочестивымъ мужамъ въ сонномъ видѣніи возвѣщалъ скорое паденіе царства басурманскаго. Самъ царь во снѣ слышалъ—якобы изъ Казани звонъ знакомаго ему большого колокола Симонова монастыря.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ, къ 1-му числу октября розмыслъ, или инженеръ государевъ, объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни кремлевскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ причастились и исповѣдались, ибо приближается день, въ онь же пити всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы къ ночи на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ главный воевода, князь Михайла Ивановичъ Воротынскій, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужъ въ подкопѣ, что казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Дьяконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь"—вдругъ грянулъ громъ, земля затряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра, и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно; полки русскіе, словно притаясь, стоятъ передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожидаются знака,—а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца,—и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба со страшной высоты на городъ... Служба прервалась-было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Дьяконъ сталъ читать на ектеніи молитву о царѣ — и какъ только произнесъ: „и покорити подъ ноги его всякаго врага и супостата",—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: „Съ нами Богъ!" Царь вышелъ еще изъ шатра и видѣлъ, какъ полки кинулись къ проломамъ,—къ стѣнамъ: они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все задвигалось: наши лѣзутъ на стѣны, а татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревна; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ — и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молился о побѣдѣ: прибѣжалъ къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго, со словами: „Государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждутъ тебя". Царь отвѣчалъ: „Какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость Христа и лучимъ". Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь причастился св. таинъ, одѣлъ доспѣхи, сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ; русскія знамена ужъ развѣвались на стѣнахъ Казани.

Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы татаръ, тѣснимыя уже изнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и закричали русскимъ: „Погодите стрѣлять! Пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава: ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле пешіе съ вами послѣднюю чашу". И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа русскихъ, только-что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдные, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣни и кричали: „Отецъ ты нашъ! избавитель ты нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!" Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань: духовенство впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водой—и, выбравъ мѣсто для постройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстію послѣдующихъ... Воротясь же въ Москву, государь, въ память взятія Казанскаго, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ:* на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный.

Такъ совершилось покореніе русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія казанцевъ и съ теченіемъ времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный, трудолюбивый народъ: водрузивъ въ Казани знамя Христово и учредивъ тамъ новую, Казанскую епархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, царь предписалъ ему такъ поступать съ мусульманами: „Которые татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи,—тѣхъ велѣть крестить и лучшихъ держать при себѣ, поучать закону христіанскому и покоить; и всѣхъ приходящихъ съ челобитьемъ приводить къ христіанскому закону, причемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а не жестоко и не со страхомъ..." Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратилось въ христіанство. Царь казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просилъ креститься въ Москвѣ, присягнулъ Россіи и получилъ отъ государя помѣстья.

По паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ персидскаго шаха, отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться насчетъ торговли съ Москвой. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азіи и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этой цѣлью начата была имъ война ливонская: царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу, въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій—и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно: по-

терею всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи. Но объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь доконччу только о третьемъ татарскомъ царствѣ, доставшемся Ивану Васильевичу ужъ подъ конецъ его жизни — о царствѣ Сибирскомъ.

IV.

Завоеваніе Сибири.

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ караванов было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не прерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались нѣры отеческой и русскихъ обычаевъ и называли себя людьми государевыми, вольными казаками, — однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и помышлять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, „что степь велика — и государямъ за казаками смотрѣть не можно". Сами же казаки своей постоянною войною съ татарами немало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди — и изъ Россіи, и изъ казаковъ, и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобъ они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась; атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число шатагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимоѳеича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника — теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человѣкъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владимиръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимоѳеемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Польскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили бъ, и городки бы строили, и ружья и пушки имѣли бы, и ратныхъ людей, и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край — и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ, у нихъ-то и поселялись сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимоѳеемъ, и родились у нихъ дѣти: между прочими у Тимоѳея былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый, красавецъ собой, роста средняго: волосы имѣлъ темные, бороду — черную, былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долюшки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка, широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держатъ голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погуляно, много ли на душу грѣха было принято, — доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или, можетъ-быть, хотѣлъ заслужить милость царскую,—только, когда разъ взбунтовались черемиса и казанскіе татары и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ со своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ — отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ-матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ѣхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди по хмелю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удальцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть заслышалъ о приходѣ воевод, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и кѣшать безъ всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимоѳеичъ и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимоѳеевичу. Пробрался онъ изъ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удаль молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцемъ, вернулся царскимъ ослушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—быть повѣшену! Ужь нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой—на ней петелька шелковая. Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ каменьями зашивалъ да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимоѳеевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобно. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: „Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Уторскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилу и по Тоболу, а мы бы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, остякамъ и вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которы-

народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, намъ это дѣло справилъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ всего нужного дали; послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои".

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѳеевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. „Кто хочетъ, братцы, со мной идти; кто не хочетъ—тому воля вольная. А ужъ я намъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ пороховства и пакости за нами не водилось". И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы — Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: „Намъ безъ тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, все равно пропадать. Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны". И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и литвы, и нѣмцевъ, и татаръ, и русскихъ; снабдили ихъ одеждой, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки-коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагилъ рѣку; изъ Тагила вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря — великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья—все всполошится, выстрѣлъ-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашенки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянутъ люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки — словно войско стоитъ. Войско зашевелилось: аль встрѣчать идетъ непрошеныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ набольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто-нибудь выстрѣлитъ — и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ набольшаго; оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ итти туда, — отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами: „Такіе, молъ, идутъ люди, роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огнь исходитъ и громко толкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣлъ исходящихъ не видать, а уязвляютъ рапами и смертью побиваютъ, и защищаться отъ нихъ никакими ратными сбруями не можно; ни кояки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ". Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали,—и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и

князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ — каменныя башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху кресты: что, извѣстно, такіе города—русскіе, и показываются они теперь на небѣ и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ разспрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пулька,—что все равно и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Понялъ ли, не понялъ ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и улапы, и татары, и остяки, и другіе сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь, или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ итти съ большою ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить русскихъ; „если жъ, паче чаянія, не возмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ наѣрное". Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ Сибирскихъ странъ богатыремъ: великаномъ ростомъ, силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко виденъ былъ и между своею татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышомъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь, главное, объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что, по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдалъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Тѣ было-дрогнули, но скоро опомнились, особенно татары; да и сибирцы ужъ не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашь; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые и раненые. Ермакъ поплылъ дальше, внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетащили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки,—и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе — крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли татарамъ въ тылъ и вдругъ толкнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Кулъ между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ

рѣка суживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ-нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-е октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ него же стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку и обведи ее валомъ. Завидя казаковъ, татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужъ вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей — видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали-было уговаривать, а имъ отвѣтили: „Да вы посмотрите: ихъ вѣдь, нехристей — тьмы, а мы всѣ на перечетъ. Сколько товарищей уже похоронили! Повесла насъ недегкая по невѣдомымъ рѣкамъ — ужли жъ затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи понабрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?“ Слыша такія рѣчи, пріуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ казаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются. „Пусть наговорятся, натѣшатся“, отвѣчалъ Ермакъ. И, давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: „Что же, братцы,—сказалъ онъ:—аль ужъ и впрямь приходится намъ бѣжать?“— „Да ужъ впередъ-то, кажись, некуды; всѣ пути перехвачены“,—загуторили въ толпѣ.—„Одно худо,—продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не добредемъ, придется зимовать въ глуши— Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни татарва проклятая, ни сибирь ихъ немшоная, ни чудь заблудящая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юртъ, Сибирь городокъ... Стыдно вамъ, братцы,—продолжалъ онъ съ негодованіемъ:—а еще казаки, православные христіане! Какое помышленіе въ сердца свои допустили! усомнились въ помощи Господней! Что на Перми да на Чусовой отъ этихъ поганыхъ нехристей церквей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено да побито. Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ, Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю, и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали. Вспомните — какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть!

А назадъ обратиться, страха ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужъ мы души свои Господу Богу заложили и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается: можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши, чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо и памятуйте, что, дастъ Господь, постоимъ врѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ вовѣки".

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ и другіе; всѣ говорили: „Всѣ мы готовы умереть за святыя Божія церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постоимъ всѣ до единаго противъ поганыхъ твердо, до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу".

„Такъ, такъ,—заговорилъ казацкій кругъ:—ужъ во всемъ на тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человѣкъ не намъ чета. Безъ тебя бъ давно ужъ намъ всѣмъ пропасть".

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли попы кресть и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчки... и ужъ ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, врѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И наутро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. „Съ нами Богъ!"—крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ; татары выпустили тучу стрѣлъ. Многіе изъ нашихъ попадали; другіе замялись; видя то, татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всей аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой пошелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную—на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человѣкъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерялась сила; вездѣ поспѣвалъ онъ во-время: отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Кулъ, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвесть за Иртышъ. Разстроились его татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать татаръ, повернули коней и отвели и йска во-свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: „Нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль". Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцати верстахъ. Шли безъ боязни, но, приблизясь къ городу и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усомнились—не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди повыметались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство

тутъ валялось, золото, серебро, и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и собольи мѣха, и всякія яства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошло тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасы и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку—и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его сызначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ той сторонѣ пришлый царь, родомъ татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали остяцкіе, и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Кулъ, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби — и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественно. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему навстрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной — только не русскій человѣкъ.

Куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою бы славою ни возвеличился, или какую бы дурь на себя ни напустилъ, — онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывается.

Принималъ Ермакъ эти почести—а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все-то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются—два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ—воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имечко его крестное положено; это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже — только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходитъ по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту,—простую грамоту, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ и ничего не указываетъ, что бы дѣлать государю. „Всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя

Его Матери и святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ россійскихъ заступничествомъ, и тебя, государя, царя и великаго князя Іоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, татаръ, остяковъ и вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою до вѣку, покамѣстъ Богъ изволитъ вселенной стоять; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и къ иные орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять."

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: „Кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?"

„Кому же ѣхать, какъ не мнѣ, — вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ: — ими мое великому государю свѣдомо, въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ".

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только-что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимые, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ ужъ постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣнною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда всѣ подданные его проливали слезы умиленія и простили всѣ другъ другу вины свои,—онъ думалъ, что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди ратнаго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всѣ, казалось, государю преданы и готовы служить ему, не жалѣючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ-подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнью, т.-е. горячкою. Всѣ думали, что ужъ онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владимира Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ,—и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣніе залегло въ его душу противъ всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время,

когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ таился онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ рода Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только подлѣ нея, какъ подъ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его и воспламенялась ко всѣму доброму и великому. Скончалась „юница“ его—и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ среди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни, поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупа,— и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: „Радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ уже той, которую вы ненавидѣли! А за что вамъ не угодна была? За то ли, что Богъ при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ, сиротства ея жалѣючи?..“ У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ, — и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни. И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ неугодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навыкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препираясь съ ними о вѣрѣ; не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устроенія; попрежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоимцевъ; самъ, какъ Соломонъ, творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ, — но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному неугодившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ подозрѣвалъ измѣну. Чтя въ счастьѣ—милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ — казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть и какимъ онъ самъ цѣлыя тринадцать лѣтъ быть старался,—помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства, и за кровь, имъ пролиянную,—отвѣтъ какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннымъ, кровопійцею, чревоугодникомъ, „псомъ смердящимъ“, онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые отдаленные монастыри; жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь.... Несчастный конецъ ливонской войны, разрушившій его великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безысходную. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ,

а кругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю, какъ преступники: Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло разсказать—и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: „Вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; и ихъ казнить велѣлъ, — они не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старыя". И, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. „А къ храброму воеводѣ нашему,— заключилъ онъ:—князю Сибирскому Ермаку Тимоѳеевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту". И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ кресель, — поднялись и бояре,— и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебенъ, и по всей Москвѣ и по всему царству звонить въ колокола, и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ Своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство—Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку—шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страною. Плѣненаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ-таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ — и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ-было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ—и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него какъ безъ головы. Душа всего дѣла—исчезла. Иванъ Кольцо нездолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза тоже погибли. Оставшись, какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужъ только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужъ путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ — и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казац-

кихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: „Постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ вовѣки"—такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страною, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно сызмала любезно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но притомъ чисто-русскаго человѣка, который,—соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю съ дивной благостью душевной, — совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году: только царь скончался 18-го марта, а Ермакъ погибъ 5-го августа. Въ Тобольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминаются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

Алфавитный указатель *).

стр.

Адъ. („Изъ подземнаго изъ ада.“) II 100
Айя зовскому. („Стиха не пѣнять моего.“) I 269
Акварели (I—XVIII) I. . . . . —
Аккерманскія степи. („Въ просторъ зеленаго вилыванъ оксана.“) I 219
Алексисъ и Дора. („Ахъ, неудержно впередъ.“) II 48
Али-Бей. („Гейне.“—„Али-Бей, герой ислама.“) I 240
Али-Бей, герой ислама. („Гейне.“—„Али-Бей.“) I . . . . . —
Алкивіадъ. („Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда.“) I 130
Алой ризою играя. („Измѣна.“) I 25
Алушта днемъ. („Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ.“) I 220
Альбомъ Антиноя. (1—8) I 278
Альбомъ Антиноя. („Вдоль надъ рѣкой быстроводной.“) I. . . . —
„ „ („Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ.“) I . . . 280
„ „ („Вы разбрелися.“) I 279
„ „ („Высокая пальма.“) I. 278
„ „ („Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной.“) I . —
„ „ („Смерти нѣтъ, вчера Адонисъ.“) I 279
„ „ („Смотри, смотри на небеса.“) I 280
„ „ („Ты не въ первый разъ живешь.“) I 279
Альпійская дорога. („На горѣ, сіяньемъ утра.“) I 169
Альпійскіе ледники. („Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ.“) I . . . 168
Amoroso. („Выглянь, милая сосѣдка.“) I 66
Анакреонъ. („Въ день сбиранья винограда.“) I 128
„ („Пусть гордится старый дѣдъ.“) I 39
Анакреонъ скульптору. („Что чиниться намъ, ваятель!“) I . . . 129
Анахоретъ. („Двадцать лѣтъ въ пустынѣ.“) I 84
Ангелъ и демонъ. („Подъемлютъ споръ за человѣка.“) I 49
Антики. („О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній.“) I . 78
Аркадскій селянинъ путешественнику. („Здѣсь сатиры прежде жили.“) I 133
Арлекинъ. („Меня всю ночь промучилъ сплинъ.“) I. 96
Аскетъ! ты нѣкогда въ пустынѣ. I 296
Аспазія. („Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?“) I 132

*) Римскія цифры, поставленныя послѣ заглавій стихотвореній, обозначаютъ томы „Полнаго собранія сочиненій Майкова“.

стр.
Auf Flügeln des Gesanges. („Гейне.“—„Поэзіи геній крылатый.“) I 248
Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ. („Изъ Гёте.“—„Миньона.“) I 206
Ахъ, люби меня безъ размышленій. („Fortunata.“) I 70
Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли. I 178
Ахъ, неудержно впередъ, неудержно все далѣ и далѣ. („Алексѣй и Дора.“) II 48
Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки. („На мотивъ Гёте.“) I 277
Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ! I. 65

Бабушка и внучекъ. („Въ святцахъ у бабушки разъ.“) II . . . 148
Байдарская долина. („Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ.“) I 219
Бальдуръ. („Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ.“) III 211
Барельефъ. („Вотъ безжизненный отрубокъ.“) I 18
Барышнѣ. („Васъ, ангелъ, рѣющій въ гостиныхъ.“) II. 125
Безвѣріе. („Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ.“) I 52
Бенедиктову, В. Г. („Стражи мирной нашей хаты.“) I 137
Благодарственный гимнъ о спасеніи Государя Императора 4 апрѣля 1866 г. („Сохранилъ Ты намъ, Господи.“) II 189
Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ. („Раздумье.“) I 2
Блаженъ, кто, посадивъ зерно. („А. Ф. Марксу.“) II 221
Блеститъ салонъ княгини Зины. I 192
Блеститъ чертогъ; горитъ слей. („Эпикурейскія пѣсни.“) I . . . 44
Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце. I 202
Близко, близко солнце! („Утро.“) I 151
Близокъ, братья, день желанный! („Гуситская пѣсня.“) II . . . 86
Богатъ нашъ край дарами горныхъ вѣдръ. („Два гроба.“) I . . 125
Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы. („Тиволи.“) I . . . 72
Боже мой! Вчера—ненастье. I. 149
Боже мой, какая нѣга. I. 172
Боишься ты прослыть глупцомъ. I 92
Бой кипѣлъ... Она скакала. („Жанна д'Аркъ.“) I 271
Болото. („Я цѣлый часъ болотомъ занялся.“) I 154
Больное, тихое дитя. („На берегахъ Нормандіи.“) I 167
Борьба. („Изъ Шиллера.“—„Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?“) I 208
Борьба со смертью. („Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину.“) II . 99
Брингильда. Поэма. IV. 67
Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада. („Мраморный фавнъ.“) I 53
Будьте, юноши, скромнѣе. („Юношамъ.“) I 128
Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ. („Мертвая зыбь.“) I 260
Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный. I 297
Былъ грубъ когда-то человѣкъ. („Скульптору.“) I 83
Былъ суровъ король донъ-Педро. („Пастухъ.“) II 52
Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ. („Чудный вѣкъ.“) I . 21
Бѣда ли, пророчество ль это? („Гейне.“—„Лорелея.“) I. 247
Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ. („Мать.“) I 193
Бѣлорусскія пѣсни. (1—7) I 212
Бѣлые лебеди, вѣстники свѣтлой весны, пролетѣли. I 259

Вакханка. („Тимпанъ и звуки флейтъ и пѣсни вакханалій.“) I . 9
Вакхъ. („Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ.“) I 11
Валкирія. (Высоко, безмолвно.“) I 221
Васъ, ангелъ, рѣющій въ гостиныхъ. („Барышнѣ.“) II. 125

стр.
Ваятелю. („Изобрази ты въ немъ поэта.") I 256
Вдоль надъ рѣкой быстроводной. („Альбомъ Антиноя.") I 279
Вдохновенье—дуновенье. I 259
Великолѣпные костелы. („Западная Русь.") II 182
Венера Медицейская. („Невольницы мои младыя.") I 23
Вербная недѣля. („Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ.") I. . 195
Вертоградъ. („Посмотри въ свой вертоградъ.") I 48
Весенній бредъ. („Здорово, милый другъ! Я прямо изъ деревни!") I. 92
Весна! Выставляется первая рама. I 149
Весна. („Голубенькій, чистый.") I . . . . . —
Весна. („Уходи, Зима сѣдая!") I 194
Весною. („Гейне."—„Сверкая, проносятся волны рѣки.") I 242
Весь Неаполь залить газомъ. I 175
В. и А. („Все, чѣмъ когда-то сердце билось.") I 267
Взятіе турками Константинополя. („Разсказы изъ русской исторіи."
II.) IV 312
Видѣніе. („Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный.") I . 33
Видѣнье было мнѣ: внезапно небо. („Изъ Апокалипсиса. Гл. IV.") III. 203
Вижу—поле, залитое кровью. („Сонъ королевича Марка.") II . . 81
Вихрь. („Полонъ черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ.") I . . . 118
Внимаю ль я порой словамъ любви. I 19
Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда. („Алкивіадъ.") I. 130
Внѣ долга—жизни и не зная. I 289
Внѣ ограды Campo Santo. I. 189
Во время войны 1877—1878 годъ. („Къ картинѣ Айвазовскаго."—
„Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда.") II. . . 194
Во время войны 1877 — 1878 года („Опять горитъ Востокъ! Опять
и кровь и стонъ.") II. . . . . —
Во дни кровавые, когда тевтонъ суровый. („Монастырь.") II . . 7
Во дни минувшіе, дни радости блаженной. („Гезіодъ.") I 4
Возвышенная мысль достойней хвалы брони. I 260
Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда. („Во время войны
1877—1878 года."—„Къ картинѣ Айвазовскаго.") II 194
Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами. („Palazzo.") I . . 82
Во многолюдствѣ шумномъ свѣта. („Отпѣтъ.") I 264
Во мнѣ сражаются, меня грызутъ жестоко. („Отрывки изъ „Дневника
въ Римѣ.") I. 89
Воплощенная святая. I 265
Вопросъ. („Мы всѣ—блюстители огня на алтарѣ.") I 281
Воробьевы горы. („Не горятъ златыми льдами.") I 201
18 февраля 1855 года. („Когда межъ насъ явился онъ.") II . . 186
Воспоминаніе. („Въ забытой тетради забытое слово.") I 4
Вотъ безжизненный отрубокъ. („Барельефъ.") I 18
Вотъ бѣдная чья-то могила. I 153
Вотъ, онъ по Гатчинскому саду. („П. М. Цейдлеру.") I 140
Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно. („А. Г. Рубинштейну.") II. 219
Вотъ полосой зеленоватой. („Въ степяхъ."—„Разсѣтъ.") I . . . 197
Вотъ смотрите, о, миссъ Мери. I 172
Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно. I 178
Вотъ тростникъ сухой и звонкій. („Свирѣль".) I 15
Вотъ узкъ и гробъ... и она. I 166
Все божество являетъ въ ней. („Мысль.") I. 30
Все вокругъ меня какъ прежде. I 61

Все время — рѣки безъ воды. („На пути по берегу Коринѳскаго залива.") I 276
Все — горы, острова, все утренняго пара. („У Мраморнаго моря.") I. 274
Все готово. Мусикійскій. („Олимпійскія игры.") I. 270
Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ. I. 7
Все — серебряное небо! I. 169
Все ты бредишь англичанкой. I 188
Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ подъ землей. I. 76
Все, что въ груди есть русскаго у насъ. („4 апрѣля 1866 года.") II. 188
Все, чѣмъ когда-то сердце билось. („В. и А.") I 267
Встрепенись, взмахни крылами. („Изъ Гафиза.") I 209
Встрѣча. („Случается порой, въ весенній ясный день.") I. . . . 36
Всѣмъ довольна я, старушка. („Дурочка.") II 132
Всѣмъ ты жалуешься вѣчно. I 188
Вся въ розахъ — на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ. („Розы.") I. 117
Вукоманъ пригожій былъ дѣтина. („Недогадливый.") II 68
Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно. („Карамзинъ.") II. 212
Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты. I 3
Вчера — и въ самый мигъ разлуки. I 266
Въ Айя-Софіи. („Господи! Что тамъ за шумъ? Что за люди?") II . 191
Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной. („Въ нашъ городъ слухъ пронесъ, что Сафо будетъ къ намъ.") I. 144
Въ альбомъ Л. И. Шелгуновой. („Однообразье бальныхъ залъ.") I. 146
Въ альбомъ. („Поздній осенній цвѣтокъ я принесъ въ твой цвѣтникъ для почина.") II 160
Въ альбомъ [illegible]. („Подснѣжниковъ трепетныхъ чистыя, свѣтлыя глазки.") I 276
Въ антологическомъ родѣ. I. 2
Въ вѣщѣ брегомъ, на яблокѣ земли. („Два моря.") I. 31
Въ Городцѣ въ 1263 году. („Ночь на дворѣ и морозъ.") II . . . 163
Въ груди моей кипитъ святое чувство. I. 58
Въ день вѣнчанья на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича. („Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву.") II 201
Въ день собиранья винограда. („Анакреонъ.") I. 128
Въ діадемѣ и порфирѣ. („Мани-факель-фаресъ.") I 282
Въ забытой тетради забытое слово. („Воспоминаніе.") I. 4
Въ легкихъ мятахъ бѣлой дымкой. („Облачка.") I. 154
Въ лѣсу. („Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной.") I. 152
Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ. („Старый хламъ.") I. 108
Въ младенческихъ годахъ моихъ далеко. („Жуковскій.") II . . . 215
Въ нашъ городъ слухъ пронесъ, что Сафо будетъ къ намъ. („Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной.") I. 144
Въ Неаполѣ, — когда еще Неаполь. („Пульчинелль.") III 227
Въ остеріи. („Пенно, выпьемъ!.. Видишь, буря.") I 69
Въ печали невская столица. („Ломоносовъ.") II. 176
Въ просторъ зеленаго вплываю океана. („Аккерманскія степи.") I. 219
Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ. („Альбомъ Артиноя.") I . . . 280
Въ свѣтлой греческой одеждѣ. („Renaissance.") I. 271
Въ святцахъ у бабушки разъ. („Бабушка и внучекъ.") II. . . . 148
Въ скиту, давно забытомъ, въ чащѣ лѣса. („Два бѣса.") II . . . 157
Въ старыхъ сказкахъ говорится. („Гейне." — „Принцесса Шабанъ.") I. 250

	стр.
Въ степяхъ. („Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ.") I	198
„ „ Ночная гроза. („Ну, ужъ вочка! Воздухъ жгучій.") I	197
„ „ Полдень. („Паръ полуденный душистый.") I . . .	198
„ „ Разсѣять. („Вотъ полосой зеленоватой.") I	197
„ „ Стрибожьи внуки. („Стрибожьи чада! Это вы.") I .	198
Въ столицѣ Медичи счастливой. („Савонарола.") II	9
Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ. („Поэзія.") II	145
Въ темномъ адѣ, подъ землею. II.	102
Въ темный храмъ одинъ прокрался. I	177
Въ тихой думѣ на кладбищѣ. („Изъ испанской антологіи.") I . .	211
Въ толпѣ опять я слышу пѣсню. („Гейне.") I	233
Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ. („Вакхъ.") I .	11
Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей. („Къ портрету Государя Императора Александра Александровича.") II	202
Въ чемъ счастье?.. Въ жизненномъ пути. I	286
Въ юдоли плача и порока. I	254
Выглянь, милая сосѣдка. („Amoroso.") I	66
Вы повсюду, о, миссъ Мери! I.	181
Вы разбрелися. („Альбомъ Антиноя.") I	279
Высокая пальма. („Альбомъ Антиноя.") I	278
Высоко, безмолвно. („Вальпаріи.") I	221
Высынь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый („Поэтъ и цвѣточница." — „Гётевская элегія.") II	43
Выше, выше въ поднебесной. I	293
Вѣка и народы. (I—XVI) II	3
Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его Богомъ. I.	291
Вѣтеръ гонитъ отъ востока. („Сказаніе о 1812 годѣ.") II	180
Вѣчные вопросы. (I—V) I	281
Гаданіе. („Египтянка, какъ царица.") II	94
Газета. („Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю.") I .	77
Гармоніи стиха божественныя тайны. („Октава.") I	2
Гезіодъ. („Во дни минувшіе, дни радости блаженной.") I. . . .	4
Гейне. („Али-Бей." — „Али-Бей, герой ислама.") I.	240
„ („Auf Flügeln des Gesanges." — „Поэзіи геній крылатый.") I	248
„ („Весною." — „Сверкая, проносятся волны рѣки.") I . . .	242
„ („Въ толпѣ опять я слышу пѣсню.") I	233
„ („Давно его мелькаетъ тѣнь.") I	228
„ („Ее въ грязи онъ подобралъ.") I	235
„ („Изъ моей великой скорби.") I.	241
„ („Конецъ! опущена завѣса!") I	249
„ („Король Гаральдъ." — „Король Гаральдъ на днѣ морскомъ.") I.	239
„ („Краса моя, рыбачка.") I	247
„ („Лилія." — „Отъ солнца лилія пугливо.") I	237
„ („Лорелея." — „Вѣда ли, пророчество ль это?") I.	247
„ („Меня ты не смутила.") I	235
„ („Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ.") I	230
„ („Мнѣ снилось, на рынкѣ въ народѣ.") I	234
„ („На горахъ Гарца." — „Раскрывайся, міръ преданій!") I .	243
„ („На мольбы мои упорно.") I	236
„ („На морѣ." — „Тишь и солнце! спятъ пучины.") I . . .	230
„ („Невольникъ." — „Каждый день въ саду гарема.") I. . .	236
„ („Нежданной молніей, вполнѣ.") I	249
„ („Не теряй, мой другъ, терпѣнья.") I.	230

Гейне. („Ночи теплый мракъ звездами.") I 238
„ („Ну, время! конца не дождешься!") I 231
„ („Одинокая слезка.") I 233
„ („Они о любви говорили.") I 246
„ („Онъ ужъ снился мнѣ когда-то.") I 238
„ („Осенняго мѣсяца обликъ.") I 229
„ („Осердившись, кастраты.") I 231
„ („Плачу я, въ лѣсу блуждая.") I 232
„ („Пора, пора за умъ мнѣ взяться.") I 228
„ („Посмотри: во всемъ доспѣхѣ.") I 241
„ („Принцесса Шабашъ."—„Въ старыхъ сказкахъ говорится.") I 250
„ („Романъ въ пяти стихотвореніяхъ." — „Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ.") I 244
„ („Сердце, сердце! что ты плачешь?") I 239
„ („Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни.") I 232
„ („Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!") I 247
„ („Старые знакомые."—„Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь.") I 245
„ („Ты быстро шла, но предо мною.") I 242
„ („Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ.") I 241
„ („Чайльдъ Гарольдъ."—„Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ.") I 237
„ („Что за милый это мальчикъ.") I 234
„ („Чуднымъ звукомъ даже ночи.") I 238
„ („Я вглядываюсь жадно.") I 233
Гётевская элегія. („Поэтъ и цвѣточница."—„Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый.") II 43
Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенитъ. Замогильный. („Черепъ.") I 17
Говорятъ, со всѣхъ соборовъ. I 191
Голенищевой-Кутузовой. Гр. О. А. („Жизнь — достиганье совершенства.") I 286
Голенищеву-Кутузову, Гр. А. А. („Стиховъ мнѣ дайте, графъ, стиховъ.") I 262
Голосъ въ лѣсу. („Давно какой-то дѣвы пѣнье.") I 152
Голосъ изъ могилы. („Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка.") II 93
Голубенькій, чистый. („Весна.") I 149
Гони ихъ прочь, твои мучительныя думы! I 288
Гонитъ волны быстръ Дунай. („Никогда!") II 60
Гончарову, И. А. („Море и земля чужія.") I 144
Горацій. („Легче лани юной ты.") I 41
„ („Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?") I . . . . . —
Горный ключъ. („Откуда ты, о, ключъ подгорный.") I 10
Горы. („Люблю я горныя вершины.") I 16
Господи! Что тамъ за шумъ? Что за люди? Какое смятенье? („Въ Айя-Софіи.") II 191
Грезы. („Зима, зима! Морозъ трещитъ.") II 133
Гроза. („Кругомъ царила жизнь и радость.") I 273
Грузинкѣ. („Если бъ, полонъ мщеньемъ мрачнымъ.") I 227
Грѣхи омывшая слезами. („Пери.") I 120
Грядущихъ нашихъ дней святая глубина. („Жизнь.") I 51
Гуситская пѣсня. („Близокъ, братья, день желанный!") II 86
Густѣетъ сумракъ, и съ полей. („Ночь на жнитвѣ.") I 196

стр.
Давно въ туманѣ предо мной. („Упраздненный монастырь.") II . 151
Давно его мелькаетъ тѣнь. („Гейне.") I 228
Давно какой-то дѣвы пѣнье. („Голосъ въ лѣсу.") I 152
Давно ль была она малютка. („Онъ и она.") I 110
Давно цари Россіи новой. („Москвѣ.") I 311
Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки. („Пустыннику.") I 6
Далеко, на самомъ морѣ. („Народная пѣсня.") I 180
Да-съ, видалъ я менуэтецъ. („Менуэтъ.") II. 179
Два бѣса. („Въ скиту, давно забытомъ, въ чащѣ лѣса.") II . . . 157
Два гроба. („Богатъ нашъ край дарами горныхъ нѣдръ.") I . . . 125
Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка. („Голосъ изъ могилы.") II 93
Двадцать лѣтъ въ пустынѣ. („Анахоретъ.") I 84
Два карлина. („Эй, синьоръ! хоть два карлина.") I 182
Два міра. Трагедія. IV. 3
Два моря. („Въ вѣнцѣ бреговъ, на яблокѣ земли.") I 31
Двойникъ. („Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ.") I 75
Двулицый Янусъ. („Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ."— „Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу.") I . 86
Двустишія. („И терны, и розы, улыбки и слезы.") II 88
Двѣ судьбы. Быль. III. 31
Денница. („Луна, опальная съ дворомъ своимъ царица.") I . . . 270
Деспо. („Сули пала, Кьафа пала.") II 97
Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ. („Нищій.") I . 68
Дикарка. („Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ.") I . 35
Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней. I. 16
Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ. („Дикарка.") I . 35
Діонея. („Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея.") I 16
Длинные кудри твои вдоль высокаго стана. („Изъ турецкой антологіи.") I 211
Для нихъ свобода, что̀ видѣнье. I. 281
Для чего, природа. I 61
Долго ль радости сіянье. („Радость.") I 25
Долго ночью вчера я заснуть не могла. („Сонъ въ лѣтнюю ночь.") I 123
Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой. („На пути.") I . 63
Долинъ Евфратовыхъ царица. I. 125
Дома. (I—X). I 193
Донъ-Пеппино. („Жаръ упалъ. На берегъ моря.") I 171
Донъ-Пеппино русской бредитъ. I. 190
Допотопная кость. („Я съ содроганіемъ смотрѣлъ.") I 121
Дорида милая, къ чему уборъ блестящій. („Доридѣ.") I 27
Доридѣ. („Дорида милая, къ чему уборъ блестящій.") I . . . . —
Дорогъ мнѣ передъ иконой. I 200
Дочери. (I—V) I. 165
Древній Римъ. („Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной.") I 80
Другу Ильѣ Ильичу. („Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю.") I 113
Друцкому-Любецкому, Князю. („Литовскихъ смутъ печальныя картины.") II 183
Дума. („Жизнь безъ тревогъ — прекрасный свѣтлый день.") I . . 13
Думалъ я, что небо. I. 85
Дурочка. (Всѣмъ довольна я, старушка.") II 132

стр.
Духъ вѣка. („Здорово, другъ!.. Что ты такъ мраченъ?“) II . . . 105
Духъ вѣка вашъ кумиръ: а вѣкъ нашъ—краткій мигъ. I. . . . 291
Душно! Иль опять сирокко? I. 191
Дѣвочка—братьямъ и другъ и примѣръ: лепетать только стала. I . 274

Еврейскія пѣсни. („Къ картинѣ „Введеніе во храмъ.“—„Колыбель моя качалась.“) I 47
„ „ („Торжествуй, свѣтелъ и румянъ.“) I 46
Египтянка, какъ царица. („Гаданіе.“) II 94
Его стихи читая, точно я. („Перечитывая Пушкина.“) I 262
Единое благо. („Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья.“) I 48
Ее въ грязи онъ подобралъ. („Гейне.“) I 235
Excelsior. (I—XXXI) I. 254
„ („Изъ Лонгфелло.“—„На высяхъ Альпъ горитъ закатъ.“) I 257
Ex tenebris lux. („Скорбитъ душа твоя. Изъ дня.“) I. 283
Емшанъ. („Степной травы пучокъ сухой.“) II 161
Если бъ, полонъ мщеньемъ мрачнымъ. („Грузинкѣ.“) I 227
Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно. („Марціалъ.“) I . 42
Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ. I. 260
Еще изъ народной пѣсни. („Не хочу я смерти ждать.“) I . . . 180
Еще печаль! Опять утрата! („На смерть М. И. Глинки.“) I . . . 104
Еще я полонъ, о, другъ мой милый. I 163
Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона. („Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея.“) I 66

Жанна д'Аркъ. („Бой кипѣлъ... Она скакала.“) I 271
Жаръ упалъ. На берегъ моря. („Донъ-Пешпино.“) I 171
Жизнь безъ тревогъ — прекрасный свѣтлый день. („Дума.“) I . 13
Жизнь. („Грядущихъ нашихъ дней святая глубина.“) I 51
Жизнь — достиганье совершенства. („Гр. О. А. Голенищевой-Кутузовой“). I 286
Жизнь еще передо мною. I. 161
Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ. („Нимфа Эгерія.“) I . 71
Жилъ-былъ менестрель въ Провансальской землѣ. („Менестрель.“) II 54
Житейскія думы. (I—XIX) I 90
Жрецъ. („Изиденъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.“) II 34
Жуковскій. („Въ младенческихъ годахъ моихъ далеко.“) II . . . 215
Журавли. („Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи.“) I 154

Завоеваніе Сибири. („Разсказы изъ русской исторіи.“ II) IV . . . 333
Завѣтъ старины. („Снилось мнѣ: по всей Россіи.“) II 202
Завѣщаніе дяди племяннику. (Проза). IV 176
Завѣщаніе. („Собирайтесь, палникары!“) II 97
Заката тихое сіянье. I 292
Замолкъ и рогъ и топотъ сталъ. („Заря.“) I 31
Западная Русь. („Великолѣпные костелы.“) II 182
Запѣваютъ пташки на зарѣ. („Старый мужъ.“) II. 91
Заря. („Замолкъ и рогъ и топотъ сталъ.“) I. 31
За стаею орловъ двѣнадцатаго года. („П. А. Плетневу.“) I . . . 143
Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ. („Эоловы арфы.“) I. 104
Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра. („Сафо.“) I. 38
Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей. („Плющъ.“) I. 14
Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни. I 259

стр.

Зачѣмъ смущать меня подъ старость! („Вел. Кн. Константину Константиновичу.“) I 263
Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума. I 50
Зачѣмъ, шутя неосторожно. I 162
Звуки ночи. („О, ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный.“) I. 151
Звѣзда божественной Киприды. („Сафо.“) I 38
Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый! („Посланіе съ Понта.“—„Овидій.“) I 42
Здорово, другъ!.. Что ты такъ мраченъ? („Духъ вѣка.“) II . . . 105
Здорово милый другъ! Я прямо изъ деревни! („Весенній бредъ.“) I 92
Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо. I . . 170
Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель. („Эпитафія.“) I . . 10
Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что всѣмъ людямъ. („Эпитафія.“) I. 292
Здѣсь сатиры прежде жили. („Аркадскій селянинъ путешественнику.“) I. 133
Зима, зима! Морозъ трещитъ. („Грезы.“) II 113
Зимнее утро. („Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.“) I. 12
Зовись преемницей пророка. („The Empress of India.) II 193
„Золото, золото падаетъ съ неба! („Лѣтній дождь.“) I 195
Золотой архіепископъ. I 179

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады. („Пустынникъ.“) I . 256
И видѣлъ я: Сидящій держитъ книгу. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. V) III 204
И видѣлъ я, что первую печать. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. VI) III 205
И городъ вотъ опять! Опять сіяетъ балъ. I 160
Игры. („Кишѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы.“) I. 79
Идутъ письма изъ земли Московской. („Какъ отдарялъ турецкій султанъ московскаго царя.“) II. 77
Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья! („Моему издателю.“—„А. Ф. Марксу.“) I 268
Изиднив жрецъ изъ Египта жилъ. („Жрецъ.“) II 34
Измѣна. („Алой рюзою играя.“) I 25
Измученъ зноемъ и трудомъ. („Изъ Лонгфелло.“—„Сонъ негра.“) I. 217
Изобрази ты въ немъ поэта. („Ваятелю.“) I. 256
Изъ Андрея Шенье. („Я былъ еще дитя: она уже прекрасна.“) I. 208
Изъ Апокалипсиса. Гл. IV. („Видѣнье было мнѣ: внезапно небо.“) III. 203
„ „ Гл. V. („И видѣлъ я: Сидящій держитъ книгу.“) III 204
„ „ Гл. VI. („И видѣлъ я, что первую печать.“) III 205
„ „ Гл. VII. („И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ.“) III 206
„ „ Гл. VIII. („Седьмую Агнецъ разломилъ печать.“) III 207
„ „ Гл. IX. („И пятый вострубилъ.“) III 208
„ „ Гл. X. („И се низшелъ еще отъ неба ангедъ.“) III 209
Изъ Аполлодора Гностика. (I—XV) I. 291
Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья. I 295
Изъ восточнаго міра. (I—VI) I 46
Изъ Гафиза. („Встрепенись, взмахни крылами.“) I 209
Изъ Гёте. („Кого полюбишь ты—всецѣло.“) I 206
„ „ („Лилли.“—„Эта маленькая Лилли.“) I 207
„ „ („Миньона.“—„Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ.“) I 206
„ „ („Надо кончить.“—„Порѣшили.“) I 207
Изъ дневника. (I—VII) I. 162
Изъ испанской антологіи. („Въ тихой думѣ на кладбищѣ.“) I . . 211

стр.
Изъ испанской антологіи. („Противъ глазъ твоихъ пичуть.") I . . 210
„ „ „ („Холодный смертный приговоръ.") I . 211
„ „ „ („Эти очи—свѣтъ со тьмою.") I. . . . 210
„ „ „ („Эти черные два глаза.") I . . . . —
„ „ „ („Я—король. Ты—королева.") I. . . . —
Изъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича. (1—3) I. 219
Изъ Лонгфелло. („Excelsior."—„На высяхъ Альпъ горитъ закатъ.") I. 257
Изъ Лонгфелло. („Сонъ негра."—„Измученъ зноемъ и трудомъ.") I 217
Изъ моей великой скорби. („Гейне.") I 241
Изъ Петрарки. („Когда она вошла въ небесныя селенья.") I. . . 205
Изъ письма. („Мигъ внезапныхъ откровеній.") I 287
Изъ подземнаго изъ ада. („Адъ.") II. 100
Изъ приключеній Горунина въ Италіи. (Проза.) IV 282
Изъ Сафо. („Онъ—юный полубогъ, и онъ—у ногъ твоихъ!") I . . 204
Изъ славянскаго міра. (I—IX) II. 60
Изъ странствованій. (I—VII) I. 167
Изъ темныхъ долинъ этихъ взоръ. („К. С. Соловьеву.") I. . . . 266
Изъ турецкой антологіи. („Длинные кудри твои вдоль высокаго стана.") I. 211
„ „ „ („На мигъ упалъ съ лица прекрасной.") I. —
„ „ „ („Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки.") I. —
Изъ Шамиссо. („Нѣвецъ."—„Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой.") II. 20
Изъ Шиллера. („Борьба." — „Нѣтъ, прочь, суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?") I. 208
И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился. („Разсказъ духа.") I . 283
Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю. („Другу Ильѣ Ильичу.") I 113
Именинникъ былъ царь Лазарь. („Сербская церковь.") II. . . . 74
Именинницѣ. („Именинницѣ прекрасной.") I. 147
Именинницѣ прекрасной. („Именинницѣ.") I. . . . . —
Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ. („Три правды.") II 141
Импровизація. („Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяный.") I . 121
Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрыть. („Гейне."—„Романъ въ пяти стихотвореніяхъ.") I. 244
И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ. („Іафетъ.") II. 3
И пятый вострубилъ. („Изъ Апокалипсиса." Гл. IX) III 209
И се низшелъ еще отъ неба ангелъ. („Изъ Апокалипсиса." Гл. X) III —
Искони твердятъ испанки. („Исповѣдь королевы.") II 21
Искусство. („Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.") I 8
Исповѣдь королевы. („Искони твердятъ испанки.") II 21
Исповѣдь. („Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь.") I . . 50
Испытаніе. („Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада.") I. . . 34
Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы. I 163
Италія. („Повита миртами густыми.") I 223
И терны и розы, улыбки и слезы. („Двустишія.") II 88
И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ. („Изъ Апокалипсиса." Гл. VII) III 207
Іафетъ. („И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ.") II 3
Каждый день въ саду гарема. („Гейне."—„Невольникъ.") I . . . 236
Казакъ. („Самобытное созданье.") II. 190
Какое утро! Стихли громы. I 176
Какой таинственною силой. („Слава.") I 28
Какъ дышится легко на этихъ высотахъ. („На Чамлиджи.") I . . 275
Какъ за чаркой, за блинами. („Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.") II 168

стр.
Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя. („Идутъ письма изъ земли московской.") II 77
Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны. („Е. А. Шепшиной.") I 145
Какъ ты милъ въ нѣжкѣ лавровомъ. („Преторъ.") I. 133
Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ. („Безвѣтріе.") I. 52
Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ. („Генералейт. Хрулеву.") I. 146
Какъ чудныхъ странниковъ сказанья. I 105
Камея. (I—VIII) I 127
Campagna di Roma. („Пора, пора! Ужъ утро славитъ птичка.") I. 63
Кантата. („Съ мала ключика студёна потекла рѣка.") II 197
Капуцинъ. („Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ.") I 69
Карамзинъ. „Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно.") II 212
Картина вечера. („Люблю я берегъ сей пустынный.") I 4
Картинка. („Посмотри: въ избѣ, мерцая.") II 144
Кассандра. Сцены изъ Эсхиловой трагедіи „Агамемнонъ". III . . 264
Катись, катися надо мной. I 293
Каткову, М. И. („Мы—москвичи! что дѣлать, милый другъ!") II . 185
„ „ („Что можетъ міру дать Востокъ?") II . . . . . —
Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы. („Игры.") I. 79
Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ. („Художникъ.") I 74
Кладбище. („Ужъ гаснетъ день: пурпурный океанъ.") I. 58
Клермонтскій соборъ. („Не свадьбу праздновать, не пиръ.") II. . 13
Княжна ***. Трагедія въ октавахъ. III 236
Князь NN и графъ фонъ-Дум—енъ. I. 177
Когда бъ я ангелъ былъ небесный. („Къ миссъ Мери.") I . . . 174
Когда всеобщая настанетъ тишина. („Минутная мысль.") I . . . 34
Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ. („На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февр. 1880 г.") II. 195
Когда въ челѣ своихъ дружинъ. („Послѣдніе язычники.") II. . . 37
Когда, гонимъ тоской неутолимой. I 106
Когда, какъ бурный конь, порвавшій удила. („А. А. Фету.") II . 218
Когда ложится тѣнь прозрачными клубами. („Сонъ.") I 3
Когда межъ насъ являлся онъ. („18 февраля 1855 года.") II . . 186
Когда насъ еще на свѣтѣ не было. („Сказаніе о Петрѣ Великомъ.") II 174
Когда она вошла въ небесныя селенья. („Изъ Петрарки.") I . . 205
Когда пернатыхъ царь стремится. („Орелъ.") I. 11
Когда поноситъ чернь хулою. („Пѣвцу.") I 28
Когда по улицѣ, въ откинутой колясцѣ. („Коляска.") I 310
Когда стою въ толпѣ средь городского сада. („Крыловъ.") II . . 211
Кого полюбишь ты—всецѣло. („Изъ Гёте.") I 206
Колыбель моя качалась. („Еврейскія пѣсни."—Къ картинѣ „Введеніе во храмъ.") I 47
Колыбельная пѣсня. („Спи, дитя мое, усни!") II 87
Коляска. („Когда по улицѣ, въ откинутой колясцѣ.") I. 310
Конецъ міра. („Пируй въ огнѣ и онміамѣ.") I. 29
Конецъ! опущена занѣса! („Гейне.") I. 249
Константину Константиновичу, Вел. Кн. („Зачѣмъ смущать меня подъ старость!") I. 203
Конь. („Сѣтлолица, черноброва.") II 51
Король Гаральдъ. („Гейне."—„Король Гаральдъ на днѣ морскомъ.") I 239
Король Гаральдъ на днѣ морскомъ. („Гейне."—„Король Гаральдъ.") I. —
Краса моя, рыбачка. („Гейне.") I 247
Критикъ твой достопочтенный. („Маріэтта.") II 55

стр.
Кроетъ ужъ листъ золотой. („Осень.") I 159
Кругомъ царила жизнь и радость. („Гроза.") I 272
Крыловъ. („Когда стою въ толпѣ средь городского сада.") II . . 211
К. Р. („Эти милыя днѣ буквы.") I 263
Кто онъ? („Лѣсомъ частымъ и дремучимъ.") II 173
Куда бъ ни шелъ шумящій міръ. I 258
Куда какъ надоѣлъ элегій современныхъ. („Машенька.") III. . . 71
Кумиры старые разбиты. („Празднословы.") I. 115
Купальщицы. („Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь.") I . . . 218
Къ картинѣ Айвазовскаго. („Во время войны 1877—1878 года." — „Воздушный этотъ крестъ — ты понялъ — онъ всегда.") II . . 194
Къ картинѣ „Введеніе во храмъ" („Еврейскія пѣсни." — „Колыбель моя качалась.") I 47
Къ кончинѣ близокъ князь Андрей. („Судъ предковъ.") II 203
Къ миссъ Мери. („Когда бъ я ангелъ былъ небесный.") I 174
Къ миссъ Мери. („Передъ тобой синѣетъ море.") I 176
Къ портрету Государя Императора Александра Александровича. („Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей.") II 202
Къ тебѣ слетѣло вдохновенье. („Художнику.") I 260
Къ художнику. („Напрасно напрягаешь струны.") I. 261

Lacrymae Christi. („На Везувіи пустынникъ.") I 185
Ласточка примчалась. II 88
Ласточки. („Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ.") I 158
Лебедеву, Вл. П. („Отвѣть." — „Нѣтъ, то не муза, дщерь небесъ.") I. 264
Легче лани юной ты. („Горацій.") I 41
Лилія. („Гейне." — „Отъ солнца лилія пугливо.") I 237
Лилли. („Изъ Гёте." — „Эта маленькая Лилли.") I. 207
Лиру разбила она — въ ней созвучія сердцу не слышно. („Разбитая лира.") I. 276
Литовскихъ смуть печальныя картины. („Князю Друцкому-Любецкому.") II 183
Ломоносовъ. („Въ печали невская столица.") II 176
Лорелея. („Гейне." — „Бѣда ли, пророчество ль это?") I. 247
Lorenzo. („Слава Богу, деньги есть.") I 75
Луна, опальная съ дворомъ своимъ царица. („Денница.") I . . . 270
Лунная ночь. („Тихій вечеръ мирно надъ полянами.") I 56
Лѣсомъ частымъ и дремучимъ. („Кто онъ?") II 173
Лѣтній дождь. („Золото, золото падаетъ съ неба!") I 195
Люби, люби каменъ, кури имъ ониміамъ. („Поэзія.") I 18
Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ. I 86
Люблю дорожкою лѣсною. („Пейзажъ.") I 157
Люблю, если, тихо къ плечу моему головой прислонившись. I. . . 163
Люблю надъ Рейномъ я громадныя твердыни. I 167
Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь. („Купальщицы.") I . . . 218
Люблю я берегъ сей пустынный. („Картина вечера.") I 4
Люблю я горныя вершины. („Горы.") I 16
Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ. („Е. П. Майковой.") I 21
Любуша и Премыслъ. („Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья.") II 66
Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья. („Любуша и Премыслъ.") II . . . . . —

Магдалина. („Посмотри: прикрывъ власами.“) I 27
Мадонна. („Стою предъ образомъ Мадонны.“) I 205
Майковой, Е. П. („Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ.“) I 21
„ „ „ („Посвященіе“.—„Тебѣ, которой были милы.“) I . 1
Мани-ваакелъ-фаресъ. („Въ діадемѣ и порфирѣ.“) I 282
Маріэтта. („Критикъ твой достопочтенный.“) II 55
Марксу, А. Ф. („Блаженъ, кто, посадивъ зерно.“) II. 221
„ „ „ („Моему издателю.“ — „Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья!“) I. 268
Маркъ Петровичъ Петровъ. Разсказъ. (Проза.) IV 254
Марціалъ. („Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно.“) I . 42
Маститые, вѣтвистые дубы. I 152
Мать. („Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ.“) I 193
Мать и дочь. („Опрятный домикъ... сядъ съ плодами.“) I 106
Мать и дѣти. („Что ты, мама, безпрестанно.“) II 87
Машенька. („Куда какъ надоѣлъ злодѣй современныхъ.“) III. . . 71
Между мраморныхъ обломковъ. („Поцѣлуй.“) II 89
Межъ тремя морями башня. II 90
Межъ тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ. („Посланіе въ лагерь.“) I 300
Менестрель. („Жилъ-былъ менестрель въ Провансальской землѣ.“) II 54
Менузэтъ. („Да-съ, видалъ я менуэтецъ.“) II 179
Меня всю ночь промучилъ сплинъ. („Арлекинъ.“) I. 96
Меня ты не смутила. („Гейне.“) I 235
Мертвая зыбь. („Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ.“) I. 269
Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяный. („Импровизація.“) I. 121
Мечтанія. („Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей.“) I. 161
Мигъ внезапныхъ откровеній. („Изъ письма.“) I 287
Милыхъ, что умерли. I 291
Милюкову, А. П. („Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ.“) II 220
Минутная мысль. („Когда всеобщая настанетъ тишина.“) I . . . 34
Миньона. („Изъ Гёте.“—„Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ.“) I 206
Мирта Киприды мнѣ дай! („Эпикурейскія пѣсни.“) I 43
Мисеь, не бойтесь легкой шутки! I. 189
Михайлову, М. Л. („Урала мутнаго степные берега.“) I 143
Мицкевичъ. („Изъ крымскихъ сонетовъ.“ 1. Аккерманскія степи.) I 219
„ („Изъ крымскихъ сонетовъ.“ 2. Байдарская долина.) I —
„ („Изъ крымскихъ сонетовъ.“ 3. Алушта днемъ.) I . . 220
Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ. („Гейне.“) I 230
Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣсенъ. („Послѣ бала.“) I . . 90
Мнѣ Неаполь опротивѣлъ. I 191
Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу. („Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ.“—„Двулицый Янусъ.“) I. 86
Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ. („Гейне.“) I. 234
Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ. („А. П. Милюкову.“) II 220
Моему издателю. („А. Ф. Марксу.“—„Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья.“) I 268
Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ. („Въ степяхъ.“) I 198
Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ. („Ласточки.“) I 158
Молитва бедуина. („О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ.“) I. 47
Молитва. („Шла туча съ запада, другая отъ востока.“) I. 310

	стр.
Молодая жена. („Наряжалась младая Елена.") II	91
Монастырь. („Во дни кровавые, когда тевтонъ суровый.") II	7
Море бурно: небо въ тучахъ. („Цезаря.") I	222
Море и земли чужія. („И. А. Гончарову.") I	144
Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями. („Зимнее утро.") I	12
Москва—третій Римъ. („Разсказы изъ русской исторіи." II) IV	319
Москвѣ. („Давно царя Россіи новой.") I	311
Мраморный фавнъ. („Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.") I	53
Мститель. („Не пускайся въ море сине.") I	225
Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты. I	9
Мы всѣ—блюстители огня на алтарѣ. („Вопросъ.") I	281
Мы выросли въ суровой школѣ. I	262
Мы—москвичи! что дѣлать, милый другъ! („М. П. Каткову.") II	185
Мысль. („Все божество являетъ въ ней.") I	30
Мысль поэта. („О, мысль поэта! Ты вольна.") I	11
Мысль поэтическая—пѣть! I	265
На берегахъ Нормандіи. („Большое, тихое дитя.") I	167
Наброски. (I—V) I	285
На бѣлой отмели Каспійскаго поморья. I	126
На Везувіи пустынникъ. („Lacrymae Christi.") I	185
На волѣ. (I—XXIII) I	149
На высяхъ Альпъ горитъ закатъ. („Изъ Лонгфелло.—„Excelsior.") I	257
На горахъ Гарца. („Гейне."—„Раскрывайся, міръ преданій.") I	243
На горѣ, сіяньемъ утра. („Альпійская дорога.") I	169
На дальнемъ сѣверѣ моемъ. I	67
На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г. („Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ.") II	195
„Надо кончить"—порѣшили. („Изъ Гёте.") I	207
Надъ необъятною пустынею океана. I	270
Надъ прахомъ генія свершать святую тризну. I	103
Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ. („Двойникъ.") I	75
На мигъ узналъ съ лица прекрасной. („Изъ турецкой антологіи.") I	211
На мольбы мои упорно. (Гейне.") I	236
На морѣ. („Гейне."—„Тишь и солнце! спятъ пучины.") I	230
На мотивъ Гёте. („Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки.") I	277
Намъ каждый день приходится онлакать. I	60
На мысѣ семь дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой. I	7
На памятникѣ. („Онъ равно умѣлъ перебирать искусно.") I	16
Напрасно напрягаешь струны. („Къ художнику.") I	261
На пути. („Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой.") I	63
На пути по берегу Коринѳскаго залива. („Все время—рѣки безъ воды.") I	276
На ранній благовѣстъ, когда еще поля. („Сиротка.") I	274
Народныя пѣсни. („Далеко, на самомъ морѣ.") I	180
Народный вождь вступаетъ въ городъ. I	192
Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы. („Ѳ. И. Тютчеву.") II	186
На Руси былъ черный богъ. („Бѣлорусскія пѣсни." 3) I	214
Наряжалась младая Елена. („Молодая жена.") II	91
На смерть М. П. Глинки. („Еще печаль! Опять утрата!") I	104
На соборѣ, на Констанцскомъ. („Приговоръ.") II	39
На событіе 17 октября. („Не намъ—что наше вдохновенье!") II	201

стр.

На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи. („Царственный юноша, дважды спасенный!") II 202
На Чамлиджи. („Какъ дышится легко на этихъ высотахъ.") I . . 275
Неаполитанскій альбомъ. (I—XXXII) I. 171
Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ. („Платона единственные два стиха, до насъ дошедшіе.") I 203
Не вамъ, о, юные наперсники любви. („Тайна.") I 20
Невольницы мои младыя. („Венера Медицейская.") I. 23
Невольникъ. („Гейне." — „Каждый день въ саду гарема.") I. . . 236
Не говори, что нѣтъ спасенья. I 291
Не горятъ златыми льдами. („Воробьевы горы.") I 201
Недогадливый. („Вукоманъ пригожій былъ дѣтина.") II. 68
Нежданной молніей, вполнѣ. („Гейне.") I. 249
Некрасивъ я, знаю самъ. („Пѣвецъ.") II 92
Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ. („Schella.") I. . . 19
Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить. („Перерожденіе".) I. 33
Не можетъ быть! Не можетъ быть! I 165
Не назову ее богиней. I 57
Не намъ—что наше вдохновенье! („На событіе 17 октября.") II . 201
„Не отставай отъ вѣка"—лозунгъ лживый. I 261
Не пускайся въ море сине. („Мститель.") I 225
Не свадьбу праздновать, не пиръ. („Клермонтскій соборъ.") II . . 13
Не сѣки ты, батюшка. („Бѣлорусскія пѣсни." 7) I 216
Не теряй, мой другъ, терпѣнья. („Гейне.") I. 230
Не хочу я смерти ждать. („Еще изъ народной пѣсни.") I. . . . 180
Нива. („По нивѣ прохожу я узкою межой.") I. 199
Никогда! („Гонитъ волны быстръ Дунай.") II 60
Нимфа Эгерія. („Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ.") I . 71
Нина, Нина, тарантелла. („Тарантелла.") I. 183
Нищій. („Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ.") I . 68
Новая свѣтлая звѣздочка. I 165
Новогреческія пѣсни. (I—XXXIII) II 87
Ночи теплый мракъ гвоздики. („Гейне.") I 238
Ночная гроза. („Въ степяхъ."—„Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій.") I. 197
Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ. („Бальдуръ.") III 211
Ночь на дворѣ и морозъ. („Въ Городцѣ въ 1263 году.") II . . . 163
Ночь на жнитвѣ. („Густѣетъ сумракъ, и съ полей.") I. 196
Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ. („Старый дожъ.") II 58
Ну, время! конца не дождешься! („Гейне.") I. 231
Ну, послушай-ка, старуха. („О томъ, какъ отставной солдатъ Перфильевъ пошелъ во вторичную службу.") I 301
Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій. („Въ степяхъ."—„Ночная гроза.") I 197
Нѣтъ! Прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю. („Размѣнъ.") I . . 117
Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь? („Борьба."—„Изъ Шиллера.") I. 208
Нѣтъ, то не муза, дщерь небесъ. („Отвѣтъ."—„Вл. П. Лебедеву.") I 264
Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ. („Черногорецъ.") I. 222

Облачка. („Въ легкихъ нитяхъ бѣлой дымкой.") I 154
Овидій. („Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.") I 8
„ („Посланіе съ Понта."—„Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!") I 42
О, вѣчно-ропчущій, угрюмый океанъ! I 168
Одинокая слезка. („Гейне.") I 233

стр.
Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной. („Альбомъ Антиноя.") I . 278
Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою. („Овидій.") I 8
Однообразье бальныхъ залъ. („Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой.") I. 146
О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ. („Прощаніе съ деревней.") I. 14
Ой, катилася заря. („Бѣлорусскія пѣсни." 5) I. 215
Ой, коли бъ, коли. („Бѣлорусскія пѣсни." 4) I . . . . . —
Ой, сынки мои, соколы мои. („Бѣлорусскія пѣсни." 2) I 214
Ой, худыя вѣсти. („Петрусь.") („Бѣлорусскія пѣсни." 1) I. 212
Оконченъ трудъ—ужъ онъ мнѣ трудъ постылый. I 261
Октава. („Гармоніи стиха божественныя тайны.") I 2
Олимпійскія игры. („Все готово. Мусикійскій.") I *270
Олимпъ и Киссавъ. („Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить.") II . 93
Олинѳъ и Эсѳирь. Поэма. III 3
О, море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй. I. 287
О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній. („Антики.") I . 78
О, мысль!.. Изъ урны роковой. I 255
О, мысль поэта! Ты вольна. („Мысль поэта.") I. 11
Она еще едва умѣетъ лепетать. I 165
Они обѣдали отлично. („Филантропы.") I 106
Они о любви говорили. („Гейне.") I. 246
Они сегодня снова обрѣли. („Экспромптъ.") II. 193
О, ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный. („Звуки ночи.") I 151
Онъ и она. („Давно ль была она малютка.") I. 110
Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно. („На памятникѣ.") I . 16
Онъ спитъ, онъ спитъ. („Панъ.") I 155
Онъ ужъ снился мнѣ когда-то. („Гейне.") I 238
Онъ—юный полубогъ, и онъ у ногъ твоихъ! („Изъ Сафо.") I . . 204
О, память сердца! ты сильнѣй. (I—VIII) I 287
Опрятный домикъ... садъ съ плодами. („Мать и дочь.") I 106
Опустѣли наши села. II 103
Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что̀ ты такое? I 285
Опять горитъ востокъ! Опять и кровь и стонъ. („Во время войны 1877—1878 года.") II 194
Опять судьба переселила. („В. А. Солоницыну.") I 135
Орелъ. („Когда пернатыхъ царь стремится.") I. 11
О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ. („Разсказы изъ русской исторіи." 1) IV 302
Осенніе листья по вѣтру кружатъ. I 159
Осенняго мѣсяца обликъ. („Гейне.") I 229
Осень. („Кроетъ ужъ листъ золотой.") I 159
Осень срывала поблекшіе листья. („Эхо и молчаніе.") I 5
Осердившись, кастраты. („Гейне.") I. 231
О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ. („Молитва бедуина.") I 47
Оставь, оставь! На вдохновенный. I. 268
Останови свой мечъ горящій. („Пери и Азраилъ.") I 124
Остроумица, плясунья. („Эпикурейскія пѣсни.") I 44
Отвергла гордая мой чистый жаръ любви. I 57
Отвѣтъ. („Вл. П. Лебедеву".—„Нѣтъ, то не муза, дщерь небесъ.") I 264
Отвѣтъ. („Во многолюдствѣ шумномъ свѣта.") I . . . . . —
Отзывы жизни. (I—XIII) II. 105
Отзывы исторіи. (I—XXX) II 161

стр.

Откуда ты, о, ключъ подгорный. („Горный ключъ.“) I 10
О томъ, какъ отставной солдатъ Перфильевъ пошелъ во вторичную службу. („Ну, послушай-ка, старуха.“) I 301
О, трепещущая птичка. I 286
Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ.“ („Во мнѣ сражаются, меня гнетутъ жестоко.“) I 89
Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ“. („Двуликій Янусъ.“—„Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу.“) I . . . 86
Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи. („Журавли.“) I 154
Отъ солнца лилія пугливо. („Гейне.“—„Лилія.“) I. 237
Охъ, дорога ль моя, ты дороженька! („Пастухъ.“) I 305
О, царство вѣчной юности. I 255
О, Цинтія! Вдали отъ друга своего. („Цинтія“.—„Проперцій.“) I . 40
О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю. I 50
Очерки Рима. (I—XXIX) I 63

Palazzo. („Войдемте, вотъ чертогъ съ богатыми столбами.“) I . . 82
Памяти Державина. („Что слышу? Что сердце волнуетъ?“) I . . . 298
Панъ. („Онъ спитъ, онъ спитъ.“) I 155
Паръ полуденный душистый. („Въ степяхъ.“—„Полдень.“) I. . . 198
Пастухъ. („Былъ суровъ король донъ-Педро.“) II 52
„ („Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!“) I 305
Пахнетъ сѣномъ надъ лугами. („Сѣнокосъ.“) I 195
Пейзажъ. („Люблю дорожкою лѣсною.“) I 157
Пенпо, выпьемъ!.. Видишь, буря. („Въ остеріи.“) I 69
Первый поцѣлуй. („Что любимъ давно мы другъ друга, мы знали, хоть ясно.“) I 162
Переводы и варіаціи. (I—XLII) I. 228
Передъ войной. („По мѣстамъ! по мѣстамъ! — грозный окликъ идетъ.“) II 193
Передъ твоей душой пугливой. I 91
Передъ тобой синѣетъ море. („Къ миссъ Мери.“) I 176
Перерожденіе. („Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить.“) I 33
Перечитывая Пушкина. („Его стихи читая, точно я.“) I 262
Пери. („Грѣхи омывшая слезами.“) I 120
Пери и Азраилъ. („Останови свой мечъ горящій.“) I 124
Петербургская весна. Разсказъ. (Проза.) IV 125
Петрусь. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 1—„Ой, худыя вѣсти.“) IV. . . 212
Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья. („Единое благо.“) I. 48
Пикникъ во Флоренціи. (Проза.) IV 216
Пируй въ огнѣ и виміамѣ. („Конецъ міра.“) I. 29
Миръ у васъ и ликованья. I 294
Платона единственные два стиха, до насъ дошедшіе. („Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ.“) I . . 203
Плачу я, въ лѣсу блуждая. („Гейне.“) I 232
Плачъ партіотовъ. („Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря.“) II 96
Плетневу, П. А. („За стаею орловъ двѣнадцатаго года.“) I . . . 143
Пѣшникъ. („Сторожатъ меня албанцы.“) II. 94
Плющъ. („Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей.“) I. 14
Побѣду клефты празднуютъ, пируютъ капитаны. II 95
Повита миртами густыми. („Италія.“) I 223
Погодину, М. П. посв. („Карамзинъ.“) — „Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно.“) II. 212
По городу плачъ и стенанье. („Приданое.“) I 112

стр.
Подражанія древнимъ. I 38
Подснѣжниковъ трепетныхъ чистые, свѣтлые глазки. („Въ альбомъ *** .“) I 276
Подъ дождемъ. („Помнишь: мы не ждали ни дождя ни грома.“) I 150
Подъемлютъ споръ за человѣка. („Ангелъ и демонъ.“) I 49
Подъ солнцемъ вьются жаворонки. („Христосъ Воскресе.“) II . . . 104
Поздній осенній цвѣтокъ я принесъ въ твой цвѣтникъ для почина! („Въ альбомъ.“) II 160
Показалась звѣзда на востокѣ. II 103
Полдень. („Въ степяхъ.“—„Паръ полуденный душистый.“) I . . . 198
Поле зыблется цвѣтами. I 150
Полно притворяться. I 36
Полнъ черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ. („Вихрь.“) I 118
Полонскій! Суждено опять судьбою злою. („Я. П. Полонскому.“) I 141
Полонскому, Я. П. („Полонскій! Суждено опять судьбою злою.“) I, — „ „ „ („Твой стихъ, красой и ароматомъ.“) I 140
„ „ „ („Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка.“) II . . . 217
По лѣсамъ, еще прозрачнымъ. I 153
Поля. („Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ.“) II 145
Помнишь: мы не ждали ни дождя ни грома. („Подъ дождемъ.“) I 150
„По мѣстамъ! по мѣстамъ!“ —грозный окликъ идетъ... („Передъ войной.“) II 193
По нивѣ прохожу я узкой межой. („Нива.“) I 199
Пора, пора за умъ мнѣ взяться! („Гейне.“) I 228
Пора, пора! Ужъ утро славитъ птичка. („Сатирамъ и Нонна.“) I. 63
Порывы нѣжности обуздывать умѣя. I 163
Посвященіе. („Тебѣ, которой были милы.“—„Е. П. Майковой.“) I. 1
Посланіе въ лагерь. („Межъ тѣлъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ.“) I 300
Посланіе съ Понта. („Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!“—„Овидій.“) I 42
Посланія. (I—XIII) I 135
Послѣ бала. („Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣсенъ.“) I . . 90
Послѣдніе язычники. („Когда въ челѣ своихъ дружинъ.“) II . . 37
Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея. („Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона.“) I 66
Посмотри: во всемъ досадѣхъ. („Гейне.“) I 241
Посмотри: въ избѣ, мерцая. („Картинка.“) II 144
Посмотри въ свой вертоградъ. („Вертоградъ.“) I 48
Посмотри: прикрывъ власами. („Магдалина.“) I 27
Поцѣлуй. („Между мраморныхъ обломковъ.“) II 89
Поэзіи геній крылатый. („Гейне.“—„Auf Flügeln des Gesanges.“) I 248
Поэзія—вѣнецъ познанья. I 293
Поэзія. („Люби, люби каменъ, кури имъ ониміамъ.“) I 18
Поэмы. III 3
Поэмы. IV . . . . . —
Поэтъ и цвѣточница. („Гетевская элегія.“—„Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый.“) II 43
Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея. („Діонея.“) I 16
Празднословы. („Кумиры старые разбиты.“) I 115
Превращеніе. („Я зналъ тебя, когда любви.“) I 20
Преданья Сѣвера изображаютъ бога. („Юбилей Шекспира.“) II . 210
Предсказаніе. („Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты—ребенокъ.“) I 34

стр.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ. („Алушта дномъ.") I 220
Приговоръ. („Какъ ты милъ въ вѣнкѣ лавровомъ.") I. 133
Приволье на горахъ родныхъ, приволье въ темныхъ долахъ. II . 102
Приговоръ. („На соборѣ, на Констанцскомъ.") II. 39
Приданое. („По городу плачъ и стенанье.") I 112
При дорогѣ, при широкой. („Бѣлорусскія пѣсни." 6) I 215
Призваніе. („Шумя на полныхъ парусахъ.") I. 54
Призывъ. („Ужъ утра свѣжее дыханье.") I. 6
Принцесса Шабашъ. („Гейне." — „Въ старыхъ сказкахъ говорится.") I. 250
Пріапу. („Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ.") I 7
Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный. („Видѣніе.") I 33
Прогулка по Риму съ моими знакомыми. (Проза.) IV 189
Проза. IV 125
Проперцій. („Туллу." — „Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно.") I 39
„ („Цинтіи." — „О, Цинтія! Вдали отъ друга своего.") I . 40
Противъ глазъ твоихъ ничуть. („Изъ испанской антологіи.") I . . 210
„Прочь идеалы!" Грозный кликъ!.. I 294
Прощаніе съ деревней. („О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ.") I 14
Птички-ласточки, летите. II. 92
Пульчинель вскочилъ на бочку. I 190
Пульчинель. („Въ Неаполѣ, — когда еще Неаполь.") III 227
Пустыннику. („Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки.") I 6
Пустынникъ. („И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады.") I 256
Пусть говорятъ — поэзія мечта. („Сомнѣніе.") I 13
Пусть гордится старый дѣдъ. („Анакреонъ.") I 39
Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей. („Мечтанія.") I 161
Пусть полудикіе скиѳы, съ глазами налитыми кровью. I. 17
Пушкину. („Русь сбирали и скрѣпляли.") II 216
Пѣвецъ. („Изъ Шамиссо." — „Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой.") II 20
Пѣвецъ. („Не красивъ я, знаю самъ.") II. 92
Пѣвцу. („Когда поноситъ чернь хулою.") I 28
Пѣсни. („У воротъ монастыря.") II 156

Радойца. („Что за чудо, Господи мой Боже!") II 83
Радость. („Долго ль радости сіянье.") I 25
Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву. („Въ день вѣнчанія на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича.") II 201
Разбитая лира. („Лиру разбила она — въ ней созвучія сердцу не слышно.") I 276
Раздумье. („Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ.") I 2
Размѣнъ. („Нѣтъ! Прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю.") I . . 117
Разрушеніе Іерусалима. („Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь въ оковахъ.") I 220
Разсвѣтъ. („Въ степяхъ." — „Вотъ полосой зеленоватой.") I . . . 197
Разсказъ духа. („...И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился.") I . 2-3
Разсказы изъ русской исторіи. Разсказъ первый. IV. 302
„ „ „ „ второй. IV. 312
Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ. („Капуцинъ.") I 69
Рано утромъ, на зарѣ румяной. („Сабля царя Вукашина.") II . . 70
Раскрывайся, міръ преданій! („Гейне." — „На горахъ Гарца.") I. 243

стр.
Renaissance. („Въ свѣтлой греческой одеждѣ.") I 271
Розы. („Вея въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ.") I 117
Романъ въ пяти стихотвореніяхъ. („Гейне."—„Имѣемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрыть.") I 244
Рубинштейну, А. Г. („Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно.") II 219
Русь сбирали и скрѣпляли. („Пушкину.") II 216
Рыбная ловля. („Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.") II 137
Рыцарь. („Смѣло, не потупя взора.") I 204

Сабля царя Вукашина. („Рано утромъ, на зарѣ румяной.") II . . 70
Савонарола. („Въ столицѣ Медичи счастливой.") II 9
Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ. (Пріапу.") I 7
Самобытное созданье. („Казакъ.") II 190
Сафо. („Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра.") I 38
Сафо. („Звѣзда божественной Киприды.") I . . . . . —
Сверкая, проносятся волны рѣки. („Гейне."—„Весною.") I . . . 242
Свершай служенье музъ въ священной тишинѣ. I 18
Свирѣль. („Вотъ тростникъ сухой и звонкій.") I 15
Свои помѣстья умнымъ вѣницамъ. („Утонистъ.") I. 90
Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой. („Пѣвецъ."—„Изъ Шамиссо.") II 20
Свѣтлолица, черноброва. („Конь.") II 51
Свѣтлый праздникъ будетъ скоро. II 99
Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою. („Рыбная ловля.") II 137
Седьмую Агнецъ разломилъ печать. („Изъ Апокалипсиса". Гл. VIII) III 207
Сербская церковь. („Именинникъ былъ царь Лазарь.") II . . . 74
Сердце, сердце! что ты плачешь? („Гейне.") I 229
Сидѣли старцы Иліона. I 208
Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю. („Газета.") I . 77
Сижу задумчиво съ тобой наединѣ. I 80
Сиротка. („На ранній благовѣсть, когда еще поля.") I 274
Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни. („Гейне.") I 232
Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей? I. 73
Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей причаливать. („Германія.") I 41
Сказаніе о Петрѣ Великомъ. („Когда насъ еще на свѣтѣ не было.") II 174
Сказаніе о 1812 годѣ. („Вѣтеръ гонитъ отъ востока.") II . . . 180
Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ. („Байдарская долина."—Изъ Мицкевича.) I. 219
Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ. („Гейне.") I 247
Скорбитъ душа твоя. Изъ дня. („Ex tenebris lux.") I 283
Скульптору. („Былъ грубъ когда-то человѣкъ.") I. 83
Слава Богу, деньги есть. („Lorenzo.") I 75
Слава. („Какой таинственною силой.") I 28
Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ. II 90
Слово о полку Игоревѣ. IV. 94
Слово о полку Игоревѣ. (Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ.) IV 78
Слово о полку Игоревѣ. (Объяснительныя примѣчанія къ тексту.) IV 109
Случается порой, въ весенній ясный день. („Встрѣча.") I. . . . 36
Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ. („Альбомъ Антиноя.") I 279
Смерть Люція. 2-я часть лирич. драмы „Три смерти". III. . . . 124
Смотри, смотри на небеса. („Альбомъ Антиноя.") I 280
Смуглянка милая, я изъ страны далекой. („Fiorina.") I 74
Смѣло, не потупя взора. („Рыцарь.") I. 204

стр.
Снилось мнѣ: по всей Россіи. („Завѣтъ старины.") II 202
Сны. Поэма въ 4 пѣсняхъ. III. 187
Собирайтесь, паликары! („Завѣщаніе.") II 97
Соловьеву, В. С. („Изъ темныхъ долинъ этихъ взоръ.") I. . . . 266
Соловицыну, В. А. („Опять судьба переселила.") I 135
Сомнѣніе. („Пусть говорятъ—поэзія мечта.") I. 13
Сонъ въ лѣтнюю ночь. („Долго ночью вчера я заснуть не могла.") I 123
Сонъ. („Когда ложится тѣнь горячими клубами".) I 3
Сонъ королевича Марка. („Внизу—поле, залитое кровью.") II. . . 81
Сонъ негра. („Изъ Лонгфелло."—„Измученъ зноемъ и трудомъ.") I 217
Сорокъ клефтовъ на зимовки. II 98
Сохранилъ Ты намъ, Господи. („Благодарственный гимнъ о спасеніи Государя Императора 4 апрѣля 1866.") II 189
Спи, дитя мое, усни! („Колыбельная пѣсня.") II 87
Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ. („У гроба Грознаго.") II 165
Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря. („Искусство.") I 8
Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить. („Киссавъ и Олимпъ.") II . 93
Старушка. (Отрывокъ изъ записокъ праздношаго человѣка.) (Проза.) IV 157
Старые знакомые. („Гейне."—„Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь.") I 245
Старый домъ. („Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ.") II. 58
Старый мужъ. („Запѣваютъ пташки на зарѣ.") II. 91
Старый хламъ. („Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ.") I. 108
Степной травы пучокъ сухой. („Emmanu.") II 161
Стиха не цѣнятъ моего. („Айвазовскому.") I. 269
Стиховъ мнѣ дайте, графъ. („Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову.") I. 262
Сторожатъ меня албанцы. („Плѣнникъ.") II. 94
Стою предъ образомъ Мадонны. („Мадонна.") I 205
Стражи мирной нашей хаты. („В. Г. Бенедиктову.") I. 137
Странникъ. (Сцена.) III 163
Страны и народы. (I—XXV) I 203
Стрибожьи внуки. („Въ степяхъ."—„Стрибожьи чада! Это вы.") I. 198
Стрибожьи чада! Это вы. („Въ степяхъ."—„Стрибожьи внуки.") I. —
Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. („Какъ за заркой, за бливами.") II 168
Судъ предковъ. („Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.") II 203
Сули пала, Пьяфа пала. („Десно.") II 97
Schedia. („Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ.") I. . . . 19
Съ горъ Али-паша на Сули. („Цамелиха.") II 95
Съ мала ключика студёна потекла рѣка. („Кантата.") II 197
Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь. („Гейне."—„Старые знакомые.") I 245
Сыра мгла лежитъ въ ущельѣ. („Альпійскіе ледники.") I 168
Сѣнокосъ. („Пахнетъ сѣномъ надъ лугами.") I. 195

Тайна. („Не вамъ, о, юные каперсники любви.") I 20
Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь. („Исповѣдь.") I . . 50
Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ. I 289
Такъ роскошны ваши плечи. („Л. П. Шелгуновой."—„Экспромтъ.") I 145
Тарантелла. („Нина, Нина, тарантелла.") I 183
Твой стихъ, красой и ароматомъ. („Я. П. Полонскому.") I . . . 140
Творца, какъ духа, постиженье. I. 295

стр.
Тебѣ, которой были милы. („Посвященіе.“—„Е. П. Майковой.“) I. 1
Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты—ребенокъ. („Предсказаніе.“) I. 34
The Empress of India. („Зовись преемницей пророка.“) II. . . . 193
Тиволи. („Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы.“) I . . . 72
Тимпанъ и звуки флейтъ и пляски вакханалій. („Вакханка.“) I . 9
Тихій вечеръ мирно надъ полянами. („Лунная ночь.“) I 56
Тихо море голубое! II 89
Тишь и солнце! спятъ пучины. („Гейне.“—„На морѣ.“) I 230
Толстому, Графу Ѳ. П. („Анакреонъ скульптору.“—„Что чинится намъ, наитель!“) I. 129
Тому ужъ больше, чѣмъ полнѣка. („Я. П. Полонскому.“) II . . . 217
Торжественъ, свѣтелъ и румянъ. („Еврейскія мелоди.“) I 46
Точно голубь свѣтлою весною. I 164
Три правды. („Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.“) II 141
Три смерти. Лирическая драма. III 107
Туда, гдѣ море спитъ у скалъ пирамидальныхъ. I 22
Туллу. („Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно.“—„Проперцій.“) I. 39
Туманомъ мимо звѣздъ серебристыхъ проплывая. I 289
Ты быстро шла, но предо мною. („Гейне.“) I 242
Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ. („Гейне.“) I 241
Ты вѣришь ей, поэтъ! Ты думаешь, твой геній. I 273
Ты говоришь, у тебя нѣтъ враговъ. Извини, не повѣрю. I . . . 286
Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря. („Плачь парѳіотовъ.“) II. 96
Ты не въ первый разъ живешь. („Альбомъ Антиноя.“) I 279
Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно. („Проперцій.“—„Туллу.“) I 39
1854 годъ. (I—VIII) I 297
Тютчеву, Ѳ. И. („Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы.“) II . 186

У воротъ монастыря. („Пѣснь.“) II 156
У гроба Грознаго. („Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ.“) II 165
Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину. („Борьба со смертью.“) II. . 99
Ужъ гаснетъ день: пурпурный океанъ. („Кладбище.“) I 58
Ужъ побѣлѣли неба своды. I 273
Ужъ утра свѣжее дыханье. („Призывъ.“) I 6
Уйди отъ насъ! Языкъ твой насъ пугаетъ! I. 103
Улыбки и слезы! И дождикъ и солнце! I. 287
Умереть не дай Богъ на чужбинѣ! („Чужбина.“) II 98
У Мраморнаго моря. („Все—горы, острова, все утренняго пара.“) I 274
Упраздненный монастырь. („Давно въ туманѣ предо мной.“) II. . 151
Урала мутнаго степные берега. („М. Л. Михайлову.“) I 143
Утопистъ. („Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ.“) I. 90
Утрата давняя досель снѣжа въ тебѣ. I 238
Утро. („Близко, близко солнце!“) I 151
Уходи, Зима сѣдая! („Весна.“) I 194
У храма. („Что это? Прямо на насъ и летитъ въ перегонки.“) I . 127
Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь въ оковахъ. („Разрушеніе Іерусалима.“) I 220

Фантазіи. (I—XI) I. 117
Фердинандъ король былъ рыцарь. I 188
Фету, А. А. („Когда, какъ бурный конь, порвавши удила.“) II. . 218
Филантропы. („Они обѣдали отлично.“) I. 106

стр.
Гафиз. („Смуглянка милая, я изъ страны далекой.") I 74
Гогушвili. („Ахъ, люби меня безъ размышленій.") I 70

Жестокій, смертный приговоръ. („Изъ испанской антологіи.") I . 211
Христосъ воскресе. („Подъ солнцемъ вьются жаворонки.") II . . 104
Крулеву, генералъ-лейтенанту. („Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ.") I 146
Художнику. („Къ тебѣ слетѣло вдохновенье.") I 260
Художникъ. („Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ.") I 74

Цавелиха. („Съ горъ Али-паша на Сули.") II 95
Царственный юноша, дважды спасенный! („На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи.") II 202
Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани. („Разсказы изъ русской исторіи." II) IV. 325
Цезарь. („Море бурно; небо въ тучахъ.") I. 222
Цейдлеру, П. М. („Вотъ опъ по Гатчинскому саду.") I. 140
Цинтія. („Проперцій."—„О, Цинтія! Вдали отъ друга своего.") I . 40

Чайльдъ Гарольдъ. („Гейне"—„Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ.") I 237
Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ. („Гейне."—„Чайльдъ Гарольдъ.") I —
Черепъ. („Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенитъ. Замогильный.") I. 17
Черногорецъ. („Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ.") I 223
4 апрѣля 1866 года. („Все, что въ груди есть русскаго у насъ.") II 188
Что горы потемнѣли? II 101
Что за милый это мальчикъ! („Гейне.") I. 234
Что за чудо, Господи мой Боже! („Радойцы.") II 83
Что за шумъ и крикъ? О, Боже! I 180
Что любимъ давно мы другъ друга, мы знали, хоть ясно. („Первый поцѣлуй.") I. 162
Что можетъ міру дать Востокъ? („М. Н. Каткову.") II 185
Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья. („Аспазія.") I 132
Что слышу? Что сердца волнуетъ? („Памяти Державина.") I. . . 298
Что ты, мама, безпрестанно. („Мать и дѣти.") II 87
Что чинится намъ, ваятель! („Анакреонъ скульптору.") I . . . 129
Что это? Прямо на насъ и летятъ въ перегонки. („У храма.") I . 127
Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ? („Вербная недѣля.") I . 105
Чудный вѣкъ. („Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ.") I. . 21
Чуднымъ звукомъ даже ночи. („Гейне.") I 238
Чужбина. („Умереть не дай Богъ на чужбинѣ.") II 98
Чужой для всѣхъ. I 256

Шла туча съ запада, другая отъ востока. („Молитва.") I. . . . 310
Шелгуновой, Л. П. („Экспромтъ."—„Такъ роскошны ваши плечи.") I 145
Шенпиной, Е. А. („Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны.") I —
Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной. („Въ лѣсу.") I 152
Шумя, на полныхъ парусахъ. („Призваніе.") I 54

Эй, синьоръ! хоть два карлина. („Два карлина.") I 182
Экспромтъ. („Л. П. Шелгуновой."—„Такъ роскошны ваши плечи.") I 145
„ („Они сегодня снова обрѣли.") II 193
Элегіи. (I—XV) I. 50
Эоловы арфы. („Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...") I. 104

стр.

Эпикурейскія пѣсни. („Блеститъ чертогъ; горитъ елей.") I . . . 44
„ „ („Мирта Киприды мнѣ дай!") I 43
„ „ („Остроумица, плясунья.") I 44
Эпитафія. („Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель.") I . . 10
„ („Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что нѣмъ людямъ.") I 202
Эта маленькая Лилли. („Изъ Гёте."—„Лилли.") I 207
Эти дѣтскіе глазки. I 165
Эти милыя двѣ буквы. („К. Р.") I 263
Эти очи—свѣтъ со тьмою. („Изъ испанской антологіи.") I . . . 210
Эти черные два глаза. („Изъ испанской антологіи.") I . . . . —
Эхо и молчаніе. („Осень срывала поблекшіе листья.") I 5

Юбилеи. (I—X) II 210
Юбилей Шекспира. („Преданья Сѣвера изображаютъ богя.") II . . —
Юношамъ. („Будьте, юноши, скромнѣе.") I 128

Я бъ тебя поцѣловала. II 88
Я былъ еще дитя: она уже прекрасна. („Изъ Андрея Шенье.") I . 208
Я вглядываюсь жадно. („Гейне.") I 233
Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной. („Древній Римъ.") I 80
Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ. I 5
Я зналъ тебя, когда любви. („Прекращеніе.") I 20
Я знаю, отчего у этихъ береговъ. I 15
Я—король. Ты—королева. („Изъ испанской антологіи.") I . . . 210
Я люблю въ Cafe d'Europa. I 175
Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада. („Испытаніе.") I . . 54
Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки". („Изъ турецкой антологіи.") I 211
Я съ содроганіемъ смотрѣлъ. („Золотопная кость.") I 121
Я цѣлый часъ болотомъ занялся. („Болото.") I 154

Оглавленіе

IV тома.

Поэмы.

стр.

Два міра 3
Брингильда 67
Слово о полку Игоревѣ 78

Проза.

Петербургская весна. Разсказъ 125
Старушка. Отрывокъ изъ записокъ праздпаго человѣка 157
Завѣщаніе дяди племяннику 176
Прогулка по Риму съ моими знакомыми 189
Пикникъ во Флоренціи 216
Марко Петровичъ Петровъ. Разсказъ. 254
Изъ приключеній Горунина въ Италіи 282

Разсказы изъ Русской исторіи:

1. О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ 302
2. Начало восточнаго вопроса.
   I. Взятіе турками Константинополя. 312
   II. Москва—третій Римъ. 319
   III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани 325
   IV. Завоеваніе Сибири 333

Алфавитный указатель 344